

152 ep.
952

DAR
W.P. Magistratu w Łodzi
ponośniach sradu. rosyjsk.
Dla Biblioteki Publicznej
w Łodzi 18 - III - 19

В. ВОСКРЕСЕНСКИЙ.

952

**РУССКАЯ
НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.**

СБОРНИКЪ

СКАЗОКЪ, ВЫЛИНЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И БЫТОВЫХЪ ПЬСЕНЬ,
ОБЯДОВЪ, ПОСЛОВИЦЪ, ЗАГАДОКЪ И ДР.

(ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе журнала «СЕМЬЯ и ШКОЛА».

1881.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ
И
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ
ЖУРНАЛЪ
„СЕМЬЯ и ШКОЛА“

выходитъ ежемѣсячно по 10—12 листовъ, въ двухъ отдѣлахъ: I Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ въ годъ) и II Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникою Семьи и Школы, для родителей и воспитателей (10 книгъ и 40 №№ въ годъ).

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ «Педагогической хроники». Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки 11 р., съ доставкою и пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и пр. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картинки. Подписная цѣна безъ дост. 9 р., съ дост. и перес. 10 р.

Учебно-воспитательный отдѣлъ съ «Педагогическою хроникою», для родителей и воспитателей, содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики, разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). «Педагогическая хроника» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи, такъ и за границею и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ. Подписная цѣна безъ дост. 4 р., съ дост. и перес. 5 р.

Подписка какъ на полный журналъ, такъ и на отдѣлы его адресуются: въ Сиб., въ контору журнала «Семья и Школа», Вас. о-въ, 15 линіи, д. № 8-й.

При конторѣ журнала „Семья и Школа“

С.-Петербургъ. Вас. Остр., 15 линія, д. № 8, кв. № 20) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ продаются изданія редакціи:

а) для занятій дѣтей въ свободное время.

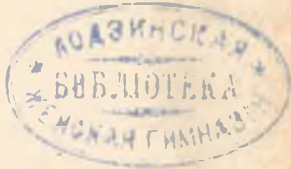
Руководство къ собиранію, храненію и наблюд. надъ пчѣлками и другими низшими животными и Скелетированіе. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Гербаризація. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Лѣтнія занятія въ полѣ съ перомъ и карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 65 к.

№ 952

ПОСОБІЯ ПРИ ИЗУЧЕНІИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

РУССКАЯ

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

СБОРНИКЪ

СКАЗОКЪ, БЫЛИНЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ВЪТОВЫХЪ ПЪСЕНЪ, ОБРЯДОВЪ,
ПОСЛОВИЦЪ И ЗАГАДОКЪ и др.

СОСТАВИТЕЛЬ

В. ВОСКРЕСЕНСКІЙ.

В. ВОСКРЕСЕНСКІЙ.

РУССКАЯ
НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

СБОРНИКЪ

СКАЗОКЪ, БЫЛИЦЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И БЫТОВЫХЪ ПѢСЕНЪ
ОБРЯДОВЪ, ПОСЛОВИЦЪ, ЗАГАДОКЪ и др.

(ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе журнала «СЕМЬЯ и ШКОЛА».

1881.

162121

Дозволено цензурою С.-Петербургу. 10 Іюня 1881 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. СКАЗОЧНЫЙ ЭПОСЪ.

A. Сказки о животныхъ.

	Стр.
Лисичка-сестричка и волкъ	1
Старая хлѣбъ-соль забывается	2
Лиса и журавль	4
Мужикъ, медвѣдь и лиса	4
Лиса-пачея	5
Птицы	6

B. Сказки мѣстическія.

Лихо одноглазое	7
Морской Царь и Василиса Премудрая	8
Звѣриное молоко	13
Сивко-бурко	18
Королевичъ и его дядька	20
Баба-Яга	24
Лутошка	25
Кощей	26
Разсказъ о вѣдьмѣ	34
Корова смерть	35
Сестрица Аленушка, братецъ Иванушка	35
Объ Ужалѣ	37

B. Сказки былевья (историческія).

Изъ сказки: Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ	39
Алеша-Поповичъ	41
Горшени	44

G. Сказки нравственнаго содержанія.

	Стр.
Правда и кривда	45
Горе	47
Горшеникъ	50

D. Сказки бытовья.

Морозко	52
Три царства: иѣдное, серебряное и золотое	53
Иванушко-дурачекъ	56
Золотая рыбка	58
Знахарь	60
Дока на доку	62

E. Докучныя сказки.

Не любо-не слушай	63
Докучныя сказки	65

Ж. Сказки внижнаго происхожденія.

а) Историческія.

Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ	65
Изъ сказки: Про Мамал-безбожнаго	66

б) Бытовья (сатирическія).

Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Лещи съ Ершомъ	70
---	----

в) Сказки религиозныя (легенды).

	Стр.
Объ отцѣ Николаѣ	73
Аника-воинъ	73
Солдатъ и смерть	74
Чудо на мельницѣ	75
Дьяволъ — подъ силой молитвы	76

II. БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

I. Былины.

A. Миѣическія черты былевого эпоса.

I. Обитатели горъ.

Пилигримше	77
Горынич	77
Змѣвичи	79

II. Подземный міръ.

Подземный змѣй	81
--------------------------	----

III. Подводное царство.

Морской царь	82
------------------------	----

IV. Превращенія (оборотничество), вѣдовство	83
---	----

V. Вѣщія животныя.

Ковъ	88
Воронъ	88

В. Богатыри старшіе.

Святгоръ	89
Микула Сялициповичъ и Вольга Святославовичъ	89
Вольга	92

В. Смѣна старшихъ богатырей младшими . . . . .

Г. Богатыри младшіе.

I. Кіевскіе.

A. Свои.

	Стр.
Илья Муромецъ	97
Добрыня Никитичъ	116
Алеша Поповичъ	128
Чурила Пленковичъ	130

B. Заѣзжіе богатыри.

Дюкъ Степановичъ	133
Соловей Будимировичъ	138

II. Новгородскіе богатыри.

Садко богатый гость	141
Василій Буслаевъ	147
Терентій мужъ Давильевичъ	155
<i>Отчего перевелись богатыри на святой Руси?</i>	156

Д. Былины бытовыя (безыменныя).

Сватовство	157
Бракъ насильственный, неудачный	159
Безталанная доля	165

Е. Былины о птицахъ и звѣряхъ.

Птицы и звѣри	168
-------------------------	-----

2. Историческія пѣсни.

I. Татарское время.

Калинь царь	170
Щелканъ Дудентьевичъ	171
Михайло Казариновъ	172
Царь Вахметъ и Авдотья Рязаночка	173

II. Иванъ Грозный.

Взятіе Казани	175
Грозный даръ Иванъ Васильевичъ	175
Покореніе Сибири	179

III. Смутное время.

Гришка Разстригинъ	181
Скопинъ	183

IV. Алексѣй Михайловичъ.

	Стр.
Земскій соборъ	185
Стѣнка Разинъ	186

V. Петръ.

Рожденіе Петра	188
Возстаніе и казни стрѣльцовъ	188
Казнь стрѣлецкаго атамана	189
Гроза на Донцовъ. — Вѣсть о смутахъ	190
Шереметьевъ и Шлишенбахъ	191
Изъ пѣсни: «Полтавское дѣло»	192
Петербургъ и Нева со времени Петра	192
Петръ Первый копчается	192
Плачь войска	193

VI. Послѣ Петра.

Казнь Долгорукаго	194
-----------------------------	-----

VII. Елисавета.

Война Шведская	194
На Прусской границѣ	195
Возращеніе изъ Пруссіи	195
Краснощекоевъ	196

VIII. Екатерина.

Первая Турецкая война	196
Пугачевъ	197
Вторая Турецкая война	198
Противъ Шаха Персидскаго	198
Польша	199
Плачь войска по Государынѣ Екатер- ринѣ	199

IX. Павелъ.

Суворовъ въ Италіи и противъ фран- цузовъ	200
--	-----

X. Александръ Павловичъ.

Французы	201
Умеръ Александръ-царь	204

XI. Николай Павловичъ.

Персіяне. Взята Эривань. Паскевичъ. Сборы въ Царь-градъ, подъ Турка	204
Подъ Варшавой	204

3. Духовные стихи.

	Стр.
Сорокъ каликъ	205
Голубиная книга	207
О Георгіѣ Храбромъ	213
Стихъ о двухъ Лазаряхъ	216
Сопъ Мати-Маріи	218
Стихъ про душу великой грѣшницы	218
Стихъ о пречудной царицѣ	220
Плачь души	221
Стихъ о Пятницѣ	222

III. ПѢСНИ ЛИРИЧЕ-
СКІЯ.

A. Семейныя.

I. Дѣтскія	223
----------------------	-----

II. Пѣсни про любовь.

A. Добрый молодець и дѣвица	230
B. Братъ и сестра	237
V. Братья	237

III. Свадебныя пѣсни.

- Сватовство.
  - Во время рукобитья (запорученья) 238
  - Встрѣча свата 239
- Отъ запорученья (рукобитья) до свода.
  - Плачи 239
  - Пѣсни, во время приготовления приданого, въ честь невѣсты, жениха, его родныхъ и товарищей. Прощаніе съ родителями 240
- Сводъ жениха и невѣсты 243
- Дѣвичникъ 244
- Обрядъ предвѣнчальный
  - Одѣваніе невѣсты 247
  - Расплетаніе косы 248
  - Благословеніе 249
- Обрядъ вѣнчанія и встрѣчи мо-
лодыхъ 249

IV. Пѣсни про семейную жизнь.

A. Молодая въ семьѣ мужа	251
B. Неудачный бракъ. Семейный разладъ.	
a. Немилый мужъ, неровня. Жалобы женщины. Нелюбимая жена	253

б. Лялах жена	Стр. 254
в. Мужъ учить жену	256
В. Разрывъ. Местъ	256

У. Причитанья „по покойнику.“

1. Дочь по отцѣ	257
2. Молодуха по мужѣ	258
3. Старуха по старикѣ	258

В. Пѣсни внѣсемейныя.

1. Пѣсни, сопровождающія игры, развлечения, бесѣды (посидѣнки, су-прядки).

а. Святочные подблюдныя и игорныя	259
б. Хороводныя пѣсни.	
1. Наборныя	262
2. Игровыя	263
3. Разводныя	271
в. Плясовыя пѣсни	271
г. Бесѣдныя пѣсни (на суиридакахъ, посидѣнкахъ)	277

II. Пѣсни, обусловливаемыя различными особенностями внѣсемейнаго быта.

а. Солдацкія	279
б. Казацкія	282
в. Бурлацкія	284
г. Разбойничьи	289
д. Раскольничьи стихи	289

IV. ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ.

IV—1. Обряды и пѣсни, ихъ сопровождающія.

1. Жертвоприношеніе.

а. Опахиваніе	291
б. Жертвоприношеніе Водяному	292

2. Закликаніе и окликаніе.

А. Встрѣча и проводы солнца.

а. Игривіе солнца	293
б. Встрѣча солнца	294
в. Проводы солнца	295

В. Встрѣча и проводы весны.

1. Радуницкая недѣля (радуницкіе хороводы).

а. Красная горка (Закликаніе весны).	Стр. 295
б. Вьюнецъ	296
в. Радуница. (Окликаніе дождя).	296

2. Семицкая, или русальная, недѣля.

а. Семикъ	296
б. Ключальный (русальный) день	298

3. Троицынъ день 299

4. Всесвятская недѣля.

а. Похороны Костромы	300
б. Ярило	300
в. Проводы весны	301

В. Купальница и Купало. 301

Г. Окликаніе Георгія 301

Д. Обѣтный пирогъ при посѣвѣ 302

Е. Закликаніе жнивѣ 302

Ж. Коляда и Освѣнь

Коляда	303
Освѣнь	305

З. Масляница 306

И. Заклинаніе мороза 308

IV—2. Примѣты 308

IV—3. Народный календарь 311

IV—4. Заговоры и симпатическія средства.

1. Заговоры:

а. На любовь	317
б. Отъ лютой бѣды	318
в. На остуду между мужемъ и женою	318
г. Отъ ратныхъ орудій	319
д. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну	319
е. Тоже	319
ж. Приговоръ на судей	320
з. Кровь заговаривать	320
и. Отъ зубной скорби	320
і. Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей	320

к. Отъ бѣшеной собаки	Стр. 320
л. Отъ тоски	321

2. Народная медицина и симпатическія средства.

а. Отъ теченія крови	321
б. > зубной боли	321
в. > бородавокъ	321
г. > ячмени	321
д. > лишая	321
е. > желтухи	321
ж. > лихорадки	321
з. > собачьей старости	321

V. ПОСЛОВИЦЫ.

1. Мифическія	322
2. Историческія	323
3. Бытовныя:	

A. Семейныя отношенія.

а. Дѣти и родители.—Воспитаніе	323
б. Любовь—нелюбовь	324
в. Женихъ—невеста.—Женитьба.— Приданое	324
г. Мужъ и жена.—Семья; родня	325
д. Домъ.—Хозяйство.	325

B. Общественныя отношенія.

а. Сосѣдъ	326
б. Миръ—народъ	326

в. Родина—Русь.—Царь	Стр. 326
--------------------------------	----------

V. Сословія. — Занятія. — Промыселъ.

а. Причтъ; помѣщикъ, дворянецъ; крестьянинъ	327
б. Купецъ.—Торговля	327
в. Солдатъ.—Матросъ	327
г. Бурлакъ	328
д. Лихіе люди	328

4. Пословицы нравственныя, юридическія, религіозныя:

а. Судьба.—Счастье	328
б. Законъ, обычай.—Судъ	328
в. Грамота.—Ученіе.	329
г. Правда и кривда	329
д. Горь	330
е. Жизнь. — Смерть. — Душа. — Богъ. — Грѣхъ.	330

VI. ЗАГАДКИ.

A. Природа и ея явленія	331
B. Человѣкъ.—Пища.—Одежда	332
B. Домъ и хозяйство. — Домашнія животныя	334
Г. Семья	336
Д. Село.—Обитатели	336
Е. Земледѣльческія орудія и работы	337
Ж. Вѣра. Праздники. — Понятіе о жизни и смерти, душѣ и пр. — Обряды. — Грамота. — Загадки библейскаго происхожденія	338

О П Е Ч А Т К И.

<i>Страни:</i>	<i>Стр. сверху:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
48	22	имяинникъ	имляинникъ
78	10	Сиверьяничка	Сиверьяничья
90	16	кобыла	кобылка
91	1	далеко-ль	далече-ль
91	14	городни	городѣ

91 послѣ 26 строки
(правый столб.) проущ.: Изъ омѣшниковъ землячка повытряхнутъ,

---

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая въ *Сборникъ* пособіе при изученіи народной словесности, мы считали необходимымъ остановиться на такомъ *количествѣ* произведеній, которое дало бы хотя нѣкоторое представленіе о замѣчательномъ богатствѣ и разнообразіи формъ народнаго творчества, о чуткости поэзіи къ историческимъ и бытовымъ явленіямъ жизни, о ея глубокости и серьезномъ значеніи въ быту нашего народа. Для теоретическаго изученія формъ народной поэзіи достаточно, разумѣется, взять одну-двѣ былины, двѣ-три сказки и пѣсни, и на этомъ матеріалѣ показать отличіе народной поэзіи отъ художественной и одиѣхъ поэтическихъ формъ отъ другихъ; но для знакомства съ народомъ, — его вѣрованіями и убѣжденіями, историческими судьбами и идеальными стремленіями, — на сколько все это выразилось въ поэзіи, — такого количества болѣе чѣмъ недостаточно: заключенія, основанныя на незначительномъ числѣ фактовъ, въ лучшемъ случаѣ должны отличаться односторонностью и случайностью.

При *выборѣ* произведеній обращалось одинаковое вниманіе и на *содержаніе*, и на *форму*, т. е. на языкъ и художественность изложенія. Въ народномъ произведеніи форма съ содержаніемъ расходится несравненно рѣже, чѣмъ въ художественномъ: сказка или былина, замѣчательная по языку и изложенію, обыкновенно бываетъ многозначительна и по содержанію; въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, когда содержаніе не отвѣчало формѣ, преимущество отдавалось этой послѣдней; недостатки же со стороны содержанія восполнялись варіантами изъ другихъ пѣсней.

Расположеніе матеріала, за исключеніемъ развѣ пѣсней, не представляетъ существенныхъ отступленій отъ общепринятаго дѣленія народной поэзіи на роды и виды: намъ принадлежить только до-

тальная группировка матеріала и многочисленныя рубрики, которымъ мы придаемъ исключительно школьное значеніе. Въ одномъ и томъ же произведеніи обыкновенно выражаются различныя стороны народнаго духа, разнообразныя черты нравовъ и быта, слѣды исторіи, элементы національныя и общечеловѣческіе, свои и извѣтнѣе; но, разумѣется, чаще всего въ одномъ произведеніи яснѣе обнаруживаются или легче поддаются изученію одни элементы, въ другихъ — другіе. Предложенныя нами рубрики указываютъ только, на какую сторону слѣдуетъ обратить вниманіе въ данной группѣ, какія свойства народной фантазіи и какія особенности народнаго ума и чувства обнаружены въ ней съ особенной яркостью; но это указаніе, конечно, не устраняетъ необходимости изученія и другихъ сторонъ, если нельзя считать ихъ уже извѣстными.

Ниже указанъ матеріалъ, которымъ мы пользовались при составленіи *Сборника*.

Примѣчанія, за исключеніемъ немногихъ, и описаніе обрядовъ заимствованы изъ тѣхъ же сборниковъ.

Передѣлки и исправленія поэтическаго матеріала безусловно не допускались. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣтятся пропуски, отмѣченные точками. Опускались или повторенія, съ оговоркою въ примѣчаніи, или отдѣльныя слова и выраженія, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ умѣстныя въ книгѣ, предназначенной для школы и семьи. Пропуски во всякомъ случаѣ на столько маловажны, что не нарушаютъ ни полноты содержанія, ни характера формы цѣлаго.

Въ ореографическомъ отношеніи заимствованія сдѣланы съ *буквальною* точностію изъ сборниковъ *Аванасьева*, *Гильфердинга*, *Рыбникова*, *Кирьевскаго* и *Кириши Данилова* (въ послѣднемъ — за исключеніемъ прописныхъ буквъ и — иногда — знаковъ препинанія); въ заимствованіяхъ изъ остальныхъ допускались незначительныя ореографическія отступленія въ направленіи общепринятаго правописанія.

При составленіи *Сборника* мы пользовались слѣдующимъ матеріаломъ:

Сокращенія:

- Арист. *Аристовъ, Н.* Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ. Воронежъ. 1875.
- Ав. Ск. *Аванасьева, А. Н.* Народныя русскія сказки. 4 книги. Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное, К. Солдатенкова. М. 1873. — *Его-же*, Народныя русскія легенды. Изд. Н. Щепкина и К. Солдатенкова, М. 1859.
- Б. *Бусласва, Ѳ.* Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Сиб. 1861.

Сокращенія:

- Варенц. *Варенцовъ, В.* Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860.
- Варенц., Сб. п. *Варенцовъ, В.* Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края. Изд. Н. А. Сорно-Соловьевича. Спб. 1862.
- Г. *Гильфердингъ, А. О.* Онежскія былины, записанныя А. О. Г. лѣтомъ 1871 г. Съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинь. Спб. 1873 (стр. LVI+1336).
- Даль. *Даль, Владимиръ.* О повѣрьяхъ, суевѣрїяхъ и предрасудкахъ русскаго народа. Изд. второе, безъ перемѣнъ. (Изд. М. О. Вольфа). Спб. 1880.
- Д. *Даль, В.* Пословицы русскаго народа. Сборникъ пословиць, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрїй и пр. Изд. Имп. О. И. и Др. Р. при Моск. Университетѣ. М. 1862. (Стр. XL+1095+6).
- Кирша. *Древнїя російскїя стихотворенїя, собранныя Кирисю Даниловымъ.* Изд. третье Комиссїи печатанїя Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Москов. Гл. Архивѣ М. И. Д., по 2-му полному изданїю, съ нотами. М. 1878. (Стр. XXV+296).
- Кирѣевск. *Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности (подъ редакціей и съ дополненїями П. Безсонова). 10 выпусковъ. М. 1860—1874.*
(Выпуск. 1—7: *Былины и пѣсни до XVII в. включительно*; выпускъ 8: *Государь царь Петръ Алексѣевичъ*; выпускъ 9: *Восемнадцатый вѣкъ въ русскїхъ историческихъ тѣсляхъ*; выпускъ 10: *Нашъ вѣкъ въ р. истор. тѣсляхъ*).
- Миллеръ, О.* Христоматїя къ Опыту историческаго обзорѣнїя русской словесности. Изд. 2-е, дополненное. Ч. 1. В. 1. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины. Спб. 1866.
- П. Сб. *Пермскій Сборникъ.* Повременное изданїе. Кн. I. М. 1859. Кн. II. М. 1860.
(Весьма обстоятельное описанїе свадебнаго обряда гор. Чердыни).
- Рыбн. Пѣсни собранныя *П. Н. Рыбниковымъ.* Народныя былины, старины, побывальщины (и пѣсни IV ч.). IV части. М. 1861—1867.
- Сад. Заг. *Сидовниковъ, Д.* Загадки русскаго народа. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, причтъ и задачъ. Спб. 1875.
- Сахаровъ, Сказан. *Сахаровъ, И.* Сказанїя русскаго народа. 2 т. Спб. 1841. (т. 1-й)—1849 (т. 2-й).
(Т. 1-й: Р. народн. литература. — Очерки семейной р. жизни. — Русскїя народныя пѣсни. — Памятники древн. р. литер. (Былины; Сл. о п. Игор. и др.); Т. 2-й: Старые словари р. яз. — Р. народныя свадьбы. — Р. народн. годовщина. — Путешествїя р. людей).

Сокращенія:

- Сн. *Снегиревъ, И.* Русскія народныя пословицы и притчи, изданныя И. С—мъ, съ предисловіемъ и дополненіями. М. 1848.
- Св. Р. пр. пр. *Снегиревъ, И.* Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. IV выпуска. М. 1837—1839.
(В. 1-й: Общій обзоръ. Введеніе. В. 2-й: Святки. Авсень. Масляница. В. 3-й: Красная горка. Семикъ и ин. др. В. 4-й: Русалии. Купало. Ярило и ин. др. Свадьбы).
- Терещ. Б. Р. П. *Терещенко, А.* Бытъ русскаго народа. VI частей. Сиб. 1848.
(Ч. 1-я: Народность. Жилища. Домоводство и др. Ч. 2-я: Свадьбы. Ч. 3-я: Времячисленіе. Крещеніе. Похороны и др. Ч. 4-я: Игры. Хороводы. Чч. 5—7: Простонародные обряды).
- Учитель. *Учитель.* Журналъ для наставниковъ, родителей и пр., издаваемый I. Паульсономъ и Н. Весселемъ. Т. III. Сиб. 1863.
Худяковъ, И. А. Великорусскія загадки. М. 1861. (Вошли въ Сб. Садовникова).
- Ш. *Шейкъ, В. П.* Русскія народныя пѣсни. Изд. Имп. О. И. и Др. Р. при М. Университетѣ. М. 1870.
- Якушк. *Якушкинъ, П.* Русскія пѣсни. Сиб. 1860.

Кромѣ названныхъ, служили для сравненія *Р. сказки, И. А. Худякова, любочныя изданія сказокъ, Пѣсенникъ полн. р.,* содержащій въ себѣ 500 пѣсень, М. 1878, изъ котораго взяты двѣ общеизвѣстныя пѣсни.

В. В.

I. СКАЗОЧНЫЙ ЭПОСЪ.

А. Сказки о животныхъ.

1. Лисичка-сестричка и волкъ.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говорятъ бабѣ: „ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой“. Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлой возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулася калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. „Вотъ будетъ подарокъ жепѣ“, сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать потихоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. „Ну, старуха, говорить дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ

на шубу“. — Гдѣ? „Тамъ на возу— и рыба, и воротникъ“. Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: „ахъ ты, старой хрѣнъ! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать!“ Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучу, сѣла и ѣсть себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ: „здравствуй, кумушка!“ — Здравствуй, куманекъ! „Дай мнѣ рыбки!“ — Налови самъ, да и ѣшь. „Я не умѣю“. — Эка, вить я-же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ пролубъ — рыба сама на хвостъ нацѣпляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку,

опустил хвостъ въ пролубъ: дѣло-то было зимою. Ужь онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. „Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!“ думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: „волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!“ Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. „Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!“

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжить. А волкъ ей на встрѣчу: „такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!“ — Эхъ, куманекъ, говорить лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, меня большій твоего прибил; я на силу плетусь. „И то правда, говоритъ волкъ: гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти; садись на меня, я тебя доведу“. Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: „битый небитаго везеть, битый небитаго везеть!“ — Что ты, кумушка, говоришь? „Я, куманекъ, говорю; битый битаго везеть“. — Такъ, кумушка, такъ! — Давай, куманекъ! построимъ себѣ хатки. „Давай, кумушка!“ — Я себѣ

построю лубяную, а ты себѣ ледяную. Принялся за работу, сдѣлалъ себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку — ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла.—А, кумушка! говоритъ волкъ, ты меня оишь обманула, надо тебя за это съѣсть. „Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть“. Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: „прыгай! если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — миѣ тебя ѣсть“. Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. „Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!“ — и сама ушла.

(Ао., Ск. I, 1—3).

(Записана въ бобровскомъ у. воронежск. губ.).

2. Старая хлѣбъ-соль забывается.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: „сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонятся.“ Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плеча. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники. „Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?“ спрашиваютъ они. — Нѣтъ, не видалъ! отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поспкакали впередъ и скрылись изъ виду. „Что, ушли мои злодѣи?“

спросилъ бирюкъ. — Ушли. „Ну, теперь выпусти меня на волю.“ Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: „а что, мужикъ, я тебя съѣмъ!“ — Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь! „Старая хлѣбъ-соль забывается,“ отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: „ну коли такъ, пойдѣмъ дальше, и если первой, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего—съѣшь меня!“ Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: „сдѣлай милость, кобылушка-матушка! рассуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!“ и рассказалъ ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: „я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моготу работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужъ я лѣзла-лѣзла, насилу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!“ — Видишь, моя правда! молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождать до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ

къ ней съ тѣмъ-же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: „служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала брехать ¹⁾ — онъ прогналъ меня со двора и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!“ — Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь. Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: „да какъ это можно, чтобы бирюкъ, эдакая большая туша, могъ помѣститься въ эдакомъ маломъ мѣшкѣ?“ И бирюкъ и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: „а ну-ка, мужичокъ, покажь, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!“ Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: „да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?“ Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. „Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ?“ Мужикъ завязалъ. „Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то молотилъ?“ Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. „Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?“ Мужикъ сталъ отворачивать, да за дѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: „старая хлѣбъ-соль забывается!“

(Ао., Ск. I, 43—45).

(Записки въ черноярскомъ уѣздѣ астраханской губерніи).

¹⁾ Лаять.

3. Лиса и журавль.

Лиса съ журавлёмъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: „приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужь я какъ тебя угощу!“ Идетъ журавль на званой пиръ, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и подбиваетъ: „покушай, мой голубчикъ-куманекъ! сама стряпала.“ Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучаль-стучаль, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и съшала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: „не безсудь, любезный кумъ! больше подбивать нечѣмъ.“ — Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: „кушай, кумушка, право больше нечѣмъ подбивать.“ Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и этакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достаецъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. „Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ.“ Взяла лису досада, думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлебала. Какъ аukaanулось, такъ и отъликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлёмъ — врозь.

(Ае., Ск. I, 51—52). (Записана въ тверской губ.)

4. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

Пахаль мужикъ пиву; пришелъ къ нему медвѣдь и говоритъ ему: „мужикъ, я тебя сломаю!“ — Нѣтъ, не замай (не трогай); я вотъ сѣю рѣпу, себѣ возьму хотъ корешки, а тебѣ отдамъ вершки. „Быть такъ, сказалъ медвѣдь, а коли обманешъ — такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хотъ не ѣзди!“ Сказалъ и ушелъ въ дуброву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаецъ, а медвѣдь изъ дубровы вылѣзаетъ. „Ну, мужикъ, давай дѣлать!“ — Ладно, медвѣдюшка! давай я привезу тебѣ вершки — и отвѣзъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклалъ свою рѣпу на возъ и повѣзъ въ городъ продавать; а на встрѣчу ему медвѣдь: „мужикъ, куда ты ѣдешь?“ — А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать. Дай-ко попробовать, каковъ корешокъ!“ Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ — „а-а! заревѣлъ, ты меня обманулъ, мужикъ! корешки твои сладеньки. Теперь не ѣзжай ко мнѣ по дрова, а то задеру!“ Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожогъ и пѣлочки, и лавочки, и кадочки, наконецъ дѣлать нечего — надо въ лѣсъ ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возмись бѣжитъ лисица. „Что ты, мужичокъ, спрашиваетъ опа, такъ тихо бредешь?“ — Боюсь медвѣдя, сердить на меня, обѣщаль задрать. „Небось медвѣдя, руби дрова, а я стану порекать¹⁾); коли спросить

¹⁾ Охотничий терминъ.

медвѣдь: что такое? скажи: ловить волковъ и медвѣдей.“ Мужикъ принялся рубить; глядь—аиъ медвѣдь бѣжитъ и мужику кричить: „Эй, старикъ! что это за крикъ?“ Мужикъ говоритъ: „волковъ ловятъ да медвѣдей“.—Охъ, мужичокъ! положи меня въ сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумаютъ, что колода лежитъ. Мужикъ положилъ его въ сани, увязалъ веревкою, и давай обухомъ гвоздить его въ голову, пока медвѣдь совсѣмъ окачурился ¹⁾). Прибѣжала лиса и говоритъ: „гдѣ медвѣдь?“—А вотъ околѣлъ! „Ну, чтожъ, мужичокъ, теперь нужно меня угостить.“—Изволь, лисынька! поѣдемъ ко мнѣ, я тебя угощу. Мужикъ ѣдетъ, а лиса впередъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подѣзжать къ дому, свиснулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ въ пору; спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: „охъ вы, мои глазоньки, что вы смотрѣли, когда я бѣжала?—Охъ, лисынька, мы смотрѣли, чтобъ ты не спотыкнулась. „А вы, уши, что дѣлали?“—А мы все слушали, далеко ли псы гонятъ. „А ты, хвостъ, что дѣлалъ?“—Я-то, сказалъ хвостъ, все мотался подъ ногами, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала. „А-а, каналья! такъ пусть-же тебя собаки ѣдятъ“. И высунувъ изъ норы свой хвостъ, лиса закричала: „ѣшьте, собаки, лисий хвостъ!“ Собаки за хвостъ потащили и лисицу закам-

пили ¹⁾). Такъ часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

(Ао., Ск. I, 37—38).

(Записана въ тульской губ.).

5. Лиса-плачя.

Жиль-быль старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ нѣземъ. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; влѣзъ туда, ходилъ-ходилъ, любовался-любовался, и говоритъ себѣ: „дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!“ Слѣзъ нѣземъ, посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять на-верхъ; лѣзъ, лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, — лежитъ старуха, зубы оцерила, глаза вытаращила. Онъ и говоритъ: „что ты, старуха, смѣешься? что зубы-то оскалила?“ да какъ увидѣлъ, что она мертвая, такъ и залился слезами. Жили они однп-одинѣхоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачей ²⁾). Видитъ—идетъ медвѣдь, онъ и говоритъ: „поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки“. Медвѣдь заревѣлъ: „ахъ ты, моя родимая бабушка! какъ тебя жалко“. Нѣтъ, говоритъ старикъ, ты не умѣешь плакать. И пошелъ дальше. Шель-шель и повстрѣчалъ волка; заставилъ его причитать, и

¹⁾ Издохъ.

¹⁾ Задавили. ²⁾ Плачя — женщина, оплакивающая, по обычаю, покойника съ разными причитаньями.

волкъ не умѣеть. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и заплѣла: „туру-туру, бабушка! убилъ тебя дѣдушка“. Мужикъ понравилась пѣсня, онъ заставилъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ: хватъ, а четвертой пары курочекъ и не достаетъ. Старикъ говоритъ: „лиса, лиса! я четвертую пару дома забылъ; пойдемъ ко мнѣ“. Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда пару собакъ, а сверху заложилъ лисанькиными шестью курочками, и отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала; немного погода остановилась около лня и говоритъ: „сяду на пенѣкъ, съѣмъ бѣлую курочку“. Съѣла и побѣжала впередъ; потомъ еще на пенѣкъ съѣла и другую курочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую. А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и выскочили. Лиса ну бѣжать, бѣжала, бѣжала, и спряталась подъ колоду, спряталась и начала спрашивать: ушки, ушки! что вы дѣлали? — Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали. Глазки, глазки! что вы дѣлали? — Мы смотрѣли да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли. Ножки, пожки! что вы дѣлали? — Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали. А ты, хвостнице, что дѣлалъ! — Я по пнямъ, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали. А, ты такой! такъ вотъ-же, нѣте, собаки! ѣшьте мой хвостъ! — и высунула

хвостъ, а собаки схватили за хвостъ, и самой лисицу вытащили и разорвали.

(Ао., Ск. I, 35—36).

(Записан. въ кольск. у.).

6. Птицы.

Слетались птицы стадами, садились малыми рядами, пѣли онѣ — воспѣвали, жалобно причитали: кто у насъ на морѣ бѣльшимъ? кто на синемъ-то меньше? На морѣ орель царемъ, на морѣ орлица царица, его голубушка перепелка, русской гусь торговой, сѣра утка попадья, воробышекъ дячекъ, малые чирята крылошапе, дикіе гуси дворяне, на морѣ филинъ водовозомъ, на морѣ журавль перевозомъ: тотъ-ли долгія ноги, тотъ-ли короткое платье! журавль по бережку ходитъ, людей перевозитъ, цвѣтное платье не мочить; галочки черноваты, малиновки птуковаты ¹⁾, синички молодицы, касаточки красны дѣвицы; малая птица синица сѣнушко косить не смогаетъ, по корму скотинушку пускаетъ; жаворонъ ²⁾ воспѣваетъ, слышитъ весну красну, слышитъ лѣто тепло: стала мать-рожь на колось метаться, скотинушка въ лѣсъ убираться; воропа-то... понашлетка фальшивая, лѣтомъ ворона по суслонамъ ³⁾, зимой ворона по дорогѣ, каждого слѣду перегребаетъ, каждого братомъ называетъ; сорокато гостиная жена, хочетъ щепотко ⁴⁾ ходити, съ денежки на денежку ступать, рублемъ ворота отпирать, полтиною замѣчать, безъ калача и(ѣ)сть не сядетъ, безъ водки не изопьетъ.

(Ао. Ск. III, 546—547).

¹⁾ Хитры. — ²⁾ Жаворонокъ. — ³⁾ Суслонъ — иѣсколько сноповъ, складенныхъ въ кучу. — ⁴⁾ Чисто, богато.

В. Сказки миѣическія *).

1. Лихо одноглазое.

Жилъ одинъ кузнецъ. „Что, говорить, я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо“. Взялъ и пошелъ, вышелъ хорошенько и пошелъ искать лихо. На встрѣчу ему портной. „Здравствуй!“ — „Здравствуй. „Куда идешь?“ — „Что, братъ, всѣ говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать. „Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ“. Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ густой, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба стоитъ большая. Ночь; некуда идти. „Сѣмъ, говорятъ, зайдемъ въ эту избу“. Вошли; никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. „А! говорить, у меня гости. Здравствуйте“. — „Здравствуй, бабушка! мы пришли ночевать къ тебѣ. „Ну, хорошо; будетъ что поужинать мнѣ!“ Они перепугались. Вотъ она пошла, беремя дровъ большое принесла; принесла беремя дровъ, поклада въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портнаго, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ быть? Она взяла-поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говорить: „Бабушка, я кузнецъ“. — „Что умѣ-

ешь дѣлать-ковать? „Да я все умѣю“. — „Скуй мнѣ глазъ. „Хорошо, говорить; да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься, я бы тебѣ вковалъ глазъ“. Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. „Ну-ка, бабушка, повернися!“ Она повернулась и разорвала веревку. „Ну, говорить, нѣтъ, бабушка! эта не годится“. Взялъ онъ толстую веревку да эту веревкою скрутилъ ее хорошенько: „повернись-ка, бабушка?“ Вотъ она повернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разожогъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ вдарить по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и сѣла на порогъ. „А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!“ Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Опъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подползъ къ ней какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватить за спину, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и его хватила за спину и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говорить: „прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не

*) См. ниже, въ отд. бытовыхъ сказокъ, Моровко и Три царства.

сдѣлаешь“. Ова говоритъ: „постой, еще натерпишься, ты не ушелъ!“

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: „вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!“ Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзаль ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. „Вотъ говоритъ, посмотрите—каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣла“. Тутъ и сказкѣ конецъ.

(Ао. Ск. III, 100—101).

(Записана въ воронежск. г., въ нижнедѣвцк. у.).

2. Морской Царь и Василиса Премудрая.

За тридцать земель въ тридцатомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; дѣтей у нихъ не было. Поѣхалъ царь по чужимъ землямъ, по дальнимъ сторонамъ, долгое время домой не бывалъ; на ту пору родила ему царица сына Ивана-царевича, а царь про то и не вѣдаетъ. Сталъ онъ держать путь въ свое государство, сталъ подъѣзжать къ своей землѣ, а день-то былъ жаркой-жаркой, солнце такъ и пекло! и напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрѣлся кругомъ и ви-

дять невдалекѣ большое озеро; подъѣхалъ къ озеру, слѣзъ съ коня, прилѣгъ на брюхо и давай глотать студѣную воду. Пьетъ и не чувствуетъ бѣды: а Царь Морской ухватилъ его за бороду. „Пусти!“ проситъ царь. „Не пущу, не смѣй пить безъ моего вѣдома!“ — Какой хочешь, возьми окупъ—только отпусти! „Давай то, чего дома не знаешь“. Царь подумаль-подумаль, чего онъ дома не знаетъ? кажись, все знаетъ, все ему вѣдомо, и согласился. Попробоваль—бороду никто не держитъ, всталъ съ земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ во свояси.

Вотъ приѣзжаетъ домой, царица встрѣчаетъ его съ царевичемъ такая радостная; а онъ какъ узналъ про свое милое дѣтище, такъ и залился горькими слезами. Разказалъ царицѣ, какъ и что съ нимъ было, поплакали вмѣстѣ, да вѣдь дѣлать-то нечего, слезами дѣла не поправишь. Стали они жить по старому; а царевичъ растетъ себѣ да растетъ, словно тѣсто на опарѣ — не по днямъ, а по часамъ, и выросъ большой. „Сколько не (ни) держать при себѣ, думаетъ царь, а отдавать надобно: дѣло не минучее!“ Взялъ Ивана-царевича за руку, привелъ прямо къ озеру: „поищи здѣсь, говоритъ, мой перстень; я ненарокомъ вчера обронилъ.“ Оставилъ одного царевича, а самъ повернулъ домой. Сталъ царевичъ искать перстень, идетъ по берегу, и попадаетъ ему на встрѣчу старушка. „Куда идешь, Иванъ-царевичъ?“ — Отвѣяжись, не докучай, старая вѣдьма! и безъ тебя досадно. „Ну, оставайся съ Богомъ!“

и пошла старушка въ сторону. А Иванъ-царевичъ пораздумался: „за что обругалъ старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! авось что и доброе скажетъ“. И сталъ ворочать старушку: „воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Вѣдь я съ досады вымолвилъ: заставилъ меня отецъ перстня искать, жожу-высматриваю, а перстня нѣтъ какъ нѣтъ!“ — Не за перстнемъ ты здѣсь; отдалъ тебя отецъ Морскому Царю: выйдетъ Морской Царь и возьметъ тебя съ собою въ подводное царство. Горько заплакалъ царевичъ. „Не тужи, Иванъ-царевичъ! будетъ и на твоей улицѣ праздникъ; только слушайся меня старухи. Спрячься вонъ за тотъ кустъ смородины и притаись тихохонько. Прилетятъ сюда двѣнадцать голубицъ — все красныхъ дѣвицъ, а велѣдъ за ними и тринадцатая; стануть въ озерѣ купаться; а ты тѣмъ временемъ унеси у послѣдней сорочку и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не подаритъ она тебѣ своего колечка. Если не сдумѣешь этого сдѣлать, ты погибъ на вѣки: у Морского Царя кругомъ всего дворца стоять часоколы высокой на цѣлыя на десять вѣреть, и на каждой спицѣ по головѣ воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!“ Иванъ-царевичъ поблагодарилъ старушку, спрятался за смородиновый кустъ, и ждетъ поры времени.

Вдругъ прилетаютъ двѣнадцать голубицъ: ударились о сыру землю и обернулись красными дѣвицами, всѣ до одной красоты несказанныя:

ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать! Поскидали платья и пустились въ озеро: играютъ, плещутся, смѣются, пѣсни поютъ. Вслѣдъ за ними прилетѣла и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной дѣвицей, сбросила съ бѣлаго тѣла сорочку и пошла купаться: и была она всѣхъ пригожѣе, всѣхъ красивѣе! Долго Иванъ-царевичъ не могъ отвести очей своихъ, долго на нее заглядывался; да припомнилъ, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унёсъ сорочку. Вышла изъ воды красная дѣвица, хватилась — пѣтъ сорочки, унёсъ кто-то; бросились всѣ искать, искали-искали — не видать нигдѣ. „Не ищите, милыя сестрицы! полетайте домой: я сама виновата — не досмотрѣла, сама и отвѣчать буду“. Сестрицы — красныя дѣвицы ударились о сырую землю, сдѣлались голубками, взмахнули крыльями и полетѣли прочь. Осталась одна дѣвица, осмотрѣла кругомъ и промолвила: „кто бы ни былъ таковъ, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старой человекъ — будешь мнѣ родной батюшка, коли среднихъ лѣтъ — будешь братецъ любимой, коли ровня мнѣ — будешь милой другъ!“ Только сказала послѣднее слово, показался Иванъ-царевичъ. Подала она ему золотое колечко и говорить: „ахъ, Иванъ-царевичъ! что давно не приходилъ? Морской Царь на тебя гнѣвается. Вотъ дорога, что ведетъ въ подводное царство; ступай по ней смѣло! Тамъ и меня найдешь; вѣдь я дочь Морского Царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетѣла отъ царевича. А Иванъ-царевичъ отправился въ подводное царство; видитъ: и тамъ свѣтъ такой-же, какъ у насъ; и тамъ поля и луга, и рощи зелены, и солинышко грѣть. Приходитъ онъ къ Морскому Царю. Закричалъ на него Морской Царь: „что такъ долго не бывалъ? за вину твою вотъ тебѣ служба: есть у меня пустошь на тридцать вѣрстъ и въ длину и въ поперѣкъ — одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтобъ къ завтраму было тамъ какъ ладонь гладко, и была бы рожь посѣяна и выросла-бъ къ раннему утру такъ высока, чтобы въ ней галка могла схорониться. Если того не сдѣлаешь — голова твоя съ плечъ долой!“ Идетъ Иванъ-царевичъ отъ Морскаго Царя, самъ слезами обливается. Увидала его въ окно изъ своего терема высокаго Василиса Премудрая и спрашиваетъ: „здравствуй, Иванъ-царевичъ! что слезами обливаешься?“ — Какъ-же мнѣ не плакать? отвѣчаетъ царевичъ; заставилъ меня Царь Морской за одну ночь сравнять рвы, буераки и каменьё острое, и засѣять рожью, чтобъ къ утру она выросла и могла въ ней галка спрятаться. „Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись съ Богомъ спать; утро вечера мудренѣе, все будетъ готово!“ Легъ спать Иванъ-царевичъ, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громкимъ голосомъ: „гей вы, слуги мои вѣрные! ровняйте-ка рвы глубокіе, снесите каменьё острое, засѣвайте рожью колосистою, чтобъ къ утру поспѣло!“ Проснулся на

зарѣ Иванъ-царевичъ, глянулъ — все готово; нѣтъ ни рвовъ, ни буераковъ, стоитъ поле какъ ладонь гладкое и красуется на немъ рожь — столь высока, что галка схоронится. Пошелъ къ Морскому Царю съ докладомъ. „Спасибо тебѣ, говорить Морской Царь, что сѣумѣлъ службу сослужить. Вотъ тебѣ другая работа: есть у меня триста скирдовъ, въ каждомъ скирду по триста копенъ — все пшеница бѣлая; обмоли миѣ къ завтраму всю пшеницъ чисто-на-чисто до одинаго зѣрнушка, а скирдовъ не ломай и сноповъ не разбивай. Если не сдѣлаешь — голова твоя съ плечъ долой!“ — Слушаю, ваше величество! сказалъ Иванъ-царевичъ; опять идетъ по двору, да слезами обливается. „О чемъ горько плачешь?“ спрашиваетъ его Василиса Премудрая. — Какъ-же мнѣ не плакать? Приказалъ мнѣ Царь Морской за одну ночь всѣ скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдовъ не ломать и сноповъ не разбивать“. Это не бѣда, бѣда впереди будетъ! Ложись спать съ Богомъ; утро вечера мудренѣе“. Царевичъ легъ спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „гей вы, муравьи ползучіе! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть — всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-на-чисто“. Поутру зоветъ Морской Царь Ивана-царевича: „сослужилъ ли службу?“ — Сослужилъ, ваше величество!“ Пойдемъ, посмотримъ“. Пришли на гумно — всѣ скирды стоять нетронуты, пришли въ жит-

ницы — всё закрома полнѣхоньки зерномъ. „Спасибо тебѣ, братъ! ска- залъ Морской Царь; сдѣлай мнѣ еще церковь изъ чистаго воску, чтобъ къ разсвѣту была готова: это бу- деть твоя послѣдняя служба“. Опять идетъ Иванъ-царевичъ по двору и слезами умывается. „О чемъ горько плачешь?“ спрашиваетъ его изъ высокаго терема Василиса Пре- мудрая. — Какъ мнѣ не плавать до- броду молодцу? Приказалъ Морской Царь за одну ночь сдѣлать церковь изъ чистаго воску. „Ну, это еще не бѣда, бѣда впереди будетъ. Ло- жись-ка спать; утро вечера мудре- нѣе“. Царевичъ улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на кры- лечко и закричала громкимъ голо- сомъ: „гей вы, пчелы работящія! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть — всё летите сюда и слѣпите изъ чистаго воску церковь божію, чтобъ къ утру была готова“. По- утру всталъ Иванъ-царевичъ, гля- нулъ — стоитъ церковь изъ чистаго воску, и пошелъ къ Морскому Царю съ докладомъ. „Спасибо тебѣ, Иванъ- царевичъ! Какихъ слугъ у меня ни было, никто не сдумѣлъ такъ уго- тить, какъ ты. Буди-же за то моимъ наслѣдникомъ, всего царства обере- гателемъ; выбирай себѣ любую изъ тринадцати дочерей моихъ въ жены“. Иванъ-царевичъ выбралъ Василису Премудрую; тотчасъ ихъ обвѣнчали и на радости шивали цѣлыхъ три дня.

Ни много, ни мало прошло вре- мени, стосковался Иванъ-царевичъ по своимъ родителямъ, захотѣлось ему на святую Русь. „Что такъ грустенъ, Иванъ-царевичъ?“ — Ахъ,

Василиса Премудрая, струстилось по отцу, по матери, захотѣлось на святую Русь. „Вотъ это бѣда приш- ла! Если уйдемъ мы, будетъ за нами погоня великая; Царь Мор- ской разгнѣвается и предастъ насъ смерти. Надо ухитриться!“ Плю- нула Василиса Премудрая въ трехъ углахъ, заперла двери въ своемъ теремѣ, и побѣжала съ Иваномъ- царевичемъ на святую Русь. На другой день ранѣхонько приходять посланные отъ Морскаго Царя — молодыхъ подымать, во дворецъ къ царю звать. Стучатся въ двери: „проснитесь, пробудитесь! васъ ба- тюшка зоветъ.“ — Еще рано, мы не выспались; приходите послѣ! отвѣ- чаетъ одна сдюнка. Вотъ послан- ные ушли, обождали часъ, другой, и опять стучатся: „не пора-время спать, пора-время вставать!“ — По- годите немного; встанемъ, одѣнемся! отвѣчаетъ вторая сдюнка. Въ тре- тій разъ приходять посланные: „Царь де Морской гнѣвается, за- чѣмъ такъ долго они прохлаждают- ся.“ — Сейчасъ будемъ! отвѣчаетъ третья сдюнка. Подождали-подож- дали посланные и давай опять сту- чаться; нѣтъ отклика, нѣтъ отзыва! выломали двери, а въ теремѣ пусто. Доложили царю, что молодые убѣ- жали; озлобился онъ и послалъ за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая съ Ива- номъ-царевичемъ уже далеко-далеко! скачутъ на борзыхъ коняхъ безъ остановки, безъ роздыху. „Ну-ка, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погоня отъ Морскаго Царя?“ Иванъ-царе-

вичь соскочилъ съ коня, припаль ухомъ къ сырой землѣ, и говорить: „слышу я людскую молвь и конской топъ!“ — Это за нами гонятъ! сказала Василиса Премудрая и тотчасъ обратила коней зеленымъ лугомъ, Ивана-царевича старымъ пастухомъ, а сама сдѣлалась смирною овечкою. Наѣзжаетъ погоня: „эй, старичокъ! не видалъ ли ты — не проскакалъ ли здѣсь доброй молодець съ красной дѣвицей?“ — Нѣтъ, люди добрые, не видалъ, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ; сорокъ лѣтъ какъ пасу на этомъ мѣстѣ — ни одна птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Воротилась погоня назадъ: „ваше царское величество! никого въ пути не наѣхали, видѣли только: пастухъ овечку пасеть.“ — Что-жъ не хватали? вѣдь это они были! закричалъ Морской Царь, и послалъ новую погоню. А Иванъ-царевичъ съ Василисою Премудрою давнымъ-давно скачутъ на борзыхъ коняхъ. „Ну, Иванъ-царевичъ, припади къ сырой землѣ да послушай, нѣтъ ли погони отъ Морскаго Царя?“ Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня, припаль ухомъ къ сырой землѣ, и говорить: „слышу я людскую молвь и конской топъ.“ — Это за нами гонятъ! сказала Василиса Премудрая; сама сдѣлалась червюю, Ивана-царевича обратила старенькимъ попомъ, а лошадей деревьями. Наѣзжаетъ погоня: „эй, батюшка! не видалъ ли ты — не проходилъ ли здѣсь пастухъ съ овечкою?“ — Нѣтъ, люди добрые, не видалъ; сорокъ лѣтъ тружусь въ этой церкви — ни одна

птица мимо не пролетывала, ни одинъ звѣрь мимо не прорыскивалъ! Повернула погоня назадъ: „ваше царское величество! нигдѣ не нашли пастуха съ овечкою; только въ пути и видѣли, что церковь да попастарика.“ — Что-жъ вы церковь не разломали, попа не захватили? вѣдь это они самые были! закричалъ Морской Царь, и самъ поскакалъ въ догонъ за Иваномъ-царевичемъ и Василисою Премудрою. А они далеко уѣхали. Опять говорить Василиса Премудрая: „Иванъ-царевичъ! припади къ сырой землѣ — не слышать ли погони?“ Слѣзъ царевичъ съ коня, припаль ухомъ къ сырой землѣ, и говорить: „слышу я людскую молвь и конской топъ лучше прежняго!“ — Это самъ царь скачетъ. Оборотила Василиса Премудрая коней озеромъ, Ивана-царевича селезнемъ, а сама сдѣлалась уткою. Прискакалъ Царь Морской къ озеру, тотчасъ догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орломъ. Хочетъ орелъ убить ихъ до смерти; да не тутъ-то было: что ни разлетится сверху... вотъ-вотъ ударить селезня, а селезень въ воду нырнетъ; вотъ-вотъ ударить утку, а утка въ воду нырнетъ! Бился-бился, такъ ничего и не смогъ сдѣлать. Поскакалъ Царь Морской въ свое подводное царство, а Василиса Премудрая съ Иваномъ-царевичемъ выждали доброе время и поѣхали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, пріѣхали они въ тридешатое царство. „Подожди меня въ этомъ лѣсочкѣ, го-

3. Звѣрное молоко.

ворить царевичъ Василіѣ Премудрой; я пойду, доложусь напередъ отцу, матери.“ — Ты меня забудешь, Иванъ-царевичъ! „Нѣтъ, не забуду.“ — Нѣтъ, Иванъ-царевичъ, не говори, позабудешь! Вспомни обо мнѣ хоть тогда, какъ станутъ два голубка въ окна биться! Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ; увидали его родители, бросились ему на шею и стали цѣловать-миловать его; на радостяхъ позабылъ Иванъ-царевичъ про Василису Премудрую. Живетъ день и другой съ отцомъ, съ матерью, а на третій задумалъ свататься на какой-то королевнѣ. Василиса Премудрая пошла въ городъ и нанялась къ просвириѣ въ работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка тѣста, слѣпила пару голубковъ и посадила въ печь. „Разгадай, хозяйшка, что будетъ изъ этихъ голубковъ?“ — А что будетъ? съѣдимъ ихъ—вотъ и все! „Нѣтъ, не угадала.“ Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и въ ту-жъ минуту голуби вострепнулись, полетѣли прямо во дворецъ и начали биться въ окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничѣмъ не могла отогнать ихъ прочь. Тутъ только Иванъ-царевичъ вспомнилъ про Василису Премудрую, послалъ гонцовъ во все концы разсиривать да розыскивать, и нашелъ ее у просвири; взявъ за руки бѣлыя, цѣловалъ въ уста сахарныя, привелъ къ отцу, къ матери, и стали все вмѣстѣ жить да поживать, да добра наживать.

(Ав. Ск. II, 335—343). (Записанъ въ тверск. г.).

Жиль-быль царь, у него были сынъ да дочь. Въ сосѣднемъ государствѣ случилась бѣда немалая—вымеръ весь народъ; просить Иванъ-царевичъ отца: „батьюшка! благовослови меня въ то государство на житье ѣхать.“ Отецъ не согласенъ. „Коли такъ, я и самъ пойду!“ Пошелъ Иванъ-царевичъ, а сестра не захотѣла отъ него отстать и сама пошла. Шли они нѣсколько времени. Стоять въ чистомъ полѣ избушка на куриныхъ ножкахъ и повертывается; Иванъ-царевичъ скалъ: „избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила.“ Избушка остановилась, они взшли въ нее, а тамъ лежитъ баба-яга: въ одномъ углу ноги, въ другомъ голова, губы на притолкѣ, носъ въ потолокъ уткнула. „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что, дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?“ — Гдѣ дѣла пытаю, а гдѣ и отъ дѣла лытаю; въ такомъ-то царствѣ народъ вымеръ, иду туда на житье. Она ему говоритъ: „самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ.“ Напоила ихъ, накормила и спать положила. На другой день брать съ сестрой собираются въ дорогу; баба-яга даетъ Ивану-царевичу собаку да синій клубочекъ: „куда клубочекъ покатится, туда и иди!“ Клубочекъ подкатился къ другой избушкѣ на куриныхъ ножкахъ. „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила.“ Избушка остановилась, царевичъ съ царевною взшли въ

нее; лежитъ баба-яга и спрашиваетъ: „что, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, али дѣла мытаешь?“ Онъ ей сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ. „Самъ бы туда шель, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ.“ Напоила ихъ, накормила и спать положила. Наутро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: „будетъ у тебя на пути большая рѣка — перейдти нельзя; ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ — тотчасъ явится мостъ; а когда перейдешь на ту сторону, махни другимъ концомъ — и мостъ пропадетъ. Да смотри: махай украдкою, чтобъ сестра не видѣла.“ Пошелъ Иванъ-царевичъ съ сестрою въ путь-дорогу: куда клубокъ катится, туда и идутъ. Подошли къ широкой-широкой рѣкѣ. Сестра говоритъ: „братецъ! сидемъ тутъ отдохнуть.“ Сѣла и не видала, какъ царевичъ махнулъ полотенцемъ — тотчасъ мостъ явился. „Пойдемъ, сестрица! Богъ далъ мостъ, чтобы перейдти намъ на ту сторону.“ Перешли за рѣку: царевичъ украдкою махнулъ другимъ концомъ полотенца — мостъ пропалъ, какъ не бывало! Приходятъ они въ то самое царство, гдѣ народъ вымеръ: никого нѣтъ, вездѣ пусто! Пообжилися немножко; вздумалось брату пойдти на охоту, и пошелъ онъ со своими собаками бродить по лѣсамъ, по болотамъ.

Въ это время прилетаетъ къ рѣкѣ Змѣй Горынычъ; ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ

сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: „ты, говоритъ, меня измучила, тоской засушила; я безъ тебя жить не могу!“ Полюбился Змѣй Горынычъ царевнѣ, кричитъ ему: „лети сюда черезъ рѣку!“ — Не могу перелетѣть. „А я что-же сдѣлаю?“ — У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси къ рѣкѣ и махни однимъ концомъ. „Онъ мнѣ не дастъ!“ — Ну, обмани его; скажи, будто вымытъ хочешь. Приходить царевна во дворецъ; на ту пору и братъ ея возвратился съ охоты. Много всякой дичи принёсъ, и отдаётъ сестрѣ, чтобъ завтра къ обѣду приготовила. Она спрашиваетъ: „братецъ! нѣтъ ли у васъ чего вымытъ изъ чорнаго бѣлья?“ — Сходи, сестрица, въ мою комнату; тамъ найдешь — сказалъ Иванъ-царевичъ и совсѣмъ забылъ о полотенцѣ, что баба-яга подарила да не велѣла царевнѣ показывать. Царевна взяла полотенце; на другой день братъ на охоту, она къ рѣкѣ, махнула однимъ концомъ полотенца — и въ ту-жъ минуту мостъ явился. Змѣй перешелъ по мосту. Стали они цѣловаться, миловаться; потомъ пошли во дворецъ. „Какъ-бы намъ, говоритъ змѣй, твоего брата извести?“ — Придумай самъ, а я не вѣдаю, отвѣчаетъ царевна. „Вотъ что: притворись больною и пожелай волчьего молока; онъ пойдетъ молока добывать — авось голуу свернетъ!“ Воротился братъ, сестра лежитъ на постели, жалуется на болѣзнь свою, и говоритъ: „братецъ! во снѣ я видѣла, будто отъ волчьего молока поздоровѣю; нельзя

ли гдѣ добыть? а то смерть моя приходитъ.“ Иванъ-царевичъ пошелъ въ лѣсъ — кормить волчица волчонковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; она говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: „Иванъ-царевичъ! не стрѣлай, не губи меня, не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; лучше скажи: что тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь, надои; еще дамъ въ придачу волченка; онъ тебѣ станетъ вѣрой-правдою служить.“ Царевичъ надоилъ молока, взялъ волченка, идетъ домой. Змѣй увидалъ, сказываетъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, волчонка несетъ; скажи ему, что телъ медвѣжьяго молока хочется.“ Сказалъ и оборотился вѣникомъ. Царевичъ вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдомъ собаки вбѣжали, услышали нечистой духъ и давай теребить вѣникъ — только прутья летать! „Что это такое, братецъ! закричала царевна; уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечѣмъ будетъ!“ Иванъ-царевичъ унялъ свою охоту и отдалъ ей волчье молоко. Поутру спрашиваетъ братъ сестру: „каково тебѣ, сестрица?“ — Немножко полегчило; если-бъ ты, братецъ, принёсъ еще медвѣжьяго молока — я бы совсѣмъ выздоровѣла. Пошелъ царевичъ въ лѣсъ, видитъ: медвѣдица дѣтей кормитъ, прицѣлился, хотѣлъ ее застрѣлить; взмолилась она человѣческимъ голосомъ: „не стрѣлай меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; скажи: что тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь; еще дамъ въ придачу медвѣжонка.“ Царевичъ на-

доилъ молока, взялъ медвѣжонка, идетъ назадъ. Змѣй увидалъ, говоритъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, медвѣжонка несетъ; пожелаай еще львинаго молока.“ Вымолвилъ и оборотился помеломъ; она сунула его подъ печку. Вдругъ прибѣжала охота Ивана-царевича, почувла нечистой духъ, бросилась подъ печку и давай тормошить помело. „Уймите, братецъ, вашу охоту; а то завтра нечѣмъ будетъ печки замести.“ Царевичъ прикрикнулъ на своихъ собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами такъ и рычать. Наутро опять царевичъ спрашиваетъ: „каково тебѣ сестрица?“ — Нѣтъ, не помогаетъ, братецъ! а снилось мнѣ нынѣшнюю ночь: если-бъ ты добылъ молока отъ львицы — я бы вылѣчилась. Пошелъ царевичъ въ густой, густой лѣсъ, долго ходилъ — наконецъ увидѣлъ: кормить львица малыхъ львѣнковъ, хотѣлъ ее застрѣлить; говоритъ она человѣческимъ голосомъ: „не стрѣлай меня, Иванъ-царевичъ! не дѣлай моихъ дѣтушекъ сиротами; лучше скажи: что тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь, еще одного львѣнка въ придачу дамъ.“ Царевичъ надоилъ молока, взялъ львѣнка, идетъ домой! Змѣй Горынычъ увидалъ, говоритъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, львѣнка несетъ!“ и сталъ выдумывать, какъ-бы его уморить. Думаль-думаль, наконецъ выдумалъ послать его въ тридцатое государство; въ томъ царствѣ есть мельница за двѣнадцатью дверями желѣзными, разъ въ годъ отворяется — и то на короткое время;

пе успѣшь оглянуться, какъ двери захлопнутся. „Пусть-ка попробуетъ, достанетъ изъ той мельницы мучной пыли!“ Вымолвилъ эти рѣчи и оборотился ухватомъ; царевна кипула его подъ печку. Иванъ-царевичъ вошелъ въ комнату, поздоровался и отдалъ сестрѣ львиное молоко; опять собаки почуяли змѣиной духъ, бросились подъ печку и начали ухватъ грызть. „Ахъ, братецъ! уймите вашу охоту; еще разобьютъ что-нибудь!“ Иванъ-царевичъ закричалъ на собакъ; онѣ улеглись подъ столъ, а сами все на ухватъ смотрятъ да злобно рычатъ. Къ утру расхворалась царевна пуще прежняго, охаетъ стонетъ. „Что съ тобой, сестрица? спрашиваетъ братъ, али нѣтъ отъ молока пользы?“ — Никакой, братецъ! и стала его посылать на мельницу. Иванъ-царевичъ посушилъ сухарей, взялъ съ собой и собакъ и звѣрей своихъ, и пошелъ на мельницу. Долго прождалъ онъ, пока время настало и растворились двѣнадцать желѣзныхъ дверей; царевичъ взомель внутрь, наскоро намель мучной пыли и только что успѣлъ выйти, какъ вдругъ двери за нимъ захлопнулись, и осталась охота его на мельницѣ взаперти. Иванъ-царевичъ заплакалъ: „видно, смерть моя близка!“ Воротился домой; змѣй увидалъ, что онъ одинъ, безъ охоты, идетъ: „ну, говорить, теперъ его не боюсь!“ выскочилъ къ нему на встрѣчу, разинулъ пасть и крикнулъ: „долго я до тебя добирался, царевичъ! ужъ и ждать надоѣло; а вотъ таки добрался-же — сейчасъ тебя съѣмъ!“ — Погоди меня

ѣсть, лучше веди въ баню сходить да напередъ вымыться. Змѣй согласился и велѣлъ ему самому и воду натаскать, и дровъ нарубить, и баню истопить. Иванъ-царевичъ началъ дрова рубить, воду таскать. Прилетаетъ воронъ и каркаетъ: „каръ-каръ, Иванъ царевичъ! руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогрызла“. Онъ что нарубить, то въ воду покидаетъ. А время идетъ да идетъ; нечего дѣлать—надо баню топить. Воронъ опять каркаетъ: „каръ-каръ, Иванъ-царевичъ! топи баню, да не скоро; твоя охота восемь дверей прогрызла. Истопилъ баню, началъ мыться, а на умѣ одно держитъ: „если-бъ моя охота да ко времени подоспѣла!“ Вотъ прибѣгаетъ собака; онъ говоритъ: „пу, двоимъ смерть не страшна!“ За той собакой и всѣ прибѣжали. Змѣй Горынычъ долго поджидалъ Ивана-царевича, не вытерпѣлъ и пошелъ самъ въ баню. Выскочила на него вся охота и разорвала на мелкіе кусочки. Иванъ царевичъ собралъ тѣ кусочки въ одно мѣсто, сжегъ ихъ огнемъ, а пепель развѣялъ по чистому полю. Идетъ со своею охотою во дворецъ; хочетъ сестрѣ голову отрубить; она пала передъ нимъ на колѣни, начала плакать, упрашивать. Царевичъ не сталъ ее казнить, а вывелъ на дорогу, посадилъ ее на каменной столбъ, возлѣ положилъ вязанку сѣна да два чана поставилъ: одинъ съ водою, другой—порожній. И говоритъ: „если ты эту воду выпьешь, это сѣно съѣшь, да напачешь полонъ чанъ слезъ,

тогда Богъ тебя простить и я прощу.“

Оставилъ Иванъ-царевичъ сестру въ каменномъ столбѣ и пошелъ съ своею охотою за тридевять земель; шель-шель, приходитъ въ большой, знатной городъ; видитъ — половина народа веселится да пѣсни поетъ, а другая горючими слезами заливается. Попросился ночевать къ одной старушкѣ, и спрашиваетъ: „скажи, бабушка, отчего у васъ половина народа веселится, пѣсни поетъ, а другая на взрыдъ плачетъ?“ Отвѣчаетъ ему старуха: „о-охъ, батюшка! поселился на нашемъ озерѣ двѣнадцатиглавой змѣй, каждую ночь прилетаетъ да людей поѣдаетъ; для того у насъ очередь положена — съ какого конца въ какой день на съѣденіе давать. Вотъ тѣ, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые — вѣтъ, тѣ рѣкой разливаются.“ — А теперь за кѣмъ очередь? „Да теперь вышалъ жеребій на царскую дочь; только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявилъ, что если выщется кто да убьетъ этого змѣя, такъ онъ пожалуетъ его половиною царства и отдастъ за него царевну замужъ; да гдѣ нынче богатыри-то? за наши грѣхи всѣ перевелись!“ Иванъ-царевичъ тотчасъ собралъ свою охоту и пошелъ къ озеру, а тамъ ужъ стоитъ прекрасная царевна и горько плачетъ. „Не бойся, царевна; я твоя оборона!“ Вдругъ озеро взволновалось — всколыхалось, появился двѣнадцатиглавой змѣй. „А, Иванъ-царевичъ, русской богатырь! ты

сюда зачѣмъ пришелъ? Драться, али мириться хочешь?“ — Почто мириться? русской богатырь не за тѣмъ ходитъ, отвѣчалъ царевичъ и пустилъ на змѣя всю свою охоту: двухъ собакъ, волка, медвѣдя и льва. Змѣя въ мигъ его на клочки разорвали. Иванъ-царевичъ вырѣзалъ языки изъ всѣхъ двѣнадцати змѣиныхъ головъ, положилъ себѣ въ карманъ, охоту гулять распустилъ, а самъ легъ на колѣни къ царевнѣ и крѣпко заснулъ. Рано утромъ пріѣхалъ водовозъ съ бочкою, смотреть — змѣй убитъ, а царевна жива и у ней на колѣняхъ спитъ доброй молодецъ. Водовозъ подбѣжалъ, выхватилъ мечъ и снесъ Иванъ-царевичу голову, а съ царевны вымучилъ клятву, что она признаетъ его своимъ избавителемъ. Потомъ собралъ онъ змѣиныя головы и повезъ ихъ къ царю; а того и не зная, что головы-то безъ языковъ были. Ни много, ни мало прошло времени, прибѣгаетъ на то мѣсто охота Ивана-царевича, царевичъ безъ головы лежитъ. Левъ прикрылъ его травкою, а самъ возлѣ сѣлъ. Налетѣли вороны съ воронятами мертвечины поклевать; левъ изловчился, поймалъ воронѣнка и хочетъ его на двое разорвать. Старой воронѣ кричить: „не губи моего дѣтѣнка; онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ! Коли нужно что, приказывай — все исполню.“ — Мнѣ нужно мертвой и живой воды, отвѣчаетъ левъ; принеси, тогда и воронѣнка отдамъ. Воронѣ полетѣлъ, и солнце еще не сѣло — какъ воротился и принесъ два пузырька мертвой и

живой воды. Левъ разорвалъ воронёнка, sprыснулъ мертвой водой—куски срослися, sprыснулъ живой водой—воронёнокъ ожилъ и полетѣлъ вслѣдъ за старымъ ворономъ. Тогда левъ sprыснулъ мертвою и живою водой Ивана-царевича; онъ всталъ и говоритъ: „какъ я долго спалъ!“—Вѣкъ бы тебѣ спать, кабы не я! отвѣчалъ ему левъ и рассказывалъ, какъ нашелъ его убитымъ и какъ воротилъ къ жизни.

Приходитъ Иванъ-царевичъ въ городъ; въ городѣ всѣ веселятся, обвиняются, цѣлуются, пѣсни поютъ. Спрашиваетъ онъ старуху: „скажи, бабушка, отчего у васъ такое веселье?“ — Да вишь какой случай вышелъ: водовозъ повоевалъ змѣю и спасъ царевну; царь выдаетъ теперь за него свою дочь замужъ. „А можно мнѣ посмотрѣть на свадьбу?“ — Коли умѣешь на чемъ играть, такъ иди; тамъ теперь всѣхъ музыкантовъ примаютъ. „Я умѣю на гусяхъ играть.“ — Ступай! царевна до смерти любитъ слушать, когда ей на гусяхъ играютъ. Иванъ-царевичъ купилъ себѣ гусли и пошелъ во дворецъ. Заигралъ — всѣ слушаютъ, удивляются: откуда такой славной музыкантъ проявился? Царевна наливаетъ рюмку вина и подноситъ ему изъ своихъ рукъ; глянула и припомнила своего избавителя: слезы изъ глазъ такъ и посыпались! „О чемъ плачешь?“ спрашиваетъ ее царь. Она говоритъ: „вспомнила про своего избавителя.“ Тутъ Иванъ-царевичъ объявилъ себя царю, рассказалъ все, какъ было, а въ до-

казательство вынулъ изъ кармана змѣинные языки. Водовоза подхватили подъ руки, повели и разстрѣляли, а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной царевнѣ. На радостяхъ вспомнилъ онъ про свою сестру, поѣхалъ къ каменному столбу—она сѣно съѣла, воду выпила, полонъ чанъ слезъ наплакала. Иванъ-царевичъ простилъ ее и взялъ къ себѣ; стали всѣ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

(Ае., Ск. II, 209—218).
(Записан. въ курской г.).

4. Сивко-бурко.

Мы говоримъ, что мы умны, а старики спорятъ: нѣтъ, мы умнѣе васъ были; а сказка сказываетъ, что когда еще наши дѣды не учились и пращуръ не родился, а въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ такой старичекъ, который трехъ своихъ сыновъ научилъ грамотѣ и всему книжному. „Ну, дѣтки! говорилъ онъ имъ; умру я—приходите ко мнѣ на могилу читать.“—Хорошо, хорошо, батюшка! отвѣчаютъ дѣти.

Старшіе два брата какіе были молодцы: и росли, и дородны! а меньшей Ванюша, какъ недоросточекъ, какъ зачипанной утѣночекъ, гораздо поплоче. Старикъ отецъ умеръ. Въ ту пору отъ царя пришло извѣстіе, что дочь его Елена царевна Прекрасная приказала себѣ выстроить храмъ о двѣнадцать столбовъ, о двѣнадцать вѣнцовъ; сядетъ она въ этомъ храмѣ на высо-

комъ тронѣ и будетъ ждать жениха, удалаго молодца, который бы на конѣ-летунѣ, съ одного взмаха, поцѣловаль ее въ губки. Всполошился весь молодой народъ, облизывается, почесывается и раздумываетъ: кому такая честь выпадеть?—

„Братья! говорилъ Ванюша, отецъ умеръ; кто изъ насъ пойдетъ на могилу читать!“—А кого охота береть, тотъ пускай и идетъ! отвѣчали братья; Ваня пошелъ. А старшіе знай себѣ коней обѣзжаютъ, кудри завиваютъ, фабрятся, бодрятся, родимые . . . Пришла другая ночь. „Братья! я прочиталь, говорилъ Ваня; ваша очередь, который пойдетъ?—А кто охочь, тотъ и читай; а намъ дѣла дѣлать не мѣшай. Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетѣли, понеслись, загуляли въ чистомъ полѣ! Ванюша опять читаль; на третью ночь тоже. А братья выѣздили коней, расчесали усы, собираются нынче-завтра пытать свое удалство передъ очами Елены Прекрасной. „Братъ ли меньшаго? думаютъ; нѣтъ, куда съ нимъ! онъ и насъ осрамить и людей насмѣшить; поѣдемъ одни.“ Поѣхали; а Ванюшѣ очень хотѣлось поглядѣть на Елену—царевну Прекрасную; заплакаль онъ, больно заплакаль, и пошелъ на могилу къ отцу. Услышалъ его отецъ въ домовинѣ (въ гробѣ), вышелъ къ нему, отряхнулъ съ чела сырѣ землю и говоритъ: „не тужи, Ваня, я твоему горю пособлю. Тотчасъ старикъ вытянулся, выпрямился, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, соловейскимъ посви-

стомъ; откуда ни взялся—конь бѣжитъ, земля дражить, изъ ноздрей—изъ ушей пламя пышетъ; порхонулъ и сталъ передъ старикомъ, какъ вкопаной, и спрашиваетъ: „что велишь?“ Влѣзь Ваня коню въ одно ушко, вылѣзь въ другое, и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Сѣлъ на коня, подбоченился и полетѣль что твой соколъ прямо къ палатамъ Елены царевны.

Размахнулся, подскочилъ—двухъ вѣнцовъ не досталь; завился опять, разлетѣлся, скокнулъ—одного вѣнца не досталь; еще закружился, еще завертѣлся, какъ огонь проскочилъ мимо глазъ, мѣтко нацѣлилъ и прямо въ губки чмокнулъ Елену Прекрасную! „Кто? кто? лови! лови!“—его и слѣдъ простыль! Прискакаль на отцову могилу, коня пустиль въ чистое поле; а самъ въ землю да поклонъ, да просить совѣта родительскаго; старикъ и посовѣтоваль. Домой пришелъ Иванъ, какъ нигдѣ не бываль; братья рассказываютъ; гдѣ были, что видѣли; а онъ какъ впервой слышитъ.

На другой день опять сборъ; и бояръ, и дворянъ у княжихъ палатъ глазомъ не оинешь! Поѣхали старшіе братья; пошелъ и меньшей братъ пѣшечкомъ, скромно, смиренно, словно не онъ цѣловаль царевну, и сѣлъ въ дальній уголокъ. Елена-царевна спрашиваетъ жениха, Елена-царевна хочетъ его всему свѣту показать, хочетъ ему поль-царства отдать, а женихъ не является! Его ищутъ между боярами, межъ генералами, всѣхъ перебрали—нѣту. А

Вани глядитъ, ухмыляется, улыбается, и ждетъ, что сама невѣста къ нему придетъ. „То, говорить, я полюбилъ ей молодцомъ, теперь она полюби меня въ кафтанѣ простомъ.“ Встала сама, повела яснымъ окомъ, освѣтила всѣхъ; увидѣла и узнала своего жениха, посадила его съ собой, и скоро съ нимъ обвѣнчалась; а онъ-то, Боже мой! какой сталъ умной да смѣлой, а какой красавецъ!... Сядетъ бывало на коня-летуна, сдвинетъ шапочку, подбоченится — король, востоящій король? взглядишься — и не подумаешь, что былъ когда-то Ванюша.

(Ав., Ск. II. 73 - 75).

(Записана въ курской губ.).

5. Королевичъ и его дядька.

Жилъ-былъ король, у него былъ сынъ-подростокъ. Королевичъ былъ всѣмъ хорошъ — и лицомъ, и нравомъ, да отецъ-то его не больно: все его корысть мучила, какъ бы лишній барышъ взять, да побольше оброчу сорвать. Увидѣлъ онъ разъ старика съ соболями, съ куницами, съ бобрами, съ лисицами. „Стой, старикъ! отъудова ты?“ — Родомъ изъ такой-то деревни, батюшка! а нынѣ службу у мужика-лѣшаго. „Какъ вы звѣрей ловите?“ — Да лѣшій-мужикъ наставитъ лѣсы¹⁾, звѣрь глушь — и попадетъ. „Ну, слушай, старикъ! я тебя виномъ напою, и денегъ дамъ; укажи мнѣ, гдѣ лѣсы ставите?“ Старикъ соблазнился и указалъ. Король тотчасъ-же велѣлъ лѣшаго-

мужика поймать и въ желѣзной столбъ заковать, а въ его заповѣд-ныхъ лѣсахъ свои лѣсы подѣлалъ. Вотъ сидитъ мужикъ-лѣшій въ желѣзномъ столбѣ да въ окошечко поглядываетъ, а тотъ столбъ въ саду стоялъ. Вошелъ королевичъ съ бабками, съ мамками, съ вѣрными служаками погулять по саду; идетъ мимо столба, а мужикъ-лѣшій кричить ему: „королевское дитя! выпусти меня; я тебѣ самъ пригожусь.“ — Да какъ-же я тебя выпущу? „А пойдикъ своей матери и скажи ей: матушка моя любезная! поищи у меня... въ головкѣ. Да головку-то положи къ ней на колѣни; она станетъ у тебя въ головѣ искать, а ты улучи минуту, вытащи ключъ у ней изъ кармана, да меня и выпусти.“ Королевичъ такъ и сдѣлалъ; вытащилъ ключъ изъ кармана у матери, прибѣжалъ въ садъ, сдѣлалъ себѣ стрѣлку, положилъ на тугой лукъ и пустил ее далеко-далеко, а самъ кричитъ, чтобъ мамки и няньки ловили стрѣлу. Мамки и няньки разбѣжались; въ это время королевичъ отперъ желѣзной столбъ и вывободилъ мужика-лѣшаго.

Пошелъ мужикъ-лѣшій рвать королевскія лѣсы! Видитъ король, что звѣри больше не попадаютъ, осерчалъ и напустился на свою жену: зачѣмъ ключъ давала, мужика-лѣшаго выпускала? И созвалъ онъ бояръ, генераловъ и думныхъ людей, какъ они присудятъ: голову ли ей на плахѣ снять, али въ ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и

¹⁾ Сеть лодушки.

признался онъ отцу, что это его вина: вотъ такъ-то и такъ-то все дѣло было. Взгоревался король, что ему съ сыномъ дѣлать?—Казнить нельзя; присудили: отпустить его на всѣ на четыре стороны, на всѣ вѣтры полуденныя, на всѣ вьюги зимнія, на всѣ вихри осенніе; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышелъ королевичъ съ дядькою въ чистое поле; шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и увидали колодезь. Говорить королевичъ дядькѣ: „ступай за водою!“—Нейду! отвѣчаетъ дядька. Пошли дальше, шли-шли, опять колодезь. „Ступай, принеси воды! мнѣ пить хочется,“ просить дядьку королевской сынъ въ другой разъ.—Нейду! говоритъ дядька. Вотъ еще шли-шли, попадается третій колодезь; дядька опять нейдетъ, и пошелъ за водою самъ королевичъ. Спустился въ колодезь, а дядька захлопнулъ его крышкою и говоритъ: „не вышушу! будь ты слугой, а я—королевичемъ.“ Нечего дѣлать, королевичъ согласился и далъ ему въ томъ росписку своей кровью; потомъ помѣнялись они платьями и отправились дальше.

Вотъ пришли они въ иное государство; идутъ къ царю во дворецъ—дядька впереди, а королевичъ позади. Сталъ дядька жить у того царя въ гостяхъ, и ѣсть и пьеть съ нимъ за единымъ столомъ. Говорить онъ ему: „ваше царское величество! возьмите моего слугу хоть на кухню.“ Взяли королевича на кухню, заставляютъ его дрова

носить, кастрюли чистить. Немного прошло времени—выучился королевичъ готовить кушанье лучше царскихъ поваровъ. Узналъ про то государь, полюбилъ его и сталъ дарить золотомъ. Поворамъ показалось обидно, и стали они искать случая, какъ-бы извести его. Вотъ одинъ разъ сдѣлалъ королевичъ пирогъ и поставилъ въ печь, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирогъ. Съѣлъ царь обѣдать; поднимаютъ пирогъ, царь только было за ножъ взялся, какъ бѣжитъ главной поворъ: „ваше величество! не извольте кушать.“ И насказалъ на королевича много всякой неправды. Царь не пожалѣлъ своей любимой собаки, отрѣзалъ кусокъ пирога и бросилъ наземь; собака съѣла да тутъ-же издохла. Призвалъ государь королевича, закричалъ на него грознымъ голосомъ: „какъ ты смѣлъ съ отравой пирогъ изготовить? сейчасъ велю тебя казнить лютою казнію?—Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ваше величество! отвѣчаетъ королевичъ; видно, поварамъ въ обиду стало, что вы меня жалуете; парочко меня подѣлать подвели. Царь его помиловалъ, велѣлъ конюхомъ быть.

Повѣлъ королевичъ коней на водоной, а на встрѣчу ему мужикъ-лѣшій: „здорово, королевской сынъ! пойдемъ ко мнѣ въ гости“.—Боясь, кони разбѣгутся. „Ничего, пойдемъ!“ Изба тутъ-же очутилась. У лѣшаго-мужика три дочери; спрашиваетъ онъ старшую: „а что ты присудишь королевскому сыну за то, что меня изъ желѣзнаго стол-

ба выпустилъ?“ Дочь говоритъ: „дамъ ему скатерть-самобранку.“ Вышелъ королевичъ отъ лѣшаго-мужика съ подаркомъ, смотритъ—кони всѣ на лицо; развернулъ скатерть—чего хочешь, того просишь: и питье, и ѣда! На другой день гонитъ онъ царскихъ коней на водопой, а мужикъ-лѣшій опять на встрѣчу: „пойдемъ ко мнѣ въ гости!“ Привелъ, и спрашиваетъ среднюю дочь: „а ты что королевскому сыну присудишь?“ — Я ему подарю зеркальцо: что захочешь, все въ зеркальцѣ увидишь! На третій день опять попадается королевичу мужикъ-лѣшій, ведетъ къ себѣ въ гости и спрашиваетъ меньшую дочь: „а ты что королевскому сыну присудишь?“ — Я ему подарю дудочку—только къ губамъ приложи, сейчасъ явятся и музыканты, и пѣсельники. Весело стало жить королевскому сыну: ѣсть-питье хорошо, все, знаетъ, все вѣдаетъ, музыка цѣлой день гремитъ. Чего лучше? А кони-то, кони-то! чудо да и только: и сыты, и статвы, и на ногу рѣзвы. Началъ царь хвалиться своей любимой дочери, что послалъ ему Господь славнаго конюха. А прекрасная царевна и сама давнымъ-давно конюха запримѣтила; да какъ и не замѣтитъ красной дѣвицѣ добра молодца! Любопытно стало царевнѣ: отчего у новаго конюха лошади и рѣзвѣе, и статнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ? „Дай, думаетъ, пойду въ его горницу, посмотрю: какъ онъ бѣдняжка поживаетъ?“ А ужъ извѣстно: чего баба захочетъ, то и сдѣлаетъ. Улучила

время, когда королевичъ на водопой коней погналъ, пришла въ его горницу, и какъ глянула въ зеркальцо — тотчасъ все смекнула, и унесла съ собой и скатерть-самобранку, и зеркальцо, и дудочку.

Въ это время случилась у царя бѣда: наступилъ на его царство семиглавый Идолище, проситъ себѣ царевну въ замужество; „а если не выдадутъ, такъ и силой возьму!“ сказалъ онъ и разставилъ свое войско—тѣмъ тѣмущую. Плохо пришлось царю; дѣлаетъ онъ кличъ по всему своему царству, сзываетъ князей и богатырей: кто изъ нихъ побѣдитъ Идолища семиглаваго, тому обѣщаетъ дать половину царства и въ добавокъ дочь въ замужество. Вотъ собрались князья и богатыри, поѣхали сражаться противъ Идолища; отправился и дядька съ царскимъ войскомъ. И нашъ конюхъ сѣлъ на кобылу сиву и потащился вслѣдъ за другими. Ёдетъ, а на встрѣчу ему мужикъ-лѣшій: „куда ты, королевской сынъ?“ — Воевать. „Да на клячѣ далеко не уѣдешь! а еще конюхъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости“. Привелъ въ свою избу, налилъ ему стаканъ водки. Королевичъ выпилъ. „Много-ль въ себѣ силы чувствуешь?“ спрашиваетъ мужикъ-лѣшій. — Да еслибъ была палица въ пятьдесятъ пудовъ, я-бъ ее вверху подбросилъ да свою голову подставилъ, а удара и не почувялъ бы! Далъ ему другой стаканъ выпить: „а теперь много ли силы?“ — Да еслибъ была палица во сто пудовъ, я-бъ ее выше облаковъ подбросилъ. Налилъ

ему третій стаканъ: „а теперь какова твоя сила?“ — Да если бы утвердить столбъ отъ земли до неба, я бы всю вселенную повернулъ! Мужикъ-лѣшій нацѣдилъ водки изъ другаго крану и подалъ королевичу; королевичъ выпилъ — и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть. Послѣ вывелъ его мужикъ-лѣшій на крыльцо, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: отеоль ни взялся — вороной конь бѣжитъ, земля дрожить, изъ ноздрей пламя, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ-подъ копытъ искры сыплются. Прибѣжалъ къ крыльцу и палъ на колѣнки. „Вотъ тебѣ конь!“ Далъ ему еще палицу-буявицу да плетъ шелковую. Выѣхалъ королевичъ на своемъ ворономъ конѣ супротивъ рати непріятельской; смотреть, а дядька его на березу взлѣзъ, сидитъ да отъ страху трясется. Королевичъ стегнулъ его плѣткою разъ другой и полетѣлъ на вражее воинство; много народу мочемъ прирубилъ, еще больше конемъ притопталъ, самому Идолищу семь головъ снесъ. А царевна все это видѣла; не утерпѣла, чтобъ не посмотрѣть въ зеркальцо, кому она достанется. Тотчасъ выѣхала на встрѣчу, спрашиваетъ королевича: „чѣмъ себя поблагодарить велишь?“ — Поцѣлуй меня, красна дѣвица! Царевна не устыдилася, прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало.

Королевичъ ударилъ коня — и былъ таковъ! венулся домой и сидитъ въ своей горенкѣ, словно и

на сраженіи не былъ; а дядька всѣмъ хвастаетъ, всѣмъ рассказываетъ: „это я былъ, я Идолище побѣдилъ!“ Царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, сговорилъ за него свою дочь и задалъ великой пиръ. Только царевна не будь глупа — возьми да и скажись, что у ней головушка болитъ, ретивое щемить. Какъ быть, что дѣлать нарѣченному затию? „Батюшка! говорить онъ царю, дай мнѣ корабль, я поѣду за лѣкарствами для своей невѣсты; да прикажи и конюху со мной ѣхать: я вить больно къ нему привыкъ!“ Царь послушался, далъ ему корабль и конюха. Вотъ они и поѣхали, близко-ли, далеко-ль отплыли — дядька приказалъ сшить кулъ, посадить въ него конюха и пустить въ воду. Царевна глянула въ зеркальцо, видитъ — бѣда! сѣла въ коляску и поскорѣй къ морю; а на берегу ужъ мужикъ-лѣшій сидитъ да неводъ вяжетъ. „Мужичокъ! помоги моему горю; злой дядька королевича утопилъ“. — Изволь, красна дѣвица! вотъ и неводъ готовъ! приложи-ка сама къ нему бѣдня ручки. Вотъ царевна запустила неводъ въ глубокое море, вытащила королевича и повезла съ собою; а дома все дочиста отцу рассказала. Сейчасъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку; у царя ни медъ варить, ни вино курить — всего вдоволь! А дядька накупилъ разныхъ снадобій и воротился назадъ; входитъ во дворецъ, а тутъ его и схватили. Взмолился онъ, да поздно; духомъ ¹⁾ его на воротахъ раз-

¹⁾ Быстро, скоро.

стрѣляли. Свадьба королевича была веселая; всѣ кабаки и трактиры на цѣлую недѣлю были открыты для простаго народа безденежно. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не пошло.

(Ае. Ск. I, 233—239).

(Записанъ въ воронежск. г.).

6. Баба-Яга.

Жили-были мужъ съ женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужикъ женился на другой, и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не влюбила падчерицу; нѣтъ житья сиротѣ. Думалъ, думалъ нашъ мужикъ, и повезъ свою дочь въ лѣсъ. Ёдетъ лѣсомъ—глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говорить мужикъ: „избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней баба-яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. „Русскимъ духомъ пахнетъ!“ говорить яга. Мужикъ кланяется: „баба-яга, костяная нога! я тебѣ дочку привезъ въ услуженье“.—Ну, хорошо! служи, служи мнѣ, говорить яга дѣвущкѣ; я тебя за это награжу. Отецъ простился и поѣхалъ домой. А баба-яга задала дѣвущкѣ пряхи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвущка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: „дѣвица, дѣвица! что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ“. Она да-

ла имъ кашки.—А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретенно по питочкѣ направи. Пришла баба-яга: „ну что, говорить, все ли ты припаста?“ А у дѣвущки все готово. „Ну, теперь поди-вымой меня въ банѣ“. Похвалила яга дѣвущку и надавала ей разной сряды ¹⁾. Опять яга ушла, и еще труднѣе задала задачу. Дѣвущка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: „что ты, говорить, дѣвица красная, плачешь! дай кашки; мы тебѣ добренько скажемъ“. Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее, что и какъ сдѣлать. Баба-яга опять приходила ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачиха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, и дома собачка такъ и рвется: „хамъ, хамъ, хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ!“ Мачиха выбѣжала да скалкой собачку: „врешь, говорить, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ!“ А собачка все свое. Пріѣхали. Мачиха такъ и гонитъ мужа — и ея дочь туда же отвезти. Отвезъ мужикъ.

Вотъ баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвица такъ и рвется съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: „дѣвица, дѣвица! о чемъ ты, говорить, плачешь?“ А она не дала имъ говорить, то тоѣ скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла то не придѣлала.

¹⁾ Сряда—нарядное платье.

Яга пришла, разсердилась. Въ дру-гой разъ опять тоже: яга изломала ее, да косточки въ коробъ и скла-ла. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Приѣхалъ отецъ, и по-везъ однѣ косточки. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечкѣ: „хамъ, хамъ, хамъ! въ коробъ косточки везуть!“ Ма-чиха бѣжитъ со скалкой: „врешь, говоритъ, скали: барыню везуть!“ А собачка все свос: „хамъ, хамъ, хамъ! въ коробъ косточки гремятъ!“ Приѣхалъ мужъ; тутъ-то жена взвы-ла! Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ крич-ка масла.

(Ал. Ск. I, 172—174).

(Записана въ переславльскомъ).

7. Лутонька.

Въ нѣкоторой деревнѣ жилъ ста-рикъ со старухой; дѣтей у нихъ не было. Однажды старикъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами; это было зи-мою. Старикъ нарубилъ дровъ, сколько пужно было, да срубилъ еще лутоньку. Приѣхалъ домой, дро-ва на дворѣ оставилъ, а лутоньку въ избу принесть и положилъ въ подпечекъ. На третій день что-то въ подпечкѣ зашумѣло, а потомъ кричить: „тятя! мама! выньте ме-ня“. Старикъ со старухой испуга-лись; да слышать и въ другой разъ тотъ-же голосъ: „тятя! мама! вын-те меня“; старикъ поглядѣлъ въ подпечекъ, и увидѣлъ тамъ неболь-шаго мальчика. Вынулъ его отту-да, показалъ старухѣ, и назвали его Лутонькою, стали его и кор-мить и поить. Пришло лѣто, сталъ

мальчикъ промыслять рыбною лов-лею, и тѣмъ промысломъ кормилъ старика со старухой. Старуха бы-вало прійдетъ къ нему на ловлю и кричитъ его: „Лутонь, Лу-тонь, Лутонюшка! пригрянъ, при-грянъ ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начинкою“. Лутоня какъ слышитъ голосъ матери—и подъ-ѣзжаетъ къ берегу; отъ матери бе-ретъ кусокъ пирога, а ей даетъ рыбу. Однажды подглядѣла это яга-баба, пришла къ тому мѣсту и на-чала его манить къ себѣ такими-жэ словами, какъ мать кликала; Лутонюшка услыхалъ толстой голо-съ ягой-бабы и сказалъ ей въ отвѣтъ: „нѣтъ, не матушкинъ голосъ, оче-нь толстъ! поди языкъ поточи“. Съ тѣмъ ягая-баба и отправилась. По-слѣ того приходитъ туда-же стару-ха, его мать названная, и начала манить: „Лутонь, Лутонь, Лутонюш-ка! пригрянъ, пригрянъ ко бережку, а я тебѣ дамъ пирожка съ начин-кою“. Лутонька услыхалъ материнъ голосъ, подъѣхалъ къ берегу, взялъ у нея пирогъ, а ей рыбу отдалъ. Старуха ушла, а ягая-баба выточ-ила свой языкъ на точилѣ, и не-много погодя прибѣжала на берегъ и стала манить Лутонюшку. Лу-тонька не узналъ ея голоса, подумалъ, что мать его зоветъ, подъ-ѣхалъ къ берегу; ягая-баба схва-тила его и утащила въ свою избу. У ягой-бабы было три дочери. Она приказала ббльшей дочери истопить избу жарко-жарко, Лутоньку ожа-рить, а сама ушла въ поле гулять. Ббльшая дочь истопила избу, при-вела Лутоньку и велѣла ему са-

даться на лопату. Лутонька былъ не плохъ, началъ отговариваться, что не знаетъ—не вѣдаетъ, какъ сѣсть на лопату: „покажи, просить, какъ надо садиться!“ Дочка ягой-бабы сѣла на лопату, а Лутонька взялъ лопату за черенъ ¹⁾ и сунулъ ее въ печь, а самъ залѣзъ на подволоку ²⁾. Приходитъ ягая-баба и спрашиваетъ Лутоньку; дочери вынули изъ печи свою сестру и подали матери; она ее и скушала. Вышла на дворъ и говоритъ: „покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!“ а Лутонька сидитъ на подволокъ ²⁾ да себѣ говоритъ: „покатайся, поваляйся на дочернихъ косточкахъ!“ Ягая-баба увидѣла Лутоньку и закричала: „какъ ни встачу, а достану тебя, Лутонька!“ Достала Лутоньку и отдала дочерямъ, приказала его ожарить, а сама опять ушла. Дочери истопили избу; середняя хотѣла посадить Лутоньку на лопату, но онъ обманулъ ее и сунулъ самоё въ печь. Тоже сдѣлалъ онъ и съ младшею. Ягая-баба пришла домой, стала звать дочерей: нѣтъ никого. Вынула сама жареное и сѣла, потомъ вышла на дворъ и говоритъ: „покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиныхъ косточкахъ!“ А Лутонька съ подволоки ²⁾ отвѣчаетъ: „покатайся, поваляйся, дура, на дочернихъ косточкахъ!“ Ягая-баба увидѣла его, осердилась и хотѣла достать. Лутонька закричалъ жалобнымъ голосомъ: „ахъ вы, гуси! ахъ вы, лебеди! прилетите ко мнѣ, вырвите по перушку“. Гуси-

лебеди прилетѣли, вырвали у себя по перушку, сдѣлали два крылушка и дали Лутонюшкѣ; Лутонька взялъ и улетѣлъ отъ ягой-бабы къ отцу, къ матери, и сталъ вмѣстѣ съ ними жить-поживать, да рыбку изъ воды таскать.

(Ав. Ск. I, 204—206).

(Записана въ саратовской губ.).

8. Кощей.

Бывало-живало — въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь и царица; у нихъ родился сынъ Иванъ-царевичъ. Няньки его качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: „царь-великой государь! поди, самъ качай своего сына“. Царь началъ качать: „спи, сынокъ! спи, возлюбленной! вырастишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ ¹⁾ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Царевичъ уснулъ и проспалъ трое сутокъ; пробудился—пуще прежняго расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ; зовутъ отца: „царь-великой государь! поди, качай своего сына“. Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: „спи, сынокъ! спи, возлюбленной! вырастишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качаютъ, никакъ укачать не могутъ: „поди, великой

¹⁾ Рукоятка. ²⁾ У Ав.: «на полдовку-ѣ, съ подовки». Подволока — чердакъ, вышка.

¹⁾ Вар. матокъ.

государь! качай своего сына“. Царь качаетъ, самъ приговариваетъ: „спи, сынокъ! спи, возлюбленной! вырастишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. Царевичъ уснулъ, и опять проспалъ трое сутокъ. Пробудился и говоритъ: „давай, батюшка, свое благословеніе; я поѣду жениться“. — Что ты, дятя! куда поѣдешь? ты всего девятисуточный! „Дашь благословеніе — поѣду, и не дашь — поѣду!“ — Ну, поѣзжай! Господь съ тобой! Иванъ-царевичъ срядился и пошелъ коня доставать; отошелъ немало отъ дому и (в)стрѣтилъ стараго человѣка. „Куда, мѣлодецъ, пошелъ? волей, али неволей?“ — Я съ тобой и говорить не хочу! отвѣчалъ царевичъ, отошелъ немного и одумался: „что же я старику ничего не сказала? стары люди на умъ наводятъ“. Тотчасъ настигъ старика: „постой, дѣдушка! про что ты меня спрашивалъ?“ — Спрашивалъ: куда идешь, мѣлодецъ? волей, али неволей? „Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Былъ я въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня высватать Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру.“ — Хорошо мѣлодецъ, учливо говоришь! Только пѣшему тебѣ не дойти — Ненаглядная Красота далеко живетъ. „Сколь далеко?“ — Въ золотомъ царствѣ, по конецъ свѣту бѣлаго, гдѣ солнышко восходить. „Какъ-же быть-то мнѣ? Нѣтъ мнѣ мѣлодцу по плечу коня неѣзжа-

лаго, ни плѣточки шелковѣй-недержалой“. — Какъ нѣтъ! у твоего батюшки есть тридцать лошадей — всѣ какъ одна; поди домой, прикажи конюхамъ напоить ихъ у сипя моря: которая лошадь напередъ выдвинется, забредетъ въ воду по самую шею, и какъ станетъ пить — на сипѣмъ морѣ начнутъ волны подниматься, изъ берега въ берегъ колыхаться, ту и бери! „Спасибо на добромъ словѣ, дѣдушка!“ Какъ старикъ научилъ, такъ царевичъ и сдѣлалъ; выбралъ себѣ богатырскаго коня, ночь переночевалъ, поутру рано всталъ, растворилъ ворота и собирается ѣхать. Проговорилъ ему конь человѣческиимъ языкомъ: „Иванъ-царевичъ! припади къ землѣ; я тя (тебя) трижды пихну.“ Разъ пихнулъ, и другой пихнулъ, а въ третій не сталъ: „ежели въ третій пихнуть, пасъ съ тобой земля не снесетъ!“ Иванъ-царевичъ выхватилъ коня съ цѣпей, осѣлалъ, сѣлъ верхомъ — только и видѣлъ царя своего сына! Ёдетъ далекимъ-далеко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ на дворъ — прямо ко крыльцу, привязалъ коня къ мѣдному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. „Ночуй, доброй мѣлодецъ! говоритъ ему старуха; куди тя Господь несетъ?“ — Ахъ ты, старая ...! неучливо спрашиваешь. Прежде напои-накорми, ... втѣпоръ и вѣстей спрашивай. Она его напоила-накормила, ... и стала вѣстей выспрашивать. „Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, ка-

чалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру“. — Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я седьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту слыхомъ не слыхала. Впереди по дорогѣ живеть моя больша сестра, можетъ— она знаетъ; поѣзжай-ка завтра къ ней, а теперь усни: утро вечера мудренѣе! 1) Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, поутру всталъ раненько, умылся бѣленько, вывелъ коня, осѣдлалъ, въ стремено погу клалъ — только его и видѣла бабушка! Ъдетъ онъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ ко крыльцу, привязалъ коня къ серебряному кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говорить старуха: „фу-фу! доселева было русской кошки видомъ не видать, слыхомъ не слышать, а нонѣ русская кошка сама на дворъ приѣхала. Откуль, Иванъ-царевичъ, взялся?“ — Что ты, старая ..., расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, ... тожно-бы вѣстей

1) *Вариантъ:* Входитъ Иванъ-царевичъ въ избу, а тамъ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголь, носъ въ потолокъ. «Здравствуй, красавица!» — Здравствуй. Иванъ-царевичъ! куда путь держишь? «Ѣду сватать за себя царевну Ненаглядную Красоту». — Куда тебѣ! ее ни одинъ богатирь доступить не можетъ, а ты еще малъ, въ лѣта не вошелъ». «Эхъ ты, старая ...! ни тебѣ бы говорить, ни мнѣ бы слушать; сидишь на одномъ ибѣстѣ, ты вся зацѣла, заплѣсневѣла; тебя, проклятую, и смерть бѣгаетъ!» Плюнулъ царевичъ и поѣхалъ дальше...

спрашивала. Она его за столъ посадила, накормила напоила, ... и спрашиваетъ: „Куды ты Богъ понёсъ?“ — Былъ я, бабушка, въ малыхъ лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ зыбкѣ, сулилъ за меня Ненаглядную Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку девяти братьевъ сестру. „Хорошъ молодецъ! учливо говоришь. Я восьмой десятокъ доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дорогѣ живеть моя больша сестра, можетъ — она знаетъ; есть у ней на то отвѣтки: первые отвѣтки — звѣрь лѣсной, другіе отвѣтки — птица воздушная, третьи отвѣтки — рыба и гадъ водяной; что ни есть на бѣломъ свѣтѣ — все ей покоряется. Поѣзжай-ка завтра къ ней; а теперь усни: утро вечера мудренѣе!“ Иванъ-царевичъ ночь переночевалъ, всталъ раненько, умылся бѣленько, сѣлъ на коня — и былъ таковъ! Ъдетъ далекимъ-далеко, высокимъ-высоко, день коротается, къ ночи подвигается; стоитъ дворъ что городъ, изба что теремъ. Приѣхалъ ко крыльцу, прицѣпилъ къ золотому кольцу, въ сѣни да въ избу, Богу помолвился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: „ахъ, ты, такой-сякой! желѣзнаго кольца недостойнъ, а къ золотому коня привязалъ“. — Хорошо, бабушка! не бранись: коня можно отвязать, за иное кольцо привязать. „Что, доброй молодецъ, задала тебѣ страху! а ты не страшись, да на лавочку садись, а я стану спрашивать: изъ какихъ ты родовъ, изъ какихъ родовъ?“ — Эхъ, бабушка! ты бы прежде накормила-напоила, вѣдворъ

вѣстей поспросала; видишь — чело-
вѣкъ съ дороги, весь день не ѣлъ.
Въ тотъ часъ старуха столь поста-
вила, принесла хлѣба-соли, налила
водки стаканъ, и принялась уго-
щать Ивана-царевича. Онъ наѣлся-
напился, на постелю повалился; ста-
руха не спрашиваетъ, онъ самъ ей
разсказываетъ: „былъ я въ малыхъ
лѣтахъ, качалъ меня батюшка въ
зыбкѣ, сулилъ за меня Ненагляд-
ную Красоту, трехъ мамокъ дочку,
трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ
сестру. Сдѣлай милость, бабушка!
скажи: гдѣ живетъ Ненаглядная
Красота и какъ до нея дойти?“ —
Я и сама, царевичъ, не вѣдаю:
вотъ ужъ девятой десятокъ дожи-
ваю, а про эту красоту еще не
слыхивала. Ну, да усни съ Богомъ;
завтра соберу моихъ отвѣтчиковъ —
можетъ, изъ нихъ кто знаетъ. На
другой день встала старуха ранень-
ко, умылась бѣленько, вышла съ
Иваномъ-царевичемъ на крылечко,
и скричала богатырскимъ голосомъ,
сосвистала молодецкимъ носвистомъ.
Крикнула по морю: „рыбы и гадъ
водяной! идите сюда“. Тотчасъ си-
не море всколыхалось, собирается
рыба и большая и малая, собирается
всякой гадъ, къ берегу идетъ — во-
ду укрываетъ. Спрашиваетъ стару-
ха: гдѣ живетъ Ненаглядная Кра-
сота, трехъ мамокъ дочка, трехъ
бабокъ внучка, девяти братьевъ
сестра? Отвѣчаютъ всѣ рыбы и га-
ды въ одинъ голосъ: „видомъ не
видали, слыхомъ не слыхали!“ Крик-
нула старуха по землѣ: „собирайся,
звѣрь лѣсной!“ Звѣрь бѣжитъ, зем-
лю укрываетъ, въ одинъ голосъ от-

вѣчаетъ: „видомъ не видали, слы-
хомъ не слыхали!“ Крикнула ста-
руха по поднебесью: „собирайся,
птица воздушная!“ Птица летитъ,
дневной свѣтъ укрываетъ, въ одинъ
голосъ отвѣчаетъ: „видомъ не ви-
дали, слыхомъ не слыхали!“ — Боль-
ше некого спрашивать! говоритъ
старуха, взяла Ивана-царевича за
руку и повела въ избу; только во-
шли туда, налетѣла Моголь-птица,
пала на землю — въ окнахъ свѣту не
стало. „Ахъ ты, птица Моголь!
гдѣ была-гдѣ летала, отчего запоз-
дала?“ — Ненаглядную Красоту къ
обѣднѣ сряжала. „Того мнѣ и
надоть! сослужи мнѣ службу вѣроу-
правдою: снеси туда Ивана-царевича“.
— Рада бы — сослужила, много
пропитанья надоть! „Сколь мно-
го?“ — Три сороковки говядины да
щ(ч)анъ воды. Иванъ-царевичъ на-
лилъ щанъ воды, накупилъ быковъ,
набилъ и наклалъ три сороковки
говядины, оставилъ тѣ бочки на
птицу, побѣжалъ въ кузницу и ско-
валъ себѣ копье длинное, желѣзное.
Воротился и сталъ со старухой про-
щаться: „прощай, говорить, бабуш-
ка! корми моего добраго коня сы-
то — я тебѣ за все отплатю“. Съѣлъ
на Моголь-птицу — въ ту-жъ минуту
она поднялась и полетѣла. Летитъ,
а сама безупречъ оглядывается: какъ
оглянется, Иванъ-царевичъ тотчасъ
подастъ ей на копьѣ кусъ говяди-
ны. Вотъ летѣла-летѣла не мало
времени, царевичъ двѣ бочки скор-
милъ, за третью принялся, и гово-
ритъ: „ой, птица-Моголь! пади на
сыру землю, мало пропитанья ста-
ло“. — Что ты, Иванъ-царевичъ!

здѣсь лѣса дремучіе, грязи вязучія — намъ съ тобой по конецъ вѣка не выбратъся. Иванъ-царевичъ всю говядину скормилъ и бочки спихалъ, а Моголь-птица летить-оборачивается. Что дѣлать? думаетъ царевичъ, вырѣзалъ изъ своихъ ногъ икры и далъ птицѣ; она проглотила, вылетѣла на луга зеленые, травы шелковыя, цвѣты лазоревые, и пала на землю. Иванъ-царевичъ всталъ, идетъ по лугу — разминается, на обѣ ноги прихрамываетъ. „Что ты, царевичъ! али хромаешь?“ — Хромаю, Моголь-птица! давеча изъ ногъ своихъ икры вырѣзалъ и тебѣ скормилъ. Моголь-птица выхаркнула икры, приложила къ ногамъ Ивана-царевича, дунула-плюнула, и икры приросли — и пошелъ царевичъ и крѣпко и бодро. Пришелъ въ большой городъ и присталъ отдохнуть къ бабушкѣ-задворенкѣ. Говорить ему бабушка - задворенка: „спи, Иванъ-царевичъ! заутро, какъ ударятъ въ колоколь, я тебя разбуджу“. Лѣгъ царевичъ и тотчасъ уснулъ; день спитъ, ночь спитъ... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадетъ въ руки — тѣмъ и бьетъ; нѣтъ, не могла сбудить. Отопла заутреня, зазвонили къ обѣднѣ, Ненаглядная Красота въ церковь поѣхала; прибѣжала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьетъ его чѣмъ ни попадя, на силу-насилу разбудила. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорѣхонько, умылся бѣдѣхонько, снарядился и пошелъ къ обѣднѣ. Пришелъ въ церковь, образамъ помолился, на всѣ

стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ въ особицу; стоятъ они рядомъ да Богу молятся. На отходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ на рундукъ, глянулъ на синѣ море — идутъ корабли; наѣхало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмѣхаться: „ахъ ты, деревенская зобенка! по тебѣ-ль такая красавица? не стѣишь ты ея мизиннаго пальчика!“ Разъ говорятъ, и въ другой говорятъ, а въ третій сказали — ему бѣдно ¹⁾ стало: рукой махнулъ — улица, другой махнулъ — чисто, гладко кругомъ! Самъ ушелъ къ бабушкѣ-задворенкѣ. „Что, Иванъ-царевичъ, видѣлъ Ненаглядную Красоту?“ — Видѣлъ, по вѣкъ не забуду. „Ну, ложись спать; завтра она опять къ обѣднѣ пойдетъ; какъ ударитъ колоколь, я тебя разбуджу“. Лѣгъ царевичъ; день спитъ, ночь спитъ... зазвонили къ заутренѣ, прибѣжала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадетъ подъ руки — тѣмъ и бьетъ его; нѣтъ, не могла разбудить. Зазвонили къ обѣднѣ, она опять его бьетъ и будить. Вскочилъ Иванъ-царевичъ скорѣхонько, умылся бѣдѣхонько, снарядился и въ церковь. Пришелъ, образамъ помолился, на всѣ четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красотѣ на особицу; она на негоглянула — покраснѣла. Стоятъ они рядышкомъ да Богу молятся; на исходѣ обѣдни она первая подъ крестъ, онъ второй за ней. Вышелъ царевичъ на рундукъ, поглядѣлъ на

¹⁾ Обидно, прискорбно.

синё море — плывуть корабли, на-
ѣхало двѣнадцать богатырей; стали
тѣ богатыри Ненаглядную Красоту
сватать, Ивана-царевича на смѣхъ
поднимать: „ахъ ты, деревенская зо-
бенка! по тебѣ-ль такая красавица?
не стоишь ты ея мизиннаго паль-
чика!“ Отъ тѣхъ рѣчей ему бѣдно
показалось; махнулъ рукой — стала
улица, махнулъ другой — чисто и
гладко кругомъ! Самъ къ бабушкѣ-
задворенкѣ ушелъ. „Видѣлъ-ли Не-
наглядную Красоту?“ спрашиваетъ
бабушка-задворенка. „Видѣлъ, по
вѣкъ не забуду“. — Ну, спи; завтра
я тебя опять разбужу. Иванъ-ца-
ревичъ день спитъ и ночь спитъ;
ударили въ колоколь къ заутренѣ,
прибѣжала бабушка-задворенка бу-
дить его; чѣмъ ни попада бьетъ
его, не жалѣючи, а разбудить ни-
какъ не можетъ. Ударили въ ко-
локоль къ обѣднѣ, она все съ ца-
ревичемъ возится. Насилу добуди-
лась его! Иванъ-царевичъ вскочилъ
скорѣхонько, умылся бѣлѣхонько, сна-
рядился и въ церковь. Пришелъ,
образамъ помолился, на всѣ на четыре
стороны поклонился, Ненаглядной
Красотѣ на особицу; она съ нимъ
поздоровалась, поставила его по пра-
вую руку, а сама стала по лѣвую.
Стоять они да Богу молятся; на
исходѣ обѣдни онъ первый подъ
крестъ, она вторая за нимъ. Вы-
шелъ царевичъ на рундукъ, погля-
дѣлъ на синё море — плывуть ко-
рабли, наѣхало двадцать четыре бо-
гатыря Ненаглядную Красоту сва-
тать. Увидали богатыри Ивана-ца-
ревича и пу надъ нимъ насмѣхаться:
„ахъ ты, деревенская зобенка! по

тебѣ-ль такая красавица? ты не
стоишь ея мизиннаго пальчика!“
Стали къ нему со всѣхъ сторонъ
подступать да невѣсту отбивать;
Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ: мах-
нулъ рукой — улица, махнулъ дру-
гой — гладко и чисто кругомъ, всѣхъ
до единаго перебилъ. Ненаглядная
Красота взяла его за руку, повела
въ свои терема, сажала за столы
дубовые, за скатерти бранныя, уго-
щала его — подчивала, своимъ же-
нихомъ называла. Вскорѣ потѣмъ
собрались въ путь-дорогу и поѣхали
въ государство Ивана-царевича.
Ѣхали-ѣхали, и остановились въ
чистомъ полѣ отдыхать. Ненагляд-
ная Красота спать легла, а Иванъ-
царевичъ ея сонъ сторожить. Вотъ
она выспалась, пробудилась; гово-
рить ей царевичъ: „Ненаглядная
Красота! похрани моего тѣла бѣ-
лаго, я спать лягу“. — А долго-ль
спать будешь? „Девятеро сутокъ,
съ боку на бокъ не поворочусь,
станешь будить меня — не разбудишь,
а время прійдетъ — самъ прос-
нусь“. — Долго, Иванъ-царевичъ!
миѣ скучно будетъ. „Скучно-не-
скучно, а дѣлать нечего!“ Лѣгъ
спать, и проспалъ какъ разъ де-
вятъ сутокъ. Въ то время пріѣхалъ
Кощей Безсмертный и увѣзъ Нена-
глядную Красоту въ свое государ-
ство.

Пробудился отъ сна Иванъ-ца-
ревичъ, смотреть — нѣту Ненагляд-
ной Красоты; заплакалъ и пошелъ
ни путемъ-ни дорогою. Долго ли,
коротко ли — приходитъ въ госу-
дарство Кощея Безсмертнаго и про-
сится на постой къ одной старухѣ.

„Что, Иванъ-царевичъ, печалень ходишь?“ — Такъ и такъ, бабушка! былъ со всѣмъ, сталь ни съ чѣмъ. „Худо твое дѣло, Иванъ-царевичъ! тебѣ Кощей не потребить (истребить)“. Я хоть посмотрю на мою невѣсту! „Ну ложись — спи до утра; завтра Кощей на войну уѣдетъ“. Лѣгъ Иванъ-царевичъ, а сонъ и на умъ не йдетъ; поутру Кощей со двора, а царевичъ во дворъ — сталь у воротъ и стучится. Ненаглядная Красота створила, глянула и заплакала; пришли они въ горницу, сѣли за столъ и начали разговаривать. Научаетъ ее Иванъ-царевичъ: „спроси у Кощей Безсмертнаго, гдѣ его смерть?“ — Хорошо, спрошу. Только успѣлъ онъ со двора уйдти, а Кощей во дворъ: „а! говорить, русской кос(т)кой пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ“. — Что ты, Кощей Безсмертной! гдѣ мнѣ Иванъ-царевича видать? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли! Стали они ужинать; за ужиномъ Ненаглядная Красота спрашиваетъ: „скажи мнѣ, Кощей Безсмертной: гдѣ твоя смерть?“ — На что тебѣ, глупая баба? Моя смерть въ вѣникѣ завязана. Рано утромъ уѣзжаетъ Кощей на войну. Иванъ-царевичъ пришелъ къ Ненаглядной Красотѣ, взялъ тотъ вѣникъ и чистымъ золотомъ ярко вызолотилъ. Только успѣлъ царевичъ уйти, а Кощей во дворъ: „а! говорить, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ“. — Что ты, Кощей Безсмертной! самъ по Руси леталъ, русскаго духу нахвастался — отъ тебя

русскимъ духомъ и пахнетъ. А мнѣ гдѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри съѣли! Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на стулъ, а его посадила на лавку; онъ взглянулъ подъ порогъ — лежитъ вѣникъ позолоченый. „Это что?“ — Ахъ, Кощей Безсмертной! самъ видишь, какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога“. Глупая баба! то я пошутить, моя смерть вонъ въ дубовомъ тыну задѣлана“. На другой день Кощей уѣхалъ, а Иванъ-царевичъ пришелъ, весь тынъ вызолотилъ. Къ вечеру ворочается Кощей безсмертной: „а! говорить, русской коской пахнетъ; знать, у тебя Иванъ-царевичъ былъ“. — Что ты, Кощей Безсмертной! кажется, я тебѣ не разъ говаривала: гдѣ мнѣ видать Ивана-царевича? остался онъ въ лѣсахъ дремучихъ, въ грязяхъ вязучихъ, по сихъ поръ звѣри растерзали. Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама сѣла на лавку, а его на стулъ посадила. Кощей взглянулъ въ окно — стоитъ тынъ позолоченый, словно жаръ горитъ! „Это что?“ — Самъ видишь, Кощей Безсмертной! какъ я тебя почитаю: коли ты мнѣ дорогъ, такъ и смерть твоя дорога. Полюбилась эта рѣчь Кощею Безсмертному, говоритъ онъ Ненаглядной Красотѣ: „ахъ ты, глупая баба! то я пошутить; моя смерть въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ кокорѣ¹⁾, та

¹⁾ Кокора — пень, лежащій на днѣ рѣки; выдолбленная колода.

кокора въ морѣ плаваешь“. Какъ только уѣхалъ Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожковъ и рассказала, гдѣ искать смерть Кощееву. Иванъ-царевичъ пошелъ ни путемъ-ни дорогою, пришелъ къ окіанъ-мору широкому, и не знаетъ, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — ѣсть нечего. Вдругъ летитъ ястребъ, Иванъ-царевичъ прицѣлился: „ну, ястребъ! я тебя застрѣлю да сыркомъ съѣмъ ¹⁾“. — Не ѣшь меня, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Бѣжить медвѣдь: „ахъ, Мишка косалапой! я тебя убью да сыркомъ съѣмъ“. — Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! въ нужное время я тебѣ пригожусь. Глядь — на берегу щука трепещется: „а, щука зубастая, попалася! я тебя сыркомъ съѣмъ“. — Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! лучше въ море брось; въ нужное время я тебѣ пригожусь. Стоять царевичъ и думаетъ: когда-то наступитъ нужное время, а тецерь голодать пришлось! Вдругъ снѣ море всколыхалось, взволновалось, стало берегъ заливать; Иванъ-царевичъ бросился въ гору. Чтò есть силъ бѣжить, а вода за нимъ по пятамъ гонить; вбѣжалъ на самое высокое мѣсто и взлѣзъ на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большал кокора. Прибѣжалъ медвѣдь, поднялъ кокору, да какъ хватить оземь — кокора развалилася, вылетѣла оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдругъ откуда ни взялся — летитъ

ястребъ, поймалъ утку и вмигъ разорвалъ ее пополамъ. Выпало изъ утки яйцо, да прямо въ море; тутъ подхватила его щука, подплыла къ берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевичъ положилъ яйцо за пазуху и пошелъ къ Кощею Безсмертному. Приходить къ нему во дворъ, и встрѣчаетъ его Ненаглядная Красота, въ уста цѣлуетъ, къ плечу припадаетъ. Кощей Безсмертной сидитъ у окна да ругается: „а, Иванъ-царевичъ! хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, такъ тебѣ живому не быть“. — Ты самъ у меня ее отнял! отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, вынулъ изъ-за пазухи яйцо и кажетъ Кощею: „а это что?“ У Кощея свѣтъ въ глазахъ помутился, тотчасъ онъ присмирѣлъ — покорился. Иванъ-царевичъ переложилъ яйцо съ руки на руку — Кощея Безсмертнаго изъ угла въ уголь бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще съ руки на руку перекладывать; перекладывалъ-перекладывалъ и смьялъ совсѣмъ — тутъ Кощей свалился и померъ. Иванъ-царевичъ запрѣгъ лошадей въ золотую карету, забралъ цѣлые мѣшки серебра и золота, и поѣхалъ вмѣстѣ съ своею невѣстою къ родному батюшкѣ. Долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ онъ къ той самой старухѣ, что всякую тварь: рыбу, птицу и звѣря допрашивала, увидалъ своего коня: „слава Богу, говоритъ, воронко живъ!“ и щедро отсыпалъ старухѣ золота за его прокормъ — хоть еще девяносто лѣтъ живи, и то не прожить! Тотчасъ снарядилъ царевичъ легкаго гонца и послалъ къ царю съ письмомъ,

¹⁾ Сыръемъ.

а въ письмѣ пишетъ: „батьюшка! (в)стрѣчай сына; ѣду съ невѣстою Ненаглядной Красотою“. Отецъ получилъ письмо, прочиталъ, и вѣрынейметъ: „какъ тому быть! вить Иванъ - царевичъ уѣхалъ отсель девятысуточной“. Вслѣдъ за гонцомъ и самъ царевичъ пріѣхалъ; царь увидалъ, что сынъ истинную правду писалъ, выбѣжалъ на крыльцо встрѣчать и приказалъ въ барабаны бить, музыкѣ играть. „Батьюшка! благослови жениться“. У царей не пиво варить, ни вино курить — всего много; въ тотъ-же день веселымъ пиркомъ да за свадебку. Обвѣнчали Ивана-царевича съ Ненаглядной Красотою, и выставили по всѣмъ улицамъ большіе чаны съ разными напитками; всякой приходи и пей, сколько душа запроситъ! И я тутъ былъ, медъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

(Ав. Ск. I, 451—463).

(Записана въ архангельской губ.).

9. Разказъ о вѣдмѣ.

Позднимъ вечеромъ пріѣхалъ одинъ казакъ въ село, остановился у крайней избы и сталъ проситься: „эй, хозяинъ! пусти переночевать“. — Ступай, коли смерти не боишься. „Что за рѣчь такая!“ думаетъ казакъ, поставилъ коня въ сарай, далъ ему корму, и идетъ въ избу. Смотритъ — и мужики, и бабы, и малые ребята всѣ навѣрыдъ плачутъ да Богу молятся; помолились и стали надѣвать чистыя рубашки. „Чего вы плачете?“ спрашиваетъ казакъ. — Да вишь, отвѣчаетъ хозяинъ, въ на-

шемъ селѣ по ночамъ смерть ходитъ; въ какую избу ни заглянетъ — такъ на утро клади всѣхъ жильцовъ въ гроба да вези на погость. Нынѣшнюю ночь за нами очередь. „Э, хозяинъ! не бойся; Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Хозяева полегли спать; а казакъ себѣ на умѣ — и глазъ не смыкаетъ. Въ самую полночь отворилось окно; у окна показалась вѣдма — вся въ бѣломъ, взяла кропило, просунула руку въ избу и только хотѣла кропить — какъ вдругъ казакъ размахнулся своей саблею и отсѣкъ ей руку по самое плечо. Вѣдма захохала, завизжала, по собачьи забрехала, и убѣжала прочь. А казакъ поднялъ отрубленную руку, спряталъ въ свою шинель, кровь замылъ, и легъ спать. Поутру проснулись хозяева, смотрятъ — всѣ до одинаго живы — здоровы, и несказанно обрадовались. „Хотите, говорить казакъ, я вамъ смерть покажу? Соберите скорѣй всѣхъ сотниковъ и десятниковъ, да пойдемте ее по селу искать. Тотчасъ собрались всѣ сотники и десятники и пошли по домамъ; тамъ нѣту, здѣсь нѣту, наконецъ добрались до пономарской избы. „Вся ли семья твоя на лицо?“ спрашиваетъ казакъ. — Нѣтъ, родимой! одна дочка больна, на печи лежитъ. Казакъ глянулъ на печь, а у дѣвки рука отсѣчена; тутъ онъ объявилъ все, какъ было, вынулъ и показалъ отрубленную руку. Миръ наградила казака деньгами, а эту вѣдму присудила утопить.

Ав. Ск. III, 283—284.

(Записана въ архангел. г.).

10. Коровья смерть *).

Мужикъ ѣхалъ съ мельницы поздною порою; на встрѣчъ ему плетется старуха и говоритъ: „подвези меня, дѣдушка!“ — „Да куда тебя? — „Вонъ до этого селенія, родимый, куда и ты, чай, ѣдешь“. — „А кто же ты, бабушка?“ — „Лѣчейка, родимый, коровъ лѣчу“. — „А гдѣ жъ ты лѣчила?“ — „А вотъ лѣчила у Истоминой, да тамъ всѣ переколѣли. Что дѣлать! Недавно привезли меня, и я захватить не успѣла.“

Мужикъ посадилъ бабу на возъ и поѣхалъ; но прѣхавши къ *ростанямъ* (перекрестку), забылъ свою дорогу, — а ужъ затемнѣло. Мужикъ, сотворилъ молитву, снялъ шапку и перекрестился. Глядь, — а бабы не бывало! Она, оборотаясь въ черную собаку, бѣжала къ селенію, и на завтра въ крайнемъ дворѣ пали три коровы. — Мужикъ привезъ коровью смерть.

Терещ. Б. Р. II. ч. VI, 42.

11. Сестрица Алѣнушка, братецъ Иванушка.

Жили-были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алѣнушкой. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлу свѣту. Шли, шли.... идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасется стадо ко-

ровъ. „Я хочу пить“, говоритъ Иванушка. — Не пей, братецъ! а то будешь телѣночкомъ, говоритъ Алѣнушка. Онъ послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. „Ахъ, сестрица! еслибъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется.“ — Не пей, братецъ! а то сдѣлаешься жеребеночкомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. „Ахъ, сестрица! мнѣ страшно пить хочется.“ — Не пей, братецъ! а то будешь баранчикомъ. Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. „Ахъ, сестрица! я напыюся; мнѣ ужасно пить хочется.“ — Не пей, братецъ! а то будешь поросѣночкомъ. Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ: пасется у воды стадо козъ. „Ахъ, сестрица! я напыюся.“ — Не пей, братецъ! а то будешь козленочкомъ. Онъ не вытерпѣлъ и не послушался сестры, папился и сталъ козленочкомъ, прыгаетъ передъ Алѣнушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Алѣнушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ... Козленочекъ бѣгалъ-бѣгалъ и забѣжалъ разъ въ садъ къ одному царю. Люди увидали и тотчасъ доказываютъ царю: „у насъ, ваше царское величество, въ саду козленочекъ, и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица.“ Царь приказалъ спросить,

*) «Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что коровья смерть (скотскій падежъ) или сама набѣгаетъ, или ее завозятъ».

кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда она и чьего роду-племени? — „Такъ и такъ, говорить Алёнушка, былъ царь и царица, да померли; остались мы дѣти: я — царевна, да вотъ братецъ мой, царевичъ; онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козлёночкомъ.“ Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Алёнушку, распросилъ обо всёмъ; она ему приглянулась, и царь захотѣлъ на ней жениться. Скоро сдѣлали свадьбу и стали жить себѣ, и козленочекъ съ ними — гуляетъ себѣ по саду, а пѣть и бѣть вмѣстѣ съ царемъ и съ царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Алёнушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все приуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: „али ты чѣмъ нездорова?“ — Да, хвораю, говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Алёнушка лежить больная: приходитъ къ ней колдунья и говоритъ: „хочешь, я тебя вылѣчу? выходи къ такому-то морю столько-то зорь и пей тамъ воду.“ Царица послушалась и въ сумеркахъ пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Алёнушка пошла на дно; козлёночекъ прибѣжалъ и горько-горько заплакалъ. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворецъ. Царь пріѣхалъ и обрадовался, что царица опять стала

здорова. Собрали на столъ и сѣли обѣдать. „А гдѣ-же козлёночекъ?“ спрашиваетъ царь. — Не надо его, говоритъ колдунья; я не велѣла шуметь; отъ него такъ и несетъ козлятиной! На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: „вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать.“ Пріѣхалъ царь; колдунья такъ и пристаётъ къ нему: прикажи да прикажи зарѣзать козлёночка; онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ! Царю жалко было козлёночка, да дѣлать нечего — она такъ пристаётъ, такъ упрасиваетъ, что царь наконецъ согласился и позволилъ его зарѣзать. Видитъ козлёночекъ: ужъ начали точить на него ножи булатные, заплакалъ онъ, побѣжалъ къ царю и просится: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, киш(е)чки всполоскать.“ Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ.
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ ¹⁾ камень ко дну тянетъ,
Люта змія сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воро-

¹⁾ Слово это пропозносятъ на мѣстномъ нарѣчій: «чижолъ».

тился назадъ. Посерѣдъ дня опять просится онъ у царя: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.“ Царь пустилъ его. Вотъ козлёночекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ.

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ,
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точать булатныс,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушко-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: что бы это значило, козлёночекъ все бѣгаетъ на море? Вотъ попросился козленочекъ въ третій разъ: „царь! пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.“ Царь отпустилъ его, и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю и слышитъ — козлёночекъ вызываетъ сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бѣрежокъ,
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точать булатныс,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала!

Козлёночекъ опять зачалъ вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показала надъ водой.

Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень и вытащилъ Алёнушку на берегъ, да и спрашиваетъ: какъ это сталося? Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козлёночекъ тоже — такъ и прыгаетъ, въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костеръ дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей и съ козленочкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и по прежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

Ал., Ск. II, 507—511.

(Записана въ бобровскомъ у., воронежской губ.).

12. Объ Ужакѣ.

Жила была старуха, была у ней дочь. Пошла ея дочь съ дѣвками купаться въ прудъ. Покидали онѣ рубахи, полѣзли купаться. Изъ пруда вылѣзъ ужакъ, легъ на рубаху этой дочери. Дѣвки всѣ вылѣзли, надѣли рубахи, и старухина дочь хотѣла надѣтъ, а на ней ужакъ лежитъ. Она стала его сгонять. Онъ сидитъ, не пускаетъ. Ужакъ говоритъ: пойдѣ замужъ за меня, то отдамъ рубаху. Она было не хотѣла за него замужъ пойти. А тѣ дѣвки говорятъ: можно развѣ за него замужъ итти! скажи пойдѣ. Она и сказала: ну, пойдѣ. Ужакъ слѣзъ съ рубахи, прямо въ воду. Она надѣла рубаху, пошла домой. Пришла и связываетъ матери: мамо, мамо, такъ и такъ, ужакъ на мою рубаху легъ и говоритъ: пойдѣ за меня замужъ, а то не отдамъ рубаху; я и сказала: пойдѣ. — И, дура, что ты мелешь, развѣ

можно за ужака идти! Такъ и оставили, забыли про это дѣло.

Недѣля проходить, видятъ: тутъ ужаковъ ползетъ много, большое стадо. А эта дѣвка говорить: ахъ, мамо, за мной, за мной! мать скорѣй ворота заперла, сѣнцы заперла. Ужаки кинулись было въ ворота — ворота заперты, въ сѣнцы кинулись — сѣнцы заперты. Какъ сейчасъ свернутся клубкомъ, ударились по окну, разбили окно и полѣзли всѣ въ избу. А дѣвка на печи. Они за ней. Сволокли съ печи и повели вонъ изъ избы. Мать такъ и воетъ, правождаетъ ее. Они доползли до пруда. Въ прудъ прямо нырнули съ этой дѣвкой и стали тамъ людьми. Мать осталась на плотинѣ, повыла, да и пошла домой.

Прошло три года; нажила она дѣтей, сына да дочь. Стала она у мужа проситься въ гости къ матери своей. Вывелъ онъ ее изъ воды. Она и спрашиваетъ: какже мнѣ тогда покликать тебя? Онъ говорить: ты меня покличь: Осипъ, Осипъ, выйди сюда, я и выйду. — Она пошла къ матери, а онъ въ воду опять нырнулъ. Дѣвочку она понесла на рукахъ, а мальчика за руку ведетъ. Мать и встрѣчаетъ, такъ рада ей. Здравствуй, матушка! — Хорошо-ли тамъ тебѣ было жить? — Хорошо, матушка, мнѣ тамъ жить, лучше вашего. Посидѣли они, погуторили. Собрала мать тамъ ей обѣдать. Она пообѣдала. Мать и спрашиваетъ: какже твоего мужа зовутъ? Она го-

ворить: Осипомъ, — А какже ты пойдешь домой? — Пойду къ плотинѣ, покличу: Осипъ, Осипъ, выйди сюда, онъ и выйдетъ. — Мать говорить: ляжь, дочка, отдохни. Она легла и заснула. Мать сейчасъ взяла топоръ, остро наточила и пошла на плотину. Пришла на плотину, стала клиеать: Осипъ, Осипъ, выйди сюда. Осипъ какъ только показавъ голову, какъ эта старуха махнеть топоромъ и срубила ему голову. А вода въ рѣкѣ такъ кровью и задернулась. Старуха пошла домой. Приходить домой, а дочь проснулась. — Ой, говорить, матушка, скучно мнѣ что-то, пойду домой. — Ночуй у меня, дочка, можетъ не придется тебѣ еще побывать у меня. Осталась дочка. Переночевала. Поутру встала; мать ей собрала позавтракать. Она позавтракала, простилась съ матерью и пошла. Дѣвочку взяла на руки, а мальчика за ней идетъ. Пришла на плотину и кличетъ: Осипъ, Осипъ, выйди сюда. Кликкала, кликала, а онъ неидетъ. Взглянула въ воду, а голова плаваетъ по водѣ. Дочь и догадалась. Ахъ, это мать моя убила! Выла, выла тутъ на берегу и говорить на свою дочку: полети птичкой подеррапивничкой отнынѣ до вѣку. А на сына говорить: ты полети, сыночекъ, соловьичкомъ отнынѣ до вѣку. А я полечу отнынѣ до вѣку кукушкой куковать.

О. Милл., Хр., 69 — 71.

(Изъ Эрленвейна Нар. сказки, стр. 6 — 8).

В. Сказки былевия (историческія).

1. Изъ сказки: Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ.

Въ славномъ было городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ—жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ. У него было любимое дѣтище Илья-Муромецъ; сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло тридцать лѣтъ, то сталъ онъ ходить на ногахъ крѣпко, и ощутилъ въ себѣ силу великую, и сдѣлалъ себѣ сбрую ратную и копые булатное, и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Приходить къ отцу и матери и сталъ у нихъ просить благословія: „государи мои, батюшка и матушка! отпустите меня въ славной городъ Кіевъ Богу помолиться, а Князю кіевскому поклониться“. Отецъ и мать его даютъ ему благословіе, кладутъ на него закліатіе великое и говорятъ такія рѣчи: „поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, и на пути своемъ не дѣлай никакой обиды, не проливай напрасно крови христіанской“. Илья-Муромецъ принялъ у отца и матери благословіе, Богу молится, съ отцомъ и съ матерью прощается, и поѣхалъ въ путь свой.

И такъ далеко заѣхалъ во темны лѣса, что наѣхалъ на таборъ разбойничи; и тѣ разбойники увидѣли Илью-Муромца и разгорѣлись у нихъ сердца разбойниче-

скія на коня богатырскаго, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что таковой лошади ни въ которыхъ мѣстахъ не видывали, а нынѣ ѣдетъ на такомъ добромъ конѣ незнамо-какой чело-вѣкъ. И стали на Илью-Муромца напущать чело-вѣкъ по десяти ¹⁾ и по двадцати; и сталъ Илья-Муромецъ останавливать ²⁾ коня своего богатырскаго, и вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу и наглядываетъ на тугой лукъ. Пустилъ онъ калену стрѣлу по-надъ землю, калена стрѣла стала рвать на ко-сую сажень. И видя то, разбойники испужались и собирались во единъ кругъ, пали на колѣни и стали говорить: „государь ты нашъ батюшка, удалъ доброй мѡлодецъ! виноваты мы передъ тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цвѣтнаго, и табуны лошадей, сколько угодно.“ Илья, усмѣхнувшись, сказалъ: „некуда мнѣ дѣвать!... а если хотите живы быть, такъ впередъ не отважьтесь!“ и поѣхалъ въ путь свой къ славному граду Кіеву.

.....
.....

Илья-Муромецъ поѣхалъ ко граду Кіеву прямою доро-гою отъ Чернигова, которую заложилъ Соловей-разбойникъ ровно тридцать лѣтъ,

¹⁾ Варіантъ: по пяти. ²⁾ Вар. останавливать.

не пропускалъ ни коннаго, ни пѣшаго, а убивалъ не оружіемъ, но своимъ свистомъ разбойничимъ. Выѣхалъ Илья-Муромецъ въ чисто поле и увидѣлъ попрыски богатырскіе и по нихъ поѣхалъ, и пріѣхалъ на тѣ лѣса Брянскіе, на тѣ грязи топучія, на тѣ мосты калиновы и къ той рѣкѣ Смородинкѣ. ¹⁾ Соловей-разбойникъ слышалъ себѣ кончину и несчастіе великое, и не допуская Илью-Муромца за двадцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ крѣпко; но богатырское сердце не устало. И не допуская еще за десять верстъ, засвисталъ онъ громче того, и съ того свисту подъ Ильєю-Муромцемъ конь спотыкнулся. Пріѣхалъ Илья-Муромецъ подъ самое гнѣздо, которое свито на двѣнадцати дубахъ; и Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидѣлъ свѣторусскаго богатыря и засвисталъ во весь свистъ, и хотѣлъ Илья-Муромца убить до смерти.

Илья-Муромецъ снимаетъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу и пускаетъ на то гнѣздо Соловьиное, и попалъ ему въ правую глазъ и вышибъ вонъ; Соловей-разбойникъ свалился съ гнѣзда, что овсяной снопъ. Илья-Муромецъ беретъ Соловья-разбойника; привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты Соловья-разбойника, и какъ поровнялся Илья-Муромецъ противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ

окны были растворены, и въ тѣ окны смотрѣли разбойничіи три дочери,—увидѣла его меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ: „вонъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ къ намъ мужика, привязаннаго у стремени булатнаго.“ А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала: „это не батюшка нашъ ѣдетъ; это ѣдетъ незнамо-какой человекъ и везетъ нашего батюшку.“ И закричали онѣ мужьямъ своимъ: „мужья наши милые! поѣзжайте къ мужику на встрѣчу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ.“ Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ свѣторусскаго богатыря; кони у нихъ добрые, копыя острия, и хотятъ они Илью на коняхъ поднять. И увидѣлъ Соловей-разбойникъ, и сталъ говорить: „зятя мои милые! не позорьтесь вы и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ него смерти; лучше съ покорностію попросите его въ домъ мой выпить чару зелена вина.“ По просьбѣ зятей поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдал ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобы его пришить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ копьемъ и ушибъ до смерти.

И какъ пріѣхалъ Илья-Муромецъ въ Кіевъ градъ, вѣзжаетъ прямо на княженицкой дворъ и входитъ въ палаты бѣлокаменныя, Богу молится и князю кланяется. Князь Кіевской спрашиваетъ: „скажи, доброй мѡлодецъ, какъ тебя зовутъ и изъ котораго города ты урож-

¹⁾ Вар. Смородинѣ.

нець? Отвѣтъ держитъ Илья-Муромецъ: „меня, государь, зовутъ Ильюшкою, а по отечеству Ивановъ, уроженецъ города Муромъ, села Карачарова.“ Князь спрашиваетъ: „которою дорогою ѣхаль ты изъ Муромъ?“ — На Черниговъ-градъ, и подъ Черниговомъ побилъ войска басурманскія, чтѣ и смѣтъ нѣтъ, и очистилъ Черниговъ градъ; и оттуда поѣхаль прямою дорогою, и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою у стремени булатнаго. Князь, осердясь, сказалъ: „что ты обманываешь!“ Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, они бросились смотрѣть, и увидѣвъ, князя увѣрили, что справедливо такъ. И приказалъ князь поднести чару ¹⁾ зелена вина доброму молодцу. Захотѣлось князю разбойническаго свисту послушать. Илья князя со княгинею обернулъ въ шубу соболю, и поставя ²⁾ ихъ подъ мышки, призвалъ Соловья и приказалъ въ полсвиста засвистать соловьемъ. А Соловей-разбойникъ засвисталъ во весь разбойнической свистъ и оглушилъ богатырей такъ, что они упали на полъ; и за то убилъ его Илья-Муромецъ.

Ае., Ск. III, 119—124.

(Напечатана съ лубочнаго изданія).

2. Алѣша-Поповичъ.

На небесахъ зародился младъ-свѣтѣль мѣсяцъ, на землѣ-то у ста-

раго соборнаго у Леонтыя-поца зародился сынъ—могучій богатырь; а имя нарекли ему младъ Алѣша-Поповичъ—имячко хорошенькое. Стали Алѣшу кормить-поить: у кого недѣльной, онъ денной такой; у новѣхъ ¹⁾ годовой, Алѣша недѣльной такой. Сталъ Алѣша по улочкѣ похаживати, сталъ съ малыми ребятами поигрывать: кого возьметъ за ручку—ручка прочь, кого за ножку—ножка прочь; игра-то у него не корыстно пошла! кого за серѣдку ²⁾ возьметъ—живота лишитъ. И сталъ Алѣша на возрастъ: учаль у отца-матери просить благословеньца: ѣхать-гулять во чисто поле. Отецъ говоритъ: „Алѣша-Поповичъ! поѣзжаешь ты во чисто поле; есть у насъ и посильнѣй тебя; ты возьми себѣ въ слуги вѣрныя Марышка Паропова сына“. И сядились добры молодцы на добрыхъ коней; какъ поѣхали они во чисто поле—пылъ столбомъ закурилася: только добрыхъ молодцовъ и видѣли!

Прѣзжали добры молодцы ко князю ко Владиміру; тутъ Алѣша-Поповичъ прямо ³⁾ идетъ въ бѣлокаменны палаты ко князю ко Владиміру, крестъ кладетъ по писанному, поклоняется по ученому на всѣ на четыре стороны, а князю Владиміру на особицу. И встрѣчаетъ добрыхъ молодцевъ Владиміръ-князь, и сажаетъ ихъ за дубовый столъ: хорошо добрыхъ молодцевъ поить-кормить и вѣпоръ вѣстей попросить; учали добры молодцы ѣсть пряники печатныя, заливать винами

¹⁾ Вар. кубокъ. ²⁾ Вар. подхватя.

¹⁾ Т. е. иныхъ. ²⁾ Пошрѣкъ. ³⁾ Прямо.

брѣвками. Тутъ спросилъ добрыхъ молодцевъ Владиміръ-князь: „кто вы, добры молодцы? сильные ли богатыри удалые, или путники-перехожіе — сумки перемѣтныя? Не знаю я вамъ ни имени, ни отчины“. Отвѣтъ держать Алѣша-Поповичъ: „я сынъ стараго соборнаго Леонтья-попа Алѣша-Поповичъ младъ, а въ товарищахъ слуга Марышко Парановъ сынъ“. Какъ поѣлъ да попилъ Алѣша-Поповичъ, учаль прѣвиться на кирпичну печь, лёгъ полудновать ¹⁾, а Марышко за столомъ сидеть. Въ тѣ поры да въ то времячко наѣзжалъ Змѣевичъ-богатырь и облатынилъ все царство князя Владиміра. Идетъ Тугаринъ-Змѣевичъ въ палаты бѣлокаменны ко князю Владиміру; онъ лѣвой ногой на порогъ ступилъ, а правой ногой за дубовый столъ; онъ пьетъ и ѣстъ и съ княгиней обнимается, а надъ княземъ Владиміромъ играетъ и ругается; онъ владеть ковригу за щеку, а другую за другую кладеть; на языкъ кладеть цѣлаго лебедя, пирогомъ попихнулъ — все вдругъ проглотнулъ. Лежить Алѣша-Поповичъ на кирпичной печи и говорить такіа рѣчи Тугарину-Змѣевичу: „было у нашего батюшки у стараго у Леонтья-попа — было коровищѣ, было обжорищѣ, ходило по пивоварнямъ и сѣдало цѣлыя кадцы пивоварныя съ гущею; дошло коровищѣ, дошло обжорищѣ до озера, всю воду изъ озера выпило — взяло его тутъ и рѣзорвало; а и тебя бы Тугарина такъ за столомъ-то всего

прірвало!“ Разсердился Тугаринъ на Алѣшу-Поповича, бросилъ въ его булатнымъ ножемъ; Алѣша-Поповичъ увертливъ былъ, увернулся отъ его за дубовый столъ. Говорить Алѣша таково слово: „спасибо тебѣ, Змѣевичъ - Тугаринъ - богатырь; подалъ ты мнѣ булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я тебѣ очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца“. Въ тѣ поры выскакалъ Марышко Парановъ сынъ изъ-за стола изъ-за дубоваго на рѣзвы ноги и хватилъ Тугарина за наворотъ, выхватилъ изъ-за столъя и бросилъ о палату бѣлокаменну — и посыпались оконницы стекольчатныя. Какъ возгворить Алѣша-Поповичъ съ кирпичной печи: „ой ты Марышко, Марышко, Парановъ сынъ, ты вѣрная слуга неизмѣнная!“ Отвѣчасть Марышко Парановъ сынъ: „подай-ка ты мнѣ, Алѣша - Поповичъ, булатный ножъ; распорю я Тугарину-Змѣевичу груди бѣлыя, застелю я ему очи ясныя, засмотрю его ретива сердца“. Отвѣтъ держать Алѣша съ кирпичной печи: „охъ ты, Марышко Парановъ сынъ! не руди ¹⁾ ты палатъ-то бѣлокаменныхъ, отпусти его во чисто поле; некудѣ онъ тамъ дѣвается; сѣдемся съ нимъ заутро во чистомъ полѣ“.

Поутру раннимъ-ранѣшенько подымался вмѣстѣхъ съ солнышемъ Марышко Парановъ сынъ, выводилъ онъ рѣзвыхъ коней пить воды на быстру рѣку. Летаеть Тугаринъ-Змѣевичъ по поднебесью и просить

¹⁾ Отдыхать послѣ обѣда.

¹⁾ Не марай.

Алѣшу-Поповича во чисто поле. И прїѣзжалъ Марышко Парановъ сынъ къ Алешѣ-Поповичу: „Богъ тебѣ судья, Алѣша-Поповичъ! не даль ты мнѣ булатнаго ножа; распоролъ бы я поганцу груди бѣлыя, застлалъ бы я его очи ясныя, высмотрѣлъ бы я его ретива сердца; те-перя чтѣ возьмешь у него у Тугарина? летаетъ онъ по поднебесью“. Говорить Алѣша таково слово: „не замѣна моя, все измѣна!“ Выводилъ Алѣша своего добра коня, обсѣдлалъ во черкаское сѣдло, подтянулъ двѣнадцатю подпругами шелковыми — ради басы ¹⁾, не ради крѣпости; поѣхалъ во чисто поле. Ѣдетъ Алѣша по чисту полю и видитъ Тугарина-Змѣевича: онъ летаетъ по поднебесью. И взмолился Алѣша-Поповичъ: „пресвятая мати Богородица! накажи-ко ты тучу черную; дай Богъ изъ тучи черной часта дождичка крупенистаго! смочило бы у Тугарина крыльица бумажныя“. У Алѣши была мольба доходная: накатилася туча черная; изъ той тучи грозной далъ Богъ дождичка частаго, частаго да крупенистаго, и смочило у Тугарина крыльица бумажныя; палъ онъ на сыру землю и поѣхалъ по чисту полю. Не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алѣшей сѣѣзжались; палицами ударились—палицы по чивьямъ ²⁾ поломались, копыями соткнулися—копыя чивьямъ извернулися, саблями махнулися—сабли изщербилися. Тутъ-то Алѣша-Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяной снопъ; и тутъ

Тугаринъ-Змѣевичъ учалъ бить Алѣшу-Поповича, а тотъ - ли Алѣша увертливъ былъ, увернулся Алѣша подъ конное чѣрево, съ другой стороны вывернулся изъ подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножемъ подъ правую пазуху, и спихнулъ Тугарина съ добра коня, и учалъ Алѣша-Поповичъ кричать Тугарину: „спасибо тебѣ, Тугаринъ-Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца“. Отрубилъ ему Алѣша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю ко Владимиру; Ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на остро копые головушку подхватываетъ. Тутъ Владимиръ оплохнулся ¹⁾: „везетъ де Тугаринъ буйну голову Алѣши-Поповича? Поплѣнить онъ теперь наше царство христіанское!“ Отвѣтъ держитъ Марышко Парановъ сынъ: „не тужи ты, красно солнышно - Владимиръ стольный, кїевскїй! Если Ѣдетъ по земли, а не летаетъ по поднебесью поганый Тугаринъ, сложить онъ свою буйну голову на мое копые булатное; не печалуйся, князь Владимиръ: каковѣ пора—я съ нимъ побратаюся!“ Посмотрѣлъ тутъ Марышко Парановъ сынъ въ трубочку подзорную, опозналъ онъ Алѣшу-Поповича: „вижу я ухватку богатирскую, поступку молодецкую: накруто Алѣша коня поворачиваетъ, головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на остро

¹⁾ Красоты, щегольства.

²⁾ Чивье—рукоятка.

¹⁾ Испугался, устранился.

коше головушку подхватываетъ. Ёдетъ это не Тугаринъ поганый, а Алёша-Поповичъ, сынъ Леонтья-попа стараго соборнаго; везетъ онъ головушку поганаго Тугарипа-Змѣвича“.

Ао., Ск. III, 136—140.
(Записана въ Шенкурскѣ архан. губ.).

3. Горшеня.

Горшеня ёдетъ-дремлетъ съ горшками. Догналъ его государь Иванъ Васильевичъ. „Миръ по дорогѣ!“ Горшеня оглянулся.—Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ. „Знать вздремалъ?“ — Вздремалъ, великій государь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ. „Экой ты смѣлый, горшеня! люблю эдакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?“ — Съ молоду, да вотъ и середовой сталъ. „Кормишь дѣтей?“ — Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ. „Хорошо, горшеня, по все-таки на свѣтѣ не безъ худа“. — Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три худа. „А какія три худа, горшенюшка?“ — Первое худо: худой шаберъ ¹⁾, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ. „А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?“ — Отъ худова шабра уйду, отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить; а отъ худова разума не уйдешь—все съ тобой. „Такъ, вѣр-

но, горшеня! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня—а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки оциплешь, а по правильному цокнешь!“ — Годится, такъ повиную—какъ придетъ, а то и на-голо. „Ну, горшеня, стой на часъ! я погляжу твою посуду“. Горшеня остановился, началъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть и показались ему три тарелочки глиняны. „Ты надѣлаешь мнѣ эдакихъ?“ — Сколько угодно вашему царскому величеству? „Возовъ съ десятокъ надо“. — На много ли дашь время? „Мѣсяцъ“. — Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня. „Спасибо, горшенюшка!“ — А ты, осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ? „Буду въ дому у кунца въ гостяхъ“. Осударь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончилъ заказъ царской и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говорить ему: „Богъ за товаромъ, горшеня!“ — Просимъ покорно. „Продай мнѣ весь товаръ“. — Нельзя, по заказу. „А што тебѣ, ты бери деньги—не повинять изъ этого, коли не взял задатку подъ работу. Ну, што возьмешь?“ — А вотъ што: каждую посудину насыпать полную денегъ. „Полно, горшенюшка, много!“ — Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать — хочешь? И сладили.—Ты

¹⁾ Сосѣдь.

для меня, а я для тебя. — Насыпают да высыпают, сыпали, сыпали... денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ — товару все много. „Какъ быть, горшенюшка?“ — Ну, што ни жадала? Нечего дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што? свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ, и всѣ деньги. Бояринъ мялся, мялся — жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; въ спорѣ дѣло. Горшеня зацѣлъ пѣсню, бояринъ везеть, да везеть. „До коихъ же мѣстъ вести тебя?“ — Вотъ до этого двора и до этого дому. Весело поеть горшеня, противъ дому онъ высоко поднялъ. Осударь услыхаль,

выбѣгъ на крыльцо — призналъ горшеню. „Ба! здравствуй, горшенюшка, съ прївздомя!“ — Благодарю, ваше царское величество. „Да на чемъ ты ѣдешь?“ — На худомъ-то разумѣ, осударь. Ну, мозголовъ горшеня, умѣлъ товаръ продать; бояринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ — а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?“ — Прилетали. „Перышки ощипаль, а по правильному покинулъ?“ — Нѣтъ, на голо, великій осударь, — всего ощипаль.

Ае., Ск. III, 185—187.

(Записана въ симбирск. г.).

Г. Сказки нравственнаго содержанія.

1. Правда и кривда.

а. Однажды спорила Кривда съ Правдою: чѣмъ лучше жить — кривдой, или правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили-спорили, никто не переспорить. Говорить Кривда: „пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ!“ — Пойдемъ, отвѣчаетъ Правда. Вотъ пришли къ писарю. „Рѣши нашъ споръ, говоритъ Кривда: чѣмъ лучше жить — кривдою, али правдою?“ Пи-

сарь спросилъ: „очемъ вы бьетесь?“ — О ста рубляхъ. „Ну ты, Правда, проспорила; въ наше время лучше жить кривдою.“ Правда вынула изъ кармана сто рублей и отдала Кривдѣ, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше жить правдою. „Пойдемъ къ судѣ, какъ онъ рѣшитъ? говоритъ Кривда; коли по твоему — я тебѣ плачѹ тысячу рублей, а коли по моему — ты мнѣ должна оба глаза отдать.“ — Хорошо, пойдемъ. Пришли онѣ къ судѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья ска-

залъ тоже самое: „въ наше время лучше жить кривдою.“ — Подавай-ка свои глаза! говоритъ Кривда Правдѣ; выколола у ней глаза и ушла—куда знала. Осталась Правда безглазая, пала лицомъ наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла въ травѣ. Въ самую полночь собралась туда невѣрная сила. Набольшой сталъ всѣхъ спрашивать: кто и что сдѣлалъ? Кто говоритъ: я душу загубилъ; кто говоритъ: я того-то на грѣхъ смутилъ; а Кривда въ свой чередъ похвальноется: „я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!“ — Что глаза! говоритъ набольшой; стѣишь потереть тутошной травкою— глаза опять будутъ! Правда лежитъ да слушаетъ. Вдругъ кривнули пѣтухи, и невѣрная сила разомъ пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потеряла одинъ, потеряла другой — и стала видѣть по-прежнему; захватила съ собой этой травки и пошла въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличъ: кто вылѣчитъ царевну, за того отдастъ ее замужъ. Правда предложила ей къ очамъ травку, потеряла и вылѣчила; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ къ себѣ въ домъ...

Ав., Ск. I, 223—224.

б. Были два брата: одинъ богатой, другой бѣдной. Богатой сдѣлалъ пирушку, позвалъ гостей, позвалъ и брата. Братъ пришелъ

всѣхъ наперво ¹⁾); послѣ него начали собираться гости. Когда набралось ихъ много, хозяинъ началъ подвигать своего брата ниже; говорить ему: „поди-ка ты, братъ, пониже!“ Братъ подвигался—подвигался, и додвинулся до самыхъ дверей; больше ужъ и мѣста нѣтъ! А гостей все прибываетъ... Говорить наконецъ богатой бѣдному: „поди-ка ты къ чорту, дай другимъ мѣсто!“ Бѣдной братъ вышелъ на улицу и побѣжалъ на рѣку. Ходить по берегу мельникъ; бѣдной его и спрашиваетъ: „скажи, гдѣ чортъ живетъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „вонъ, поди-скачи въ бучило!“ ²⁾ Вотъ бѣдной туда скочилъ, и объявился ³⁾ въ избѣ—въ той избѣ никого нѣтъ. Онъ запалъ ⁴⁾ тутъ, чтобъ его не видно было, и сидитъ себѣ смирно да тихо. Скоро собрались въ избу бѣсѣяки; собрались и стали промежь себя похвалиться. Одинъ хромоу говоритъ: „я мельницу прорылъ—ни за что ее не укрѣпить!“ А другіе ему въ отвѣтъ: „какъ не укрѣпить? мельникъ укрѣнитъ!“ — Чѣмъ? „Онъ наладетъ терновнику да шиповнику; тѣмъ дѣло и устроить!“ Мужикъ слушаетъ ихъ рѣчи... Когда бѣсы убѣжали изъ избы, а мужикъ остался одинъ — онъ тотчасъ выскочилъ оттуда, вынырнулъ изъ-подъ воды и очутился на-верху. Мельникъ все по берегу ходитъ, не знаетъ-не вѣдаетъ — чѣмъ укрѣпить мельницу. Бѣдной говоритъ: „награди меня, я укрѣплю твою мельницу.“ — Возьми, что угодно;

¹⁾ Прежде. — ²⁾ Мѣсто внизу мельничныхъ колесъ. — ³⁾ Очутился. — ⁴⁾ Спрятался.

хоть цѣлой возъ денегъ дамъ, только укрѣпи пожалуста! „Натаскай терновника да шиповника, тѣмъ и устроишь!“ Мельникъ тотчасъ набилъ сваи, накидалъ терновнику, набросалъ шиповнику, сверху землей заровнялъ — и укрѣпилъ мельницу; а мужику цѣлой возъ денегъ насыпалъ. Бѣдной увезъ деньги домой; надо въ кладовую таскать, а не въ чемъ. Вотъ онъ посылаетъ своего сына къ богатому брату и наказываетъ попросить у него четуху ¹⁾. Богатой спрашиваетъ: „на что четуху?“ — Деньги изъ телѣги въ кладовую носить. „Какія тамъ деньги? что вы смѣетесь надо мной — что ли? у васъ денегъ николи не водилось!“ и не далъ четухи. Мальчикъ пришелъ безо всего и говоритъ отцу: „дядя не далъ четухи, сказываетъ: на что вамъ!“ Отецъ посылаетъ сына въ другой разъ: „поди еще, да хорошенько попроси.“ Мальчикъ опять къ дядѣ: „дай, говоритъ, четуху; надо деньги таскать.“ Богатой дивится, не вѣрится: „ступай, я самъ принесу!“ Приносить къ бѣдному брату четуху, увидалъ полной возъ денегъ, и сталъ спрашивать: „скажи, братъ, гдѣ взялъ монету? Гляди-ка, у тебя ее цѣлые вороха набросаны!“ — А помнишь, какъ ты послалъ меня къ чорту? Вотъ я къ чорту сходилъ, и добро получилъ. Богатому забѣдно ²⁾ стало, пошелъ искать чорта. Прибѣжалъ на рѣку; а мельникъ по берегу ходитъ да радуется, что укрѣпилъ свою мель-

ницу. Спрашиваетъ его богатой: „гдѣ чортъ живетъ?“ — Вонъ, поди въ бучило! Онъ бросился и объявился въ избѣ. Начали бѣсенки опять собираться въ избу и разговариваютъ промежь себя: „вотъ мельникъ укрѣпилъ таки мельницу и терновникомъ, и шиповникомъ; теперь не разломать!“ Хромой бѣсенокъ сталъ говорить: „а что, братцы! не подслушиваетъ ли кто наши рѣчи?“ Давай искать вездѣ, и нашли богатаго брата въ углу: „а! дакъ это ты переносишь наши рѣчи?“ Взяли его — задавили и бросили въ омутъ.

Ав., Ск. I, 226—228.

2. Горе.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдной, другой богатой. Богачъ переѣхалъ на житѣе въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы; а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ мала меньше — плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ одна своей женѣ: „дай-ка пойду въ городъ, попрошу у брата: не поможетъ ли чѣмъ!“ Пришелъ къ богатому: „ахъ, братецъ родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодають.“ — Проработай у меня эту недѣлю, тогда и помогу! Что дѣлать? принялся бѣдной

¹⁾ Четверикъ. ²⁾ Завидно.

за работу: и дворъ чистить, и лошадей холить, и воду возить, и дрова рубить. Черезъ недѣлю даетъ ему богатой одну ковригу хлѣба: „вотъ тебѣ за труды!“ — И за то спасибо! сказалъ бѣдной, поклонился и хотѣлъ было домой идти. „Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приводи: вѣдь завтра—мой именины.“ — Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ прійдутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанишкѣ. „Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.“ — Хорошо, братецъ! прійду. Воротился бѣдной домой, отдалъ женѣ ковригу, и говоритъ: „слушай, жена! назавтрее насъ съ тобой въ гости звали.“ — Какъ въ гости? кто звалъ? „Братъ; онъ завтра именинникъ.“ — Ну, что-жъ! пойдѣмъ. На утро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавки. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ—ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ-за стола вылазить да хозяина съ хозяйшккой благодарять, и бѣдной тожъ — поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ; „давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!“ — Эхъ, ты дуракъ!

люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣть вздумалъ? „Ну, все-таки у брата на именинахъ былъ; безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякой подумаетъ, что и меня угостили...“ — Ну, пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голола; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: „это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?“ — Что съ тобой? я вовсе и не думала. „Такъ кто-же?“ — Не знаю, сказала баба; а ну, запой, я послушаю. Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: „это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?“ Горе отозвалось: „да, хозяинъ! это я пособляю.“ — Ну, Горе, пойдѣмъ съ нами вмѣстѣ. „Пойдѣмъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану.“ Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: „у меня денегъ нѣтъ!“ — Охъ, ты, мужичокъ! да на что тебѣ девьги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдѣмъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе захало, съ похмѣлья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. „Денегъ нѣтъ!“ говоритъ мужикъ. „Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно!“ Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ

въ кабакъ и пропиля вѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмѣлиться; мужикъ пропиля и борону и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ свѣсь. Горе опять пристае къ нему: „пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!“ — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. „Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно.“ Мужикъ взялъ сарафанъ, пропиля и думаетъ: „вогъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!“

Попутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говорить: „хозяинъ!“ — Что, Горе? „А вотъ что: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгою.“ Пошелъ мужикъ къ сосѣду: „дай, просить, на времячко пару воловъ съ телѣгою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю.“ — На что тебѣ? „Въ лѣсъ за дровами съѣздить.“ — Ну, возьми; только не великъ возъ накладывай. „И, что ты, кормилецъ!“ Привелъ пару воловъ, свѣль вѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле. „Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?“ — Какъ не знать! „А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.“ Пріѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золо-

томъ насыпана. „Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣй въ телѣгу.“ Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ, все изъ ямы выбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужъ больше ничего не осталось, и говоритъ: „посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?“ Горе наклонилось: „гдѣ? я что-то не вижу!“ — Да вонъ въ углу свѣтятся! „Нѣтъ, не вижу.“ — Полѣзай въ яму, такъ и увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. „Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все-же пропнешь и эти деньги!“ Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли — поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на именины. „Вотъ что выдумалъ! сказалъ ему богатой братъ; у самого ѣсть нечего, а ты еще именины справляешь!“ — Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; пріѣзжай — увидишь. „Ладно, пріѣду!“ На другой день богатой братъ собрался съ женою, и поѣхали на именины; смотрятъ, а у бѣднаго-то голыша хоромы новыя, высокія: не у всякаго купца такія сестъ! Мужикъ угостилъ ихъ, угодчивалъ

всякими наѣдками, наполнивъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатой у брата: „скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?“ Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе горемычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабакѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталась, что душа въ тѣлѣ! какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Гора избавился. Завистно стало богатому; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно до тла раззоритъ брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подѣхалъ къ большому камню, своротилъ его въ сторону и наклоняется посмотреть, что тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ головы нагнуть — а ужъ Горе выскочило и усѣлось ему на шею: „а! кричить, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану.“ — Послушай, Горе! сказалъ купецъ; вовсе не я засадилъ тебя подъ камень.. „А кто же, какъ не ты?“ — Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить. „Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!“ Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужъ съ утра за свое привинается, каждой день зоветь купца опохмѣлиться; много добра въ ка-

бакъ ушло! „Эдакъ несходно жить! думаетъ про себя купецъ; кажись, довольно потѣшиль я Горе; пора бы и разстаться съ нимъ, да какъ?“ Думаль-думаль, и выдумаль: пошелъ на широкой дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходитъ къ Горю: „что ты, Горе, все на боку лежишь?“ — А что-жъ мнѣ больше дѣлать? „Что дѣлать! пойдёмъ на дворъ въ гулючки играть.“ А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался — Горе сейчасъ его нашло, послѣ того чередъ Горю прятаться: „ну, говорить, меня не скоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!“ — Куда тебѣ! отвѣчаетъ купецъ; ты въ это колесо не влѣзешь, а то — въ щель! „Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!“ Влѣзло Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другаго конца забилъ въ тулку дубовой клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по старому, по прежнему.

Ав. Ск. III, 102—106.

(Записана въ новгородской г.).

3. Горшечникъ.

Ѣдетъ дорогою горшечникъ; на встрѣчу ему прохожій: „найми, говорить, меня въ работники!“ — да умѣешь ли ты горшки дѣлать? „Еще какъ умѣю-то!“ Вотъ порядились, ударили по рукамъ и поѣхали вмѣстѣ. Приѣзжаютъ домой, работникъ

и говорить: „ну, хозяинъ! пригото-
 вь сорокъ возовъ глины, завтра
 я за работу приймусь!“ Хозяинъ
 приготовилъ сорокъ возовъ глины;
 а работникъ-то былъ — самъ нечи-
 стый, и наказываетъ опъ горчеш-
 няку: „я стану по ночамъ рабо-
 тать, а ты ко мнѣ въ сарай не хо-
 ди!“ — Отчего такъ? „Ну, да ужь
 такъ! Прийдешь — бѣды наживешь?“
 Наступила темная ночь; какъ разъ
 въ двѣнадцать часовъ закричалъ
 нечистой громкимъ голосомъ — и со-
 бралось къ нему чертенятъ видимо-
 невидимо, начали горшки лѣпить,
 пошелъ громъ, стукъ, хохотъ по
 всему двору. Хозяинъ не вытерпѣлъ:
 „дай пойду — посмотрю!“ Прихо-
 дить къ сараю, заглянулъ въ ще-
 лочку — сидятъ черти на корточ-
 кахъ да горшки лѣпятъ; только
 одинъ хромой не работаетъ, по сто-
 ронамъ смотреть, увидалъ хозяина,
 схватилъ комъ глины да какъ пу-
 стить — и попалъ ему прямо въ
 глазъ! Окривѣлъ хозяинъ на одинъ
 глазъ и вернулся въ избу, а въ са-
 рай-то гамъ да хохотъ пуще преж-
 няго! На утро говоритъ работникъ:
 „эй, хозяинъ! ступай горшки счи-
 тать, сколько за одну ночь нара-
 ботано.“ Хозяинъ сосчиталъ — со-
 рокъ тысячъ наработано. „Ну, те-
 перь готовъ мнѣ десять сажень дровъ;
 въ эту ночь стану обжигать горш-
 ки.“ Ровно въ полночь опять за-
 кричалъ нечистой громкимъ голо-
 сомъ; сбѣжались къ нему со всѣхъ
 концовъ чертенята, перебили всѣ гор-
 шки, покидали черенъ въ печь и да-

вай обжигать. А хозяинъ закрестилъ
 щелочку и смотритъ; „ну, думаетъ,
 пропала работа!“ На другой день
 зоветъ его работникъ: „погляди, хо-
 рошо ли сдѣлалъ?“ Хозяинъ при-
 ходитъ смотрѣть — всѣ сорокъ ты-
 сячъ горшковъ стоятъ цѣлы, одинъ
 одного лучше! На третью ночь со-
 звалъ нечистой чертенятъ, раскра-
 силъ горшки разными цвѣтами, и
 всѣ до послѣдняго на одинъ возъ
 укласть. Дождался хозяинъ базар-
 наго дня и повезъ горшки въ городъ
 на продажу; а нечистой приказалъ
 своимъ чертенятамъ бѣгать по всѣмъ
 домамъ, по всѣмъ улицамъ, да на-
 родъ скликать — горшки покупать.
 Сейчас повалилъ народъ на базаръ;
 обступили со всѣхъ сторонъ гор-
 шечника и въ полчаса весь товаръ
 разобрали. Приѣхалъ мужикъ домой,
 и полонъ мѣшокъ денегъ привезъ.
 „Ну, говоритъ ему нечистой, да-
 вай барыши дѣлать.“ Подѣлили по-
 поламъ. Чортъ влялъ свою часть,
 распрощался съ хозяиномъ и про-
 палъ. Черезъ недѣлю поѣхалъ му-
 жикъ съ горшками въ городъ; сколько
 ни стоялъ онъ на базарѣ, никто
 не покупаетъ; всѣ обходятъ его
 мимо, да еще всячески ругаютъ: „зна-
 емъ мы твои горшки, старой хрѣнъ!
 съ виду казисты, а нальешь воды —
 сейчас и развалится! Нѣтъ, братъ!
 теперь не надуешь.“ Перестали
 брать у него горшки; совсѣмъ обѣд-
 нялъ мужикъ, запилъ съ горя и
 сталъ по кабакамъ валяться.

Д. Сказки бытовые ¹⁾.

1. Морозко.

У мачихи была падчерица да родная дочка; родная что ни съедаетъ, за все ее гладять по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодить, все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото, въ хорѣшихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумить да затихнетъ, а старая баба расходится — не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачиха падчерицу со двора согнать: „вези, вези, старикъ, ее — куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слышали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ-морозъ!“ Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой — и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобы глаза не видали дочериной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творить. Приходить Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я

Морозъ-красный носъ!“ — Добро пожаловать, Морозъ, знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную. Морозъ хотѣлъ ее тукнуть ²⁾ и заморозить; но полюбились ему ея умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, поджала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!“ — Добро пожаловать, Морозъ, знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную. Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокой да тяжелой, полный всякаго приданого. Усѣлась она въ шубочкѣ, на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачиха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. „Ступай, мужъ! вези хоронить свою дочь“. Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: „тявь! тявь! старикову дочь въ златѣ, въ сѣребрѣ везуть, а старухину женихи не берутъ! — Молчи, дура! пѣ блинъ, скажи: стару-

¹⁾ См. въ Предисловіи.

²⁾ Стукнуть, пришибить.

хину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ! Собачка съѣла блинъ да опять: „тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ сѣребрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!“ Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: „старикову дочь въ златѣ, въ сѣребрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!“

Скрипнули ворота, растворились двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерипа — панья паньей сіяетъ! Мачиха глянула — и руки врозь! „Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то-же поле, на то-же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красной носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгаль, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ. — „Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!“ А собачка подъ столомъ: „тявъ! тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!“ — Не ври! на пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ сѣребрѣ везутъ! Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣтъ(чать) дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

Ав. Ск. I, 159—161.

(Записана въ курской губ.).

2. Три царства: мѣдное, серебряное и золотое.

Бывало да живало — жили-были старикъ да старушка; у нихъ было три сына: первой — Егорушко Залѣтъ, второй — Миша Косолапой, третій — Ивашко Запечникъ. Вотъ вздумали отецъ и мать ихъ женить; послали большаго сына присматривать невѣсту, и онъ шелъ да шелъ — много времени, гдѣ ни посмотреть на дѣвокъ, не можетъ прибрать себѣ невѣсты, все не глянутся ¹⁾. Потомъ встрѣтилъ на дорогѣ змѣя о трехъ головахъ и испугался, а змѣй говоритъ ему: „куда, доброй человѣкъ, направился?“ Егорушко говоритъ: „пошелъ свататься, да не могу невѣсты приискать.“ Змѣй говоритъ: „пойдемъ со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невѣсту?“ Вотъ шли да шли, дошли до большаго камня. Змѣй говоритъ: „отврати камень; тамъ, чего желаешь, то и получишь.“ Егорушко старался отворотить, но ничего не могъ сдѣлать. Змѣй сказалъ ему: „такъ нѣтъ-же тебѣ невѣсты!“ И Егорушко воротился домой, сказалъ отцу и матери обо всемъ. Отецъ и мать опять думали-подумали, какъ жить да быть, послали средняго сына Мишу Косолапаго. Съ тѣмъ же самое случилось. Вотъ старикъ и старушка думали-подумали, не знаютъ, что дѣлать: если послать Ивашку Запечнаго, тому ничего не сдѣлать!

А Ивашко Запечный сталъ самъ проситься посмотрѣть змѣя; отецъ

¹⁾ Т. е. не нравятся.

и мать сперва не пускала его, но послѣ пустили. И Ивашко тоже шель да шель, и встрѣтилъ змѣи о трехъ головахъ. Спросилъ его змѣй: „куда направился, доброй человѣкъ?“ Онъ сказалъ: „братья хотѣли жениться, да не смогли достать невѣсту; а теперь мнѣ чередъ выпалъ.“ — „Пожалуй, пойдемъ, я покажу; сможешь ли ты достать невѣсту? Вотъ пошли змѣй съ Ивашкомъ, дошли до того-же камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Ивашко хватилъ его, и камень какъ по бывалъ — съ мѣста слетѣлъ; тутъ сказала дыра въ землю и близъ нея утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: „Ивашко! садись на ремни; я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дойдешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ.“

Ивашко спустился и пошелъ; шель да шель, и дошелъ до мѣднаго царства; тутъ зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекрасную изъ себя. Дѣвица говоритъ: „добро пожаловать, небывалой гость! приходи и садись, гдѣ мѣсто просто ¹⁾ видишь; да скажись, откуда идешь и куда?“ — „Ахъ, дѣвица красная! сказалъ Ивашко, не накормила, не напоила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ дѣвица собрала на столъ всякаго кушанья и напитоковъ; Ивашко выпилъ и поѣлъ, и сталъ рассказывать, что иду де искать себѣ невѣсты; если милость твоя будетъ — прошу выйтить за меня. „Нѣтъ, доброй человѣкъ, сказала

дѣвица; ступай ты впередъ, дойдешь до серебрянаго царства, тамъ есть дѣвица еще прекраснѣе меня!“ — и подарила ему серебряной перстень. Вотъ доброй молодець поблагодарилъ дѣвицу за хлѣбъ за соль, распростился и пошелъ; шель да шель, и дошелъ до серебрянаго царства; зашелъ сюда и увидѣлъ: сидитъ дѣвица прекраснѣе первой. Помолился онъ Богу и билъ челомъ: „здорово, красная дѣвица!“ Она отвѣчала: „добро пожаловать, прохожій молодець! садись да хвастай: чей да откуль, и какими дѣлами сюда зашелъ?“ — „Ахъ, прекрасная дѣвица! сказалъ Ивашко, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ собрала дѣвица столъ, принесла всякаго кушанья и напитоковъ; тогда Ивашко попилъ, поѣлъ, сколько хотѣлъ, и началъ рассказывать, что онъ пошелъ искать невѣсты, и просилъ ее замужъ за себѣ. Она сказала ему: „ступай впередъ, тамъ есть еще золотое царство, и въ томъ царствѣ есть еще прекраснѣе меня дѣвица!“ — и подарила ему золотой перстень. Ивашко распростился и пошелъ впередъ, шель да шель, и дошелъ до золотого царства, зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекраснѣе всѣхъ. Вотъ онъ Богу помолвился, и какъ слѣдуетъ — поздоровался съ дѣвицей. Дѣвица стала спрашивать его: откуда и куда идешь? „Ахъ, красная дѣвица! сказалъ онъ, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать.“ — Вотъ она собрала на столъ всякаго кушанья и напитоковъ, чего лучше

¹⁾ Пусто, не занято.

требовать нельзя. Ивашко Запечник угостился всё́м хорошо, и сталъ рассказывать: „иду я, себѣ невѣсты ищю; если ты желаешь за меня замужъ, то пойдемъ со мною.“ Дѣвица согласилась и подарила ему золотой клубокъ, и пошли они вмѣстѣ. Шли да шли, и дошли до серебрянаго царства — тутъ взяли съ собой дѣвицу; опять шли да шли, и дошли до мѣднаго царства — и тутъ взяли дѣвицу, и всё пошли до дыры, изъ которой надобно вылѣзать, и ремни тутъ висятъ; а старшіе братья уже стоятъ у дыры, хотятъ лѣс(зт)ь тута — же искать Ивашку.

Вотъ Ивашко посадилъ на ремни дѣвицу изъ мѣднаго царства и застрялъ за ремень; братья потащили и вытащили дѣвицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадилъ дѣвицу изъ серебрянаго царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потомъ посадилъ онъ дѣвицу изъ золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и самъ Ивашко сѣлъ; братья потащили и его, тащили-тащили, да какъ увидѣли, что это — Ивашко, подумали: „пожалуй, вытащимъ его, дакъ онъ не дастъ ни одной дѣвицы!“ и обрѣзали ремни; Ивашко упалъ внизъ. Вотъ, дѣлать нечего, поплакалъ онъ, поплакалъ и пошелъ впередъ, шелъ да шелъ, и увидѣлъ: сидитъ на пнѣ старикъ-самъ съ четверть, а борода съ локоть, и рассказаль ему все, какъ и что съ нимъ случилось. Старикъ научилъ его идти дальше: „дойдешь до избушки, а въ избушкѣ лежитъ

длинной мужичина изъ угла въ уголь, и ты спроси у него, какъ выйдти на Русь.“ Вотъ Ивашко шелъ да шелъ, и дошелъ до избушки, зашелъ туда и сказалъ: „сильной Идолицо! не погуби меня, скажи, какъ на Русь попас(т)ь?“ — „Фу, фу! проговорилъ Идолицо, русскую коску ¹⁾ пикто не звалъ, сама пришла. Ну, пойдѣ-же ты за тридцать озеръ; тамъ стоитъ на куриной ножкѣ избушка, а въ избушкѣ живетъ ега-баба; у ней есть орель-птица, и она тебя вынесетъ.“ Вотъ доброй молодецъ шелъ, да шелъ, и дошелъ до избушки; зашелъ въ избушку, ега-баба закричала: „фу, фу, фу! русская коска, зачѣмъ сюда пришла?“ Тогда Ивашко сказалъ: „а вотъ, бабушка, пришелъ я по приказу сильного Идолица попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь.“ — Иди же ты, сказала ега-баба, въ садокъ; у дверей стоитъ караулъ, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; какъ будешь отпирать послѣднія двери — тогда орель встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми съ собою говядины, и когда онъ станеть оглядываться, ты давай ему по куску мяса. Ивашко сдѣлалъ все по приказанью егой-бабки, сѣлъ на орла и полетѣлъ; летѣлъ, летѣлъ, орель оглянулся — Ивашко далъ ему кусокъ мяса; летѣлъ, летѣлъ, и часто давалъ орлу мяса, ужъ скормилъ

¹⁾ Костку, кость.

все, а еще летѣть не близко. Орелъ оглянулся, а мяса нѣтъ; вотъ орелъ выхватилъ у Ивашка изъ холки кусокъ мяса, съѣлъ, и вытащилъ его въ ту-же дыру на Русь. Когда сошелъ Ивашко съ орла, орелъ выхаркнулъ кусокъ мяса и велѣлъ ему приложить къ холкѣ. Ивашко приложилъ и холка заросла. Пришелъ Ивашко домой, взялъ у братьей дѣвцу изъ золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живутъ. Я тамъ былъ, пиво пилъ; пиво-то по усу текло, да въ ротъ не попало.

Ав. Ск. I, 264—268.

(Записана въ ивнужскомъ уѣздѣ, архангельской губ.)

3. Иванушко-дурачокъ.

Быль-жилъ старикъ со старухою у нихъ было три сына: двое—умные, третій — Иванушко-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, все на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха аржаныхъ клѣцокъ, и говорить дураку: „на-ка, снеси эти клѣцки братьямъ; пусть поѣдятъ.“ Налила полной горшокъ и дала ему въ руки; побрѣлъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечной; только вышелъ Иванушко за околицу, увидалъ свою тѣнь съ боку, и думаетъ: „что это за человѣкъ? со мной рядомъ идетъ; ни на шагъ не отстаетъ; вѣрно клѣцокъ захотѣлъ!“ И началъ онъ бросать на свою тѣнь клѣцки, такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотритъ, а тѣнь все съ боку идетъ:

„эка ненасытная утроба!“ сказалъ дурачокъ съ сердцемъ, и пустилъ въ нее горшкомъ — разлетѣлись черепки въ разные стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: „ты, дуракъ, зачѣмъ?“ — Вамъ обѣдъ принесъ. „Гдѣ-же обѣдъ? давай живѣ.“ — Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамокакой человѣкъ, да все и поѣлъ! „Какой-такой человѣкъ?“ — Вотъ онъ! и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дурачокъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать, всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдолбилъ, собралъ стадо въ одну кучу, и сидитъ себѣ радѣхонскъ; словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: „что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?“ — Да почто имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу собирать, глаза выдирать; во какъ умался! „Постой, еще не такъ умаешься?“ говорятъ братья, и давай угощать его кулаками; порядкомъ таки досталось дураку на орѣхи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка дурачка въ городъ къ празднику по хозяйству закупать. Всего закупилъ Иванушко: и столъ купилъ, и ложекъ, и чашекъ, и соли; дѣлой возъ навалилъ всякой всячины. Ъдетъ домой, а лошаденка была

такал, знать, неудлаа, везеть — не везеть! „А что, думаетъ себѣ Иванушко, вѣдь у лошади четыре ноги, и у стола тожъ четыре; такъ столъ-отъ и самъ добѣжить!“ Взялъ столъ и выставилъ на дорогу. Ёдетъ-ёдетъ, близко ли, далеко ли, а вороны такъ и вьются надъ нимъ да все каркають. „Знать сестрицамъ поѣсть-покушать охота, что такъ раскричались!“ подумалъ дурачокъ; выставилъ блюда съ ѣствами на-земь и началъ подчивать: „сестрицы голубушки! кушайте наздоровье.“ А самъ все впередъ да впередъ подвигается. Ёдетъ Иванушко перелѣскомъ; по дорогѣ все при обгорѣлые. „Эхъ, думаетъ, ребята-то безъ шапокъ; вѣдь озябнуть сердечные!“ ¹⁾ Взялъ — понадѣвалъ на нихъ горшки да корчаги. Вотъ доѣхалъ Иванушко до рѣки, давай лошадь поить, а она не пьетъ. Знать безъ соли не хочетъ!“ и ну солить воду. Высыпалъ полонъ мѣшокъ соли, лошадь все не пьетъ. „Что-жъ ты не пьешь, волчье мясо! развѣ задаромъ я мѣшокъ соли высыпалъ?“ Хватилъ ее полѣномъ, да прямо въ голову, и убилъ на повалъ. Остался у Иванушки одинъ кошель съ ложками, да и тотъ на себѣ понесъ. Идетъ; ложки назади такъ и брякають: брякъ, брякъ, брякъ! а онъ думаетъ, что ложки-то говорятъ: Иванушко дуракъ!“ бросилъ ихъ, и ну топтать да приговаривать: „вотъ вамъ Иванушко дуракъ! вотъ вамъ Иванушко дуракъ! Еще вздумали дразнить негодныя!“ Воро-

тился домой и говоритъ братьямъ: „все искушилъ, братики!“ — Спасибо, дуракъ, да гдѣ-жъ у тебя закупки-то? „А столъ-отъ бѣжить, да знать отсталъ, изъ блюдъ сестрицы кушаютъ, горшки да корчаги ребятамъ въ лѣсу на головы понадѣвалъ, солью-то пиво лошади посолил, а ложки дразнятся — такъ я ихъ по дорогѣ покинулъ.“ — Ступай, дуракъ, поскорѣе! собери все, что разбросалъ по дорогѣ. Иванушко пошелъ въ лѣсъ, снялъ съ обгорѣлыхъ пней корчаги, повышибалъ днища и надѣлъ на батоги корчаги съ дюжину — всякихъ: и большихъ, и малыхъ. Несетъ домой. Отколотили его братья; поѣхали сами въ городъ за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушаетъ дуракъ, а пиво въ кадкѣ такъ и бродитъ, такъ и бродитъ. „Пиво, не броди! дурака не дразни!“ говорить Иванушко. Нѣтъ, пиво не слушается; взялъ да и выпустилъ все изъ кадки, самъ сѣлъ въ корыто, по избѣ развѣзжаетъ да пѣсѣнки распѣваетъ.

Приѣхали братья, крѣпко осерчали, взяли Иванушка — зашили въ кулъ и потащили къ рѣкѣ. Положили кулъ на берегу, а сами пошли пролубь осматривать. На ту пору ѣхалъ какой-то баринъ мимо на тройкѣ бурныхъ; Иванушко и ну кричать: „садятъ меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умѣю!“ — Постой, дуракъ! сказалъ баринъ; я умѣю и судить, и рядить; вылѣзай изъ куля, Иванушко вылѣзъ изъ куля, зашилъ туда барина, а самъ сѣлъ

¹⁾ Вар. «братцы родные! что-жъ вы безъ шапокъ стоите? дождь пойдетъ — вымочетъ.»

въ его повозку и уѣхалъ изъ виду. Пришли братья, спустили куль подъ ледъ, и слушаютъ, а въ водѣ такъ и буркаетъ. „Знать бурка ловить!“ проговорили братья и побрели домой. На встрѣчу имъ, откуда ни возьмись, ѣдетъ на тройкѣ Иванушко, ѣдетъ да прихвастываетъ: „вотъ-ста какихъ поймалъ я лошадушекъ! а еще остался тамъ сивко — такой славной!“ Завидно стало братьямъ; говорятъ дураку: „зашивай темеръ насъ въ куль да спускай поскорѣй въ пролубъ! Не уйдетъ отъ насъ сивко...“ Опустилъ ихъ Иванушко-дурачокъ въ пролубъ и погналъ домой пиво допивать да братьевъ поминать. Былъ у Иванушка колодець, въ колодецѣ рыба елець, а моей сказкѣ конецъ.

Ав. Ск. III, 371—375.

(Записана въ вологодской губ.).

4. Золотая рыбка.

На морѣ-на окіянь, на островѣ-на Буянѣ стояла небольшая ветхая избушка: въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ великой бѣдности; старикъ сдѣлалъ сѣть и сталъ ходить на море да ловить рыбу: тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть и показалось ему такъ тяжело, какъ деселева никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотрить, а сѣть пуста: всего-навсего одна рыбка попалась, за то рыбка не простая — золотая. Возмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ: „не бери меня, старичокъ!

пусти лучше въ синѣ море; я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю“. Старикъ подумалъ-подумалъ и говорить: „мнѣ ничего отъ тебя не надобно: ступай — гуляй въ морѣ!“ Бросилъ золотую рыбку въ воду и воротился домой. Спрашиваетъ его старуха: „много ли поймалъ, старикъ?“ — Да всего навсего одну золотую рыбку, и ту бросилъ въ море; крѣпко она возмолилась: отпусти, говорила, въ синѣ море; я тебѣ у (въ) пригуду стану: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, не взялъ съ нея выкупа, даромъ на волю пустилъ. „Ахъ ты, старой . . . ! попалось тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владать не сумѣлъ.“ Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему покоя: „хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! вѣдь скоро сухой корки не будетъ; что жрать-то станешь?“ Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ на море и крикнулъ громкимъ голосомъ: „рыбка, рыбка! стань въ морѣ хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Рыбка приплыла къ берегу: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала. „Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь.“ Воротился старикъ: „ну что, старуха, есть хлѣбъ?“ — Хлѣба-то вдоволь; да вотъ бѣда: корыто расколосось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала. Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ морѣ хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Приплыла золотая рыбка:

„что тебѣ надо, старикъ?“ — Старуха прислала, новое корыто просить. „Хорошо, будетъ у васъ и корыто.“ Воротился старикъ, только въ дверь, а старуха опять на него накинулась: „ступай, говорить, къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила; въ нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!“ Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ, и спрашиваетъ: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Построй намъ новую избу; старуха ругается, не даетъ мнѣ покою; не хочу, говорить, жить въ старой избушкѣ: она — того и смотри — вся развалится! „Не тужи, старикъ! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.“ Воротился старикъ — на его дворъ стоитъ изба новая, дубовая, съ вырѣзными узорами. Выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу старуха, пуще прежняго сердится, пуще прежняго ругается: „ахъ ты, старой . . ! не умѣешь ты счастьеемъ пользоваться. Выпросилъ избу, и чай думаешь — дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ, ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись.“ Пошелъ старикъ на море, говорить громкимъ голосомъ: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой: „что тебѣ, старикъ, надо?“ Отвѣчаетъ старикъ: „не дастъ мнѣ

старуха покою, совсѣмъ вздурилась: не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой.“ „Хорошо, не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.“ Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменной домъ стоитъ, въ три этажа выстроены; по двору прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучать, а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ да приказы отдаетъ. „Здравствуй, жена!“ говорить старикъ. — Ахъ ты, невѣжа эдакой! какъ смѣлъ обозвать меня воеводику своею женою! Эй, люди! взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетью, какъ можно, больнѣе. Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угощать его плетями, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобъ дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику; цѣлый день дворъ убирай, а чуть гдѣ нечисто — сейчасъ на конюшню! „Экая вѣдьма! думаетъ старикъ; далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась; ужъ и за мужа меня не считаетъ!“ Ни много, ни мало прошло времени; придоучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ: „ступай, старой . . . , къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.“ Пошелъ старикъ на море: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Приплыла золотая

рыбка: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воо-водихой, хочетъ быть царицею. „Не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.“ Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома высокой дворецъ стоитъ, подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ — зеленой лугъ; на лугу войска собрана. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами, и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ, солдаты „ура“ кричатъ! Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухѣ быть царицею, велѣла розыскать старика и представить предъ свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: „какой-такой старикъ?“ Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ. „Слушай, старой . . . ! говорить ему старуха; ступай къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались.“ Старикъ было отпѣкиваться; куда тебѣ! коли не пойдемъ — голова долой! Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говорить: „рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.“ Золотой рыбки нѣтъ, какъ нѣтъ! Зоветь старикъ въ другой разъ — опять нѣту! Зоветь въ третій разъ — вдругъ море зашумѣло, взволнова-

лось; то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплыла рыбка къ берегу: „что тебѣ, старикъ, надо?“ — Старуха еще пуще вздурилась: ужь не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать. Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотреть и глазамъ не вѣрить: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить по прежнему; старикъ оицъ принялся за рыбную ловлю; только какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

Ав. Ск. I, 116—120.

5. Знахарь.

Жилъ бѣдный да продувной мужичокъ, по прозванью Жучокъ; укралъ у бабы холстину и спряталъ ее въ ометѣ соломы, а самъ расхвастался, что ворожить мастеръ. Пришла къ нему баба и просить погадать. Мужикъ спрашиваетъ: „а что за работу дашь?“ — Пудъ муки да фунтъ масла. „Ладно!“ Сталъ гадать; погадалъ-погадалъ и сказалъ ей, гдѣ холстъ спрятанъ. Дня черезъ два, черезъ три пропалъ у барина жеребецъ: онъ-же плутъ его и увѣлъ да привязалъ въ лѣсу къ дереву. Посылаетъ баринъ за этимъ мужикомъ;

сталъ мужикъ гадать и говорить: „ступайте скорѣй, жеребецъ въ лѣсу къ дереву привязанъ“. Привели жеребца изъ лѣсу; далъ баринъ знахарю сто рублей, и пошла объ немъ слава по всему царству. Вотъ на бѣду пропало у царя его вѣнчалное кольцо; искать-искать — нѣтъ нигдѣ! Послалъ царь за знахаремъ, чтобы какъ можно скорѣй во дворецъ его привезли. Взяли его, посадили въ повозку и привезли къ царю. „Вотъ когда пропалъ-то! думаетъ мужикъ; какъ мнѣ узнать, гдѣ дѣвалось кольцо? Ну какъ царь опалится да туда зашлетъ, куда Макарь и телятъ не гонялъ!“ „Здравствуй, мужичокъ! говоритъ царь; поворожи ка мнѣ; отгадаешь — деньгами награжу, а коли нѣтъ — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!“ Тотчасъ приказалъ отвести знахарю особую комнату: „пускай де цѣлую ночь ворожить, чтобы къ утру отвѣтъ былъ готовъ“. Знахарь сидитъ въ той комнатѣ да думаетъ: „какой отвѣтъ дамъ я царю? Лучше дождусь глухой полночи, да убѣгу — куда глаза глядятъ; вотъ какъ пропоютъ третьи пѣтухи, сейчасъ и дамъ тягу!“ А кольцо-то царское стащили три дворовыхъ человѣка: лакей, кучеръ да поваръ. „Что, братцы! говорятъ они межъ собой, какъ этотъ ворожейба да узнаетъ насъ? вѣдь тогда намъ смерть неминуемая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли онъ ничего — и мы молчокъ; а коли узнаетъ насъ, такъ ужъ дѣлать нечего — станемъ просить его, чтобы царю-то не доказывалъ“. Пошелъ лакей подслуши-

вать; вдругъ пѣтухи запѣли, мужикъ и промолвилъ: „слава тебѣ, Господи! одинъ уже есть, остается двухъ ждать“. У лакея душа въ пятки ушла; прибѣжалъ онъ къ своимъ товарищамъ: „ахъ, братцы! вѣдь меня узналъ; только я къ двери, а онъ кричитъ: одинъ уже есть, остается двухъ ждать!“ — Пстой, я пойду! сказалъ кучеръ; пошелъ подслушивать. Запѣли вторые пѣтухи, а мужикъ: „слава тебѣ, Господи! и два есть, остается одного ждать“. — Эхъ, братцы! и меня узналъ. Поваръ говоритъ: „ну, если и меня узнаетъ, такъ пойдемъ прямо къ нему, бросимся въ ноги, и станемъ упрашивать“. Пошелъ подслушивать поваръ; третьи пѣтухи запѣли, мужикъ перекрестился: „слава Богу, всѣ три есть!“ да поскорѣй въ двери — бѣжать хочетъ; а воры къ нему на встрѣчу, пали въ ноги, и просятъ и молятъ: „не погуби, не сказывай царю; вотъ тебѣ кольцо!“ — Ну, такъ и быть прощаю васъ? Взялъ мужикъ кольцо, поднялъ половицу и бросилъ его подъ полъ. На утро царь спрашиваетъ: „что, мужичокъ, какъ твои дѣла?“ — Выворожилъ; кольцо твое укатилось подъ эту половицу. Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградилъ знахаря деньгами и велѣлъ накормить-напоить его до отвала, а самъ пошелъ въ садъ гулять. Идетъ по дорожкѣ, увидалъ жука, поднялъ его, и воротился къ знахарю: „ну, коли ты знахаръ, такъ узнай, что у меня въ рукѣ?“ Мужикъ испугался и говоритъ самъ себѣ: „что попался, Жучокъ, царю

въ руки! — Такъ, такъ, твоя правда! сказалъ царь; еще больше его наградилъ и съ честью домой отпустилъ.

Ав. Ск. III, 318—320.

6. Дока на доку.

Пришелъ солдатъ въ деревню и просится ночевать къ мужику. „Я бы тебя пустилъ, служивой! говорить мужикъ; да у меня свадьба заводится, негдѣ тебѣ спать будетъ“. — Ничего, солдату вездѣ мѣсто! „Ну, ступай!“ Видитъ солдатъ, что у мужика лошадь въ сани запряжена, и спрашиваетъ: „куда, хозяинъ, отправляешься?“ — Да вишь у насъ такое заведеніе: у кого свадьба, тотъ и поѣзжай къ колдуну да вози подарокъ! Самой бѣдной безъ двадцати рублей не отдѣлается, а коли богатъ, такъ и нятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортить! „Послушай, хозяинъ! не вози, и такъ сойдетъ!“ Крѣпко увѣрилъ мужика, тотъ послушался и не поѣхалъ къ колдуну съ гостинцами. Вотъ начали свадьбу играть, повезли жениха съ невѣстою законъ принимать; ѣдутъ дорогою, а на встрѣчу поѣзду быкъ несется, а солдатъ усомъ не мигнетъ: гдѣ ни взялася — выскочила изъ-подъ него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вѣшнелась — быкъ такъ и грохнулся наземь. ѣдутъ дальше, а на встрѣчу поѣзду огромной медвѣды. „Не бойтесь, кричить солдатъ, я худа не допущу!“ Опять гдѣ ни взялася — выскочила изъ-

подъ него собака, кинулась на медвѣды и давай его душить; медвѣды заревѣли и издохъ. Миновала та бѣда, снова ѣдутъ дальше, а на встрѣчу поѣзду заяцъ выскочилъ и перебѣжалъ дорогу чуть-чуть не подъ погами передней тройки. Лошади остановились, храпятъ, а съ мѣста не трогаются! „Не дури, заяцъ! крикнулъ на него солдатъ; мы опосля поговоримъ съ тобой!“ — и тотчасъ весь поѣздъ легко двинулся. Приѣхали къ церкви благополучно, обвинчали жениха съ невѣстою, и отправились назадъ въ свою деревню. Стали ко двору подѣзжать, а на воротахъ черный воронъ сидитъ да громко каркаетъ — лошади опять стали, ни одна съ мѣста не тронется. „Не дури, воронъ! крикнулъ на него солдатъ; мы съ тобой опосля потолкуемъ“. Воронъ улетѣлъ, лошади въ ворота пошли. Вотъ посадили молодыхъ за столъ; гости и родичи свои мѣста заняли — какъ слѣдуетъ, по порядку; начали ѣсть, пить, веселиться. А колдунъ крѣпко осердился: гостинцевъ ему не дали, пробъ валь было страхи напускать — и то дѣло не выгорѣло! Вотъ пришелъ самъ въ избу, шапку не ломаетъ, образамъ не молится, честнымъ людямъ не кланяется; и говорить солдату: „я на тебя сердить!“ — А за что на меня сердиться? ни я не занимаю у тебя, ни ты мнѣ не долженъ! Давай-ка лучше пить да гулять. „Давай!“ Взялъ колдунъ со стола ендову пива, налилъ стаканъ и подноситъ солдату: „выпей, служивой!“ Солдатъ выпилъ — у него пѣзъ зубы въ стаканъ выпали! „Эхъ,

братецъ! говорить солдатъ, какъ мнѣ безъ зубовъ-то быть? чѣмъ будетъ сухари грызть?“ Взялъ да и бросилъ зубы въ ротъ—они оиять стали по-прежнему. „Ну, теперь я поднесу! выпей-ка отъ меня стаканъ пива!“ Колдунъ выпилъ — у него глаза вылѣзли! Солдатъ подхватилъ

его глаза и забросилъ невѣдомо куда. Остался колдунъ на всю жизнь слѣпымъ и закаялся страхи напугать, надъ людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служиваго Бога молить.

Ав. Ск. III 310—312.

Е. Докучныя сказки.

1. Не любо — не слушай.

а. Какъ у насъ на селѣ заспорилъ Лука съ Петромъ, сомутилася вода съ пескомъ, у невѣстки съ золовками былъ бой большой: на томъ на бою кашу-горюху поранили, кисиля-горюна во полонъ полонили, рѣпу съ морковью подкопомъ взяли, вапусту подъ мечъ приклонили. А я на бой не поспѣлъ, на лавочкѣ просидѣлъ. Въ то время жили мы шесть братьевъ—все Агафоны, батюшка былъ Тарасъ, а матушка—не помню какъ звалась; да что до названья? пусть будетъ Маланья. Я-то родомъ былъ меньшей, да разумомъ большой. Вотъ поѣхали люди землю пахать, а мы шесть братьевъ руками махать. Люди-то думаютъ: мы нашемъ да на лошадей руками машемъ, а мы промежъ себя упражняемся. А батюшка навязалъ на кнутъ зерно гречихи, махнулъ разъ другой, и забросилъ далеко. Уродилась у насъ гречиха предобрая. Люди вышли въ поле жать, а мы въ бороздахъ лежать; до обѣда про-

лежали, послѣ обѣда прослали, и наставили много хлѣба: скирда отъ скирды, какъ отъ Казани до Москвы. Стали молотить — вышла цѣлая горсть гречихи. На другой годъ батюшка спрашиваетъ: „сынки мои возлюбленные! гдѣ намъ нынче гречиху сѣять?“ Я—братъ меньшей, да разумомъ большой, говорю батюшкѣ: посѣмъ на печкѣ, потому что земля та порошная; все равно круглой годъ гуляетъ!“ Посѣяли на печкѣ, а изба у насъ была большал: на первомъ вѣнцѣ ¹⁾ порогъ, на другомъ потолокъ; окна и двери буравомъ наверчены. Хоть сидѣть въ избѣ нельзя, да глядѣть гожа. Батюшка былъ тогда больно заботливъ, рано утромъ вставалъ — чуть заря занимается, и все на улицу глядѣлъ. Морозъ-то и заберись къ намъ въ окно да на печку; вся гречиха позябла. Вотъ шесть братьевъ стали горевать, какъ гречиху съ печи собирать? а я—родомъ хоть меньшей, да разумомъ большой: „надобно,

¹⁾ Т. е. на первомъ ряду бревенъ.

говору, гречиху свосить, въ ометѣ свозить“.—Гдѣ-же намъ ометѣ метать? „Какъ гдѣ? на печномъ столбѣ: мѣсто порожнее“. Сметали большой ометѣ. Была у насъ въ дому кошка лыса; почуй она, что въ гречихѣ крыса, бросилась ловить и прямо такъ о печной столбѣ лбомъ пришлась; ометѣ упалъ, да въ лохань попалъ. Шестъ братьевъ горевать, какъ изъ лохани ометѣ убирать? На ту пору пришла кобыла сѣра, ометѣ изъ лохани съѣла; стала вонь изъ избы бѣжать, да въ дверяхъ и завязла: таково-то съ гречихи у ней брюхо распёрло! заднія ноги въ избѣ, а переднія на улицѣ. Зачала она скакать, избу по улицѣ таскать; а мы сидимъ да глядимъ: что-то будетъ! Вотъ какъ брюхо у кобылы-то опало, я сейчасъ въ гриву ей вцѣпился, верхомъ на нее ввалился, и поѣхалъ въ кабакъ. Выпилъ винца, разгулялся доброй молодецъ; попало мнѣ въ глаза у цѣловальника ружье славное. „Что, спрашиваю, завѣтное аль продажное?“—Продажное. Ну, хоть полтину заплатилъ, да ружье купилъ. Поѣхалъ въ дубовую рощу за дичью; гляжу: сидитъ тетеревъ на дубу. Я прицѣлился, а кремня-то нѣтъ! Коли за кремнемъ ѣхать—будетъ десять верстъ: далеко; пожалуй птица улетитъ. Думаючи эдакъ самъ съ собою, задѣлъ невзначай полшубкомъ за дубовой суекъ; кобыла моя рванула съ испугу, да какъ треснетъ меня башкой о дерево—такъ искры и посыпались. Одна искра упала на полку, ружье выстрѣлило и убило тетерева; тетеревъ внизъ упалъ, да

на зайца попалъ; а заяцъ сторяча вскочилъ, да что про меня дичины набилъ! Тутъ я обозомъ въ Саратовъ отправился; торговаль-продаваль, на пятьсотъ рублей дичины сбываль. На тѣ деньги я женился, взялъ себѣ славную хозяйшку: коли вдоль улицы пройдетъ, всю подоломъ замететъ; малые ребятишки встрѣчаютъ, полбнями выдаютъ. Не надо покупать ни дровъ, ни лучины; живу себѣ безъ кручины.

Ав. Ск. III, 415—417.

(Записана въ костромской г.).

б. Жили мы съ дѣдушкой богато: отъ наготы и босоты лопились шесты. Было у насъ мѣдной посуды—крестъ да пуговица, рогатой скотины—пѣтухъ да курица, было у насъ денегъ—сто безъ девяноста, класть было нѣ во что, а купить мѣшка нѣ на что; было у насъ сто ульевъ да пятьдесятъ пчель: которая пчела въ поле летитъ—хвостомъ вертитъ, а съ поля летитъ—корову тащить. Лошадка была у дѣдушки иноходъ, а не на чемъ было выѣхать: съ съ горы-то самъ сойди, а въ гору пѣшкомъ побѣги; одной рукой погоняй, другой слезы утирай! Ты впрягать, она лягать; ты орать, она играть! На глади хоть не не клади, а въ грязи хоть самъ повези! Сварили мы съ дѣдушкой два пива: одно пожиже, а другое что вода; выпьешь буракъ, станешь какъ дуракъ, а стаканъ поднесешь да четвертнимъ полбномъ оплетешь—такъ всякъ идетъ да спотыкается.

Ав., Ск. III, 413.

2. Докучныя сказки.

а. Жили-были два брата — кулик да журавль. Накосили они стожокъ сѣнца, поставили среди польца. Не сказать ли сказку опять съ конца?

б. Жилъ былъ старикъ, у старика былъ колодецъ, а въ колодцѣ-то ядѣцъ ¹⁾: тутъ и сказкѣ конецъ.

в. Жилъ-былъ царь, у царя былъ дворъ, на дворѣ былъ колъ, на колу мочало; не сказать ли сначала?
Ае., III, 543.

Ж. Сказки книжнаго происхожденія.

а) Историческія.

1. Сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ.

Жилъ на свѣтѣ царь; имя его было Александръ Македонскій. Это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни прадѣды, ни прапрадѣды, ни пращуръ наши не запомнятъ. Царь этотъ былъ изъ богатырей богатырь. Никакой силачъ въ свѣтѣ не могъ побѣдить его. Онъ любилъ воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдетъ войною царь Александръ Македонскій — все побѣдить. И покорилъ онъ подъ свою власть всѣ царства земныя. И зашелъ онъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ, какъ ни былъ храбръ, ужаснулся ихъ: спирѣны пуще лютыхъ звѣрей и ѣдятъ живыхъ людей; у инаго изъ нихъ одинъ глазъ — и тотъ во лбу, а у инаго три глаза; у инаго одна только нога, а у инаго три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ

народовъ было: Гоги и Магоги. Однако-жъ царь Александръ Македонской отъ этихъ дивихъ ²⁾ народовъ не струсилъ; началъ онъ съ ними воевать. Долго ли, коротко ли онъ съ ними велъ войну — это не вѣдомо; только дивіи народы струсилы, и пустились отъ него бѣжать. Онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни пиромъ написать. Тамъ-то они и скрылись отъ царя Александра Македонскаго. Что-же сдѣлалъ съ ними царь Александръ? Онъ свѣлъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подыметъ страшный вой; они, сидя тамъ, кричатъ: о, видно еще живъ Александръ Македонскій. Эти Гоги и Магоги до сихъ поръ еще живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончиною свѣта. Ае., III 173—174.

(Записана въ саратовской г.)

¹⁾ Рыба. ²⁾ Дикихъ.

2. Изъ сказки: Про Мамай-безбож- цаго.

На Русѣ было на православной княжилъ князь тутъ Дмитрій Ивановичъ. Заслалъ онъ съ данью русскаго посла Захарья Тютрина къ Мамаю-безбожному, псу смерд-щему. Правится путемъ-дорогой рус-ской посоль Захарій Тютринъ; при-шелъ онъ къ Мамаю-безбожному, псу смердящему; „давай—примай, говоритъ, дань отъ русскаго князя Дмитрія Ивановича!“ Отвѣчаетъ Мамай-безбожный: „покуль не омо-ешь ногъ моихъ и не поцѣлуешь бахиль¹⁾, не приму я дани князя Дмитрія Ивановича“. Взадъ²⁾ от-вѣчаетъ русской посоль Захарко Тютринъ: „чѣмъ бы съ дороги на-поить-накормить, въ банѣ выпарить, втѣпоръ вѣстей попросить; а ты, Мамай-безбожный, песь смердящій!... того-цѣрво велишь мыть твои басур-манскія ноги и цѣловать бахили; не слѣдъ мыть ноги и цѣловать бахили русскому послу Захарью Тютрину, Пусть поганой татаринъ, Мамай! безбожный, буде есть вѣра, цалуетъ ноги русскаго посла Захарья Тютрина! „Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои черныя кудри-металь ихъ наземь—но застолю, княжескія бумаги придраль, и пи-салъ свои ярлыки скорописчатыс: „когда будетъ овесь кудрявъ, ба-ранъ мохнать, у коня подь копы-томъ трава и вода, втѣпоръ Ма-май-безбожный будетъ съ святой

Русью воевать: втѣпоръ мнѣ ни воды, ни хлѣба не надо!“ . . .

Не золота трубочка вострубила, Задонской князи. Дмитрій Ивано-вичъ сталъ рѣчь держать: „Воины мои любимы! не на попойку при-зывалъ я васъ, не на радостный циръ вы къ мнѣ собиралися; соби-ралися вы ко мнѣ за печальной вѣсточкой. Мамай-безбожный, песь смердящій, со всѣми своими ордами некрещеными, идетъ святую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамаи-собаки пить горькая чаша! Пой-демте, мои любимые воины, къ окіанъ-морю, изладимъ легкіе стру-ги и побѣжымъ мы изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское къ соловецкимъ чудотворцамъ; запремя тамъ—и нечего съ насъ будетъ взять Ма-маю-безбожному, псу смердящему; въ другую сторону¹⁾ онъ насъ полонить, очи выкопастъ и злой смерти предасть. „Отвѣчаютъ князи и бояра, буйны головы понуривши:“ Задонской князь Дмитрій Ивано-вичъ! одно солнушко катится по небу—одинъ князь княжить надъ Русью православною; не перечить мы пришли твоему слову крѣпкому; поизволь насъ заставить рѣчь-от-вѣтъ держать, какъ надать ладить съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смер-дящимъ. Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойдемъ мы къ окіанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, склѣпки²⁾ смечемъ въ окіанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую, и будемъ драгъяся съ Мамаемъ-без-

¹⁾ Обувь, саногн.

²⁾ Наоборотъ.

¹⁾ Иначе, въ противномъ случаѣ.

²⁾ Отрубки, щепки.

божнѣмъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови—и будетъ на Мамай-безбожнаго побѣда!“ — Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по транезѣ? говорить Задонской князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ калика переходящая — сумка перемѣтная: „это, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, нечистая, неприятная сила (что тебѣ подѣ ухо шептала, чтобъ шель ты къ окіанъ-мору строить легкіе струги, изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославлялъ, изъ терема побѣжала.“

Задонской князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе навазы, чтобъ собирали рать-силу несмѣтную по городамъ съ пригородками и по вѣсьмъ дальнимъ печищамъ³⁾, оставляли-бъ дома только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ имъ въ печальники. Собрали со всѣхъ концовъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьямъ Вѣлозерцамъ. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаячи. На полѣ на Куликовѣ учали думу думать, какъ надо силу смѣтить? Русской посоль Захарій Тютринъ садился на своего добраго коня, объѣзжалъ округъ силы три дня и три часа—не могъ силы смѣтить: на сколько верстъ стоять? . . .

Первый жеребій выпалъ русскому послу Захарью Тютрину, съ мох-

начами, бородочами—донскими казаками; другой—Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьямъ Вѣлозерцамъ; третій жеребій выпалъ Задонскому князю Дмитрію Иванову.

Вѣлозерцы слышали шведской король про великое побоище, набрали силы сорокъ тысячъ: „подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаячи; станьте, мои воины, на бугры на высокіе: станетъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ побивать Мамай-безбожнаго—по Дмитрію Ивановичу приставайте; буде Мамай-безбожный будетъ побивать Дмитрія Ивановича—по Мамаю приставайте.“ Лукавъ былъ шведской король, велѣлъ по правой силѣ приставать! Турецкой король слышалъ про великое побоище, приказалъ набрать силы сорокъ тысячъ, и послалъ ихъ на поле на Куликово—самъ наказывалъ: „воины мои любимые! какую силу побивать будутъ, по той приставайте.“ Простъ былъ турецкой король, по виноватой силѣ велѣлъ приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на полѣ на Куликовѣ на кровавое побоище; перѣдъ держалъ русской посоль Захарій Тютринъ съ мохначами, бородочами—донскими казаками. Палась имъ встрѣту сила Мамай-безбожнаго: когда сила съ силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Вѣлозерцы выскочили изъ земли Кровавнѣ-татаринъ—вышина семь сажени; скрычалъ татаринъ зычнымъ голосомъ: „Задонской князь Дмитрій

3) Деревнямъ.

Ивановичъ! давай мнѣ-ка поединщика; буде не поставишь мнѣ поединщика, я твою силу одинъ побью-вырублю, грязьей сдѣлаю!“ Говорить Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ: „не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришло идти супротивникомъ-поединщикомъ на Кроволина-татарина!“ Оболоклетъ онъ свои латы крѣпкія, застегаетъ пуговицы воальянскія; обѣдлали ему добра коня во сѣдло черкасское, беретъ онъ съ собой палицу боевую, поѣзжаетъ къ Кроволину-татарину. Паль ему встрѣту пезнамый воинъ: „осади лошадь, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плечъ басурманскую голову!“ Сѣдлалъ онъ своего добраго коня, подтягивалъ двѣнадцатима подругима шелковыма не ради басм, ради крѣпости. „Обороню я тебя, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, отъ первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись съ окальнымъ врагомъ, съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамай-безбожнаго побѣда!“ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ съ незнакомымъ воиномъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его князь Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные, молучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Палицами ударились — палицы по чѣвья поломались; копыями соткнулись — копя извернулись; саблями махнулись — сабли изщерби-

лись; скакали они со добрыхъ коней и бились они рукопашнымъ боемъ, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не ѣдаючи; на четвертой день оба туть и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: незнакомый воинъ правую руку на тулово ¹⁾ Кроволина-татарина накиннулъ. Князь своего воина срядилъ, похоронилъ, надъ нимъ крестъ поставилъ и вызолотилъ.

У Мамай-безбожнаго, пса смердящаго, выскочилъ изъ земли другой воинъ, и звоилъ своимъ зычнымъ голосомъ: „Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! подавай мнѣ-ка супротивника; въ другую сторону я твою силу побью, и тебѣ, князю, глаза выкопаю — свѣтъ отниму!“ Понурилъ буйну голову Задонской князь Дмитрій Ивановичъ: „не на кого мнѣ-ка надѣяться, самому пришло идти на Кроволина-татарина.“ Садился онъ на своего добра коня, поѣзжалъ на Кроволина-татарина. Паль ему встрѣту другой воинъ: „осади лошадь Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! избавлю я тебя отъ скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамай-безбожнаго побѣда. А буде Квашанокъ-богатырѣкъ (sic) побьетъ меня, садись на моего добраго коня: увезетъ онъ тебя отъ смерти отъ скорыя.“ Князь Дмитрій Ивановичъ и пезнамый воинъ обмѣнялись конями, про-

¹⁾ Туловище.

стились, и благословилъ его Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное. Съѣхались два сильные могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою дракѣ перевѣдаться. Впервые палачами они ударились — палицы по чивья поломались, копьями колodились — копья извернулись, острыми саблями рубились — сабли изщербились; скочили они со добрыхъ коней, бились-дралась рукопашнымъ боемъ, бились-дралась три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не ѣдаючи и ясныхъ глазъ не смыкаючи; на четвертой день оба тутъ и упокоились. И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: у воина князева правая полѣ на поганого татарина накинудась. Князь своего воина честно срядилъ, похоронилъ, и на могилѣ крестъ поставилъ и вызолотилъ.

Втѣпоръ русской посоль Захарій Тютринъ, съ мохначами, бородачами — донскими казаками, напушался на силу Мамая-безбожнаго. Свѣтлый день идетъ ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась; когда кончилась драка, учали смѣчать: у кого сколько силы пало? У русскаго посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача — донскаго казака по двѣ тысячи по двѣсти татаровой выпало . . . . .

(Не такъ былъ счастливъ отрядъ Тупика, Квашинна и Бѣлозерцевъ: „нашу силу побивать стали.“ На помощь выступилъ князь Дмитрій Ивановичъ. „Или-ветъ (дѣйствуетъ) онъ въ силѣ Мамая-безбожнаго, какъ острая коса въ сѣно-ставъ въ мягкой травѣ. Наконецъ не въ могоду стало биться Задонскому кня-

зю: забрызгалъ онъ свои ясныя очи поганую татарскою кровью, отемнѣлъ и взмолился своему коню: „увези ты меня, конь, отъ скорья смерти! „Конь вывелъ князя въ чистое поле къ кудрявой березѣ. Дмитрій Ивановичъ отпустилъ коня, а самъ сѣлъ на кудрявую березу. Битва окончилась).

Спохватилась рать-сила могучая Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Русской посоль Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашининъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ учали силу спрашивать: не помѣтилъ ли кто пути-дороги Задонскаго князя Дмитрія Ивановича? Молчитъ рать-сила могучая; ни отъ кого отвѣта нѣтъ. Русской посоль Захарій Тютринъ, Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашининъ и семь братьевъ Бѣлозерцевъ понурили свои буйныя головы; положили они на скопѣ ¹⁾: погибъ Задонскій Князь Дмитрій Ивановичъ въ бою дракѣ отъ поганыхъ татаровой. Взадъ пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидѣлъ русской посоль Захарій Тютринъ въ чистомъ полѣ кудрявую березу, а на той кудрявой березѣ чернизину ²⁾; походилъ Захарко на чернизину, признавалъ онъ Задонскаго князя Дмитрія Ивановича. Въ ноги палъ онъ князю Дмитрію Ивановичу: „возрадуйся, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! постояли мы за матушку Русь православную, побѣдили Мамая-безбожнаго, пса смердищаго!“ Соходитъ князь Дмитрій Ивановичъ съ кудрявныя березы; на востокъ онъ три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу

¹⁾ На общемъ собраніи. — ²⁾ Отдаленный пред-метъ, чернѣющій вдаль.

могущую, находили въ томъ радость-веселіе.

Ск. III, 163—173
(Записана въ архангельской губ. шекурскомъ уѣздѣ.)

б) Бытовыя (сатирическія).

1. Сисокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ.

„Рыбалъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбцѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера съвичко боярской Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человѣкъ Щетинникъ(овъ) наслѣдникъ лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ ¹⁾; расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетяны у него, аки лютыя рох(г)атины, и онъ свидится съ нами на стану — и тѣми острыми своими щетянами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами праведными судьями.“

Судья спрашивали отвѣтника Ерша: „ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣ-

чаешь-ли?“ Отвѣтчикъ Ершъ рече: „отвѣчаю, господа! за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а (и) нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа! Ершъ Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами не смущикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимали; человѣкъ и добрый, живу я своею силою, а не чужею; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояре, стольники и дворяна, жильцы московскіе, дѣяки и подъячіе и всякихъ чиновъ люди, и покушаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ пав(ф)раномъ и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмѣлья и кушавши поздравляютъ.“

Судья спрашивали истца Леща: „ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?“ Истецъ Лещъ рече: „уличаю его божіею правдою да вами праведными судьями.“ Судья спрашивали истца Леща: „кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ ¹⁾, и на кого плюешь?“ Истецъ Лещъ рече: плююся я, господа, изъ виноватыхъ ²⁾ на добрыхъ людей разныхъ городовъ и области(ей); есть, господа, чловѣкъ добрый, живетъ въ нѣнецкой области подъ Ивановъ-городомъ въ

¹⁾ Жира, жирова — хорошее житье, довольство.

¹⁾ Истокахъ. ²⁾ Т. е. изъ прикосновенныхъ дѣлу, вѣдающихъ о дѣлѣ.

рѣкъ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, да другой, господа, человекъ добрый, живетъ въ Новгородской области въ рѣкъ Волховѣ, по имени рыба Лодуга.“ Спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, шлешься ли на лещеву правду, на таковыхъ людей?“ И отвѣтчикъ Ершъ рече: „слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣты; Сигъ и Лодуга — люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой-же человекъ заводной, шлем(т)ся въ послушеству(о).“¹⁾ И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „почему у тебя такіе люди недрузья и какал у тебя съ ними недружба?“ Отвѣтчикъ Ершъ рече: „господа мои судьи! недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ — для того, что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человекъ заводной; они хотятъ насъ маломочныхъ людей испродать²⁾ напрасно.“

Судьи спрашивали истца Леща: „еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востоклахъ, и на кого шлешься?“ Истецъ Лещъ рече: „шлюсь я, господа! изъ виноватыхъ есть человекъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба Сельдь.“ Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, шлешься ли на лещевую правду?“ Отвѣтчикъ же Ершъ рече: „Сигъ и Лодуга и Сельдь съ племяни³⁾, а Лещъ такой-же человекъ заводной: въ сусѣдствѣ имаются, гдѣ

судятся — ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ.“

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня¹⁾, приказали взять въ правдѣ переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Мень Окуню-приставу сулить посулы великіе, и рече: „господине Окуню! азъ не гожуся въ понятыхъ бытъ: брюхо у меня велико — ходить не смогу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — перѣдъ добрыми людьми говорить не умѣю.“ Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Е(я)зя. И Окунь поставленъ(вилъ) въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: „Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежь ими про Ростовское озеро.“ Сельдь же рече въ правдѣ: „Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человекъ доброй, христіянинъ божій, живетъ своею, а не чужею (силою); а Ершъ, господа, злой человекъ Щетинникъ.“²⁾

...знаешь-ли его? Осетръ же рече: „азъ, господа³⁾, не въ правдѣ⁴⁾ и не⁵⁾ въ послушествѣ, а впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварячъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да

¹⁾ Налима.

²⁾ Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ образомъ выведенъ Осетръ; въ началѣ же сказки онъ поставленъ судьей: очевидная запутанность въ текстѣ рукописи.

³⁾ Въ рукописи: «господа вы.»

⁴⁾ Т. е. не ради суда.

⁵⁾ Въ рукописи: шие.

¹⁾ Ссылается на свидѣтельство.

²⁾ Разорить тяжбою.

³⁾ Тоже, что — съ родни.

еще, господа, вамъ скажу божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не ви(ѣ)далъ, а спрощать про него злаго человѣка никого нелучилось, и онъ меня спроси: братецъ Осетръ, гдѣ идещи? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и долѣ (долѣе, т. е. длиннѣе), бока мои терли у Волги-рѣки береги (а), очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелес(т)ное ¹⁾ слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ морилъ, а самъ дѣтъ него въ конецъ погинулъ. Да еще, вамъ, господа, скажу: тотъ-же Ершъ обманулъ меня Осетра, стараго мужика, и привеле меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача послати напредь. И онъ Ершъ мнѣ рече: братецъ Осетръ, воли мѣньшей братъ ходитъ напредь большаго? ²⁾ И я на его,

¹⁾ Въ рукописи здѣсь вставлены слова: къ рѣкамъ жированье.

²⁾ Въ рукописи слѣдуютъ за этимъ слова: кои честь.

господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярскаго дворъ — итти (войти) ворота широки, а вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ е(я)чею ¹⁾, а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!“

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію — бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своею заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ ²⁾ переславской. Да на того-же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застапуть въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речеть Ершъ судьямъ: „господа судьи! судили вы не по правдѣ,

¹⁾ Ячей—пространство клѣтокъ у мережи.

²⁾ Святкоу, маленькая рыбка.

судили по издѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили.“ Плюнулъ Ершь судьямъ въ глаза и скопчилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!

Ао. Ск. I, 135—139.

(Изъ рукописнаго сборника XVIII столѣтія).

в) Сказки религіозныя (легенды).

1. Объ отцѣ Николаѣ.

Въ одномъ городѣ былъ вороватой человѣкъ и надѣлалъ уже много бѣдъ. Однажды случилось ему обокрасть богатаго человѣка; дѣло это подмѣтили, и послали въ погоню. Долго онъ бѣжалъ лѣсомъ, а впереди того лѣса была чистая степь версть по крайней мѣрѣ на десять. Какъ пробѣжалъ весь лѣсъ, остановился, и не знаетъ, что ему дѣлать? если бѣжать по степи, то сейчасъ поймаютъ, потому что версты на двѣ все видно, а погоня, слышать, уже близко. Тогда-то онъ началъ молиться: „Господи! прости мою душу грѣшную; батюшко отецъ Николай! сокрой меня—я тебѣ гривенную свѣчку поставлю“.

Вдругъ не откуда взялся—предсталъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, и спрашиваетъ вора: „что ты теперь говорилъ?“ Воръ отвѣчаетъ: „вотъ что я говорилъ: батюшко отецъ Николай! сокрой меня въ этой глуши. И общался ему свѣчку поставить“. Тутъ онъ покаялся старичку въ своемъ грѣхѣ. Старикъ ему сказалъ: „если хочешь, полѣзай въ это па-

далище!“ А тутъ неподалоку лежала падалъ. Нечего дѣлать было вору, надо было лѣзть въ падалъ, потому что пойману быть не хочется. Залѣзъ онъ туда, а старичокъ въ ту-же минуту невидимъ сталъ. Тотъ старичокъ былъ самъ отецъ Николай. Вотъ приближается погоня; выѣхали люди на степь, отѣхали съ полверсты—никого не видать! и воротились обратно; а воръ лежитъ въ падалищѣ, еле дышетъ—такой гнилой духъ! Когда пробѣжала погоня мимо, онъ вылѣзъ оттуда и видитъ опять того же старичка—стоитъ неподалечку и собираетъ воскъ. Воръ подходитъ къ нему, благодаритъ за избавленіе; тогда старичокъ снова спросилъ: „а что ты общалъ отцу Николаю, когда искалъ убѣжища?“ Воръ отвѣчаетъ: „я общался смѣнить гривенную свѣчку“.—То-то и есть! какъ тебѣ было душно лежать въ падалищѣ, такъ и отцу Николаю было бы душно отъ твоей свѣчи. И даль ему старичокъ наставленіе: „никогда не проси Господа Бога и святыхъ его угодниковъ на злыя дѣла; потому что Господь не благословляетъ злыхъ дѣлъ. Да смотри-же, помни мои слова, да и прочимъ скажи, чтобъ никогда не просили Бога въ худыхъ дѣлахъ!“ Сказалъ это, и скрылся изъ глазъ.

Ао., Ск. III, 466—467.

2. Аника-воинъ.

Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ

торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви Божіи разорять; взялъ мечъ и копье, и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. „Что это за чудище!“ говоритъ Аника-воинъ: „царь ли ты—царевичъ, король ли-королевичъ?“—Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, я твоя Смерть — за тобою пришла! „Не больно страшна: я мизинцемъ пальцемъ поведу—тебя раздавлю!“—Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку!—и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего борзатаго коня, хочетъ поднять ее на копые булатное; но рука не двигается. Наналъ на него велий страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: „Смерть моя Смерточка дай мнѣ сроку на одинъ годъ.“ Отвѣчаетъ Смерть:—нѣтъ тебѣ сроку и на полгода.— „Смерть моя Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца.“—Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.— „Смерть моя Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня“. — Нѣтъ

тебѣ сроку и на три часа.—И говоритъ Аника-воинъ: „много есть у меня и серебра и злата, и каменья драгоцѣннаго; дай сроку хоть на одинъ часъ—я бы роздалъ нищимъ все свое имѣніе“. Отвѣчаетъ Смерть:—какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!—Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой.

Ав., Лгнд. 154—155.

3. Солдатъ и Смерть.

Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажилъ онъ долго на свѣтѣ, попросту сказать—чужой вѣкъ сталъ заѣдать. Сверстники его по-немногу отправляются на тотъ свѣтъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведетъ, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ смерть къ Богу и проситъ у него позволенія взять солдата: долго де зажилъ на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Остановилась у избушки солдата и стучится. „Кто тутъ?“—Я. „Кто ты?“—Смерть. „А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу.“ Смерть рассказала солдату все, какъ слѣдуетъ. „А! если ужъ Богъ велѣлъ,

¹⁾ Вариантъ: Ѣздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. «Съ кѣмъ бы мнѣ побиться?» думаетъ Аника-воинъ: «хотя бы Смерть пришла». Глядь—идетъ къ нему страшная гостья: тощая; сухая, кости голыя! и несетъ въ рукѣ серпъ, косу, грабли и заступъ.

такъ другое дѣло! противъ воли Божіей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдаты на казенный всегда умираютъ. Ну, поворачивайся, беззубал!“ Смерть притащила гробъ и поставила посреди избы. — Ну, служивый, ложись; когда-нибудь надо же умирать. — „Не растабарывай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама.“ — Какъ сама? — „Да такъ. Я безъ артикула ничего не привыкъ дѣлать; что начальство покажетъ: фрунтъ что-ли тамъ, аль другое что, — то и дѣлаешь. Ужь такъ привыкъ, сударка моя! не переучиваться же мнѣ: старенскъ сталъ!“ Смерть поморичилась и ползла въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу, какъ слѣдуетъ, — солдатъ возьми да и нахлопни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго, долго носилась Смерть по волнамъ, пока ни разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

(Получивъ свободу, Смерть снова принялась за солдата, но и на этотъ разъ ей не удалось овладѣть имъ).

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечѣмъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ. Пришелъ и видитъ, что народу много множество. Онъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевѣсъ, и добрался до самаго сатаны. Посмотрѣлъ на сатану и побрелъ искать въ аду уголка, гдѣ-бы ему расположиться. Вотъ и нашелъ; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду

прохода отъ солдата; не пускаетъ никого мимо своего добра: „не ходитъ! вишь, казенныя вещи лежатъ; а ты, можешь, на руку нечистъ. Здѣсь всякаго народу много!“ Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говорить: „я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали... Убирайтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!“ Не стало чертямъ житья отъ солдата; хоть бы выжить его изъ ада, такъ не йдетъ: „мнѣ, говорить, и здѣсь хорошо!“ Вотъ черти и придумали штуку: натянули свиначью кожу, и только улегся солдатъ спать — какъ забили тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата!... И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ, — да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ.

Ав., Лнд. 60—61.

4. Чудо на мельницѣ.

Когда-то пришелъ Христосъ въ худой нищенской одеждѣ на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыню. Мельникъ осерчалъ: „ступай, ступай, отселева съ Богомъ! много васъ таскается, вѣхъ не накормишь!“ Такъ-таки ничего и не далъ. На ту пору случись — мужичокъ привезъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи, увидалъ нищаго и сжалился: „подъ сюды, я тебѣ дамъ.“ И сталъ от-

сыпать ему из мѣшка хлѣбъ-отъ; отсыпаль почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій всё свою кису подставляеть. „Что, али еще отсыпать?“ — Да коли будетъ ваша милость! — „Ну, пожалуй!“ Отсыпаль еще съ мѣрку, а нищій всё-таки подставляеть свою кису. Отсыпаль ему мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зерна такъ самая малость. „Вотъ дуракъ! сколько отдалъ, думаетъ мельникъ, да я еще за помолъ возьму; чтожь ему останется?“ Ну, хорошо. Взялъ онъ у мужика рожь, засыпаль и сталъ молоть; смотритъ: ужъ много прошло времени, а мукѣ всё сыпится, да сыпится! Что за диво! всего зерна-то было съ четверть, а муки намолосось четвертей двадцать, да и еще осталось что молоть: мукѣ себѣ всё сыпится, да сыпится... Мужикъ не зналъ, куды и собирать-то!

Ао. Лгнд. 5.

5. Дьяволь — подъ силой молитвы.

Баба кака-то заводила опару и не говорила: Господи благослови! Потанька — дьяволь узналъ это. Вотъ, однажды, баба завела опару, не благословесь. Онъ пришелъ, да

и сѣлъ въ опару іё; она стала цѣдить опару, да и здумала заградить іё крестомъ съ молитвой: Господи благослови! — процѣдила іё потомъ, и выжимки снесла и вывалила на улицу, а съ имя и Потаньку. Лежить Потанька въ выжимкахъ, каракатца выйти, а выйти и выбиться не можотъ. Свиньи пришли исъ (ѣсть) выжимки и чупьками переталкивають только Потаньку съ мѣста на мѣсто. Трои сутки вожгалса онъ въ выжимкахъ и едва-едва выбилса потомъ, — голодной, какъ собака. Дома товаришни его ужъ потеряли, и когда приполъ онъ, весь исхудалый, спросили: „гдѣ ты былъ, Потанька?“ — Гдѣ былъ?... Будь она проклята-баба! Прежде мѣшала опару — никогда она не говорила: Господи благослови! а тутъ, какъ я сѣлъ въ опару, она, ровно нарощно, стала цѣдить іё, да и перекрестила меня съ молитвой, потомъ вывалила въ выжимкахъ, то-есъ въ опаринѣ, на улицу, гдѣ и перепихивали меня свиньи съ мѣста на мѣсто цѣлые трои сутки, — насилуй выбилса я оттуда, и теперь ни за што не пойду къ ей больше въ опару...

Чермск. Сб. кн. 2, отд. II, 178.

II. БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

1. Былины.

А. Миѣическія черты былеваго эпоса.

I. Обитатели горъ.

1. Пилигримище.

Святогоръ съ Ильей Муромцемъ ѣздили по „Святѣмъ горамъ“ и наѣхали на великій гробъ, въ которомъ суждено было умереть тому, кому онъ въ-пору. „Площаница“ пришла по Святогору, легъ онъ въ нес, но встать уже не могъ. „Видно тутъ же есть богатырь да копчается!“ воскликнулъ онъ и послалъ Илью Муромца къ своему родителю за „вѣчнымъ прощеньцемъ“.

Отправляется казакъ да Илья Муромецъ

Отъ того же Святогора прочь богатыря

На ту гору на Палавѣнскую
А къ тому же старичку да было
древнему,

Хоть бы древному да темному.

Пріѣзжае(тъ) Илья Муромецъ

На ту на гору Палавѣнскую

Къ древному да къ темному:

„Здравствуешь, престарый да дѣ-
душка,

„Древнии ты темнии!

„Я привезъ тебѣ поклонъ да че-
ломъ-битыицо

„Отъ твоего сына любимаго

„Отъ того же Святогора я бога-
тыря“. (Г. 8.)

Стали богатыри здороваться. „Илья тѣмъ временемъ нагрѣлъ желѣзо, пошелъ по рукамъ ударить и данаетъ старику въ руки кусокъ желѣза. Какъ захватилъ старикъ желѣзо, сдвинулъ его и говоритъ: „Крѣпкая твоя рука, Илья! Хорошій ты богатырекъ!“

(Записана въ петрозаводск. у., олоонецк. г.).
(Рыбн. III, 6.).

2. Горыничч.

а. Святогоръ.

Святогоръ „Во весь же міръ былъ
дивный.

Не ѣздилъ онъ на Святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля“.
(Г. 7).

Ростомъ „Богатырь выше лѣсу
стоячаго,

Головой упираетъ подь облаку
„ходячую“ (Р. I. 37).

Отъ поѣздки его богатырской идетъ
 „Великій шумъ съ-подъ сиверныя
 сторонущки:
 Мать сыра земля колыбается,
 Темны лѣсушки шатаются,
 Рѣки изъ крутыхъ береговъ выли-
 ваются“ (ib.)

б) Горыничка.

(Горыничка баба, Латыгорка, Бабища Мама-
 ишна, Латымирка, Сиверяничка);

Изъ Кіева выѣзжали „два могучіе
 богатыри“ Илья Муромецъ и Добрыня
 Никитичъ. Илья поѣхалъ подлѣ „Са-
 фать рѣки“, а Добрыня „на горы вы-
 сокія“.

И наѣхалъ онъ Добрынюшка Ня-
 китичъ младъ бѣлъ шатерь,..
 Изъ того бѣла шатра полотнянаго
 Выходила тутъ баба *Горыничка*. —
 Заздорилася баба *Горыничка*,..
 Напущался онъ (Добрыня) на бабу
 Горыничку;
 Учишилася бой-драка великая:
 Они тяжкими палицами ударились,
 У нихъ тяжкія палицы разгорались;
 И бросили они палицы тяжкія,
 Они стали уже драться рукопаш-
 нымъ боемъ.

Илья Муромецъ отправился на горы
 высокія отыскивать Добрыню и видить:

Дерется онъ съ бабой Горыничкой,
 Едва душа его въ тѣлѣ полуд-
 нуеть.
 (Кирша 251—254).

Послѣ разгрома Мамаевой силы,

Пріѣзжали богатыри на поле,
 На широкое поле — Куликово....
 Прискакала вдругъ къ нимъ Ба-
 бища:

Головища у бабы съ дощанище,
 А глазище-то съ пивны корцы.
 (Кир. I, 64.)

Бой Ермака съ Бабищей Мамашиной
 описывается такими же чертами, какъ
 и бой-драка Добрыни съ Горыничкой.

в) Змѣй Горыничъ (Змѣище-Горыничше).

Добрыня Никитичъ „на тыхъ (Соро-
 чинскихъ) горахъ на высокіихъ пото-
 пталъ младыхъ змѣенышевъ, повыручилъ
 полоновъ русскіихъ“ и сталъ купаться
 во Пучай рѣкѣ, которая показалась ему
 „будто лужа дождевал“.

Не успѣлъ Добрыня въ часъ слово
 смолвити,
 Какъ въ ту пору, въ то время,
 Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, а только дождь дож-
 дить,

Дождя то нѣтъ, свищеть молвія,
 Молвіи нѣтъ, искры сыпятся,
 Летить Змѣище-Горыничше,
 О двѣнадцати Змѣя хоботахъ.
 Хочетъ Змѣя его съ конемъ сожечь,
 Сама говоритъ таково слово:

— Теперь Добрыня въ моихъ ру-
 кахъ:
 — Захочу — Добрыню теперь по-
 топлю,
 — Захочу — Добрыню въ хобота
 возьму,
 — Въ хобота возьму и въ пору
 спесу,
 — Захочу — Добрыню съѣмъ — со-
 жру¹⁾.

У Добрыни не было „меча бурзамец-
 каго“.

¹⁾ Вар.: Тутъ Змѣищице-Горыничше прок-
 лятой
 Она стала на Добрыню искры сы-
 пати,
 Она стала жгать до тѣла бѣлаго.
 Г. 473.

Опъ хватилъ колпакъ земли гре-
ческой,
Шибнетъ во Змѣю во проклятую,
Ошибъ Змѣѣ двѣнадцать всѣхъ хо-
ботовъ,

И хотѣлъ было „пороть груди бѣлья;“
во Змѣя взмолилась, и они „положили
заповѣдь великую“, чтобы не летать
Змѣѣ на Святую Русь, „не посить
людей больше русскіихъ“, а Добрыня
не топтать младыхъ Змѣенышевъ.“ До-
брыня.

Спустилъ Змѣю сподъ колѣнъ сво-
ихъ,

Тая Змѣя она проклятая
Поднялась она вверхъ подъ облаку;
Случилось ей летѣть черезъ Киевъ
градъ,

Увидала она князеву племянницу...
Схватила она князеву племянницу,
Унесла въ нору во глубокую.

Владиміръ стольно-кѣевскій послалъ
Добрыню выручать свою племянницу
Забаву Путятичю.

Змѣя съ Добрыней

Заводила она бой-драку великую,
Дрался со Змѣей онъ трои сутки,
И не могъ Добрыня Змѣи черебить;
Хочетъ Добрыня отъ Змѣи отстать,
Съ небесъ ему гласъ гласить:

— Молодой Добрыня сыпъ Ники-
тиничъ!

— Дрался ты со Змѣей трои сутки,
— Подерись съ Змѣей еще три
часу:

— Ты побьешь Змѣю проклятую.
Дрался онъ съ Змѣей еще три часу,
Онъ убилъ Змѣю-то проклятую:
Тая Змѣя кровью пошла.

Стоялъ у Змѣи онъ трои сутекъ,
Не могъ онъ крови той переждать,
Хочетъ Добрыня отъ Змѣи отстать,

А съ небесъ Добрыня гласъ гла-
сить:...

Постой еще у Змѣи три часу;
Возьми ты копые бурзамецкое,
Ты бей копыемъ о сыру землю,
Самъ къ копыю приговаривай:

— „Разступись-ко, матушка сыра
земля!

— „На четыре разступись на чет-
верти.

— „Пожри-ко всю кровь Змѣяную“.

Добрыня исполнилъ повелѣное:

Разступилась матушка сыра земля,
На четыре разступилась на чет-
верти,

Пожрала всю кровь Змѣяную.

Р. III, 61—67.

Добрыня опустился „въ нору во глу-
бую“, выручилъ изъ полону Забаву
Путятичю, выпустилъ изъ неволи

Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей,
А простой-то силы и смѣты пѣтъ.

Р. IV.

Новыя черты Змѣя Горынича (отпо-
шенія его къ женщинамъ) представля-
ются въ былинахъ о *Добрыни и Ма-
ришкѣ* (*).

3. Змѣевичи.

а) Тугаринъ-Змѣевичъ.

Алена Поповичъ съ товарищемъ „на-
рржаются ѣхать“ изъ Ростова ко го-
роду Кіеву; „пришелъ тутъ къ нимъ
каликъ перехожій и говорилъ таково
слово:

„Гой вы еси, удалы добры молодцы!“

(*) Р. № 122 и др. Въ вар. былинъ о
Маришкѣ вм. Змѣя Горынича, является Туга-
ринъ Змѣевичъ (Р. №№ 227, 267, 288), въ
нѣкоторыхъ—Идолице поганое.

„Видѣлъ я Тугарина-Змѣевича:
„Въ вышину-ли онъ Тугаринъ трехъ
сажень,

„Промежь плечей косая сажень,
„Промежу глазъ калена стрѣла;
„Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
„Изъ хайлища пламень пышетъ,
„Изъ ушей дымъ столбомъ валить“.

Алеша въ платьѣ Калики перехожаго
выходить противъ Тугарина:

Завидѣлъ тутъ (Алешу) Тугаринъ-
Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.

Алеша прикинулся глухимъ, подозвалъ
къ себѣ Тугарина и, когда тотъ сверсталъ
съ нимъ, расшибъ ему теленугой буйну
голову и бросилъ его среди чиста поля.

У Владиміра красна солнышка идетъ
пирь.

Мало время позамѣшавши,
Несутъ Тугарина-Змѣевича
На той доскѣ красна золота
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большое...
Стали тутъ пить, ѣсть, прохлад-
даться;
А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣ-
ба ѣсть, —
По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ пилъ пьетъ, —
По цѣлой чашѣ отхлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.
Подали лебедушку бѣлую:
Онъ взявши Тугаринъ лебедь бѣлую
Всю вдругъ проглотилъ,
Еще тутъ же ковригу монастырскую.

Алеша обозвалъ Тугарина „дуракомъ
неотесаннымъ“ и пригрозилъ поступить
такъ же, какъ отецъ его Ростовскій

появъ Федоръ поступилъ съ коровой про-
жорливой. „Тугаринъ потемпѣлъ, какъ
осенняя ночь, выдернулъ чингалище
булатное, бросилъ въ Алешу Поповича;
Алеша на то-то вертокъ былъ, — не
могъ Тугаринъ понасть въ него“. Алеша
рѣшилъ „заутра съ нимъ перевѣдаться“.

Втапору Тугаринъ взвился и вонъ
ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ,
подъ небесью летать...

Вышелъ за нимъ и Алеша. Наканунѣ
боя онъ „всю ночь не спалъ, молился
Богу со слезами: создай, Боже! тучу гроз-
ную, а и тучи то, съ градомъ дождя“.

Алешины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь тучу, съ градомъ
дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ, какъ собака,
на сыру землю.

Но когда подѣхалъ къ нему Алеша,
Тугаринъ

Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Хопъ ли я тебя огнемъ спалю,
Хопъ ли, Алеша, конемъ стопчу,
Али тебя, Алешу, коньемъ заколю“.

Алеша обманомъ заставилъ Тугарина
оглянуться назадъ и отсѣкъ ему голову.

И пала глава на сыру землю, какъ
пивной котель.
Алеша прокололъ уши у головы
Тугарина Змѣевича
И привязалъ къ добру коню
И привезъ въ Кіевъ на княженец-
кій дворъ. ¹⁾
Кирша, 123—132.

¹⁾ Тугаринъ Змѣевичъ пользовался особен-
нымъ вниманіемъ женщинъ: княгиня Апрак-
сѣевна стала было ружать лебедь бѣлую, но,
заглядѣвшись на Тугарина, обрѣзала „ручен-

6. Волхъ Всеславьевичъ.

(Вольга Святославловичъ, Вольга Буславьевичъ).

По саду-саду по зеленому ходила-гуляла

Молода княжна Марфа Всеславьевна,
Она съ камени скочила на лютаго
на змѣя —

Обвивается лютой змѣй около че-бота зеленъ софьянъ,

Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.

А втопоры княгини понось понесла,
А понось понесла и дитя родила.

А и на небѣ просвѣтя(иль) свѣтелъ мѣсяць,

А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,

Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,

А синее море сколебалося
Для ради рожденья богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича.

Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,

Туры да олени за горы пошли,

Зайцы, лисицы по чащцамъ,

А волки, медвѣди по ельникамъ,

Соболи, куницы по островамъ.

А и будетъ Волхъ въ полтора часа,—

Волхъ говорить, какъ громъ гремитъ:

ку лѣвую». «Либо мѣ рѣзать лебедь бѣлую», замѣтила она боярнянъ, «либо смотрѣть на молода Тугарина Змѣевича». «Деревенщина ты засельщина!» укоризненно говорила она Алешѣ, узнавъ о смерти Тугарина: «раалучилъ меня съ другомъ млнымъ, съ молодымъ Змѣемъ Тугариннымъ».

„А и гой еси, сударня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!

А не пеленай въ пелену червчатую,

А не пояси въ поясья шелковыя, —
Пеленай меня, матушка,

Въ крѣпки латы булатныя,

А на буйну голову клади златъ шеломъ,

По праву руку палицу,

А и тяжку палицу свинцовую,

А вѣсомъ та палица въ триста пудъ...

А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры поучился Волхъ ко пре-мудростямъ:

А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;

Ко другой то мудрости учился онъ
Волхъ

Обертываться сѣрымъ волкомъ;

Ко третьей то мудрости учился
Волхъ

Обертываться гнѣдымъ туромъ золотые рога.

(Кирша, VI, 30—31).

II. Подземный міръ.

Подземный Змѣй.

Потокъ Михайло Ивановичъ

Съ конемъ и збруею ратною

Опустился въ тоежь могилу глубокую
(гдѣ была зарыта жена его Авдотья Лиховидьевна).

И стоялъ онъ Потокъ Михайло
Ивановичъ

Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,

Съ полудни до полуночи,

И для страху добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.

И какъ пришла пора полуночная,
Собиралися къ нему всѣ гады змѣи-
ныя,

А потомъ пришелъ большой Змѣй,
Онъ жжетъ и палить пламенемъ
огненнымъ;

А Потокъ Михайло Ивановичъ
На то то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую
Убиваетъ Змѣя лютаго
И сѣкаетъ ему голову,
И тою головою Змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втапору она еретница
Изъ мертвыхъ пробуждалася.

Кирша, 152—153.

III. Подводное царство. Жертвоприношенія.

Морской царь (Водяникъ, Поддонный Князь. Г. № 174).

Поискала судьбина Садке, купца богатаго.

Спускали дощечку-то дубовую:
Юнъ (ёнъ) прощался со дружинишкою хороброю.

Вереть съ собой гуселышки яровчаты
И садился на тую дощечку на дубовую.

Пошла дощечка ко дну синя моря,
Объявилось на днѣ царство великое,

А во царствѣ пированьице почестень пиръ.

Р. I. 168.

(Морской царь выдаетъ свою дочь любимую „во тмѣ во славно Оклянь-море“).

Заходилъ Садке въ палату бѣлокаменную:

Сидитъ въ палатѣ царь Морской,
Голова у царя, какъ куча сбѣнная.
Говоритъ царь таковы слова.

„Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!

„Вѣкъ ты, Садке, по морю ѣзживалъ,

„Мнѣ царю даия не плачивалъ,¹⁾

„А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ,

„Скажутъ, мастеръ и гратъ въ гуселки яровчаты:

„Поиграй-же мнѣ въ гуселки яровчаты.

(Р. I. 377—378).

Бралъ Садке гуселышки яровчаты,
Яровчаты гуселки, звончаты:

Сруночку ко струночкѣ палаживалъ,
Сталъ онъ въ гуселышки поигрывать,

Играеть-то Садке въ Новѣ-Городѣ,
А выигрышь ведеть изъ Царя-града.

Сталъ царь Водяникъ поскакивать,
А царица Водяница поплясывать,

Красныя дѣвушки хороводъ водять,
А мелкая четь²⁾ въ присядку пошла.

Играеть Садке день съ утра до вечера,

А царь Водяникъ все поскакиваетъ,
А царица Водяница поплясываетъ.

Легъ Садке спать на темную ночь,
Во снахъ ему не спалось, грозно видѣлось.

Приходило стѣрчище незнай собою;
Говорилъ стѣрчище таковы слова:

„Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!

„Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!

¹⁾ За это царь Морской остановилъ корабли Садки среди моря. Корабельщики бросили жребій: кому достанется, того и бросить въ жертву Морскому царю.

²⁾ Четь — чада. собирательн. чадо.

„Полно тебѣ играть во гуселки
яровчаты,
„Полно губить людей безповинныхъ.
„Отъ твоихъ отъ игорь отъ бѣсов-
скіихъ
„И отъ твоихъ отъ плясокъ не-
честивныхъ,
„Окіянь сине моря всколыбалоса,
„Кораблики всѣ повыломало;
„Людей то всѣхъ повытопило“.

(Р. I. 369).

Садко послушался совѣта Николы
Можайскаго, — повыривалъ струночки,
повыломалъ пиенечки и по совѣту же
Николы, изъ всѣхъ дочерей морскаго
царя выбралъ въ жены дѣвицу Черна-
вущку.

Вставалъ Садке по утру ранешенько,
Поглядитъ, — идетъ триста дѣву-
шекъ красныхъ:

Онъ перво триста дѣвиць пропу-
стилъ,

И друго триста дѣвиць пропу-
стилъ,

И третье триста дѣвиць пропу-
стилъ;

Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Черनावущка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.

На другой день послѣ свадьбы

Проснулся Садке въ Новѣ-градѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ краю.
Р. I. 379.

IV. Превращенія (оборотниче- ство) и вѣдовство. — Вѣщія жи- вотныя.

а) Волхъ Всеславьевичъ. (См. выше).

Волхъ „во двѣнадцать лѣтъ“ сталъ
прибирать себѣ дружину, прибралъ
три года и „во походъ пошелъ“ къ
славному царству Индѣйскому.

Дружина спать, такъ Волхъ не
спитъ:

Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣ-
самъ и по раменью,

А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы — любимый кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезго-
валъ, —

Волхъ поилъ - кормилъ дружину
хорабрую...

Дружина спать, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ малымъ уткамъ спуску
нѣтъ, —

А поилъ-кормилъ дружинушку хо-
рабрую.

Кирша, 32.

А сталъ онъ Волхъ вражду чинить...
Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
А сбѣгалъ бы ко царству Индѣй-
скому?

Дружина отвѣчаетъ, что кромѣ него,
Волха, некому.

Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ-зо-
лотые рога,
Побѣжалъ онъ ко царству Индѣй-
скому,

Онъ первый скокъ за цѣлу версту
сочилъ,

А другой скокъ не могли найти.
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко царству Индѣй-
скому —

Ибудетъ онъ во царствѣ Индѣйскомъ,
сѣлъ на палаты бѣлокаменные царя ин-
дѣйскаго, на окошечко косящетою, и
подслушалъ, что царь собирается „на
Русь воевать“.

А втапоры Волх онъ догадливъ
былъ:..

Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивы накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повывималь,

(У того ружья вѣдь у огненнаго
Кременья и шомпола повывергалъ),
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волх яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью
и полетѣлъ къ своей дружинѣ. Подошли
они къ царству Индѣйскому, по про-
никнуть въ него нельзя: „вороты у го-
рода желѣзные“, а въ подворотню мо-
жно только мурашу пройти.

Молодой Волх онъ догадливъ былъ,
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ му-
рашками,
Прошли они стѣну бѣлокаменну
И стали молодцы уже на другой
сторонѣ“.

Кирша, 32—35.

Дружина рубила стараго и малаго,
оставила только семь тысячъ „красныхъ
дѣвицъ“, на которыхъ и поженились
добры молодцы: самъ же Волх взялъ
молодую царицу Елену Александровну
и „насѣлъ царемъ въ Индѣйскомъ цар-
ствѣ.—На всякаго добычи досталось,
„по сту тысячей“.

б) Авдотья Лиховидѣевна (язъ был. По-
токъ Михайло Ивановичъ).

Разъ на пиру выговорилъ Владиміръ-
князь: „Ай ты, гой еси, Потокъ Ми-
хайло Ивановичъ! Сослужи мнѣ службу
заочную: създи ты къ морю синему,
на теплыя, тихи заводи, настрѣлай мнѣ
гусей, бѣлыхъ лебедей... къ моему столу
княжеченскому“. Потокъ отправился, на-

стрѣлялъ гусей, бѣлыхъ лебедей, и хо-
тѣлъ было ѣхать отъ моря синяго, какъ

Увидѣлъ бѣлую лебедушку,
Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана крас-
нымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.

Потокъ вынимаетъ тугой лукъ, —

А и чуть было спустить калену
стрѣлу —
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидѣевна:

„А и ты, Потокъ Михайло Ивано-
вичъ!

„Не стрѣлай ты меня лебедь бѣлую,
„Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ“.
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей.

Въ Кіевѣ, въ церкви соборной, поло-
жили они принять обрученіе,

И скоро онъ поѣхалъ къ городу
Кіеву отъ моря синяго,

Авдотьюшка Лиховидѣевна
Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ
Кіевъ градъ

Ко своей сударинѣ матушкѣ,
Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.

Кирша, 147—149.

в) Маринка и Вабушка-задворенка.

Добрыня заѣхалъ въ улицу Марин-
кину, увидаль двухъ сизыхъ голубковъ
на Маринкиномъ теремѣ, спустилъ въ
нихъ стрѣлочку каленую, но стрѣла по-
пала „къ думкѣ ко Маринкѣ во высокъ
теремъ, „взялъ онъ свою стрѣлочку ка-
леную, пошолъ со палаты бѣлокаменной“.

Думка Маринка дочь Игнатѣевна
Брѣла ножище кивжаловое,
Подрѣзала слѣды то Добрынины.

Г. 833.

Ко слѣдамъ... Маринка приговари-
вала:

„Какъ я рѣжу то Добрынины слѣ-
дочки,

„Такъ бы рѣзала(о) Добрынино сер-
дечушко

„А по мяѣ ли по Мариночкѣ Иг-
натьевской“.

Затопляла скоро печку муравленну,
Да метала то Добрынины слѣдочки,
Ко слѣдамъ... Маринка приговари-
вала:

„Какъ горя(ть) этѣ Добрынины
слѣдочки,

„Такъ горѣло бы Добрынино сер-
дечушко“.

Разгорѣлось у Добрыни ретиво
сердце

А по той ли по Мариночкѣ Иг-
натьевской.

Г. 1089.

Возвратился Добрыня къ Маринкѣ.
Она встрѣтила его неласково и „гово-
рила таково слово:

„Ну, когда (когда-то) Добрыня на
своей воли гулялъ,

„Нынче Добрыня на моихъ рукахъ!

„Захочу Добрынюшку я оберну:

„Обверну Добрыню я сорокою,

„Обверну Добрыню я вороною,

„Обверну Добрынюшку я свиньею,

„Обверну Добрынюшку гнѣдымъ ту-
ромъ!“

Она стала то Добрынюшку обер-
тывать:

Обвернула-то Добрыню да сорокою,

Обвернула-то Добрыню да вороною,

Обвернула - то Добрынюшку да
свиньею,

Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ
туромъ, —

У ней было въ поли тридевять ту-
ровъ,

Обылся въ поли тридесятый туръ.

Рожки у тура да въ золоти,

Ножки у тура да въ сѣребри,

Шерсть на туру да рыта бархату.

Г. 832—34.

Долго ждала Добрыню его сестрица
родимая, обернулась сорокою, полетѣла
къ Маринкѣ и заставила ее отвернуть
Добрыню.

Обернулась Маринка-та сорокою,

Полетѣла въ дѣлече чисто подле...

Сѣла къ Добрынюшкѣ Микитичу,

Сѣла на плечко на правое,

Говорила она таково слово:

„А душа Добрынюшка Микитиница!

„А давай-ко ты мни заповидь ве-
ликую:

„Возьми ты Маринку мене за себе“.

Добрыня согласился.

Она стала-то Добрынюшку отверг-
вать,

Отвернула-то Добрыню да сорокою,

Отвернула-то Добрыню да воро-
ною,

Отвернула - то Добрынюшку да
свиньею,

Отвернула-то Добрынюшку по ста-
рому,

Да и по старому Добрынюшку по
прежнему.

Г. 834—835.

Какъ только Добрыня обвинчался,
сейчасъ отрубилъ голову еретицѣ Ма-
ринкѣ, рылъ (разбрасывалъ) Маринкино
тѣло бѣлое на огни палачіе, и оказа-
лось, что

...У души у Маринки дочь Иг-
натьевны

Во всякоемъ суставѣ по змѣнышу,
По змѣнышу да ѡ по гадѣнышу ¹⁾.

Г. 835.

(Записано на Онегѣ).

г) Дунай Ивановичъ.

„Гихій Дунаюшка Ивановичъ“ состязался съ своей женой Настасей въ стрѣльбѣ изъ лука, „полагалъ ей колечико серебряно на головушку, беретъ свой тугой лукъ разрывчатый въ бѣлы руки,... спустилъ какъ онъ стрѣлочку каленую“ и попалъ Настасѣ „во самое во темечко,— убилъ онъ Настасью Королевичну“, потомъ

Бралъ въ руки саблю вострую,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Гдѣ пала Настасьяна головушка
„И гдѣ протекла Настасья рѣка,
„И тутъ протеки-тко Дунай рѣка“.
Исподъ этого исподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыхъ,
И на двѣ струечка оны расходилися,
И еще оны въ мѣсто сходилися.

Р. I, 194.

д) Днѣпра Королевична и Донъ Ивановичъ.

Состязаніе въ стрѣльбѣ, подобное вышеописанному. Донъ убилъ Нѣпру.

¹⁾ Вар.: Маринка обернула Добрыню «Оленьемъ рыскачимъ». Родитель—матушка, провѣдавъ объ этомъ, «поѣхала во славный въ Кіевъ градъ, нашла она бабушку-задворенку» и просила ее отвернуть Добрыню. Та согласилась, отправилась въ Москву на Горку на Вшивую, ввела Добрыню тугой лукъ:

И натягиваетъ старушка тугой лукъ,
И накладываетъ старушка калену стрѣлу,
И сама ко стрѣлочкѣ приговариваетъ:
— Ты летай-ко, моя стрѣлочка, по чисту полю,
— Доищи-ко ты Добрынюшка Никитича,
— Олена рыскачаго въ чистомъ полѣ:
— Пусть бѣжитъ во матушку каменну Москву,
— На тую-ли Горку на Вшивую.—
Задворенка обратила Добрыню добрымъ молодцомъ, а Маринку-злѣдѣйку собакою:
— Ты бѣгай-ко, злѣдѣйка, вѣкъ и по вѣку,
— Отнынѣ и до вѣку.

Р. III, № 19.

Пала Нѣпра на сыру землю,

Обливалася кровью горячею.

...Разгорѣлось его (Дона) сердце богатырское,

Становилъ онъ ножище кинжалище,

Становилъ онъ, самъ выговаривалъ:

— Куда пала головушка бѣлы лебеди,

— Тутъ пади головушка и сѣра гуся.—

Паль онъ тутъ на ножище-кинжалище.

Тутъ отъ нихъ протекала Донъ рѣка,

Отъ тыя отъ крови христіанскія,

Отъ христіанскія крови отъ на-
прасныя.

Глубиною рѣка двадцати сажень,

А шириною рѣка сорока сажень.

Р. I, 196—197.

е) Волга и Ильмень.

Захотѣлось молодцу (Садко) побывать
во Новѣгородѣ,

Отрѣзалъ хлѣба великій сукрой,

А и солью насолилъ, его въ Волгу
опустилъ:

„А спасибо тебѣ, матушка Волга
рѣка!

„А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать
лѣтъ,

„Никакой я притчи-скорби не
вдывалъ надъ собой,

„И въ добромъ здоровьи отъ тебя
отошелъ;

„А иду я, молодецъ, въ Новгородъ
побывать“,

Проговоритъ ему matka Волга рѣка:

— „А и гой еси, удалой, доброй
молодецъ!

— „Когда придешь ты въ Новго-
родъ,

— „А стань ты подь башню про-
бзжую,

— „Поклонися оть меня брату мо-
ему

— „А славному озеру Ильменю“.—

Садко „править челобитье великое“:

„А и гой еси, славный Ильмень-
озеро!

„Сестра тебѣ Волга челобитье по-
сылаеть двою“.

Говорилъ самъ и кланялся.

Малое время замѣшкавши,

Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера

Удалой, доброй молодець,

Поклонялся ему добру молодцу:

— „Гой еси, съ Волги удалъ моло-
дець!

— „Какъ ты-де Волгу сестру мою
знаешь?“—

(Кирша, 182—183).

Садко рассказалъ. Молодець отъ
Ильменя наказывалъ Садкѣ замечывать
„неводи во Ильмень—озеро,—будеть,“
говорить, „тебѣ Божья помощь“. (См. ни-
же был. о Садкѣ). Дѣйствительно,—Садко
въ три тони вытянулъ множество раз-
ной рыбы, которая, въ его погребяхъ,
обратилась въ золотья, серебряныя и
дробныя деньги.

ж) Рѣка Смородина — душа красна
дѣвица.

Поѣхалъ доброй молодець на чужу,
дальну сторону.

Какъ-бы будеть молодець у рѣки
Смородины,

А и взмолился молодець:

„А и ты мать, быстра рѣка, ты
быстра рѣка Смородина!

„Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты
про броды конинные,

„Про мосточки калиновы, перевозы
частые“.

„Провѣщитса быстра рѣка человѣ-
ческимъ голосомъ,

Да и душой красной дѣвицей:

„Я скажу-те быстра рѣка, добрый
молодець,

„Я про броды конинные, про мосточки
калиновы, перевозы частые:

„Со броду конинаго я беру по до-
бру коню,

„Съ перевозу частаго по сѣделечку
черкесскому,

„Со мосточку калинова по доброму
молодцу;

„А тебя, безвременнаго молодца,

„Я и такъ тебя пронущу“.

Переѣхалъ молодець и похваляется:
показалась ему быстра рѣка хуже лужи
дождевой.

Скричить за молодцемъ, какъ въ
сугонь, быстра рѣка Смородина

Человѣческимъ языкомъ, душой крас-
ной дѣвицей:

„Безвременной молодець! ты забылъ
за быстрой рѣкой

„Два друга сердечные, два остра
ножа булатные,

„На чужой дальней сторонѣ оборо-
на великая“.

Воротился молодець, но уже не на-
шелъ ни перевозовъ, ни мостовъ; поѣ-
халъ было молодець глубокими омутами.

...„А и ты, мать быстра рѣка,

„Ты быстра рѣка Смородина!

„Къ чему ты меня топилъ безвре-
мяннаго молодца?“

Провѣщитса быстра рѣка человѣче-
скимъ голосомъ,

Она душой красной дѣвицей:

„Безвременной молодець! не я тебя
топлю

„Безвременнаго молодца, топить
тебя,

„Молодецъ, похвали ба твоя, пагуба“.
Утонулъ доброй молодець въ Москвѣ
рѣкѣ Смородинѣ.
(Кирша, 203—204).

V. Вѣщія животныя.

1. Конь.

Иванъ Гостиной сынъ бился о своей
буйной головѣ „изъ Кіева бѣжать до
Чернигова, два девяностъ-то мѣрныхъ
версть, промежъ обѣдней и заутренею“.

Походилъ онъ на конюшню бѣлоду-
бву

Ко своему доброму коню къ бу-
рочкѣ,

Косматочкѣ, троелѣточкѣ,

Падаль ему въ правое копытечко,

Плачетъ Иванъ, что рѣка течеть:

„Гой еси ты, мой добрый конь

„Бурочко, косматочко, троелѣточко!

„Про то ты вѣдь не знаешь, не
вѣдаешь,

„А пробилъ я, Иванъ, буйну го-
лову свою

„Съ тобою добрымъ конемъ...

...Провѣщится ему доброй конь бу-
рочко,

Косматочко, троелѣточко,

Человѣческимъ русскимъ языкомъ:

„Гой еси, хозяинъ ласковый мой!

„Ни о чемъ ты, Иванъ, не печа-
луйся:

„Сива жеребца того не боюсь,

„Кологрива жеребца того не блю-
дусь,

„Въ задоръ войду—у воронка уйду,

„Только меня води по три зари,

„Медвяною сытою пой

„И сорочинскимъ пшеномъ корми.

„И пройдутъ тѣ дни срочные,

„И тѣ часы урочные,

„Придетъ отъ князя грозенъ посоль

„Про тебя-то Ивана гостинаго,

„Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ
на коняхъ,

„Не сѣдай ты меня, Иванъ, добра
кова,

„Только берись за шелковъ поводиокъ,

„Поведешь по двору княженецкому,

„Вздѣнь на себя шубу соболиную,

„Да котора шуба въ три тысячи,

„Пуговки въ пять тысячей,

„Поведешь по двору княженецкому;

„А стану-де я, бурка, передомъ хо-
дить,

„Кодытами ~~за~~ шубу посапывати,

„И по черному соболу выхватывати,

„На всѣ стороны побрасывати, —

„Князи, бояра подивуются,

„И ты будешь живъ—шубу нажи-
вешь,

„А не будешь живъ,—будто наши-
валь“.

Кирша, 38—39.

2. Воронъ.

Михайло Казарянинъ, ко столу кня-
женецкому, настрѣлялъ гусей, лебедей
перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ утокъ,
поѣхалъ отъ моря отъ синаго ко столь-
ному городу Кіеву и

Наѣхалъ въ полѣ сырѣ кряговистый
дубъ,

На дубу сидитъ тутъ черный во-
ронъ,

Съ ноги на ногу переступываетъ,
Онъ правильно перушко поправля-
ваетъ.

А и ноги, носъ—что огонь горять.

Казарянинъ

Хочетъ застрѣлить черна ворона...

Провѣщится ему черный воронъ:
„Гой еси ты, удача добрый молодецъ!

Не стрѣляй меня ты черна ворона,
Моей крови тебѣ не пить будетъ,
Моего мяса не ѣсть будетъ,
Надо мною сердца не изнести;
Скажу тебѣ добычу богатырскую:
Поѣзжай на гору высокую,
Посмотри въ раздолья широкія,
И увидишь въ полѣ три бѣла шатра,

И стоять бесѣда — дорогъ рыбій
зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Какъ-бы три собаки наѣздники,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Русская дѣвица полояночка,
Молода Марѣя Петровна“.

Кирша, 142—143.

Въ Марѣя Петровичѣ Казарянинѣ
узналъ свою родную сестру.

В. Богатыри старшіе.

1. Святогоръ.

(Черты кочеваго быта).

Снарядился Святогоръ вовъ чисто
поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой по-
мѣяться,

А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяже-
лаго бременя.

Вотъ и говорить Святогоръ:
„Какъ-бы я тяги нашель,
Такъ я-бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Вереть погонялку, пощупаетъ су-
мочку, — она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее, — не ворох-
нется,

Хватить съ коня рукою, — не по-
дымется.

„Много годовъ я по свѣту ѣзживаль,

А этакова чуда не наѣзживаль:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не
подымется!“

Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣно Святогоръ въ землю
угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь
течетъ.

Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать
не могъ,

Тутъ ему было и кончаніе ¹⁾.

(Р. I, 32—33).

2. Микула Селянинновичъ и Вольга Святославговичъ.

(Черты земледѣльческаго и дружиннаго быта).

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,

¹⁾ Тяги-то земли онъ нашель, прибавила
разсказчица, а Богъ его и попуталь за по-
хвальбу. — Побывальщина записана сплошнымъ
разсказомъ и раздѣлена на стихи издателями
Сборн. Р—ва.

Тогда зарождался молодой Вольгà,
 Молодой Вольгà Святославговичь.
 Сталь Вольгà растѣть-матерѣть;
 Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
 Щукой-рыбою ходить ему во глу-
 бокіихъ моряхъ,
 Птицей-соколомъ летать подь об-
 лока,
 Сѣрымъ волкомъ рыскать во чис-
 тѣхъ поляхъ;
 Уходили всѣ рыбы во синія моря,
 Улетали всѣ птички за оболока,
 Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
 Сталь Вольгà растѣть-матерѣть,
 Избирать себѣ дружинишку хоро-
 рую,
 Тридцать молодцевъ безъ одинаго,
 Самъ оцѣ Вольгà въ тридцатыхъ.
 Жаловаль его родный дядюшка
 Ласковый Владиміръ стольно-кїев-
 скій
 Тремя городами со Крестьянами:
 Пѣрвымъ городомъ—Гурчевцомъ,
 Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
 Третьимъ городомъ — крестьянов-
 цемъ.
 Молодой Вольгà Святославговичь
 Со своею дружинишкой хороброю
 Онъ ѣхаль къ городамъ за получкою.
 Выѣхаль въ раздоллице чисто поле,
 Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшники по камешкамъ почерки-
 ваютъ.
 Ыхаль Вольгà до ратая
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своею дружинишкой хороброю,
 А не могъ до ратая доѣхати.
 Ыхаль Вольгà оцѣ дрўгой день,
 Дрўгой день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.

Ореть въ полѣ ратай понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшники по камешкамъ почерки-
 ваютъ,
 Ыхаль Вольгà оцѣ третій день,
 Третій день съ утра до пѣдѣды,
 Наѣхаль онъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометы-
 ваетъ;
 Въ край куда онъ уѣдетъ, другаго
 не видать;
 Коренья, каменья, вывертываетъ,
 А великія-то всѣ каменья въ бо-
 розду валить;
 Кобыла у ратая соловая ¹⁾,
 Сошка у ратая кленовая,
 Гужики у ратая шелковые.
 Говорилъ Вольгà таковы слова:
 „Вожья ти помочь, оратаюшко!
 „Орать, да пахать, да крестьян-
 ствовати,
 „Съ края въ край бороздки поме-
 тывати,
 „Коренья, каменья вывертывати!“
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Поди-тко, Вольгà Слатославго-
 вичь
 — Со своею дружинишкой хороброю,
 — Мнѣ-ка надобна Божья помочь
 крестьянствовати!

¹⁾ Варіантъ:

Оратай-то ореть да посвистываетъ,
 У оратаго сошка поскрипываетъ:
 У оратаго сошка красна дерева,
 А омѣшники серебряные,
 А присошачекъ красна золота:
 У оратаго сапожки на ножкахъ—зеленъ сафьянъ:
 Шиломъ пята, носы востры,
 Пѣдъ пята-пята воробей пролетать,
 Около носа-носа яйцо прокатать;
 Кудри у молодца качаются,—
 Не скачень жемчугъ рассыпаются;
 Брови чорнаго соболя,
 Глаза я—яснаго сокола.

— Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда держишь

— Со своею со дружинуской хороброу? —

„Ай же ты, ратаю, ратаюшко!

„Ѣду къ городамъ за получкою:

„Ко первому городу ко Гурчевцу,

„Ко другому ко городу къ Орѣховцу,

„Ко третьему городу ко Крестьянцу“.

Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичь!

— А недавно я былъ въ городни, третьёво-дни,

— На своей кобылкѣ соловоей,

— Увезъ я оттоль соли столько (только) два мѣха,

— Два мѣха соли по сороку пудъ.

— И живутъ-то мужики все разбойники,

— Они просятъ грошѣвъ подорожныхъ;

— А былъ я съ шалыгой ¹⁾ подорожноу,

— Платилъ имъ грошѣ подорожные:

— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,

— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —

Говорилъ Вольга таковы слова:

„А же ты, оратай, оратаюшко,

„Поѣдемъ со мной во товарищахъ!“

Этотъ оратай-оратаюшко

Гужики шелковеньки повысте(г)нулъ,

Кобылку изъ сошки повывернулъ,

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говорить оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичь!

— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

¹⁾ Тоже, что *шелетуга*: плетъ, съ обязанной пулей, кистецъ.

— И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,

— А гля-ради мужика деревеньщины ¹⁾:

— Какъ-бы сошка съ земельки повывдернути,

— Изъ омѣшиковъ земелька повывтряхнути

— И бросить бы сошка за ракиотовъ кустъ? —

Молодой Вольга Святославговичь

Посылаетъ онъ съ дружинуски хоробрыя

Пять молодцовъ могучихъ,

Чтобы сошку съ земельки повывдернули,

Изъ омѣшиковъ земельку повывтряхнули,

Бросили-бы сошку за ракиотовъ кустъ.

Эта дружинуска хоробрая,

Пять молодцевъ могучихъ,

Пріѣхали къ сошкѣ кленовая:

Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,

А не могутъ сошки съ земельки повывдернуть,

Бросить сошки за ракиотовъ кустъ.

Молодой Вольга Святославговичь

Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,

Чтобы сошку съ земельки повывдернули,

Изъ омѣшиковъ земельку повывтряхнули,

Бросили-бы сошку за ракиотовъ кустъ.

Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:

¹⁾ Они (мужики) сошку съ земельки повывдернуть, Изъ омѣшиковъ земельку повывтряхнуть, Изъ сошки омѣшники повывколнуть, — Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу крестьянствовать.

Сошки отъ земли поднять нельзя,
 Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки
 повытряхнуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Посылалъ онъ всю дружинишку хо-
 робруу:
 Они сошку за обжи вокругъ вер-
 тять,
 А не могутъ сошки съ земельки по-
 выдернуть,
 Изъ омѣшиковъ земельки повытрях-
 нути,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Подѣхалъ оратай-оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Ко этой ко сошкѣ кленовой:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повыдернулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытрях-
 нулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 Съѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Оратая кобылка-то рысью идетъ,
 А Вольгинъ-отъ конь и поскаки-
 ваеътъ:
 У оратая кобылка-то грудью пошла,
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
 Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
 „Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
 „Этая кобылка конькомъ бы была,
 „За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Глушій Вольга Святославговичь!
 — Взялъ я кобылку жеребчикомъ
 сподъ матушки
 — И заплатилъ за кобылку пять-
 сотъ рублей:
 —Этая кобылка конькомъ бы была,—
 —За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
 Говорилъ Вольга Святославговичь:
 „Ай же ты, ратаю-ратаюшко!

„Какъ-то тебя именемъ зовуть,
 „Какъ зветичають по отечеству?“
 Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай же ты, Вольга Святославо-
 вичь!

— А я ржи напашу, да во скирды
 сложу,

— Во скирды сложу, домой выво-
 лочу,

— Домой выволочу, да дома вымо-
 лочу,

— Драни надеру, да и пива на-
 варю,

— Пива наварю, да и мужиковъ
 напою,—

— Стануть мужички меня поклики-
 вати:

— „Молодой Микулушка Селяни-
 новичь!“ —

(Р. I, 3. 17—22).

(Записана въ петрозаводск. у., олонек. г.).

3. Вольга ¹⁾.

(Ратная жизнь.—Дружина.—Охота).

Вольга съ дружиною въ стольномъ
 Киевѣ.

И скажетъ Вольга сударь Буслав-
 левичь:

„Дружина моя добрая, хоробрая!

„Вы слушайте большого братца ата-
 мана-то:

„Кого-бы намъ послать въ Турецъ-
 землю,

„Провѣдати про думу про царскую,

„И что царь думы думаетъ,

„И думаетъ-ли ѣхать на святую
 Русь?

„А стараго послать—будетъ долго
 ждатель;

¹⁾ См. выше: Микула Селянин. и Вольга,
 стр. 89.

„А середняго послать-то — виномъ
запоятъ,

„А малаго послать, —

„Маленькой съ дѣвчушками за-
играется,

„А со молодухами распотѣшится,

„А со старыма старушками разго-
воръ держать,

„И буде намъ долго ждать.

„А видно будѣ Вольгѣ самому пойти!“

Повернулся Вольгѣ сударь Буслав-
левичъ

Малую птицею-пташицей,

Полетѣлъ ѣнъ не подблачью.

И будетъ скоро въ той землѣ Ту-
рецкой,

Будетъ у сантала у турецкаго,

А у той полаты бѣлокаменной,

Противъ самыхъ окопечекъ,

И слухаетъ онъ рѣчи тайныя. —

Говорить царь со царицею:

„Ай же ты царица Панталовна!

„А ты знаешь-ли про то, вѣдаешь?

„На Руси-то трава растетъ не по
старому,

„Цвѣты растутъ не по прежнему,

„А на Руси трава растетъ не по-
прежнему,

„А видно Вольгѣ-то живаго нѣтъ.

„А поѣду я на святую Русь,

„Возму я себѣ девять городовъ,

„Подарю я девять сыновъ,

„А тебѣ, царица Панталовна,

„Подарю я шубоньку дорогу“.

Проговорить царица Панталовна:

— Ай же ты царь Турецъ-санталя!

— А я знаю про то, вѣдаю:

— На Руси трава все растетъ по
старому,

— Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежнему.

— А ночѣсь спалось, во сняхъ ви-
дѣлось:

— Бывъ сподъ восточныя сподъ сто-
ронушки

— Налетала птица малая пташица,

— А сподъ западней сподъ сторо-
ронушки

— Налетала птица черной воронъ;

— Слеталися оны во чистомъ полѣ,

— Промежду собой подиралися;

— Малая птица-пташица

— Чернаго ворона повыклевала,

— И по перышку она повыщипала.

— А на вѣтеръ все повѣпускала.

— То есть Вольгѣ сударь Буслав-
левичъ,

— А что черной воронъ — Турецъ-
санталя. —

Проговорить царь Турецъ-санталя:

„Ай же ты царица Панталовна!

„А я думаю скоро ѣхать на свя-
тую Русь,

„Возму я девять городовъ,

„Подарю девять сыновъ,

„Привезу себѣ шубоньку дорогу.“

Говорить царица Панталовна:

— А не взять тебѣ девяти городовъ,

— И не подарить тебѣ девяти сы-
новъ,

— И не привезти тебѣ шубоньки
дорогой! —

Проговорить царь Турецъ-санталя:

„Ахъ ты старый чортъ!“

„Сама спала себѣ сонъ видѣла!“

И ударить онъ по бѣлѣ лицу,

И повернется, — по другому,

И кинетъ царицу о кирпичень полѣ,

И кинетъ ю второй-то разъ:

„А поѣду я на святую Русь,

„Возму я девять городовъ,

„Подарю девять сыновъ,

„Привезу себѣ шубоньку дорогу!“

А повернулся Вольгѣ сударь Бу-
славлевичъ,

Великій шумъ съ-подъ сиверныя
сторонушки:

Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выли-
ваются.

Вьеть добрый конь ¹⁾ копытомъ о
сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Му-
ромца.

Проязычилъ конь языкомъ человек-
ческимъ:

„Ай же ты, Илья Муромецъ!
„Спишь себѣ проклажаешься,
„Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
„Ѣдетъ къ шатру Святогоръ бога-
тырь.

„Ты спущай меня во чисто поле,
„А самъ полѣзай на сырой дубъ.“
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Сцущалъ коня во чисто поле,
А самъ высталъ во сырой дубъ.
Видить: ѣдетъ богатырь выше лѣсу
стоячаго,

Головой упираеть подъ облаку хо-
дичую,
На плечахъ везеть хрустальный
ларецъ.

Приѣхалъ богатырь къ сыру буду,
Снялъ съ плечъ хрустальный ла-
рецъ,

Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ.
Выходить оттоль жена богатыр-
ская.

Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая, ²⁾
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя,

Съ платица тѣло бѣлое.

Какъ вышла изъ того ларца, со-
брала на столъ.

Полагала скатерти бранныя,
Ставила на столъ ѣствуши сахарныя,
Вынимала изъ ларца питьица мед-
вяныя.

Пообѣдалъ Святогоръ богатырь
И пошелъ... въ шатеръ провѣж-
даться...

Тутъ богатырь и спать заснулъ.
А красавица жена его богатырская
Пошла гулять по чисту полю
И высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу.
Говорить она таковы слова:

„Ай же ты, дородній добрый мо-
лодецъ.

„Сойди-ка со сыра дуба,...

„Буде не послушаешься,
„Разбуджу Святогора богатыря“...
Нечего дѣлать Ильѣ:

Съ бабой не стговорить,
А съ Святогоромъ богатыремъ не
сладить;

Слѣзъ онъ съ того сыра дуба...
Взяла его красавица, богатырская
жена,

Посадила къ мужу въ глубоко кар-
манъ

И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь,
Посадила жену въ хрустальный ла-
рецъ,

Заперъ золотымъ ключемъ,

Сѣлъ на добра коня
И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
Сталъ его добрый конь спотыкаться,
И билъ его богатырь плеткою шел-
ковую

По тучнымъ бедрамъ,
И проговорить конь языкомъ че-
ловѣческимъ:

¹⁾ См. выше вѣщій конь, стр.

²⁾ Мелкая, щегольская.

„Оперёжь я возилъ богатыря да
жену богатырскую,

„А нонь везу жену богатырскую и
двухъ богатырей.

„Дивья ¹⁾ мнѣ потыкается!“

И вытащилъ Святогоръ богатырь
Илью Муромца изъ кармана,
И сталъ его высирашивать,
Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
Во глубокъ карманъ.

Илья ему сказалъ все по правдѣ—по
истинѣ. Тогда Святогоръ жену свою
богатырскую убилъ, а съ Ильей помѣ-
нялся крестомъ и называлъ меньшимъ
братомъ.

Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ бо-
гатырскимъ,

И поѣхали они къ Сивернымъ го-
рамъ,

И наѣхали путемъ-дорогою на ве-
ликой гробъ,

На томъ гробу подпись подписана:

„Кому суждено въ гробу лежать,

„Тотъ въ него и ляжетъ.“

Легъ Илья Муромецъ:

Для него домовище и велико, и
широко.

Ложился Святогоръ богатырь:

Гробъ пришелся по немъ.

Говорить богатырь таковы слова:

„Гробъ точно по мнѣ дѣланъ.

„Возьми-тко крышку, Илья,

„Закрой меня“.

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

— Не возьму я крышки, большій
братъ,

И не закрою тебя:

Шутишь ты шуточку не малую, —

Самъ себя хоронить собрался. —

Взялъ богатырь крышку и самъ
закрылъ ею гробъ;

Да какъ захотѣлъ поднять ю,
Никакъ не можетъ;

Бился онъ и силился поднять,

И проговорилъ Ильѣ Муромцу;

„Ай, меньшій братъ!

„Видно судьбина поискала меня,

„Не могу поднять крышки,

„Попробуй-ка поднять ю“.

Попробовалъ Илья Муромецъ поднять
крышку, да гдѣ ему! Говорить Свято-
горъ богатырь: „Возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперегъ крышки. „Ильѣ Муромцу не подь силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зоветь его Святогоръ богатырь: „Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскимъ“. Какъ наклонился Илья, и дохнулъ на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскимъ,—почуялъ Илья, что силы у него противъ прежняго прибавилось втрое; поднялъ онъ мечъ кладенецъ и ударилъ поперегъ крышки. Отъ того удара великаго посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветь его Святогоръ богатырь: „Душно мнѣ, меньшій братъ, попробуй оше ударить мечемъ вдоль крышки“. Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки,—и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговорить Святогоръ богатырь: „Задыхаюсь я, меньшій братецъ! наклонись-ка ко щелочкѣ, я дохну оше на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую“. Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:— Будетъ съ меня силы, большій братецъ,—не то земля на собѣ носить не станетъ.— Промолвилъ тутъ Святогоръ богатырь: „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, а ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владай моимъ мечемъ кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго приляжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не

¹⁾ Дивья: дивно ли, не чудо!

совладеетъ съ этимъ конемъ“. Тутъ пошелъ навъ ищелочки мертвый духъ; простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня ко тому ко гробу, ополсалъ Святогоромъ мечъ-кладенецъ и поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

(Записана въ петрововодск. у., олонек. г.).
(Рыбн. I, 8, 36—42).

Г. Богатыри младшіе.

I. Кіевскіе.

А. СВОИ.

1. Илья Муромецъ.

а) Исцѣленіе Ильи.

Во славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Крестьянскій сынъ, ¹⁾
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На рабутошку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики пере-
хожія ²⁾

Подъ тое окошечко косявчето,
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
„(Илья Муромецъ) крестьянскій сынъ!
„Отворяй каликамъ ворота широкія,
„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
— Ай же вы, калики перехожія!

¹⁾ Илья Муромецъ крестьянскій сынъ.

²⁾ Вариантъ:

Сидѣлъ Илья Муромецъ въ селѣ Карачаровѣ
30 лѣтъ,

Не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ.
И когда ходилъ Господь Исусъ Христосъ
По землѣ по матери съ апостолами,
И приходитъ онъ въ село Карачарово
Къ Ильѣ Муромцу подъ окошечко
И попросилъ нанитися.

— Не могу отворить воротъ широ-
кихъ,
— Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
— Не владаю ни руками, ни но-
гами —.

Опять говорятъ калики перехожія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
„Отворяй-ка ворота широкія,
„Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ“.
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвя-
наго,

Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица ме-
двянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
„Что чувствуешь въ собѣ, Илья?“
Билъ челомъ Илья, каликъ поздрав-
ствовалъ:

— Слышу въ собѣ силушку великую. —
Говорятъ калики перехожія: ¹⁾

¹⁾ Вариантъ:

Говорятъ старички:

— Богъ ты благословить, Илья Муромецъ,

— Силой своей,

— Такъ и стой за вѣру христіанскую

„Будешь ты, Илья, великій богатырь,
 „И смерть тобѣ на бою не писана:
 „Бейся—ратися со всякимъ бога-
 тыремъ
 „И со всею паленицею удалою;
 „А столько не выходи драться
 „Съ Святогоромъ богатыремъ:
 „Его и земля на себѣ черезъ сялу
 носить;
 „Не ходи драться съ Самсономъ
 богатыремъ:
 „У него на головѣ семь власовъ
 ангельскихъ ¹⁾,
 „Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
 „Его любить матушка сыра земля;
 „Не ходи ошѣ на Вольгу Сеславича:
 „Онъ не силою возьметъ,
 „Такъ хитростью—мудростью.
 „Доставай, Илья, коня себѣ бога-
 тырскаго,—
 „Выходи въ раздольице чисто поле,
 „Покупай перваго жеребчика,
 „Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
 „Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
 „А пройдетъ поры-времени три мѣ-
 сяца,
 „Ты по три noci жеребчика въ саду
 поваживай,
 „И въ три росы жеребчика выка-
 тывай,
 „Подводи его къ тыну ко высокому:
 „Какъ станетъ жеребчикъ черезъ
 тынь перескакивать,
 „И въ ту сторону, и въ другую
 сторону,
 „Поѣзжай на немъ, куда хочешь,

— И за домъ Пресвятыя Богородицы;

— На бою тебѣ смерть не писана...

И далье:

— И дома не живи — не работай,

— А поѣзжай во стольный Киевъ градъ.

Рыби. II, 4.

¹⁾ О Самсонѣ см. Р. III, 1, стр. 3.

„Будетъ носить тебя“.
 Тутъ калики потерялися.
 Пошелъ Илья ко родителю ко ба-
 тышку
 На тую на работу на крестьян-
 скую,
 Очистить надо полъ отъ дубья—
 володья:
 Онъ дубье—колодые все повыврубилъ,
 Въ глубину рѣку повывгрузилъ,
 А самъ и шель домой.
 Выстали отецъ съ матерью отъ крѣп-
 каго сна — испужалися ¹⁾:
 „Что это за чудо подѣялось?
 „Кто-бы намъ это сработалъ рабо-
 тушку?“
 Работа-то была подѣлана,
 И пошли они домой.
 Какъ пришли домой, видятъ:
 Илья Муромецъ ходить по избы.
 Стали его спрашивать,
 Какъ онъ выздоровѣлъ.
 Илья и разсказалъ имъ,
 Какъ приходили калики переходя,
 Поили его пятицемъ медвянымъ:
 И съ того онъ сталъ владать ру-
 ками и ногами,
 И слышку получилъ великую.
 Пошелъ Илья въ раздольице чисто
 поле,
 Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика
 немудраго,
 Бураго жеребчика косматенькаго.
 Покупалъ Илья того жеребчика,
 Чтѣ запросилъ мужикъ, то и далъ;
 Становилъ жеребчика въ срубъ на
 три мѣсяца,
 Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,

¹⁾ Стихъ вѣроятно таковъ:

Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна.
 Выстали они испужалися.

Прим. Рыби.

Поилъ свѣжей ключевой водой;
И прошло поры-времени три мѣсяца,
Сталь Илья жеребчика по три ночи
в садѣ поваживать,
Въ три росы его выкатываль,
Подводилъ ко тнѣ ко высокому,
И сталъ бурушко черезъ тнѣ пере-
скаживать,
И въ ту сторону, и въ другую сто-
рону ¹⁾).

б) Илья учится похваткамъ и поѣз-
дамъ богатырскимъ.

(См. Встрѣча Святогора съ Ильей Муромцемъ).

в. Подвиги Ильи Муромца. Первые
поѣздки Ильи Муромца.

(Илья подъ Черниговымъ.—Соловей Разбойникъ).

Не сѣрой дубъ къ землѣ клонится, ²⁾
Ни бумажны листочки растила-
ются:

Растилается сынъ передъ батюшкой;
Онъ и просить се(б)ѣ благословеньца:
„Охъ ты гой еси, родимой, милой
батюшка!

„Дай ты мнѣ свое благословеньцо,
„Я поѣду въ славной стольной Къ-
евъ градъ,

„Помолиться чудотворцамъ Къев-
скимъ,

„Заложиться за князя Володимира,

„Послужить ему вѣрой—правдою,

„Постоять за вѣру хрисянскую“.

Отвѣчать старой хрисянинъ Иванъ
Тимоеевичъ:

¹⁾ Непосредственное продолженіе этой по-
быльщины (былина въ прозаическомъ изло-
женіи) см. выше: Встрѣча Святогора съ Ильей
Муромцемъ, стр. 94

(Рыбн., I, 33—36).

²⁾ Правописаніе сохранено съ буквальной
точностью.

— Я на добрыя дѣла те(б)ѣ благо-
словенье дамъ,

— А на худыя дѣла благословенья
нѣтъ.

— Поѣдешь ты путемъ и дорогою,

— Ни помысли зломъ на Татарина,

— Ни убей въ чистымъ полѣ хри-
сьянина.—

Поклонилса Илья Муромецъ отцу
дѣ-земли.

(Кирѣвск. 1, 34. Зап. въ Нижег. г.).

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣзжаетъ изъ города изъ Муромля,
Поѣзжаетъ въ ту субботу хрисян-
скую,

А надоть поспѣть къ заутрени Хри-
стосьскія,

Во стольный во городъ во Кіевъ—
градъ.

Поѣзжаетъ Илья—самъ выговари-
ваетъ,

Кладываетъ-то заповѣдъ великую:

„Бѣхать то мнѣ добру молодцу,

„Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ,

„Рукъ чтобы мнѣ не кровавити“.

Только видѣли молодца садучись,

А не видѣли удалаго поѣдучись,

И не знаютъ, въ кою сторону уѣ-
халь онъ.

Какъ приправливалъ Ильюшенька
добра коня,

Скочилъ его добрый конь за версту
за мѣрную:

Тутъ то на столбѣ онъ подиись
подписываль:

„Первая поѣзка Ильи Муромца“.

Опять приправливалъ добра коня,

Скочилъ его добрый конь за версту
за мѣрную:

Тутъ-то на столбѣ онъ подиись под-
писываль:

„Другая поѣзка Ильи Муромца“.

- Третій разъ приправливалъ добра
кonia,
Скочилъ его добрый конь за версту
за мѣрною:
Туть-то онъ на столбѣ подпись под-
писывалъ:
„Третія цѣзка Илья Муромца“.
Попелъ, поскакалъ его добрый конь,
Рѣки, озера перескакивалъ,
А темные лѣса промежъ ногъ пуцалъ.
Рыбн. I, 45—46. Пудожск. у.
- Да й подѣхалъ онъ ко славному ко
городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанѣ-то силушки чернымъ черно,
А й чернымъ черно какъ черна
ворона;
Такъ пѣхотою никто тутъ не про-
хаживать,
На добромъ кони никто тутъ не
проѣзживать,
Птица черной воронъ не пролетыва-
вать,
Сѣрый звѣрь да не прорыскивать.
А подѣхалъ какъ ко силушкѣ ве-
ликой, ¹⁾
Онъ какъ сталъ то эту силушку
великую,
Сталъ конемъ топтать, да сталъ
копьемъ волоть,
А й побилъ онъ эту силу всю ве-
ликую.
Енъ подѣхалъ то подѣ славный
подѣ Черниговъ градъ;
Выходили мужички да туть черни-
говски
Й отворяли-то ворота во Черни-
говъ градъ,
- А й зовуть его въ Черниговъ вое-
воду.
Говорить то имъ Илья да таковы
слова:
„Ай же мужички да вы черниговски!
„Я не йду къ вамъ во Черниговъ
воеводою.
„Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
„Прямоѣзжую да въ стольній Ки-
евъ градъ“.
Говорили мужики ему черниговски:
— Ты удаленькой дородній добрый
молодецъ,
— Ай ты славныя богатырь свито-
русскій!
— Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
— Заколодѣла дорожка замуравѣла,
— Ай по той ли по дорожкѣ прямо-
ѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не про-
ѣзживалъ:
— На добромъ кони никто да не
проѣзживалъ;
— Какъ у той ли-то у Грязи-то у
Черной,
— Да у той ли у березы у покляшныя.
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сиди Соловей розбойникъ во си-
ромъ дубу,
— Сиди Соловей розбойникъ Оди-
хмантьевъ сынъ,
— А то свичеть Соловей да по-
соловьему,
— Енъ кричить злодѣй розбойникъ
по звѣриному,
— Й отъ него ли-то посьвисту со-
ловьяго,
— Й отъ него ли-то отъ покрыку
звѣринаго,
— То веѣ травушки — журавы уле-
таются,

¹⁾ «Всякой-то, братцы, заповѣдь кладыва-
ваетъ,

«А не всякой заповѣдь исполняетъ»,
замѣчаетъ Илья предѣ побоищемъ.

— Всѣ лазуревы цвѣточки отсы-
паются,
— Темны лѣсушки къ земли вси
приклоняются,
— А что есть людей, то вси мер-
твы лежать.
— Прямоѣзжею дороженькой пять-
сотъ есть верстъ,
— А ѣ окольноѣй дорожкой цѣла
тысяща.
Онъ спустилъ добра коня да ѣ бога-
тырскаго,
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямо-
ѣзжею.
Его добрый конь да богатырскій
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холмы на холму сталъ перема-
хивать,
Мелки рѣченки озерка промежъ ногъ
спуцалъ.
Подѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ ко Смо-
родинки,
Да ко тоѣй онъ ко Грязи онъ ко
Черноѣй,
Да ко тою ко березы ко покляныя,
Къ тому славному кресту ко Лева-
нидову.
Заснисталъ-то Соловей да ѣ по со-
ловьеву,
Закрычалъ злодѣй разбойникъ по
звѣриному,
Такъ всѣ травушки муравы упле-
талися,
Да ѣ лазуревы цвѣточки отсыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ вси при-
клонилися.
Его добрый конь да богатырскій
А онъ на корзні да потыкается,
А ѣ какъ старый-отъ казакъ да
Илья Муромецъ
Беретъ плеточку шелковую въ бѣлу
руку,

А онъ билъ коня а по крутымъ ре-
брамъ;
Говорилъ-то онъ Илья да такovy
слова:
„Ахъ ты, волчья сыть да ѣ тра-
вяной мѣшокъ!
„Али ты итти не хошь али нести
не мошь?
„Что ты на корзні собака поты-
каешься?
„Не слыхалъ ли посвисту соловьяго,
„Не слыхалъ ли покрьку звѣринаго,
„Не видалъ ли ты ударовъ бога-
тырскихъхъ?“
Ай тутъ старья ¹⁾ казакъ да Илья
Муромецъ
Да беретъ-то онъ свой тугой лукъ
розрывчатый,
Во свои беретъ во бѣлы онъ во ру-
чущки,
Евъ тетивочку шелковеньку натяги-
валъ,
А онъ стрѣлочку каленую наклады-
валъ,
То онъ стрѣлилъ въ того Соловья
разбойника,
Ему выбилъ право око со косичею.
Евъ спустилъ-то Соловья да на
сыру землю,
Пристегнулъ его ко правому ко стре-
мечки булатному,
Евъ повезъ его по славну почисту полю,
Мимо гнѣздышко повезъ да Соловь-
иное.
Во томъ гнѣздышкѣ да Соловьиномъ
А случилось быть да и три дочери,
А ѣ три дочери его любимыхъ;
Больша дочка эта смотритъ во око-
шечко косевчато,

¹⁾ Старья=старый + а; а является какъ и во
многихъ другихъ случаяхъ для развѣра.

Говорить ѣна да таковы слова:

- Ёдетъ-то нашъ батюшко чистымъ
полямъ,
— А сидить-то на добромъ кони,
— Да везетъ ѣнъ мужичища деревенщину,
— Да у праваго у стремени прикована. —

Поглядѣла его друга дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:

- „Ёдетъ батюшко раздольцемъ чистымъ полямъ,
„Да й везетъ онъ мужичища деревенщину,
„Да й ко правому ко стремени прикована“.

Поглядѣла его меньша дочь любимая,

Говорила-то она да таковы слова:

- Ёдетъ мужичищо деревенщина,
— Да й сидитъ мужикъ на добромъ кони,
— Да й везетъ-то наша батюшка у стремени,
— Убулатнаго у стремени прикована.

— Ему выбито право око со косичею.

Говорила-то й она да таковы слова:

- Ай же мужевья наши любимы!
— Вы берите-тко рогатины звѣринны,
— Да бѣжите-тко въ раздольице чисто поле,
— Да вы бейте мужичища деревенщину.

Эти мужевья да ихъ любимы,
Затевья то-есть да Соловьины,
Похватали какъ рогатины звѣринны,
Да й бѣжали-то оны да й во чисто поле

Ко тому-ли къ мужичищу деревенщину,
Да хотятъ убить-то мужичища деревенщину.

Говорить имъ Соловей розбойникъ

Одихмантьевъ сынъ:

- „Ай же зятевя мои любимы!
„Побросайте-тко рогатины звѣринны,
„Вы зовите мужика да деревенщину,
„Въ своё гнѣздышко зовите Соловьиное,
„Да кормите его ѣствушкой сахарною,
„Да вы пойте его питьемъ медвянымъ,
„Да й дарите ему дары драгоценны“.

Эти зятевя да Соловьины

Побросали-то рогатины звѣринны,

Ай зовутъ-то мужика да й деревенщину

Во то гнѣздышко да Соловьиное;

Да й мужик-отъ деревенщина не слушатся,

А онъ ѣдетъ-то по славному чисту полю,

Прямоъзжею дорожкой въ стольней Кіевъ градъ.

Г. 442.

Ёнъ приѣхаль-то во славный стольней Кіевъ градъ

А ко славному ко князю на широкой дворъ.

А й Владиміръ князь онъ вышелъ со Божьей церкви,

Онъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,

Во столовую свою во горенку,

Оны сѣли ѣсть, да пить, да хлѣба кушати,

Хлѣба кушати да пообѣдати.

А й тутъ старня казакъ да Илья Муромецъ

Становилъ коня до посередѣ двора,
Самъ идетъ онъ во палаты бѣлокаменны,

Проходить онъ во столовую во го-
ренку,

На пятау онъ дверь-ту порозмахиваль,
Крест-отъ клалъ ёнъ по писаному,
Вель поклоны по учёному,

На всѣ на три на четыре на сто-
ронки низко кланялся,

Самому князю Владимиру въ особяну,
Еще всимъ его князьямъ онъ под-
колѣбаннымъ.

Тутъ Владимиръ князь сталъ мо-
лодца выпрашивать:

— Ты скажи-тко, ты откуешной,
дородній добрый молодецъ,

— Тебе какъ-то молодеца да име-
нѣмъ зовуть,

— Звеличаютъ удалаго по отече-
ству? —

Говорить-то старья казакъ да Илья
Муромецъ:

„Есть я съ славнаго изъ города
изъ Муромля,

„Изъ того села да съ Карачирова.
„Есть я старья казакъ да Илья

Муромецъ,
„Илья Муромецъ да сынъ Ивано-
вичъ“.

Говорить ему Владимиръ да таковы
слова:

— Ай же старья казакъ да Илья
Муромецъ!

— Да й давно-ли ты повиѣхаль
изъ Муромля,

— И которою дороженкой ты ѣхаль
въ стольней Кіевъ градъ? —

Говорилъ Илья онъ таковы слова:
„Ай ты, славныя Владимиръ столь-
нѣ-кіевской!

„Я стоялъ заутрену христовскую во
Муромли,

„А й къ обѣденки поспѣть хотѣлъ я
во стольней Кіевъ градъ,

„То моя дорожка призамѣшвалась;

„А я ѣхаль-то дорожкой прямоѣзжею,

„Прямоѣзжею дороженкой я ѣхаль
мимо-то Черниговъ градъ,

„Ѣхаль мимо эту Грязь да мимо
Черную,

„Мимо славну рѣчку Смородину,

„Мимо славную березу ту повляпую,

„Мимо славный ѣхаль Леванидовъ
крестъ“.

Говорить ему Владимиръ таковы
слова:

— Ай же мужичицо деревенщина,

— Во глазахъ мужикъ да подлы-
гаешься,

— Во глазахъ мужикъ да насмѣ-
хаешься!

— Какъ у славнаго у города Чер-
нигова

— Нагнаю тутъ силы много множе-
ство,

— То иѣхотою никто да не проха-
живаль,

— И на добромъ конѣ никто да не
проѣзживаль,

— Туды сѣрый звѣрь да не про-
рыскиваль,

— Птица черный воронъ не проле-
тываль;

— А у той ли-тоу Гризи-тоу Чернойей,

— Да у славной у рѣчки у Смо-
родины,

— Ай у той ли у березы у повляпоу,

— У того креста у Леванидова,

— Соловѣй сидитъ разбойникъ Одих-
мантьевъ сынъ,

— То какъ свичеть Соловѣй да по
солвьему,

— Какъ кричитъ злодѣй разбойникъ
по звѣриноу,

— То всѣ травушки муравы упле-
таются,

- А лазуревы цвѣтки прочь отсы-
паются,
— Темны лѣсушки къ земли вси
приклоняются,
— А что есть людей, то вси мерт-
вѣ лежать.
- Говорилъ ему Илья да такovy слова:
„Ты Владиміръ князь да стольнѣ-
кѣвской!
„Соловей розбойникъ на твоємъ
двори,
„Ему выбито вѣдь право око со ко-
сичею,
„И онъ ко стремени булатному при-
кованой“.
- То Владиміръ князь-отъ стольнѣ-
кѣвской
Онъ скорешенько ставалъ да на
рѣзвѣ ножи,
Кунью шубоньку накинулъ на одно
плечко,
То онъ шапочку соболѣю на одноушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на ши-
рокій дворъ
Посмотрѣть на Соловья розбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владиміръ князь
да такovy слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по со-
лѣвѣму,
— Закрычи-тко ты, собака, по звѣ-
риному. —
- Говорилъ-то Соловей ему розбой-
никъ Одихмантьевъ сынъ:
„Не у васъ-то я сегодня, князь,
обѣдаю,
„А не васъ-то я хочу да и послу-
шати,
„Я обѣдалъ-то у стараго казака
Ильи Муромца,
„Да его хочу-то я послушати“.
- Говорилъ-то какъ Владиміръ князь
да стольнѣ-кѣвской!
- Ай же старья казакъ ты Илья
Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать ты Со-
лѣвѣю да по солѣвѣму,
— Прикажи-тко закрычатъ да по-
звѣриному. —
- Говорилъ Илья да такovy слова:
„Ай же, Соловей розбойникъ Одих-
мантьевъ сынъ!
„Засвищи-тко ты во полѣ-свисту со-
лѣвѣю,
„Закрычи-тко ты во полѣ крыку
звѣринаго“.
- Говорилъ то ему Соловей розбой-
никъ Одихмантьевъ сынъ:
— Ай же старья казакъ ты Илья
Муромецъ!
— Мои раночки кровавы запеча-
тались,
— Да не ходять-то мои уста са-
харни,
— Не могу я засвистать да й по
солѣвѣму,
— Закрычатъ-то не могу я по звѣ-
риному.
— А й вели-тко князю ты Влади-
міру
— Налить чару мни да зеленá вина,
— Я повышю-то какъ чару зеленá
вина,
— Мои раночки кровавы порозѣй-
дутся,
— Да й уста мои сахарни порос-
ходятся,
— Да тогда я засвищу да по со-
лѣвѣму.
— Да тогда я закрычу да по звѣ-
риному. —
- Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Вла-
диміру:
„Ты Владиміръ князь да стольнѣ-
кѣвской!

„Ты поди въ свою столовую во горенку,
 „Наливай-ко чару зеленя вина,
 „Ты не малую стону да полтора ведра,
 „Подноси-тко къ Соловью къ розбойнику“.

То Владиміръ князь да стольнё-кїевской
 Онъ скоренько шолъ въ столу свою горенку,
 Наливалъ онъ чару зеленя вина,
 Да по малу онъ стопу да полтора ведра,
 Разводилъ медами онъ стоялыма,
 Приносилъ-то ёнъ ко Соловью розбойнику.

Соловей розбойникъ Одохмантьевъ сынъ
 Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
 Выпилъ чарочку-ту Соловей однимъ духомъ,
 Засвисталъ какъ Соловей тутъ по соловьему,
 Закрычалъ разбойникъ по звѣриному,
 Маковки на теремахъ покривились,
 А окленки по теремахъ розсыпались —
 Отъ него отъ посвисту соловьяго,
 А что есть то людюшокъ, такъ вси мертвы лежатъ;
 А Владиміръ князь-отъ стольнё-кїевской
 Куней шубонькой онъ укрывается.
 А й тутъ старей-отъ казакъ да Илья Муромецъ
 Онъ скорешенько садился на добра коня,
 А й онъ везъ-то Соловья да во чисто поле,

И онъ срубилъ ему да буйну голу.
 Говорилъ Илья да такovy слова:
 „Тоби полно-тко свистать да по соловьему,
 „Тоби полно-тко крычать да по звѣриному,
 Тоби полно-тко слезить да й отцей-матерей,
 „Тоби полно-тко вдовить да женъ молѡдыхъ,
 „Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ дѣтушокъ“.

А тутъ Соловью ему й славу поють,
 А й славу поють ему вѣкъ по вѣку.
 (Г. 439—445).
 (Записан. въ петрововодск. у., олонек. г.).

г) Илья Муромецъ въ спорѣ съ Владиміромъ.

Славныя Владиміръ стольнё-кїевской
 Сбиралъ-то онъ славный почестень пиръ
 На многихъ князей онъ и бояровъ,
 Славныхъ сильныхъ могучихъ богатырей;
 А на пиръ ли-то онъ нѣ позвалъ
 Старога казѡка Илья Муромца.
 Старому казѡку Илья Муромцу
 За досаду показалось-то великую, ¹⁾

¹⁾ Варіантъ: Илья Муромецъ съ Соловьемъ разбойникомъ поѣхалъ «ко городу ко Кїеву, ... прїѣзжалъ онъ ко солнышку князю на широкъ дворъ, ... самъ по-во полаты княжецкія. ... Не узвалъ его солнышко Владиміръ князь, ... говорилъ ему такovy слова:

— Ай же, маленькой-удаленкой да упаленькой, —
 — Я не знаю, какъ тебя именовъ зовуть!
 — Садись съ нами хлѣба кушати-трапезовать:
 — На нижнемъ конечку есть мѣстечка немножечко;
 — Други мѣстечка вси призабавлены (заняты).
 — Мѣстечка вси позаняты:
 — Сидить у меня на честномъ пирѣ

И онъ не знаетъ что вѣдь сдѣлать
Супротивъ тому князю Владимиру.

И онъ беретъ-то какъ свой тугой
лукъ розрывчатый,

А онъ стрѣлочки беретъ каленны,
Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ
градъ,

И по граду Кіеву сталъ онъ по-
хаживать

И на матушки Божьи церкви погу-
ливать.

На церквахъ-то онъ кресты все да
повыломалъ,

Маковки онъ золочены все по вы-
стрѣляль.

Да кричалъ онъ Илья во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ гром-
кимъ голосомъ:

„Ай же пьяници вы гѣлюшки кабац-
кіи!

„Да и выходите съ кабаковъ до-
мовъ питейныхъ,

„И обирайте-тко вы маковки да
золоченны,

— Что князей, что бояриновъ....

— Что вельможъ, купцовъ да богатыхъ,

— Что поляницъ да удалыхъ,

— И шестьдесятъ Россейскихъ могучихъ бога-
тырей».

Старому казаку тѣ рѣчи не прилюбилися:

«Ай же ты, солнышко Владимиръ князь!

«Самъ ѣшь-кушашъ съ воронами,

«Меня садить съ воронатами!»

«Не хочу я хлѣба кушать съ воронатами!»

Не прилюбилися эти рѣчи Владимиру; онъ
«стемнѣлъ, какъ темна ночь, сревѣлъ, какъ
будто левъ-то звѣрь», велѣлъ богатырямъ схва-
тить Илью и отрубить ему буйну голову. Бо-
гатыри принялись было за Илью, — «онъ пра-
вой рукой махнулъ, — тѣ мертвы лежатъ; онъ
лѣвой махнулъ, — тѣ тоже мертвы лежатъ; по-
томъ» тугой лукъ натягивалъ, калену стрѣлу
онъ направлявалъ, самъ своей стрѣлы приго-
варивалъ:

«Ты лети, стрѣла, объ окошка княженецкія.

«У окошекъ отстрѣли все маковки позолоченны!»

Какъ обиралъ онъ эти маковки,

Помелъ на паревъ кабакъ

Пропивать тѣ маковки царскія.

Р. II, 333—335.

„То несите въ кабаки въ домъ пи-
тейные,

„Да вы пейте-тко да вина дѣ-сыта.“

Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да
Владимиру:

— Ай Владимиръ князь да столь-
нѣ-кіевской!

— А ты ѣшь да пьешь да на честномъ
пиру,

— А какъ старой-отъ казакъ да
Илья муромецъ,

— Ёнъ по городу по Кіеву поха-
живать,

— Ёнъ на матушки Божьи церкви
погуливать,

— На Божьихъ церквахъ кресты
повыломилъ,

— А все маковки онъ золоченны
повыстрѣлялъ;

— А й кричитъ-то вѣдь Илья онъ
во всю голову,

— Во всю голову кричитъ онъ
громкимъ голосомъ:

— Ай же пьяници вы гѣлюшки ка-
бацкіи!

— Да и выходите съ кабаковъ до-
мовъ питейныхъ,

— И обирайте-тко вы маковки да зо-
лоченны,

— То несите въ кабаки въ домъ
питейные,

— Да вы пейте-тко да вина дѣ-
сыта. —

Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-
кіевской,

И онъ сталъ Владимиръ дума думати,
Ему какъ-то надобно съ Ильей да

помирится.

И завелъ Владимиръ князь да
стольнѣ-кіевской,

Онъ завелъ почестенъ пиръ да и
на другой день.

Тутъ Владиміръ князь да стольнѣ-
вѣвской

Да 'ще онъ сталъ да и дума ду-
мати:

„Мнѣ кого послать будѣтъ на пиръ
позвать—

„Того стараго казака Илью Му-
ромца?

„Самому пойти мнѣ-то Владиміру
не хочется,

„А Опраксія послать,—то не къ
лицу идетъ.“

И онъ какъ шель-то столовой своей
горенкѣ,

Шоль-то онъ о столики дубовии,
Становилса супротивъ молодого До-
брынюшки,

Говорилъ Добрыни таковы слова:

„Ты молоденькой Добрынюшка,
сходи-тко ты

„Къ старому казакѣ къ Ильи Му-
ромцу,

„Да зайди въ полаты бѣлокаменны,

„Да пройди-тко во столовую во
горенку,

„На пятю-то дверь ты поразма-
хивай,

„Еще крестъ клади да й по писа-
ному,

„Да й поклонъ веди-тко по учёному,

„А й ты бей челомъ да низко кла-
найся

„А й до тыхъ половъ и до кир-
пичныхъ

„А й до самой матушки сырой земли

„Старому казакѣ Ильи Муромцу,

„Говори-тко Ильи да таковы слова:

„Ай ты, старня казакъ да Ильи
Муромецъ!

„Я пришоль къ тобѣ отъ князя
отъ Владиміра

„И отъ Опраксіи отъ королевичной,

„Да й пришоль тебе позвать да
на почестень пиръ“.

Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Енъ скорѣшенько то сталъ да на

рѣзвы ноги,

Кунью шубоньку накинулъ на одно
плечко,

Да онъ шапочку соболью на одно ушко,

Выходилъ онъ со столовою со горенки,

Да й прошоль полатой бѣлокаменной,

Выходилъ Добрыня онъ на Кіевъ
градъ.

Енъ пошоль-то какъ по городу по
Кіеву,

Пришоль къ старому казакѣ къ
Ильѣ Муромцу

Да въ его полаты бѣлокаменны,

Енъ пришоль какъ во столовую во
горенку,

На пятю-то онъ дверь да пораз-
махиваль,

Да онъ крест-отъ клалъ до по пи-
сѣному,

Да й поклонъ велъ да поучёному,

А 'ще билъ-то онъ челомъ да низко
клянялся

А й до тыхъ половъ и до кир-
пичныхъ

Да й до самой матушки сырой земли,

Говорилъ-то онъ Ильи да таковы
слова:

„А й же братецъ ты мой да кре-
стовни,

„Старня казакъ да Ильи Муромецъ!

„Я къ тоби посланъ отъ князя отъ
Владиміра,

„Отъ Опраксы королевичной,

„А й позвать тебя да на почестень
пиръ“.

¹⁾ Вариантъ 1-й:

Да тутъ говорить Ильи таково слово:

— Ахъ ты братецъ да мой да былъ крестовный!

— Да какъ нунечку-топеречку у насъ съ тобой

Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
 Скорешенько вставалъ онъ на рѣзвыя
 ножки,
 Куню шубоньку накинулъ на одно
 плечко,
 Да онъ шапоньку соболью на одно
 ушко,
 Выходили со столовыи со горенки,
 Да прошли они полатой бѣлока-
 менной,
 Выходили-то они на стольній Кіевъ
 градъ,
 Пѣшли они къ князю ко Владимиру
 Да и на славный-отъ почестень
 пиръ.
 Тамъ Владимиръ князь да стольнѣ-
 кіевской
 Онъ во горенки да вѣдь похаживалъ,
 Да въ окошечко онъ князь посма-
 тривалъ,
 Говорить-то со Опраксою королєви-
 чной:
 „Подойдутъ-ли къ мнѣ какъ два
 русскіихъ богатыря
 „Да на мой-отъ славный на по-
 честень пиръ?“
 И прошли они въ полату бѣлока-
 менну,

- А всё то пописи да были вѣдь пописаны,
- А заповѣди были поположены,
- А слушать-то брату вѣдь мѣньшому,
- А мѣньшому слушать да большого,
- А большому слушать брата меньшого.
- Кабы не братецъ ты крестовый былъ,
- А нѣкого бы я не послушалъ здѣ!
- Дакъ послушаю я братца нунь крестоваго,
- А крестоваго братца я названаго.
- А тотъ ли-то князь стольнѣ-кіевской
- А зналъ-то послать меня кого позвать!
- Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
- Меня позвалъ туды да на почестный пиръ,
- Да я тебя, братецъ же, послушаю.

Г. 235.

Вариантъ 2-й: Добрыня пошелъ да въ царевъ кабакъ, и не зналъ, «отколь зайти» къ

И взошли они въ столовую во горенку.
 Тутъ Владимиръ князь да стольнѣ-
 кіевской
 Со Опраксіей да королєвичной
 Подошли-то они къ старому казакѣ
 къ Ильѣ Муромцу,
 Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
 Говорили-то они да таковы слова:
 „Ай же старья казакъ ты Илья
 Муромецъ!
 „Твое мѣстечко было да вѣдь по-
 ниже всехъ,
 „Тѣперь мѣстечко за столикомъ по
 выше всехъ!
 „Ты садись-ко да за столикъ за
 дубовни“.
 Тутъ кормили его ѣствушкой са-
 харнею,
 А и поили питьцемъ мелвянымъ.
 Они тутъ съ Ильей и помирились. 1).

Г. 458—460.

(Записана въ петрозаводск. у., олонек. г.)

Ильѣ: «Съ переду зайти,—хорошо ль ему при-
 любится? Дай-ко и съ зиди зайду!» Такъ и
 сдѣлалъ. Илья обернулся, сказалъ ему: «Ай-
 же ты, молодой Добрынюшка Никитиничъ! Ты
 тѣмъ счастливъ, что съ заду зашелъ! А ежели
 бы, Добрыня, съ переду зашелъ, столько бы
 съ тебя, Добрыня, пещель сталь!»

Р. II, 337—338.

1) Вариантъ:

Какъ говоритъ Илья тутъ таково слово:
 — Ай же ты, князь стольнѣ-кіевской!
 — А зналъ-то послать кого меня позвать,
 — А послалъ-то братца ко мнѣ ты крестоваго
 — А того-то мни Добрынюшка Никитича.
 — Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
 — А нѣкого-то я бы не послушалъ здѣ,
 — А скоро натянулъ бы я свой тѣгой лукъ,
 — Да стрѣлилъ бы ты въ гридно во столовую,...
 — За это я тебѣ-то нунь прощу
 — А эту виноу да ту великую. —

Г. 236.

д. Богатырская застава.

(Илья Муромецъ и Жидовиць) ¹⁾.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кие-
вомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицар-
скихъ,

Стояла застава богатырская.

На заставѣ атаманъ былъ Илья
Муромецъ;

Подъ-атамане былъ Добрыня Ни-
китичъ младъ;

Есаулъ Алѣша Поповскій сынъ;

Еще былъ у нихъ Гришка Бояр-
скій сынъ;

Былъ у нихъ Васька Долгополой.

Всѣ были братцы въ разъѣздицѣ:
Гришка Боярскій въ тѣ-поръ крав-
чимъ жилъ;

Алѣша Поповичъ ѣздилъ въ Киевъ
градъ;

Илья Муромецъ былъ въ чистомъ
полѣ,

Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;

Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю
мору,

Ко синю морю ѣздилъ за охотою,

За той ли за охотой за молодецкою:

На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.

Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,

Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископоть
великую ²⁾,

Ископоть велика — полъ — печи.

Учалъ онъ ископоть досматривать:

„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?“

„Изъ этой земли изъ Жидовскія

¹⁾ Жидовиць—врагъ поздѣйшаго происхо-
жденія. Въ древнѣйшихъ былинахъ противни-
комъ Ильи является сынъ (Соколыничекъ-охот-
ничекъ, Соловниковъ, или дочь—паленица уда-
лая) его, Илья, и бабы Латымірки (Латыгорки,
см. выше).

²⁾ Ископоть (у Кирѣвск. — ископоть)—
комъ, вылетѣвшій изъ-подъ копыта.

„Проѣхалъ Жидовиць могучъ бога-
тырь,

„На эти степи Цицарскія!“

Пріѣхалъ Добрыня въ стольный
Киевъ градъ,

Прибиралъ свою братію приборную:

„Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!

„Мы что на заставушкѣ устояли?

„Что на заставушкѣ углядѣли?

„Мимо нашу заставу богатырь
ѣхалъ!“

Собирались они за заставу богатыр-
скую,

Стали думу крѣпкую думати:

Кому ѣхать за нахвальщикомъ?

Положили на Ваську Долгополога.

Говорить большой богатырь Илья
Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, полѣжили;

„У Васьки поля долгія:

„По землѣ ходитъ Васька,—запле-
тается;

„Погинетъ Васька по напрасному“.

Положились на Гришку на Боярскаго:

Гришекъ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ
полѣ.

Говорить большой богатырь Илья
Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, удумали;

Гришка роду боярскаго:

„Боярскіе роды хвастливые;

„На бою—дракѣ призахвастается;

„Погинетъ Гришка по напрасному“.

Положились на Алѣшу на Пошовича:

Алѣшекъ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика въ чистомъ
полѣ,

Побить нахвальщика на чистомъ
полѣ.

Говоритъ большій богатырь Илья „Атаману Ильѣ Муромцу не бѣешь
 Муромецъ, челомъ?
 Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
 „Не ладно, рсбатушки, положили;
 „Алѣшинька рода поповскаго:
 „Поповскіе глаза завидущіе,
 „Поповскія руки загребущія;
 „Увидитъ Алѣша на нахвальщикѣ
 „Много злата, серебра, —
 „Злату Алѣша позавидуетъ;
 „Погинѣтъ Алѣша по наурасному“.
 Положили на Добрыню Никитича:
 Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщи-
 комъ,
 Настигать нахвальщика въ чистомъ
 полѣ,
 Побить нахвальщика на чистомъ
 полѣ,
 По плечь отсѣчь буйну голову,
 Привезти на заставу богатырскую.
 Добрыня того не отпирается.
 Походитъ Добрыня на конюшій
 дворъ,
 Имѣеть Добрыня добра коня,
 Уздаётъ въ уздечку тесмянную,
 Сѣдлалъ въ сѣдлышко Черкасское,
 Въ торока вяжетъ палицу боѣвую, —
 Она свѣсомъ та палица девяносто
 пудъ, —
 На бедра беретъ саблю вострую,
 Въ руки беретъ плеть шелковую,
 Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
 Посмотрѣлъ изъ трубочки серебря-
 ной:
 Увидѣлъ на полѣ чернизину ¹⁾;
 Поѣхалъ прямо на чернизину;
 Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голо-
 сомъ:
 „Воръ, собака, нахвальщина!
 „Зачѣмъ нашу заставу проѣз-
 жашь, —

„Атаману Ильѣ Муромцу не бѣешь
 челомъ?
 „Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
 „Есаулу Алѣшѣ въ казну не кладѣшь
 „На всю нашу братію наборную?“
 Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
 Поворачивалъ нахвальщина добра
 коня,
 Попущалъ на Добрыню Никитича.
 Сыра мать — земля всколебалася,
 Изъ озеръ вода выливалася,
 Подъ Добрыней конь наколѣнца палъ.
 Добрыня Никитичъ младъ
 Господу Богу возмолится,
 И Мати Пресвятой Богородицѣ:
 „Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“
 Подъ Добрыней конь посправился, —
 Уѣхалъ на заставу богатырскую.
 Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
 Со братію со приборною.
 Сказываетъ Добрыня Никитичъ
 младъ:
 „Какъ выѣхалъ на гору Сорочин-
 скую,
 „Посмотрѣлъ изъ трубочки сере-
 бряной,
 „Увидѣлъ на полѣ чернизину,
 „Поѣхалъ прямо на чернизину,
 „Кричалъ громкимъ, зычнымъ голо-
 сомъ:
 „„Воръ, собака, нахвальщина!
 „„Зачѣмъ ты нашу заставу про-
 ѣзжаешь, —
 „„Атаману Ильѣ Муромцу не бѣешь
 челомъ?
 „„Подъ-атаманю Добрынѣ Ники-
 тичу?
 „„Есаулу Алѣшѣ въ казну не кладѣшь,
 „„На всю нашу братію на при-
 борную?“
 „Услышалъ воръ нахвальщина зы-
 ченъ голосъ,

¹⁾ Чернизна — черное пятно.

„Поворачиваль нахвальщина добра
коня,

„Попущаль на меня добра молодца:

„Сыра мать-земля всколебалася,

„Изъ озёръ вода выливалася,

„Подо мною конь на колѣнца палъ.

„Туть я Господу Богу взмолился:

„Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!“

„Подо мною туть конь посправился,

„Уѣхаль я отъ нахвальщика

„И прѣхаль сюда на заставу богатырскую“.

Говорить Илья Муромецъ:

„Больше не кѣмъ замѣнитися:

„Видно ѣхать атаману самому!“

Походить Илья на коюшій дворъ,

Имаеть Илья добра коня,

Уздаеть въ уздечку тесмянную,

Сѣдлаеть въ сѣдлышко Черкасское,

Въ торока вѣжетъ палицу боѣвую, —

Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ, —

На бедрѣ беретъ саблю вострую,

Въ руки беретъ плеть шелковую,

Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;

Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,

Увидѣлъ на полѣ чернизину;

Поѣхаль прямо на чернизину;

Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ!

„Воръ, собака, нахвальщина!

„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,

„Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?

„Подъ-атаманю Добрынь Никитичу?

„Есауду Алѣшѣ въ казну не кладешь,

„На всю нашу братью наборную?“

Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ
голосъ,

Поворачиваль нахвальщина добра
коня,

Попущаль на Илью Муромца.

Илья Муромецъ не удробился ¹⁾.

Сѣхался Илья съ нахвальщикомъ;

Впервые палками ударились, —

У палокъ цѣвья поломались,

Другъ дружку не ранили;

Саблями острыми ударились, —

Востры сабли приломались,

Другъ дружку не ранили;

Вострыми копыями кололись, —

Другъ дружку не ранили:

Бились, дрались рукопашнымъ боѣмъ,

Бились, дрались день до вечера,

Съ вечера бьются до полуночи,

Съ полуночи бьются до бѣла свѣта:

Махнѣтъ Илейко ручкой правою, —

Поскользить у Илейки ножка лѣвая,

Паль Илья на сырѣ землю;

Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,

Вынималъ чинжалыщѣ булатное;

Хочеть вспороть груди бѣлья,

Хочеть закрыть очи ясныя,

По плечь отсѣчь буйну голову.

Еще сталь нахвальщина наговаривать:

— Старый ты старикъ, старый, матерый!

— Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?

— Будто не кѣмъ тебѣ старикъ замѣнитися?

— Ты поставилъ-бы себѣ келейку

— При той путѣ — при дороженькѣ;

— Сбиралъ - бы ты, старикъ, во келейку;

— Туть-бы, старикъ, сытъ-пита-ненъ былъ. —

Лежить Илья подъ богатырѣмъ,

Говорить Илья таково слово:

„Да не ладно у Святыхъ Отцевъ
написано,

¹⁾ Не удробился — не испугался. Зам. П. В. Кир.

„Не ладно у Апостоловъ удумано;
 „Написано было у Святыхъ Отцѣвъ,
 „Удумано было у Апостоловъ:
 „Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ
 убитому“,

„А теперь Илья подь богатырѣмъ!“
 Лежучій у Ильи втрое силы прибыло:
 Махнетъ нахвальщину въ бѣлыя груди,
 Вышибаль выше дерева жароваго;
 Паль нахвальщина на сырѹ землю;
 Въ сырѹ землю ушѣлъ дѡ поясъ.
 Вскочилъ Илья на рѣзвѣи ноги
 Съль нахвальщину на бѣлыя груди.
 Не досугъ Илюхѣ много спраши-
 вать,—

Скоро спорѡлъ груди бѣлыя,
 Скоро затмилъ очи ясныя,
 По плечь отѣкъ буйну голову,
 Воткнулъ на копье на булатное,
 Повезъ на заставу богатырскую.
 Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью
 Муромца,

Со своей братней приборною.
 Илья бросилъ голову о сырѹ землю;
 При своей братьѣ похваляется:
 „Бздилъ во полѣ тридцать лѣтъ, —
 „Экаго чуда не наѣзживалъ“.

Кирѣвск. 1, 46—52.

(Записана въ шенкурск. у., арханг. г.).

е) Илья Муромецъ и Идолище по-
 ганное.

Приѣзжалъ Одолище поганое въ
 столярно-Кіевъ градъ ¹⁾,
 Со грозою со страхомъ со великимъ,

¹⁾ Вариантъ 1-й:

Аи ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
 Да наѣхалъ онъ на калику переходную.
 «А здравствуй ты, калика переходная!
 «Ты откуда идешь, да откуда путь держишь?»
 Говоритъ ему калика переходная:
 — Здравствуй, Илья Муромецъ сынъ Ивано-
 вичъ!
 — Развѣ не узналъ меня калика переходная?

Ко тому ко князю ко Владиміру,
 И ставовилъ онъ на княжепечкѣи
 дворъ,
 Посылалъ посла ко князю ко Вла-
 диміру,

Чтобы князь Владиміръ столярно-
 кіевскій
 Ладилъ-бы онъ ему поединщика,
 Супротивъ его силушки супротив-
 ника.

Приходилъ посланникъ ко Владиміру
 Иговорилъ посланникъ таковы слова:
 „Ты, Владиміръ, князь столярно-
 кіевскій!

„Ладь-ко ты поединщика во чисто
 поле,
 „Поединщика и супротивничка съ
 силушкой великою.

— Да я есть сильнѣе, могучеѣ Иваницо,...

— А я теперь иду да отъ Царяграда. —

«Ай же ты сильнѣе, могучеѣ Иваницо!

«Да все-ли въ Царягради по старому;

«А все-ли въ Царягради по прежнему?»

— Ахъ ты, свѣтъ-государь да Илья Муромецъ!

— А въ Царягради да не по старому,

— Не по старому да не по прежнему.

— А приѣхалъ поганое Идолище,

— Да зашелъ онъ къ царю Константину Бо-
 голюбвичу

— Во тыи во палаты бѣлокаменны...

Илья одѣвается «въ платье каличьѣе»,
 является въ Царьградъ и убиваетъ Идолище
 поганое.

...Хватилъ онъ татарина (Идолища) за ноги,

А сталь онъ татаринѡмъ помахивать...

А и бьетъ татаръ до единого...

А очистилъ онъ Царьградъ весь.

Г. 943—946.

Вариантъ 2-й:

Илья встрѣчаетъ «перехожую калику по-
 бродимую Иванище» и спрашиваетъ: «Благопо-
 лучно-ли есть во славномъ во Кіевѣ?» Гово-
 ритъ ему славно Иванище:—какъ на нашъ-то
 на батюшко Кіевъ градъ наѣзжаетъ нечисто
 Едолище, по прозванію Ватыга Ватыговичъ.
 Онъ князей, бояръ всѣхъ повлудрубилъ, самого Вла-
 диміра въ полонъ побралъ.—Илья убилъ Ва-
 тыгу Ватыгова «и возвелъ онъ тутъ князя на
 высокъ престоль».

Г. 1148—1149.

„Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться“.

Тутъ Владиміръ князь ужаснулся, Приужаснулся да и закручинился.

Говорить Илья таковы слова:

„Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:

„На бою мнѣ-ка смерть не написана,

„Поѣду я въ раздольице чисто поле

„И убью-то я Идолища поганого“.

Обуль Илья лапотники шелковые,

Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,

На головушку надѣлъ онъ шляпку

земли греческой,

И пошелъ онъ къ Идолищу къ поганому.

И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:

Не взялъ съ собой палицы булатнія

И не взялъ онъ съ собой сабли

вострия;

Идетъ-то дорожкой—пораздумался:

„Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,

„Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не

времячко,

„И съ чимъ мнѣ съ Идолищемъ

будетъ поправиться?“

На тую пору на то времячко

Идетъ ему въ стрѣту каличище Ива-

нище,

Несетъ въ рукахъ клюху девяноста

пудъ.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, каличище Иванище!

„Уступи-тко мнѣ клюхи на вре-

мячко,—

„Сходить мнѣкъ Идолищу поганому“.

Не даетъ ему каличище Иванище,

Не даетъ ему клюхи своей богатыр-

ской.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, каличище, Иванище!

„Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:

„Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,

„Я тебя убью, мнѣ влюха и до-
нется“.

Разсердился каличище Иванище,

Здынулъ эту влюху выше головы,

Спустилъ онъ влюху во сыру землю,

Попшелъ каличище заворыдалъ.

Илья Муромецъ одва досталъ влюху

изъ сырой земли.

И пришелъ онъ во палату бѣлока-

менну

Ко этому Идолищу поганому,

Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.

Говорилъ ему Идолище поганое:

— Ай же ты, калика перехожая!

— Какъ великъ у васъ богатырь

Илья Муромецъ?—

Говорить ему Илья таковы слова:

„Толь великъ Илья, какъ и я.“

Говорить ему Идолище поганое:

— По многу-ли Илья вашъ хлѣба

ѣсть,

— По многу-ли Илья вашъ пива

пьеть?—

Говорить Илья таковы слова:

„По столько ѣсть Илья, какъ и я,

„По столько пьеть Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

— Экой вашъ богатырь Илья:

— Я вотъ по семи ведръ пива пью,

— По семи пудъ хлѣба кушаю.—

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„У нашего Ильи Муромца батюшка

былъ крестьянинъ,—

„У ёго была корова ѣдучая:

„Она много пила-ѣла и лоцула“.

Это Идолищу не слюбилося:

Схватилъ свое кинжалище булатнее

И махнулъ онъ въ калику перехожую

Со всея силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ
сторонущку маленькю,
Пролетѣлъ его мимо - то булатній
ножь,
Пролетѣлъ онъ на вонную сторону
съ простѣночкомъ.

У Ильи Муромца разгорѣлось серд-
це богатырское,

Схватилъ съ головушки шляпку зем-
ли греческой

И ляпнулъ онъ въ Идолище по-
ганое,

И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
Тутъ ему Идолищу славу поють.

Р. I, 85—87.

(Записана въ петрозаводск. у., оловецк. г.).

ж. Последнія три поѣздки Ильи
Муромца.

Ѣздилъ старъ по чисту полю
Отъ младости и до старости.

Ѣхалъ старій чистымъ полемъ

И большой дорогой латынскою,

Наѣхалъ на дорогѣ горючъ камень,
И на камешѣ была подпись под-

писана:

„Старому казаку Ильѣ Муромцу.

„Три пути пришло, три дорожки
широкія:

„Во дороженьку ѣхать — убиту
быть,

„Во другую ѣхать — женату быть,

„Во третью ѣхать — богату быть“.

И сидитъ старикъ на добромъ
конѣ,

И головой качаетъ, самъ проговари-
ваетъ:

— Сколько я по святой Руси не
ѣживалъ,

— А такого-то чуда я не видывалъ.

— На что мнѣ старому богатство?

— Свсего у меня много злата, се-
ребра,

— И много у меня скатняго жем-
чугу.

— А на что мнѣ старому жениться?

— Жениться мнѣ, не нажитися:

— Молодая жена взять — чужая
корысть,

— А старой жены взять не хочется.

— Поѣду я въ ту дорогу, гдѣ уби-
ту быть. —

И приправливалъ старій добра коня,

И поѣхалъ большою дорогою,

И наѣхалъ на дорогѣ станицу раз-
бойниковъ:

И хотять они у стараго коня от-
нять.

У сидитъ старикъ на добромъ конѣ,
Головой качаетъ, самъ приговари-
ваетъ:

— Вы, разбойники, братцы, ста-
ничники!

— Убить старика вамъ меня некого,

— Отнять у стараго нечего:

— Съ собой у меня денегъ семь ты-
сячъ рублей,

— Тесмянна узда въ цѣлу тысячу,

— Ковано сѣдло во двѣ тысячи;

— Своему-то добру коню

— Я цѣны не знаю, бурку, не вѣ-
даю:

— Межь ушми у коня у меня ска-
ченъ жемчугъ,

— Дорогое самоцвѣтное каменьё,

— Не для-ради красы-басы моло-
децкія,

— А для ради ночки темныя осен-
нія,

— Чтобы видно, гдѣ ходитъ мой
добрый конь,

— За три версты видно, за три
мѣрныя. —

И говорятъ ему разбойники-станич-
ники:

„Ахъ, ты, старая собака, сѣдатнй
песъ“.

„Еще долго ты сталъ разговари-
вать.“

И скочилъ старый со добра коня,
И началъ онъ шапкой помахивать:
И куды махнуть, туды улица,
Назадъ отмахнуть — переулочки.

И перебилъ онъ станицу разбой-
никовъ,
Разбойниковъ прибилъ, подорожни-
ковъ;

И садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И пріѣхалъ ко латырю ко каменю,
На камешкѣ подпись поднавливалъ:

— Старому казаку Ильѣ Муромцу.

— Да и та была дорожка почи-
щена

— Отъ стольнаго отъ города отъ
Кіева,

— Отъ Кіева лежитъ ко Чернигову.

— Да еще было дорожки извѣдати,

— Отъ чего будетъ жениться. —

Приправливалъ старый добра коня,

Поѣхалъ большою дорогою,

Наѣхалъ на дорогѣ крѣпость бо-
гатырскую.

И стить тутъ церковь соборная,

Соборная церковь, богомольная;

Отъ той-ли обѣдни полуденныя

Идетъ двѣнадцать прекрасныхъ дѣ-
вицъ,

Посреди то ихъ идетъ королевич-
на. —

И говорила королевична таково слово:

„Ты удалый, дороднй, добрый мо-
лодецъ!“

„Пожалуй ко мнѣ въ высокъ те-
ремель:

„Напою, накормлю хлѣбомъ-солю“.

Соходилъ старикъ со добра коня,

Оставлявалъ добра коня

Не приказана его и не привязана;

Пошелъ старикъ въ высокъ теремъ,

Мосты-то подъ старымъ качаются,

Переводинки перегибаются.

Зашелъ старикъ во высокъ теремъ,

Крестъ владеть по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому,

На всѣ стороны покланяется;

Садится за столы бѣлодубовые,

Ѣсть да пьетъ, проклаждается

Весь дологъ день до вечера.

Выходилъ изъ-за стола изъ-за ду-
боваго,

Самъ говорилъ таково слово;

— Ты, душечка красная дѣвушка!

— Гдѣ-ка твои ложи теплыя?

— И гдѣ твоя кровати тесовая,

— Гдѣ-ка мягви перины пуховыя:

— Мнѣ на старость старику опо-
чинуться. —

Привела его въ ложи теплыя,

И стоитъ старый у кровати, голо-
вой качаетъ,

Головой-то качаетъ, приговариваетъ:

— Да я сколько по святой Руси не
ѣзживалъ,

— Такова я чуда вѣкъ не види-
валъ:

— Видно эта кроватка подложная! —

Схватилъ королевну за бѣлы руки

И шибалъ ей (ее) ко стѣны кир-
пичныя:

Обвернулся кроватка тесовая,

Обвалилася королевна во глубокъ
погребъ.

И выходилъ старикъ на улицу па-
ратную,

И сыскаль двери глубокаго погреба:
Песками были призасыпаны,
Колодьями были призавалены.
Колодья ногами распихиваль,
Пески-то руками распорхиваль,
И пиналь ворота ногою вальчяныя,
И съ крюковъ, замковъ двери вонъ
выставливалъ;

Выпущалъ сорокъ царей, сорокъ ца-
ревичевъ,

И сорокъ королей и королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ бога-
тырей,

И самъ говорить таково слово:

— Вы подьте, цари, по своимъ зем-
лямъ,

— А вы, короли, по своимъ ордамъ,

— А вы, богатыри, по своимъ мѣ-
стамъ,

— И молитесь вы бога за Илью слав-
наго Муромца:

— Кабы не я, старый казакъ Илья
Муромецъ,

— Положить бы вамъ голова здѣсь
у погреба. —

Идетъ душечка красная дѣвушка;
Онъ выдергиваетъ саблю острую,
Срубилъ ей по плечъ буйну голову,
Разсѣкъ-разрубилъ тѣло жепское —
И куски разметалъ по чисту полю
Сѣрмить волкамъ на сѣденіе,

А чернымъ воронамъ на погрянье.
И тутъ садился старикъ на добра коня,
И поѣхалъ путемъ да и дорогою,
И пріѣзжалъ ко латырю каменю,
На камешѣхъ подпись поднавливалъ:
— Старому казаку Ильѣ Муромцу.
— На бою старичу смерть не пи-
сана.

— И та была дорожка прочищена
— Отъ стольнаго отъ города отъ
Кіева,

— Отъ Кіева лежитъ ко Царю-
граду. —

И самъ говорить таково слово:

— Да еще было дорожка извѣдати, —
Приправливалъ старъ добра коня,
Поѣхалъ большою дорогою,
Наѣхалъ на дорогѣ пречудный
крестъ.

Стоитъ старый у креста, самъ го-
ловой качаетъ, —

Головой качаетъ да приговариваетъ:
— Этотъ крестъ есть не простой
стоять,

— Стоитъ на глубокомъ на погребѣ,
— Есть несмѣтное злата-серебра. —

Соходилъ старый со добра коня,

И бралъ крестъ на руки на бѣлья,

Снималъ со глубокаго со погреба,

И взялъ животь изъ погреба, —
золоту казну,

И воздвигнулъ животь во славный
Кіевъ градъ, ¹⁾

И построилъ онъ церковь соборную.

Тутъ Илья и окаменѣлъ,

И понимѣ его мощи нетлѣнныя

Рыбн. III, 49—53.

(Записана въ иудожск. у. оловецк. г.).

2. Добрыня Никитичъ.

(Добрыня и Змѣя. — Женитьба Добрыни. — До-
брыня въ отъѣздъ ²⁾).

Добрыня говорила роднѣ матушка:
„А что молодъ началъ ѣздить во
чисто поле,

¹⁾ Вариантъ:

Пріѣзжае онъ во славной въ Кіевъ градъ
А ко тымъ-ли онъ пещерамъ да ко кіевскимъ,
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то его да со добра коня
И запосли во пещеры-ты во кіевски.
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ.
Ай потамѣсть мы старому славы поемъ,
Старому казаку Ильѣ Муромцу.

(Г. 313).

²⁾ О похожденияхъ Добрыни въ Кіевѣ см. вы-
ше: Маришка и Бабушка-Задворенка, стр. 84—86.

„А топтать-то младых змѣнышевъ:
 „Выручать-то полоновъ да русскіихъ.
 „Некупилъ Добрыня во Пучай рѣки,
 „Пучай рѣка да есть великая,
 „Средняя струя-то какъ огонь съ-
 четъ“ 1).

А Добрыня матушки не слушался,
 Онъ зашелъ-товъ конюшенку стоялую,
 Онъ и взялъ себѣ да коня добраго,
 Онъ сѣдлалъ во сѣделишко черка-
 ское,

Онъ потнички-то клалъ на потнички,
 А на потнички-то клалъ вѣдь вой-
 лочки,

Онъ на войлочки черкасское сѣде-
 лышко,

И натягивалъ двѣнадцать тугихъ
 подпруговъ,

А тринадцатый-то клалъ для-ради
 крѣпости,

Чтобы добрый конь съ (изъ) сѣдла
 не выскочилъ,

Добра молодца съ сѣдла не выругилъ.

Подпруги-то были шелковыя,

А шенъки-то были булатніи,

Пряжи у сѣдла да красна золота.

Вотъ какъ шелкъ не рвется, а бу-
 лать не трется,

Красно золото не ржавѣеть,

Молодецъ на конѣ сидитъ не ста-
 рѣеть.

1) Вариантъ: Добрыня на пиру у Влади-
 міра красна-солнышка

Говорить таковы слова:

— Ахъ ты князь, ты князь да вѣдь Влади-
 мірской!

— А спусти-ко вѣдь меня да во чисто поле,

— А во то-ли поле во широкое,

— А ко той рати да ко Пучай рѣки,

— Обвалить тамъ сила все татарская,

— А татарская-то сила все уланская. —

Говорить-то князь тутъ Владимірско:

«Молодой воробыкъ не вылетывай,

«Молодой Добрыня не выскакивай».

(Г. 1320—21).

Онъ поѣхалъ во далече во чисто поле
 На тьи горы сорочинскіи.

Приотпалъ всѣхъ младыхъ змѣ-
 нышовъ;—

Богатырское его сердце разгорѣлося,
 Разгорѣлося да распотѣлося.

Онъ правилъ коня ко Пучай рѣки,

Снимаетъ платьице онъ цвѣтное,

Забрелъ онъ за струечку за первую,

Забрелъ онъ за струечку среднюю,

Самъ говоритъ таково слово:

— Мнѣ Добрыня матушка говорила,

— Мнѣ Никитичу матушка наказы-
 вала:

— Не купилъ Добрыня во Пучай
 рѣки!

— А Пучай рѣка да есть свѣрипая,

— Средняя струя какъ огонь съчетъ;

— А Пучай рѣка да есть смиръна
 крута,

— Какъ будто лужа вѣдь дождевая.

Вотъ какъ вѣтру нѣтъ и тучу под-
 несло,

Тучи нѣтъ, да будто громъ гремитъ,

Грому нѣтъ, да искры сыплются,—

Налетѣло змѣичицо Горынчицо

О двѣнадцати змѣя хоботахъ.

„А теперъ Добрыня во моихъ ру-
 кахъ,

„Я теперъ Добрыню съзмъ-сожру,

„Съ конемъ съзмъ-сожру, а захочу
 въ полонъ возьму!“

Какъ не было у Добрыни да добра
 коня,

Да не было у Добрыни платья цвѣт-
 наго,

Да не было меча да бурзоецкаго,

А Добрыня-то плавать гораздъ онъ
 былъ.

Нырнетъ на бережекъ на тамошній,

Перенырнетъ на бережекъ на здѣш-
 ный.

- А только лежалъ да пуховъ колпакъ.
Насыпанъ колпакъ да земли греческой¹⁾,
Вѣсомъ колпакъ ровно три пуда.
Онъ ударилъ во змѣю да во проклятую,
Отбилъ двѣнадцать хоботовъ.
Тутъ упала змѣя да во ковыль траву.
А добрыня да на ножку повертокъ;
Онъ скочилъ змѣи да на бѣлы груди,
Вотъ какъ тутъ змѣя да возмолилася:
„Ай же ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
„Мы положимъ съ тобою заповѣдь великую,
„Чтобъ не ѣздить-бы тебѣ во да-лече чисто поле,
„Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
„А моихъ-то вѣдь рожонхъ малыхъ дѣтушекъ, —
„А мнѣ не летать больше на святую Русь,
„Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ“.
- А и та змѣя да вѣдь проклятая,
Поднялась она да вѣдь подь облаку.
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Захватила тутъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Солнышко Владиміръ стольне-кѣвскій,
Онъ и кливалъ вѣдь былицъ да волшѣбницъ,
Кто-бы могъ достать Забаву дочь Путятичну:
- Какъ проговорить Алешеньша Левонтьевичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кѣвскій!
— Ты накинъ-ка эту службу на Добрынюшку,
— На молода Добрынюшку Никитинича.
— У него-то со змѣей заповѣдь положена
— А не ѣздить боли(ѣ) во чисто поле,
— На тыи горы сорочинскія,
— Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
— А змѣи не летать да на святую Русь,
— Не полонить ей да людей русскіихъ.
— Такъ онъ можетъ достать безъ бою, драки-кровопролитія.—
Какъ пошелъ Добрыня закручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина матушка,
Пречестна вдова да Мальфа Тимоеевна:
„Ай же ты Добрынюшко Никитиничъ!
„Что же ты Добрыня закручинился?
„Али мѣсто тебѣ было не по чину,
„Али чарой на пиру тебя пообнесли,
„Дуракъ на пиру да насмѣялся-де?“
Испроговорить Добрыня родной матушкѣ:
— Мѣсто мнѣ вѣдь было по чину,
— Чарою. меня да не пообнесли,
— А дуракъ-то на пиру не насмѣялся-де.
— Какъ солнышко Владиміръ стольне-кѣвскій

¹⁾ Колпакъ (шляпа) земли греческой—изъ земли греческой, греческаго покроя.

— Онъ накинულъ мнѣ да службу
вѣдь великую,

— Съѣздить мнѣ далече во чисто
поле,

— На тьи горы сорочинскіи,

— Во тую нору во глубокую,

— А достать князеву племянницу

— Молоду Забаву дочь Путятичну!

Проговорить Добрынюшкина ма-
тушка:

„Молись-ко Богу и ложись-ко спать:

„Утро будетъ мудрое,

„Мудренѣе оно вечера“.

Поутру онъ вставалъ ранешенько,

Умывался водушкой бѣлешенько,

Подкрутился вѣдь да хорошехонько.

Онъ зашелъ во конюшеньку стоялую,

Онъ сѣдлалъ вѣдь коня дѣдушкова,

Онъ сѣдлалъ до во сѣделышко чер-
касское,

Потнички онъ клалъ на потнички,

Опъ на потнички клалъ вѣдь вой-
лочки,

А на войложки черкасское сѣделышко.

Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ
подпруговъ,

А тринадцатой-то клалъ для-ради
крѣпости:

Чтобы добрый конь съ сѣдла не
выскочилъ,

Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.

Подпруги-то были шелковыя,

А шпеньки-ты были булатніи,

Пряжки у сѣдла да красна золота.

Вотъ какъ шелкъ не рвется, а бу-
латъ не трется,

Красно золото не ржавѣтъ,

Молодецъ на конѣ сидить не ста-
рѣтъ.

Онъ прощался съ родной матушкой,

Пречестной вдовой да Мальфой Ти-
моѣевной.

Она на прощаньице ему да плетву
подала,

Сама говорила таково слово:

„Когда будешь далече да во чис-
томъ поли

„На тнихъ горахъ да сорочинскихъ,

„А притоцнешь-то ты всѣхъ мла-
днихъ змѣенышевъ,

„Подточать у бурка они щоточки,

„Такъ возьми ты плеточку шелковую,

„Вей бурушки промежду ушей...

„Станетъ бурушка-кавурушка под-
скакивать,

„А змѣенышевъ отъ ногъ да оттря-
хивать,

„Притоцчетъ всѣхъ да до одинаго“.

Онъ пріѣхалъ-то во чисто поле,

На тьи горы сорочинскіи,

Притоцталъ-то онъ младнихъ змѣе-
нышевъ.

Подточили да змѣи коню подъ що-
точки,

Не можетъ бурушка болѣи да под-
скакивать,

Змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь от-
тряхивать.

Добрынюшка Микитиничъ

Онъ взялъ плеточку шелковую,

Сталъ бить бурушка промежду ушей...

Сталъ бурушка-кавурушка подскаки-
вать,

А змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь
оттряхивать,

Притоцталъ онъ всѣхъ да до одинаго.

Какъ изъ норы да изъ глубокия

Выходило змѣище Горынчищо,

Выходила змѣя да та проклятая,

Сама говоритъ да таково слово:

— Какъ у насъ съ тобой была за-
повѣдь положена,

— Чтобъ не ѣздить тебѣ болѣ во
чисто поле,

- Не топтать-то младыхъ змѣ-
нышевъ,
— Мохъ-то рожонхъ малыхъ дѣ-
тушекъ. —
Испроговорить Добрыня сынъ Ни-
китиничъ:
„Ай же ты, змѣя да ты проклятая!
„А черти-ль тебя несли да черезъ
Кіевъ!
„Зачѣмъ ты взяла князеву племянницу
„Молоду Забаву дочь Путятичну?
„Ты отдай безъ брани безъ бою
кровопролитія!“
Испроговорить змѣя та проклятая!
— Не отдамъ тебѣ безъ брани кро-
вопролитія! —
Они тутъ дрались да цѣло по три
дня.
А Добрыня сынъ Никитиничъ
Отшибъ у ей двѣнадцать хоботовъ,
Убилъ змѣю да ту проклятую.
Сошелъ во нору во глубокую,
Тамъ много князей-бойровъ,
И много русскіихъ могучіихъ бога-
тырей.
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
Испроговорить Добрыня сынъ Ни-
китиничъ:
„Теперь вамъ да воля вольная!“
Онъ взялъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Онъ отдалъ Алешенькѣ Поповичу
Свезти ее да во Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А самъ увидѣлъ лошадиный бродъ:
По колѣнъ-то у бурки да ноги
грѣзнули.
Онъ наѣхалъ палиницу женщину
великую,
Онъ ударилъ своей палицей бу-
латнею,
Да тую палиницу въ буйну голову, —
- Палиница назадъ не оглянется;
Добрыня на конѣ да приужахнется.
Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
Толщину дубъ шести сажень.
Онъ ударилъ своей палицей булат-
нею во сырой дубъ,
И расшибъ-то дубъ да весь по ла-
стиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Какъ сила у богатыря по старому,
„А смѣлости у богатыря не по ста-
рому“.
Онъ догналь-то палиницу женщину
великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую палиницу въ буйну голову.
Палиница-то назадъ да не огля-
нется,
Добрыня на конѣ да приужахнется.
Воротился Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ сажень двѣнадцати.
Онъ ударилъ своей палицей булат-
ною во сырой дубъ,
Онъ расшибъ-то дубъ весь по ла-
стиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Какъ сила у богатыря по старому,
„А смѣлость у богатыря не по ста-
рому“.
Онъ догналь-то палиницу женщину
великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую палиницу въ буйну голову.
Палиница та назадъ да приогиается,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, комарики покусывають,
— Ажно русскіи могучіи богатыри
пошалкивають! —
Ухватила Добрыню за желты кудри,
Посадила Добрыню во глубокъ кар-
манъ,
А везла Добрыню цѣло по три дня.

Испроговорить паляницъ конь
человѣческимъ голосомъ:

„Ай же ты, хозяйшка любимая!

„Не могу я васъ везти со богатыремъ.

„Конь у богатыря супротивъ меня,

„А сила у богатыря супротивъ тебя!“

Испроговорить паляница женщина
великая:

— Если старъ богатырь, я голову
срублю,

— Если младъ богатырь, я въ по-
лонъ возьму;

— Если ровня богатырь, я замужъ
пойду!—

Повыкинетъ Добрыню изъ карман-
чика,

Тутъ ей Добрыня вѣдь понравился.

Поѣхали ко городу ко Кіеву,

Бо ласкову князю ко Владиміру

Принимать съ Добрыней по злату
вѣнцу.

Побыло три дня у нихъ да пиро-
ваньице.

Говорилъ Добрыня своей родной ма-
тушкѣ

Пречестной вдовѣ да Мальфѣ Ти-
мощевнѣ:

„Ты почто меня Добрынюшку нес-
частнаго спородила?

„Ты-бы лучше меня матушка споро-
дила

„Бѣлымъ горячимъ камешкомъ,

„Завернула-бы во тонкій бѣлый ру-
кавичекъ,

„А спустила-бы меня во сине море.

„Я-бы вѣкъ тамъ Добрыня во морѣ
лежалъ,

„Я не ѣздилъ-бы далѣче во чисто
поле,

„Не проливалъ-бы я напрасно крови
человѣчя,

„Не слезилъ-бы я Добрыня отцовъ-
матерей,

„Не вдовилъ-бы я Добрыня молоды-
ихъ женъ,

„Не сиротались-бы да малы дѣ-
тушки!“

Испроговорить да пречестна вдова
Мальфа Тимошевна:

— Ай же ты, Добрыня свѣтъ Ни-
китиничъ!

— Я-бы рада тебя дитятко споро-
дити

— Я таланомъ-участью въ Илью
Муромца,

— Я-бы силой въ Святогора бога-
тыря,

— Я-бы смѣлостью въ Олеша да
Поповича,

— Красотою во Осифа Прекраснаго,

— А походкою щепетливою во то-
го-ли Чурилушку Пленко-
вича,

— Я-бы вѣжествомъ въ Добрынюш-
ку Никитича,

— Только ты статьи есть, другихъ
Богъ не далъ,

— Богъ не далъ, не пожаловалъ.—

Провожала Добрыню родна матушка.

Какъ простилася—воротилася,

Домой пошла, сама заплакала,

Стала по покоямъ похаживать,

Стала голосомъ она да поваживать,
Жалобяишенько она да вѣдь съ при-
четью:

— Какъ у тыя было стремени у
правныя,

— Провожала-то Добрыню любимя
семья,

— Молода дочь Настасья Нику-
лична.

— Провожаючи она да стала спра-
шивать,

- Стала спрашивать, да выговаривать:
- „Ты когда Добрынюшко домой будешь,
- „Когда Добрыню ждать да изъ чиста поля?“
- Испроговорить Добрыня сынъ Никитиничъ:
- Когда ты меня стала спрашивать,
- Я тебѣ буду наказывать:
- Ты прожди Добрыню цѣло три году,
- Черезъ три года не буду—жди и друго три.
- Когда исполнится времечки шесть годовъ,
- Я не буду домой да изъ чиста поля,
- Поминай меня Добрынюшку уби-таго,
- А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
- Хоть вдовой живи, да хоть замужь поди,
- Хоть за князя поди, хоть за боярина,
- Хоть за русскаго могучаго богатырл,
- Только не ходи за моего братца названого,
- За смѣлаго Алешу за Поповича,
- А Алеша-то Поповичъ мой крестовый братъ!—
- Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождить,
- Недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
- Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжить,
- Прошло тому времечки цѣло три года,
- Не бываль Добрыня изъ чиста поля.
- И день-то за днемъ будто дождь дождить,
- Недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
- Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжить,
- Прошло тому времечки друго три года.
- Когда исполнилось времечки шесть годовъ,
- Не бываль Добрыня изъ чиста поля.
- Какъ во ту пору во то время
- Пріѣхаль Олешенька Левонтьевичъ изъ чиста поля.
- Привезъ онъ вѣсточку нерадостну,
- Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
- Онъ убитъ лежить да во чистомъ поли,
- Буйна голова его да испроломана,
- Мугучи плечи его да испрострѣлены,
- Головой лежить да чрезъ ракивовъ кусть.
- Пречестна вдова Мальфа Тимоеевна
- Жалобнешенько она по немъ поплакала,
- Слезила свои очи ясныя,
- Скорбила свое лицо бѣлое
- По своемъ по рожиномъ по дятки,
- По молодомъ Добрынюшкѣ Микитичѣ.
- Какъ во ту пору во то время
- Сталь солнышко Владимірѣ князь похаживать,
- Сталь похаживать да выговаривать:
- „Ай же ты Настасья дочь Никulichна!
- „Да какъ тебѣ жить до молодой вдовой,
- „Молодой свой вѣкъ корѣтати?
- „Ты поди замужь—хоть за князя поди, хоть за боярина,

„Хоть за русскаго могучаго богатыря,
 „Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!“
 Испроговорить Настасья дочь Никулична:
 — Я исполнила-то заповѣдь мужнюю:
 — Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
 — Я исполню свою заповѣдь женскую;
 — Я прожду Добрыню друго шесть годовъ!
 — Когда исполнится времечки двѣнадцатъ лѣтъ,
 — А не будетъ Добрыни изъ чиста поля.
 — Я поспѣю и тогда за мѣжь пойти. —
 Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождить,
 Недѣля за недѣлей какъ трава растеть.
 Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжить.
 Прошло тому времечки друго шесть годовъ,
 Не бываль Добрыня изъ чиста поля.
 А тутъ солнышко Владиміръ князь
 Сталь похаживать да выговаривать:
 „Ай же ты Настасья дочь Никулична!
 „Какъ же тебѣ жить да молодой вдовой,
 „Молодой свой вѣкъ да корѣтати?
 „Ты поди замужъ — хоть за князя поди, хоть за боярина,
 „Хоть за русскаго могучаго богатыря,
 „Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!“
 Не пошла замужъ ни за князя ни за боярина,

Ни за русскаго могучаго богатыря,
 А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
 Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
 А сегодня имъ итти до ко Божьей церкви,
 Принимать съ Олешей по злату вѣнцу,
 А Добрыня случился во Царѣградѣ.
 Добрынинъ конь да спотыкается,
 Испроговорить Добрыня сынъ Никитяничъ:
 — Ты волчья съть, медвѣжья шерсть!
 — Ты зачѣмъ сегодня потыкаешься? —
 Какъ проговорить Добрынѣ конь чловѣческимъ голосомъ:
 „Ай же ты хозяинъ мой любимый,
 „Добрыня сынь Микитяничъ!
 „Какъ ты ѣдишь да забавляешься,
 „Надъ собой незгодушки не вѣдаешь;
 „Какъ твоя да любима семья
 „Молода Настасья дочь Никулична
 „Замужъ пошла за смѣлаго Олешу за Поповича. —
 „Вотъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
 „Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
 „Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.“
 Богатырское его сердце разгорѣлося;
 Взялъ онъ плеточку шелковую,
 Сталь онъ бурушка бить до промежду ушей....
 Сталь онъ бурушко-ковурушка по-скакивать,
 Съ горы на гору да съ холмы на холму,
 Рѣки озера перескакивать,

- Широкія раздолья между ногъ пу-
щать.
- Что не ясенъ соколъ перелететь ле-
титъ,
- Добрый молодець да перегопъ го-
нитъ.
- Онъ пріѣхалъ ко граду Кіеву.
Не воротами ѣхалъ, черезъ стѣну
городовую,
- Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью ко вдови-
ному.
- Онъ поставилъ своего добра коня,
Добра коня среди бѣла двора.
Не привязана да не приказана.
Какъ пошелъ во палаты бѣлока-
менны,
- Онъ не спрашивалъ у воротъ да
приворотниковъ,
- У дверей не спрашивалъ придвер-
никовъ,
- Онъ всѣхъ въ зашей прочь оттал-
кивалъ.
- Онъ зашелъ въ палаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ владеть по писаному,
Поклоны ведеть по ученому,
Онъ на всѣ на четыре на стороны,
Пречестной вдовѣ да Мальфы Ти-
мощевны въ особину.
- А вслѣдъ идутъ придвернички, да
приворотнички,
- Сами всѣ идутъ да жалобу тво-
рять:
- Ай же ты пречестна вдова да
Мальфа Тимошевна!
- Какъ сей удалый добрый моло-
дець
- Онъ наѣхалъ изъ поля скорымъ
гонцомъ,
- Онъ не воротами ѣхалъ, черезъ
стѣну городовую,
- Мимо тую башню наугольную.
- Онъ не спрашивалъ насъ при-
воротниковъ,
- Онъ не спрашивалъ насъ при-
дверниковъ,
- Онъ всѣхъ въ зашей насъ да
прочь отталкивалъ. —
Какъ проговорить честна вдова да
Мальфа Тимошевна:
„Ай же ты удалый добрый молодець!
„Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій
дворъ,
„Да въ полаты идешь бездобла-
дночно,
„Въ покои идешь да безобсылочно,
„А не спрашиваешь у воротъ да
приворотниковъ,
„У дверей не спрашиваешь да прид-
верниковъ,
„Въ зашей прочь да всѣхъ оттал-
киваешь?
„Какъ бы было рожоно мое дитятво,
„Молодой Добрыня сынъ Никити-
ничъ,
„За твои поступки не умильни
„Отрубилъ бы тебѣ буйну голову.“
Какъ проговорить Добрыня сынъ
Никитиничъ:
— Не напрасно-ли вы да согрѣ-
шаете?
— Я вчера съ Добрыней поразѣ-
хался,
— Добрыня-то поѣхалъ ко Царю-
граду,
— Я поѣхалъ ко Кіеву.
— Велѣлъ спросить про его люби-
му семью,
— Про молодую Настасью да Нику-
личну! —
Испроговорить да Мальфа Тимо-
шевна:
„Какъ его Добрынина да любима
семья,

„Настасья дочь Никулична замужъ
пошла
„За смѣлаго Олешу за Поповича,
„Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да
по третій день,
„Сегодня имъ итти да ко Божьей
церкви,
„Принимать съ Олешей по злату
вѣнцу.
„Какъ исполнилось времечки шесть
годовъ,
„Приѣхалъ Олеша изъ чиста поля,
„И привезъ онъ вѣсточку нера-
достну:
„Что вѣтъ жива Добрынюшки Ни-
китича,
„Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ
полѣ,
„Буйна голова его да испроломана,
„Могучи плечи его да испрострѣ-
лены,
„Головой лежитъ черезъ ракистовъ
кустъ.
„Жалобнешенько о немъ я да по-
плакала,
„Слезила я свои очи ясныя,
„Скорбила я свое лицо бѣлое
„По своемъ рожономъ по дитятѣмъ
„По молодомъ Добрынюшкѣ Ники-
тичѣ;
„Стала я по покоямъ похаживать,
„Стала голосомъ я вѣдь поважи-
вать,
„Жалобнешенько я да и съ при-
чествомъ.“
Какъ проговорилъ удалый добрый
молодецъ:
— Мнѣ наказывалъ Добрыня сынъ
Никитиничъ:
— Какъ есть въ горенки, да во
спаленки,
— А во спаленки есть на столикѣ,

— Гуслицы его есть да яровчаты,
— Платице его да скоморошское. —
Одѣвался молодець да скоморошиной,
пиръ,
Пошелъ онъ на тотъ на почестный
Онъ не спрашиваетъ у воротъ да
приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придвер-
никовъ,
И всѣхъ въ зашей прочь да онъ
отталкивалъ.
И заходитъ во палаты княженецкія,
Крестъ кладеть онъ по писаному,
Поклонъ ведегъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны.
А князю Владиміру въ особину.
— Здравствуй князь Владиміръ
стольне-кіевскій
— Со своей княгиней со Опраксіей? —
Какъ вслѣдъ идутъ придвернички
да приворотнички,
Сами идутъ жалобу творять:
„Какъ сей удалый добрый моло-
децъ,
„Онъ не спрашивалъ у воротъ насъ
приворотниковъ,
„У дверей не спрашивалъ прид-
верниковъ,
„Онъ всѣхъ въ зашей прочь да насъ
отталкивалъ.“
Скоморошина къ рѣчамъ не прини-
мается,
Скоморошина къ рѣчи не вчуется,
Испроговорить удала скоморошина:
— Ай ты солнышко Владиміръ
стольне-кіевскій!
— А гдѣ вѣдь наше мѣсто скомо-
рошиной? —
Испроговорить съ сердцемъ влязь
Владиміръ стольне-кіевскій;
„Ваше мѣсто скоморошеное
„На той-то печкѣ на запечки,

„На за́печки печки муравленой!“
 Онъ скоро скочилъ на мѣсто пока-
 заной,
 Онъ натягивалъ тетивочки шел-
 ковыи,
 Но ты-ли на струночки да золо-
 ченныи,
 Сталь онъ по струночкамъ похажи-
 вать,
 Сталь онъ голосомъ-то вѣдь пова-
 живать.
 А какъ ¹⁾ играетъ во Царѣградѣ,
 Онъ выигрышъ беретъ да все во
 Кіевѣ,
 Онъ отъ стараго всѣхъ да до ма-
 лаго. ²⁾
 Только вси на пиру да призамо-
 лкнули,
 Сами говорятъ да таково слово:
 — Это не быть удалой скоморо-
 шинѣ,
 — А какому либо рускому могу-
 чему богатырю. —
 Испроговарятъ Владиміръ стольне-
 кіевскій:
 „Ай же ты удала скоморошина!
 „За твою игру да за веселую
 „Опуцайся-ко съ печки съ за́печки,
 „Выбирай-ко себѣ три мѣста лю-
 бимыихъ:
 „Первое мѣсто подли меня,
 „А другое мѣсто супротивъ меня,

¹⁾ У Гильф.: А какъ въ карты играешь и пр. *Карты*, видимо, явились для объясненія непонятнаго пѣвцу мѣста.

²⁾ Вар. 1-й: Тонцы повель отъ Нова-города. Другіе повель отъ Царя-града. (Г. 356).

Вар. 2-й:

Игралъ онъ во гусельшка тутъ яровчатые,
 А все навгрица приводитъ онъ Добрыинны.
 Играетъ-то онъ вѣдь во Кіевѣ,
 А на выигрышъ беретъ во Цари-града,
 Онъ повыигралъ воо градѣ во Кіевѣ,
 Онъ во Кіевѣ да всѣхъ поименно
 Онъ отъ стараго до всѣхъ до малого. (Г. 757).

„Третье мѣсто куда самъ захошь
 „Куда самъ захошь, еще пожа-
 луешь!“
 Не садилась скоморошина подли
 князя,
 А садилась скоморошина супротивъ
 княжны да порученія,
 Противъ молодой Настасьи Нику-
 личной.
 И проговорить удала скоморошина:
 — Ай ты солнышко Владиміръ
 стольне-кіевскій!
 — Ты позволъ мнѣ налить чару зе-
 лена вина,
 — А поднести-то чару кому я знаю,
 — Кому я знаю, еще пожалую! —
 Наливалъ онъ чару зелена вина,
 Опустилъ онъ въ чару свой злаченъ
 перстень,
 Подносилъ онъ чару молодой княжнѣ,
 Молодой княжнѣ Настасьѣ Нику-
 личнѣ,
 А самъ онъ говорилъ да токово
 слово:
 — Ай же ты Настасья Никулична!
 — Ты прими-тко чару единой рукой,
 — Выпей чару единымъ духомъ.
 — А какъ выпьешь до дна, уви-
 дишь добра,
 — А не выпьешь до дна, не уви-
 дишь добра.
 Молода Настасья Никулична,
 Принимала-то чару единой рукой,
 Выпила чару единымъ духомъ,
 Увидала въ чарѣ свой злаченъ пер-
 стень,
 Которымъ съ Добрыней обручались.
 Испроговорить Настасья Никулична:
 „А не тотъ мой мужъ который под-
 ли меня сидитъ,
 „А тотъ мой мужъ который супро-
 тивъ меня сидитъ!“

Она скочила через дубовый столъ
И упала къ Добрынь ко рѣзвымъ
ногамъ.

„Ты прости, прости, Добрынюшка
Никитиничъ,

„А во той меня вины прости во
глупости,

„Что не по твоему наказу вѣдь я
сдѣлала:

„Я за смѣлаго Олешену замужъ
пошла!“

И проговорилъ Добрыня сынъ Ни-
китиничъ:

— Не дивую я разуму женскому:

— У нихъ волосъ дологъ, умъ ко-
ротокъ,

— Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,

— Ихъ куда везутъ, они туда вѣдутъ.

— А дивую я князю Владиміру,

— Что князь-то Владиміръ ходилъ
свататься,

— А книгиня-то Опраксія да свахою,

— У живаго мужа жену просватали!

Тутъ князю Владиміру ко стыду
пришло.

Испроговорить Алешенка Леонтье-
вичъ:

„Ты прости, прости, крестовый братъ,

„Добрынюшка сынъ вѣдь Никити-
ничъ!

„Что я подли твоей посидѣлъ да
любимой семьи,

„Подлѣ молодой Настасьи Нику-
личной!“

Испроговорить Добрынюшка Ники-
тиничъ:

— Какъ во этой винѣ братецъ те-
бя Богъ простить,

— А въ этой винѣ братецъ тебя
нѣ прошу!

— Вы пріѣхали изъ чиста поля
черезъ шесть годовъ,

— Привезли вы моея матушкѣ вѣ-
сточку нерадостну,

— Что нѣтъ жива Добрынюшки
Никитинича,

— Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ
полѣ,

— Буйна голова его да испроломана,

— Могучи плечи его да испрострѣ-
лены,

— Головой лежитъ черезъ ракивовъ
кусть.

— Тутъ родитель моя матушка,

— Пречестна вдова да Мальфа Ти-
мощеевна,

— Жалобнешенько она по мнѣ по-
плакала,

— Слезила свои очи ясныя,

— Скорбило свое лицо бѣлое

— По своемъ по рожономъ по ди-
дитатѣ

— По молодомъ Добрынюшкѣ Ни-
китиничѣ!—

Тутъ схватилъ Олешу за желты вудри,
Да выдернулъ Олешу чрезъ дубо-
вый столъ,

Бросилъ Олешу о кирпичень полъ.

Выхватилъ шалыгу подорожную,

Онъ сталъ шалыжищемъ охаживать,

А что хлопанья, что оханья не
слышно вѣдь.

Что не два-ли ясныхъ сокола сле-
талися,

Два сильныхъ могучихъ богатыря
Съѣзжались на смертный бой.

А всякъ-тѣ братцы женится,

А не всякому женитьба удавалась.

А не дай Богъ женитьбы Олеша
Поповича,

Только Олеша и женатъ бывалъ....

Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню ста-
рину поютъ,

Сияему морю на тишину

Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на по-
слушанье.

(Г. 799—811).

(Записана въ петрозаводск. у. оленецк. г.).

3. Алеша Поповичъ.

Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ ¹⁾.
(Сводная).

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясныхъ сокола вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ
младъ

А со молодомъ Якимомъ Ивано-
вичемъ...

...Поѣхали они ко городу ко Кіеву.
(Кирша, 123—124).

Подъ стольнымъ городомъ подъ Кіе-
вомъ

При ласковомъ князѣ Владимірѣ
Объявилось новое чудовище:
Наѣзжалъ Тугаринъ Змѣевичъ.

(Р. Ш, 95).

Въ вышину-ли онъ Тугаринъ трехъ
сажень,

Промежъ плечей косая сажень,
Промежду глазъ—калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь:
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

(Кирша, 125).

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Заводилъ свой хорошъ почестень пиръ
И зазвалъ Тугарина на почестный
пиръ.

Ставили столы ему дубовые,
Наливали питьица медвяныя
Полагали ему ѣства сахарныя,—
Садился Тугаринъ за дубовый столъ.

Онъ по бѣлой лебедушкѣ заразы гло-
талъ.

И сидѣлъ тутъ Алешенька Поповичъ,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Какъ у моего государя было ба-
тющки,

„У Левонтья попа было ростовскаго,

„Было псище-то старое,

„Старое псище-то съдатое,

„Хватило костище великое,

„Гдѣ онохватило, подавилоса:

„Подавиться Тугарину Змѣевичу

„Отъ меня Алешки отъ Поповича“.

Сталъ Тугаринъ пить зелено вино,
По цѣлой чары заразы глоталъ.

Говоритъ Алеша таковы слова:

„Какъ у моего родителя было ба-
тющки,

„У Левонтья попа было ростовскаго,

„Было коровище великое,

„Выпило пятица лоханище,

„Гдѣ оно выпило, тутъ и треснуло.

„И треснетъ Тугаринъ-отъ Зиѣ-
вичъ

„Отъ меня Алешки отъ Поповича“.

Эты ему рѣчи не слюбилиса:

Хватилъ на столъ ножище булатное
И шибнетъ въ Алешу во Попо-
вича, —

Пролетѣлъ ножъ мимо Алешу По-
повича.

Какъ у той было у печки мурав-
леной

Стоялъ его слуга Акимъ паробокъ,
На лету онъ ножъ подхватывалъ.

Самъ къ ножу приговаривалъ:

„Ахъ ты ей, Алешенька Левонтье-
вичъ!

„Самъ-ли ты пойдешь, али меня
пошлешь

„Съ Тугариномъ супротивиться?“

Говорилъ Алешенька Левонтьевичъ:

¹⁾ См. выше стр. 41 — 44 и 79 — 80.

— Не куда уйдесть гагара безно-
гая. —
(Р. III, 95—96).

Втапоры Тугаринъ взвился и вонъ
ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ
подъ небёсю летать...
...Алеша... звился съ товарищи и
вонъ пошелъ.

Садилися на добры кони.
Поѣхали ко Сафать рѣкъ,
Поставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней спустили въ зелены луга.
Тутъ Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
„Создай, Боже! тучу грозную,
„А и тучи-то, съ градомъ дождя“.
Алешины молитвы доходны ко Хри-
сту:

Даетъ Господь Богъ тучу, съ гра-
домъ дождя;
Замочило Тугарина крылья бумаж-
ныя, —
Падаеть Тугаринъ, какъ собака, на
сыру землю.
Приходиль Екимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой
землѣ.

И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхаль къ Тугарину Зиѣвичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Зиѣвичъ
Алешу Поповича.

Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Хошь-ли я тебя огнемъ спалю,
„Хошь-ли, Алеша, конемъ стопчу,
„Али тебя, Алёшу, копьемъ заколю“.

Говориль ему Алеша Поповичъ младъ:
„Гой ты еси, Тугаринъ Зиѣвичъ
младъ!

„Бился ты со мною о великъ закладъ,
„Биться-драться единъ на единъ,
„А за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ
„На меня Алешу Поповича“.

Оглянется Тугаринъ назадъ себя, —
Втапоры Алеша подскочиль, ему го-
лову срубиль, —

И пала глава на сыру землю, какъ
пивной котель¹⁾

¹⁾ Рассказывается (Кирша, XIX, 123 и сл.) и иначе объ истребленіи Тугарина: Алеша Поповичъ встрѣчается съ «каликкой перехожей» и узнаеть отъ него о Тугаринѣ Зиѣвичѣ. Помѣнявшись съ каликой платьемъ и паявъ «шеленугу дорожную, котора была въ пятьдесятъ пудъ», онъ «пошелъ за Сафать рѣку». Завидѣвъ тутъ Тугаринъ Зиѣвичъ младъ, Заревѣлъ зычнымъ голосомъ. Подрогнула дубровушка зеленая, Алеша Поповичъ едва живъ плетъ. — Говорить Тугаринъ Зиѣвичъ младъ: «Гой еси калика перехожея! «А гдѣ ты слыхаль и гдѣ видаль «Про млада Алёшу Поповича? «А и я-бы Алешу конемъ закололъ, «Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ». Говорить тутъ Алеша каликою: — А и ты ой еси. Тугаринъ Зиѣвичъ младъ! — Поѣзжай поближе ко мнѣ, — Не слышу я, что ты говоришь. — И подѣхаль къ нему Тугаринъ Зиѣвичъ младъ,

Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Зиѣвича,
Хлснулъ его шеленугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову. —
И уналь Тугаринъ на сыру землю.
Скочиль ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолился Тугаринъ Зиѣвичъ младъ:
«Гой еси ты калика перехожея!
«Не ты-ли Алеша Поповичъ младъ?
«Только ты Алеша-Поповичъ младъ,
«Семъ побратуемся съ тобою».
Втапоры Алеша врагу не вѣрваль:
Отрѣзалъ ему голову прочъ.
Платье съ него синмалъ цѣтное
На сто тысячей — и все платье на себя надѣ-
валь.

(Кирша, 125—126).

Последнее обстоятельство едва не погубило Алешу: Екимъ Ивановичъ принялъ его за Тугарина, бросилъ въ него «паялицу боевую» и чуть не убилъ своего «брата родимаго».

Алеша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня
И проколоть уши у головы Туга-

рина Змѣевича,

И привязалъ къ добру коню,
И привезъ въ Кіевъ на княжепец-

кій дворъ,

Бросилъ среди двора княжепецкаго.

И увидѣлъ Алешу Владиміръ князь,

Пошелъ во свѣтлы гридни,

Сажалъ за убраны столы, —

Тутъ для Алеши и столъ пошелъ.

Сколько времени покушавши,

Говорилъ Владиміръ князь:

„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

„Часъ ты мнѣ свѣтъ далъ,

„Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,

„Служи мнѣ князю Владиміру,

„До любви тебя пожалую“.

Втапоры Алеша Поповичъ младъ
князя не ослушался, —

Сталъ служить ему вѣрою и прав-

дою...

(Кирша, 131—132).

4. Чурла Нленковичъ.

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,

У ласкова, осударъ, князя Влади-

міра,

Было пированіе, почестной пиръ,

Было столованіе, почестной столъ,

На многи князи и бояра

И на рускіе могучіе богатыри.

Будеть день въ половина дня,

А и будетъ столъ во полу-столѣ,

Князь Владиміръ разпотѣшился, —

А незнаемы люди къ нему появились:

Есть молодцовъ за сто человекъ,

Есть молодцовъ за другое сто —

Есть молодцовъ за третье сто,

Всѣ они избиты, изранены,

Булавами буйны головы пробиваны,

Кушаками головы завязаны;

Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Свѣтъ, государъ, ты Владиміръ
князь!

„Вздили мы по полю по чистому,

„Сверхъ тоя рѣки Череги,

„На твоємъ государевомъ займищѣ,

„Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,

„Не наѣзживали звѣря прысеучаго,

„Не видали птицы перелетныя, —

„Только наѣхали во чистомъ полѣ

„Есть молодцовъ за триста и за
пять сотъ:

„Жеребцы подъ ними латинскіе,

„Кафтанцы на нихъ камчатные,

„Однорядочки-то голубъ скурлатъ,

„А и колпачки — золоты плаши;

„Они соболи, куницы повыловили,

„И печерски лисицы повыгнали,

„Туры, олени выстрѣлили,

„И насъ избили, изранили —

„А тебѣ, осударъ, добычи нѣтъ —

„А отъ васъ, осударъ, жалованья
нѣтъ,

„Дѣти, жены осиротѣли,

„Пошли по міру скитатися“.

А Владиміръ князь стольной Кіев-

ской,

Пьетъ онъ, ѣсть, прохлаждается,

Ихъ челобитья не слушаетъ;

А и та толпа со двора не сошла,

А иная толпа появилась:

Есть молодцовъ за триста,

Есть молодцовъ за пять сотъ, —

Пришли охотники рыболовые,

Всѣ избиты, изранены,

Булавами буйны головы пробиваны,

Кушаками головы завязаны;

Бьютъ челомъ, жалобу творять;

„Свѣтъ, государъ, ты Владиміръ
князь!

- „Бздили мы по рѣкамъ, по озерамъ:
 „На твои щаски княженецкія
 „Ничего не поймавали, —
 „Нашли мы людей: есть молодцовъ
 „За триста и за пять сотъ, —
 „Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
 „Щуки, караси повыловилижъ
 „И мелкую рыбицу повыдавили,
 „Намъ въ томъ, государь, добычи
 нѣтъ, —
 „Тебѣ, государю, приносу нѣтъ —
 „Отъ васъ, государь, жалованья
 нѣтъ,
 „Дѣти, жены осиротѣли,
 „Пошли по міру скитатися, —
 „И насъ избили, изранили“.
 Владиміръ князь стольной кіевской
 Пьетъ, ѣсть, прохлаждается,
 Ихъ челобитья не слушаетъ;
 А и тѣ толпы со двора не сошли,
 Двѣ толпы вдругъ пришли:
 Первая толпа молодцы сокольники,
 Другіе молодцы кречетники,
 И всѣ они избиты, изранены,
 Булавами буйны головы пробиваны,
 Кушаками головы завязаны;
 Бьютъ челомъ, жалобу творять:
 „Свѣтъ, государь, Владиміръ князь!
 „Бздили мы по полю чистому,
 „Сверхъ тоя Череси,
 „По твоємъ государевомъ займищу,
 „На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ,
 „На твои щаски княженецкія
 „Ничего не поимывали, не видали,
 „Сокола и кречета перелетнаго, —
 „Только наѣхали мы молодцовъ
 „За тысячу человекъ;
 „Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повы-
 хватили,
 „И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
 „А насъ избили, изранили;
 „Называются дружиною Чуриловою“.
- Тутъ Владиміръ князь за то слово
 спохватится:
 — Кто это Чурила есть таковъ?
 Выступался туто старой Бермята
 Васильевичъ:
 „Я-де, осударь, про Чурилу давно
 вѣдаю,
 «Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
 „А живетъ онъ пониже малаго
 Кіевца.
 „Дворъ у него на семи верстахъ,
 „Около двора желѣзной тытъ,
 „На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
 „А и есть по жемчужинкѣ;
 „Среди двора свѣтлицы стоятъ, —
 „Гридни бѣлодубовыя
 „Покрыты сѣдымъ бобромъ,
 „Потолокъ черныхъ соболей,
 „Матица-то валженная,
 „Поль середя одного серебра,
 „Крюки да пробои по булату зла-
 чевы.
 „Первые у него ворота вальщатые,
 „Другіе ворота хрустальные,
 „Третьи ворота оловянные,
 Втапоры Владиміръ князь и со кня-
 гинею
 Скоро онъ снаряжается,
 Скоря того поѣздку чинять;
 Взялъ съ собою князей и бояръ
 И могучихъ богатырей — Добрыню
 Никитича
 И стараго Бермяту Васильевича;
 Тутъ ихъ собралось пять сотъ че-
 ловѣкъ,
 И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу
 И будутъ у двора его,
 Встрѣчаютъ ихъ старый Пленъ. —
 Для князя и княгини
 Отворяетъ ворота вальщатые,
 А князямъ и боярамъ хрустальные,
 Простымъ людямъ ворота оловянные;

И наѣхало ихъ полонѣ дворѣ.
 Старой Пленка Сароженинѣ
 Приступилъ ко князю Владиміру
 И ко княгинѣ Апраксѣвнѣ,
 Повелѣ ихъ во свѣтлы гридни,
 Сажалъ за убранныя столы, въ мѣсто
 почестное;

Принималъ, сажалъ князей и боярѣ
 И могучихъ русскихъ богатырей.
 Втапоры были повары догадливые,
 Носили явства сахарныя и питья
 медвяныя,

А питья все заморскія,
 Чѣмъ бы князя развеселить,—
 Веселая бесѣда, на радости день.
 Князь со княгинею весель сидить,—
 Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
 И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
 Говорилъ таково слово:

— По грѣхамъ надо мною княземъ
 учинилося,

— Князя меня въ домѣ не случилось:

— Ыдетъ ко мнѣ король изъ Орды,

— Или какой грозенъ посоль. —

Старой Пленка Сароженинѣ

Лишь только усмѣхается, самъ под-
 чиваетъ:

„Изволь ты, осударь, Владиміръ
 князь со княгинею

„И со всѣми своими князи и бояры
 кушати,

„Что-де ѣдетъ не король изъ Орды

„И не грозенъ посоль,

„Ѣдетъ-де дружина хоробрая сына
 моего,

„Молода Чурилы сына Пленковича;

„А какъ онъ, осударь, будетъ предъ
 тобою-жъ,

„Будетъ пиръ во полу пиръ,

„Будетъ столъ во полу столъ“.

Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,—

Всѣ уже они безъ памяти сидятъ.—

А и на дворѣ день вечеряется,
 Красное солнышко закатается,
 Толпа въ полѣ собирается,
 Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
 Есть и до тысячи.

Ѣдетъ Чурила ко двору своему,
 Передъ нимъ несутъ подсолнчичникъ,
 Чтобъ не запекло солнце бѣла его
 лица.

И пріѣхалъ Чурила ко двору своему,
 Перво его скороходъ прибѣжалъ,
 Заглянулъ скороходъ на широкой
 дворѣ,

А и некуда Чурилѣ на дворѣ ѣхати
 И стоять со своимъ промысломъ;
 Поѣхали они на свой окольной дворѣ,
 Тамъ они становилися и со всѣмъ
 убиралися.

Втапоры Чурила догадливъ былъ,—

Береть золоты ключи,

Пошелъ во подвалы глубокіе,

Взялъ золоту казну:

Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

Другую сорокъ печерскихъ лисицъ,

И бралъ же камку бѣлохрущату,

А цѣна камкѣ сто тысячей,

Принесъ онъ ко князю Владиміру,

Клалъ передъ нимъ на убранной столѣ.

Втапоры Владиміръ Князь стольной
 Кіевской

Больно со княгинею возрадовалися,

Говорилъ ему таково слово:

— Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!

— Не подабаеть тебѣ въ деревнѣ
 жить,

— Подобаеть тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ
 жить, князю служить.—

Втапоры Чурила князя Владиміра
 не ослушался,

Приказалъ тотчасъ коня осѣдлатъ,

И поѣхали они всѣ въ тотъ столь-
 ной Кіевъ градъ

Ко ласкову князю Владиміру. —
Въ добромъ здоровье ихъ Богъ пе-
ренесъ. —

А и будутъ на дворѣ княженецкіимъ,
Скочили они съ добрыхъ коней,
Пошли во свѣтлицы гридни,
Садилися за убранные столы.
Посылаетъ Владиміръ стольной Ки-
евской

Молода Чурилу Пленковича
Князей и бояръ звать въ гости къ
себѣ,

А зватаго приказаль брать со вся-
каго по десяти рублевъ.
Обходилъ онъ Чурила князей и бояръ
И собралъ ко князю на почетной пирь.

А и зайдетъ онъ Чурила Пленко-
вичъ

Въ домъ ко старому Бериятъ Ва-
сильевичу,

Ко его молодой женѣ, къ той Ка-
теринѣ прекрасной,

И тутъ онъ позамѣшался.

Ожидаетъ его Владиміръ князь,

Что долго замѣшался.

И мало время поизойдучи,

Пришелъ Чурила Пленковичъ;

Втапоры Владиміръ князь ни во что
положилъ —

Чурила пришелъ и столъ пошелъ,
Стали пити, ясти, прохладжидатися,
Всѣ князи и бояра до пьяна напи-
валися

Для новаго стольника Чурилы Плен-
ковича, —

Всѣ они напивалися и домой разъ-
ѣзжалися.

(Кирша, 107—113).

Б. ЗАВЪЗЖІЕ БОГАТЫРИ.

1. Дюкъ Степановичъ.

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, кня-
женецкій сынъ,
Изъ славнаго богатаго-Волынъ-го-
рода,

Изъ тоя Индѣюшки богатяя;
Снаряжался Дюкъ во стольно-Кіевъ
градъ,

Посмотрѣть хотѣтъ на князя на Вла-
диміра

И на русскихъ могучихъ на бога-
тырей.

(Р. I, 283).

Поѣхалъ молодой бояринъ ко городу
ко Кіеву,

Поспѣлъ ко раннія обѣдни воскре-
сенскія,

Подъѣзжалъ какъ онъ ко Божьей
церкви,

Становилъ онъ добра коня ко стол-
бику точеному,

Ко колечику золоченому;

Самъ шель во церковь Божію,

Крестъ клалъ по писаному,

Поклонъ велъ по ученому,

На всѣ на четыре стороны кланялся,

Стольному князю Владиміру

Со княгиной со Опраксою въ особину.

Р. I, 279.

Не узналъ его солнышко Владиміръ
стольно-Кіевскій, —

Не бывалъ онъ во городѣ во Кіевѣ, —

Самъ говорилъ таковы слова:

„Ай же ты, удалый добрый молодець!

„Скажись, съ коей земли, съ коей

орды,

„Коего отца, коей матери?“

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ

Степановичъ:

— Я изъ той земли, богатой орды,
 — Со тоя Индѣи богатя,
 — Есть я молодой бояринъ Дюкъ
 Степановичъ. —
 Какъ у солнышка князя Владиміра
 по правую рученьку
 Стоялъ молодой Чурилушка Плен-
 ковичъ,
 Самъ говорилъ таковы слова:
 „Ай же ты, солнышко Владиміръ
 стольно-Кіевскій!
 „Это не молодой бояринъ Дюкъ
 Степановичъ,
 „А эта есть халуина господская,
 „Либо волоча-голь кабацкая.
 „Уѣхалъ онъ отъ купца, либо отъ
 барина,
 „Угналъ онъ добра коня,
 „А пріѣхалъ сюда для того,
 чтобы ты
 „Забралъ столованье почестный
 цирь ¹⁾.“
 Говорилъ Владиміръ таковы слова:
 „Ай же ты, удалой добрый молодецъ!
 „Скажись, съ коей земли, съ коей
 орды,
 „Коего отца, коей матери?“
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ
 Степановичъ:
 — Что же ты сталъ у меня вы-
 спрашивать,
 — Выспрашивать у меня, вывѣды-
 вать?
 — Вѣдь я пріѣхалъ не для вашихъ
 честныхъ цировъ,
 — Не для безсчетной золотой казны,
 — А пріѣхалъ посмотреть вашего
 города.
 — Скажутъ, вашъ городъ на красы
 стоитъ, на угрожествѣ,

— Скажутъ, солнышко Владиміръ
 князьгато живеть;
 — Да още заѣхалъ Господу Богу
 помолиться,
 — Ко честнымъ крестамъ прило-
 житься,
 — И поѣду я взадъ во чисто поле.
 — У меня хлѣба-соли дѣла водится,
 — Золота казна не тощится,
 — Цвѣтно платьице не держится;
 — А още послалъ меня братецъ
 крестовный,
 — Старый казакъ Илья Муро-
 мець. —
 Онъ какъ бралъ его за бѣлы руки,
 Цѣловалъ во уста во сахарнія,
 Называлъ молодымъ бояриномъ Дю-
 комъ Степановичемъ.
 Отошла обѣдня ранняя воскресенская.
 Бралъ его солнышко за бѣлы руки,
 Повелъ его въ свои палаты бѣло-
 каменны.
 Онъ иде, молодой бояринъ, на са-
 пожки поглядывать,
 Поглядывать на сапожки, на шубку
 посматриваетъ.
 Говорилъ Чурилушка Пленковичъ:
 „Заподлинно есть холопина дворян-
 ская:
 „Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не дер-
 живалъ,
 „Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ.“
 Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ
 Степановичъ:
 — Ай же, молодой Чурилушка Плен-
 ковичъ!
 — У васъ все не по нашему:
 — Во той земли, богатой орды,
 — Во тоя Индѣи богатя,
 — Отъ Божьей церкви до палатъ
 бѣлокаменныхъ
 — Настланы мостики калиновы,

¹⁾ Вопросъ Владиміра, отвѣтъ Дюка и за-
 мѣчаніе Чурилушки повторяются.

- Разостланы сукна кармазинныя,
 — Не мараются сапожки сафьянныя
 во грязи черныя.
 Какъ онъ ввелъ его въ палаты бѣ-
 локаменныя,
 Для удалаго добра молодца забралъ
 почестень пирь,
 Какъ пошелъ столованье почестень
 пирь,
 Всѣ на пиру на ѣдалися,
 Всѣ на пиру напивалися,
 Похвальбами всѣ похвалялися.
 Сидитъ молодой бояринъ не пьянъ
 не весель,
 Повѣшена буйна голова ниже плечь
 могучихъ,
 Притушены очи ясныя во кирпи-
 чень полъ;
 Онъ колачикъ ѣлъ, другой подъ
 столъ металъ,
 А чару пилъ, другу за окошко лилъ.
 Какъ увидѣлъ солнышко Влади-
 миръ стольно-киевскій,
 Говоритъ ему таковы слова:
 „Что же ты, молодой бояринъ Дюкъ
 Степановичъ,
 „Колачикъ ѣшь, другой подъ столъ
 мечешь,
 „А чару пьешь, другу за окошко
 льешь?“
 Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ
 Степановичъ:
 — Ай же ты, Владиміръ стольно-
 киевскій!
 — Не могу ѣсть колачиковъ кру-
 пивчатыхъ,
 — Пить напитокъ сладкихъ:
 — Колачики пахнутъ на хвою со-
 сновую,
 — А напитки затхнули¹⁾, пить
 неприятныя.
- Какъ во той землѣ, въ богатой
 орды,
 — Во тоя Индѣи богатыя,
 — У моей государыни у матушки
 — Есть печки муравлены, помял-
 чики шелковыя,
 — Мочутъ помялчики въ росу ме-
 довую,
 — Пашутъ ¹⁾ печки муравлены,
 — Пекутъ колачики крупивчаты:
 — Колачикъ съѣшь, другаго съѣсть
 душа горитъ,
 — Другой съѣшь, третій съ ума
 нейдетъ.
 — А меда сладкіе, водочки стоялыя
 — Повѣшены въ бочки сороковки
 — Въ погреба глубокіе на цѣпи на
 серебряны,
 — Туда подведены вѣтры буйныя:
 — Какъ повѣютъ вѣтры буйныя,
 — Пойдутъ воздухи по погребамъ,
 — Такъ загогочутъ бочки будто
 лебеди,
 — Будто лебеди на тихихъ на за-
 водахъ;
 — Такъ вѣкъ не затхнутъ напи-
 точки сладкіе,
 — Чару пьешь, другу пить душа
 горитъ,
 — Другу пьешь, третья съ ума
 нейдетъ.
 — Эта хвальба не похвальба:
 — У моей государыни у матушки
 — Цвѣтно платьице не держится,
 — Потому оно не держится,
 — Что швецы не выводятся:
 — Та толпа швецовъ со двора сошла,
 — А другая толпа на дворъ пришла.
 — Добры кони ѣздятъ — не ѣздятся:
 — Стоить безъ счету добрыхъ коней,

¹⁾ Затхлис, сдохлис. Р.

¹⁾ Пометаютъ. Р.

- Зоблють пшеницу бѣлоярову,
 — Только выскочать проигратъся
 въ чисто поле.
 — Эта похвальба еще не похвальба:
 — Есть насыпано двѣнадцать по-
 гребовъ глубокіихъ
 — Злата и серебра и мелкаго скат-
 наго жемчуга;
 — На одинъ на погребъ скуплю-
 продамъ
 — Стольвий Кіевъ градъ и Чер-
 никовъ градъ. —
 (Р. I. 279—282).

...Чурила Пленковичъ Щапливий
 Говорить онъ князю таково слово: ¹⁾
 „Я богатѣ себя Дюка перещаплю:
 „Мнѣ всѣмъ Кіевоиъ платья пьютъ.“
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Обсѣдывалъ добра коня и вывелъ
 во чисто поле,
 Привязалъ къ сѣдлу ярлыкъ
 И послалъ коня къ своей матушкѣ:
 — Свѣтъ государыня моя матушка!
 — Пошли двѣ пары платья хоро-
 шія
 — Съ пуговицами золочеными. —
 Посылала ему матушка
 Двѣ пары платья хорошія
 Съ пуговицами золочеными.
 Онъ ударилъ рукою о бѣлую грудь,
 О пуговицы золоченія, —
 Отъ тыхъ пуговиць злаченныхъ
 Пошелъ стукъ да громъ,
 Какъ отъ звону колокольного ²⁾.

¹⁾ Вариантъ:

Говорилъ Владиміръ стольний-Кіевскій...
 Ты ударь съ нашимъ Чурилою великъ закладъ,
 По три года да еще по три дни,
 Чтобы на всякій день кони были смѣнные...
 Чтобы на всякій день платья были смѣнные.
 Цвѣтныя платья перемѣнные.

Г. 779.

²⁾ Прошавивъ (прощоголявъ) условенные
 (см. прим. выше) три года и три дня, зашли

Самъ говорить таково слово:
 — Аѣ же ты, Чурила Пленковичъ!
 — А это платье у меня есть заѣзжее,
 — А заѣзжее есть и дорожное. —
 Тутъ говорить Чурила Пленковичъ:
 „Владиміръ князь стольно-кіевскій!
 „Я на добромъ конѣ Дюка пере-
 щаплю.“

Поѣхали они на добрыхъ коняхъ.
 Чурилина хвала напередъ запла:
 Ему первому скочить черезъ быстру
 рѣку.

Какъ скочилъ черезъ рѣку,
 Такъ и палъ среди рѣки.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Скочилъ вслѣдъ за нимъ,
 Ухватилъ его за желты кудри,
 Перетащилъ его на другу сторону,
 Самъ говорить таково слово:

— Ты думаешь, Чурила, щапить,
 — Какъ въ Кіевѣ передъ дѣвками
 да передъ бабами,
 — А не съ нами молодцами бога-
 тырями. —
 (Р. IV, 51—52).

Тутъ Владиміръ князь стольно-
 кіевскій

они въ церковь Божію. Чурило сталъ на
 «правое крылосо», Дюкъ — на лѣвое.
 Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
 Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
 Онъ сталъ пуговка о пуговку позванивать:
 Какъ отъ пугови было до пугови
 Да изъ петелки было въ петелку
 Плыветъ Змишечко-Форинчишо.
 Тутъ всѣ въ церкви приужахулись,
 Сами говорятъ таково слово:
 «Какъ у нашего Чурилки у Пленковца
 «Есть омиѣточка противъ молада боярина,
 «Что еще некуда бодрѣ ему выстунить.»
 Закручинилися бояринъ, защекалися...
 Онъ сталъ плетенькой по пуговкамъ поваживать:
 Какъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
 Какъ запѣли птицы тутъ пѣвучіи,
 Закричали звѣри тутъ рыкучіи,
 Тутъ вси во церкви да о зѣнь пали,
 О зѣнь пали, да они обмерли.
 (Г. 780—781).

Сталь посылать общѣнниковъ
Во тую Индѣюшку богатую,
Его Дюково имѣніе описывать и
общѣнживать.

Отправляютъ туда тихаго Дунаюшку
Иванова,

Во вторыхъ още Василія Казими-
рова,

А во третьихъ смѣлаго богатыря
Алешеньку Поповича.

Сѣли они на добрыхъ коней, по-
ѣхали

И прѣехали въ Индѣюшку богатую,
Къ Дюку Степановичу на широкій
дворъ.

Не спускали они коней на посыль-
ный дворъ,

Ставили они коней середіи двора,
Пошли они въ палату бѣлокаменну,

На пятау они двери поразмахиваютъ,
Вошли-то въ палату бѣлокаменну,

Оны Господу Богу помолилися,
Крестъ оны клали по писаному,

Поклонъ-то вели по ученому,
На всѣ на три на четыре на сто-

ронки поклонялися,
Честной вдовы Настасьи Васильев-

ной въ особлю:
„Здравствуешь, честна вдова Нас-

тасья Васильевна,
„Дюкова Степанова матушка!“

Говорить она такovy слова:
— Не есть я Дюковая матушка,

— А есть я Дюковѣя рукомы-
лица. —

Вошли они въ другой покой,
Опять низенько поклоняются:

„Здравствуешь, честна вдова Нас-
тасья Васильевна,

„Дюкова Степанова матушка!“
Говорить она такovy слова:

— Не есть я Дюковая матушка,

— А есть я Дюковая портомы-
лица. —

Вошли они во третій покой,
Опять низенько поклоняются:

„Здравствуешь, честна вдова Нас-
тасья Васильевна,

„Дюкова Степанова матушка!“
Говорить она такovy слова:

— Не есть я Дюковая матушка,
— А есть я Дюковая стольница. —

Приводили ихъ красныя дѣвушки
ко Дюковой матушки;

Поклоняются оны и удивляются:
„Здравствуешь, честна вдова Нас-

тасья Васильевна,
„Дюкова Степанова матушка!“

Отвѣтъ держитъ Дюкова матушка:
— Вы удаленькіе дородни добры

молодцы!
— Не знаю вамъ имени, ни изот-

чины,
— Вы зачѣмъ сюда прѣехали?

— Знать сиротскаго имѣнница опи-
сывать? —

Говорятъ оны такovy слова:
„Послать-то насъ самъ Дюкъ Сте-

пановичъ
„Описать свое имѣніе—богачество.“

Кормила ихъ вѣстунками сахарными,
Поила ихъ питьицами медвяными:

Чарочку вышьютъ, губы слипаются,
А другую вышьютъ, по третвей

душа горитъ,
А четверта чарочка съюза вонъ

нейдетъ.
Повела ихъ она во погреба глу-

бокіе,
Посадила ко сбруи лошадиной опи-

сывать и общѣнживать.
Описывали оны, общѣнживали

Эту сбрую лошадиную ровно три
года,

По три года обцѣнивали и по три
 дни, —
 Не могли обцѣнить этой сбури ло-
 шадинья.
 Повела она ихъ на погреба глу-
 бокіе
 Описывать — обцѣнивать имѣніе —
 богачество.
 Тутъ бочки висять чиста серебра,
 А другія висять красна золота,
 А третьи висять скатна жемчуга.
 Эты мужики обцѣнщики
 Не могутъ оны смѣты дать,
 Описать того имѣнія — богачества.
 Тутъ писали оны во стольно-Кіевъ
 градъ
 Ко славному ко князю ко Влади-
 міру:
 „Ты славный Владиміръ стольно-
 кіевскій!
 „Продай-ко свой столько-Кіевъ
 градъ
 „На эты на бумаги (на гербовья)
 „Да на чернила — перья продай
 оце Черниговъ градъ,
 „Тогда можешь Дюково имѣніе опи-
 сывать.“

(Р. I. 293—295).

(Петрозаводск. у. олопецк. г.).

Соловей Будиміровичъ.

Высота ли, высота поднебесная,
 Глубота, глубота океанъ море;
 Широко раздолье по всей земли,
 Глубоки омуты Днѣпровскіе.
 Изъ-за моря, моря сняго,
 Изъ глухоморья зеленого,
 Огъ славнаго города Леденца,
 Отъ того-де царя вѣдь заморскаго
 Выбѣгали, выгребали тридцать ко-
 раблей,

Тридцать кораблей — единъ корабль
 Славнаго гостя, богатаго,
 Молода Соловья сына Будиміровича.
 Хорошо корабли изукрашены;
 Одиць корабль получше всѣхъ:
 У того было сокола у корабля
 Вмѣсто очей было вставлено
 По дорогу каменю, по яхонту;
 Вмѣсто бровей было прибывано
 По черному соболу якутскому,
 И якутскому, вѣдь сибирскому;
 Вмѣсто уса было воткнуто
 Два острые ножица булатные;
 Вмѣсто ушей было воткнуто
 Два остра копыя мурзамедкія;
 И два горностая повѣшены,
 И два горностая, два зиміе;
 У того было сокола у корабля
 Вмѣсто гривы прибывано
 Двѣ лисицы бурнастыя;
 Вмѣсто хвоста повѣшено
 На томъ было соколъ корабль
 Два мѣдвѣдя бѣлые заморскіе;
 Носъ, корма по туриному,
 Бока взведены по звѣриному. —
 Бѣгутъ ко городу Кіеву,
 Къ ласкову князю Владиміру.
 На томъ соколъ корабль
 Сдѣланъ муравлень чердакъ
 Въ чердакъ была бесѣда — дорогъ
 рыбій зубъ,
 Подернута бесѣда рытмъ барха-
 томъ:
 На бесѣдѣ-то сидѣль купаць мо-
 лодецъ,
 Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ:
 Говорилъ Соловей таково слово:
 „Гой еси вы, гости корабельщики,
 „И всѣ цѣловальники любимые!
 „Какъ буду я въ городъ Кіевъ,
 „У ласкова князя Владиміра,
 „Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,

„Чѣмъ свѣта жаловати?“

Отвѣчаютъ гости корабельщики,

И всѣ цѣловальники любимые:

— Ты славной, богатой гость,

— Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь!

— Есть, сударь, у васъ золота казна,

— Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

— Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;

— Есть, сударь, дорога камка,

— Что недорога камочка-узоръ хитерь:

— Хитрости были Царя-града,

— А и мудрости Іерусалима,

— Замыслы Соловья Будиміровича;

— На златѣ, на серебрѣ — не погнѣваться. —

Прибѣжали корабли подъ славной
Кіевъ градъ,

Якори метали въ Днѣпръ рѣку.

Сходни бросали на крутъ бережокъ,

Товарную пошлину въ таможиѣ платили

Со всѣхъ кораблей семь тысячей,

Со всѣхъ кораблей, со всего живота.

Бралъ Соловей свою золоту казну:

Сорокъ-сороковъ черныхъ соболей,

Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.

Пошелъ онъ ко ласкову князю Влади-
диміру,

Идетъ во гридню во свѣтлую;

Какъ-бы на пяту двери отворилися,

Идетъ во гридню купавъ молодець,

Молодой Соловей сынъ Будиміровичь,

Спасову образу молится,

Владиміру князю кланяется,

Княгинѣ Апраксѣвнѣ насобицу,

И подноситъ князю свои дороги подарочки:

Сорокъ-сороковъ черныхъ соболей,

Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;

Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хру-
щатую,

Недорога камочка — узоръ хитерь:

Хитрости Царя-града,

Мудрости Іерусалима,

Замыслы Соловья, сына Будиміро-
вича;

На златѣ и серебрѣ — не погнѣваться.

Князю дары полюбилися,

А княгинѣ наипаче того;

Говорилъ ласковой Владимиръ князь:

— Гой еси ты, богатой гость,

— Соловей, сынъ Будиміровичь!

— Заимуй двory княженецкіе,

— Заимуй ты боярскіе,

— Заимуй двory и дворянскіе. —

Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміро-
вичь:

„Не надо мнѣ двory княженецкіе,

„И не надо двory боярскіе,

„И не надо двory дворянскіе;

„Только ты дай мнѣ загонъ земли,

„Непаханья и неоранья,

„У своей, осударь, княженецкой пле-
мянницы,

„У молоды Запавы Пугятишной,

„Въ ея, осударь, зеленомъ саду,

„Въ вишеньѣ, орѣшеньѣ,

„Построить мнѣ Соловью снаряжень
дворъ“.

Говорилъ сударь ласковый Влади-
миръ князь:

— На то тебѣ со княгинею подумаю, —

А подумавши, отдавалъ Соловью за-
гонъ земли,

Непаханья и неоранья.

Походилъ Соловей на свой червленъ
корабль,

Говоритъ Соловей, сынъ Будиміро-
вичь:

„Гой еси вы, мои люди работные!

„Верите вы топорики булатные,

„Подите къ Запавъ въ зеленой садъ,
 „Постройте миѣ снаряженъ дворъ,
 „Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ“,
 Съ вечера, позднимъ поздно,
 Вудто дятлы въ дерево пощолывали,
 Работала его дружина хоробрая, —
 Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
 Три терема златоверховаты,
 Да трои сѣни косячатныя,
 Да трои сѣни рѣшетчатныя.
 Хорошо въ теремахъ изукрашено:
 На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремѣ заря —
 И вся красота поднебесная.
 Рано зазвонили къ заутрени, —
 Ото сна-то Запава пробуждалася,
 Посмотрѣла сама въ окошечко ко-
 сячатое,
 Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ,
 Въ свой вѣдь хоросій, во зеленой
 садъ;
 Чудо Запавъ показалося
 Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
 Что стоятъ три терема златоверхо-
 ваты.
 Говорила Запава Путятишна:
 — Гой еси, нянюшки и мамушки,
 — Красныя сѣнныя дѣвушки,
 — Подтет-ко, посмотритет-ко ¹⁾,
 — Что миѣ за чудо показалося
 — Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ? —
 Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
 И сѣнныя красныя дѣвушки:
 „Матушка, Запава Путятишна!
 „Изволь-ко сама посмотрѣть:
 „Счастье твое на дворъ къ тебѣ
 пришло“.
 Скоро-де Запава наряжается.

Надѣвала шубу соболиную,
 Цѣна-то шубѣ три тысячи,
 А пуговики въ семь тысячей, —
 Пошла она въ вишенѣ, въ орѣшенѣ,
 Во свой во хорошъ, во зеленой садъ;
 У перваго терема послушала:
 Тутъ въ теремѣ щелчить, молчить —
 Лежить Соловьева золота казна;
 Во второмъ теремѣ послушала:
 Тутъ въ теремѣ потихоньку гово-
 рять,
 Помаленьку говорятъ, все молитву
 творять —
 Молятся Соловьева матушка
 Со вдовы честны, многоразумными.
 У третьяго терема послушала;
 Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
 Входила Запава въ сѣни косячатныя.
 Отворяла двери на пята, —
 Больно Запава испугалася,
 Рѣзвы ноги подломилися,
 Чудо въ теремѣ показалося:
 На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремѣ заря —
 И вся красота поднебесная,
 Подломились ея ноженьки рѣзвыя; —
 Втапоры Соловей онъ догадивъ
 былъ,
 Бросилъ свои звончаты гусли,
 Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы
 ручки...
 „Чего-де ты, Запава, испужалася?
 „Мы-де оба на возрастѣ“.
 — А и я-де дѣвица на выданѣ,
 Пришла-де сама за тебя сватать-
 ся — ¹⁾.
 Тутъ она и помолвила...
 (Кирша, 1—6).

¹⁾ Вариантъ 1:

Говорить Соловей снѣгъ Вудмировичъ:
 «А сѣсѣчь ты миѣ Забава въ любовь пришла,

¹⁾ Подьте-тко, посмотрите-тко.

II. Новгородскіе богатыри.

1. Садко богатый гость.

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садко ¹⁾ купецъ, бо-
гатый гость.

А прежде у Садка имущества не
было:

Одни были гусельки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садко.
Садка день не зовуть на почестень
пиръ,

Другой не зовуть на почестень пиръ,
И третій не зовуть на почестень
пиръ.

По томъ Садко соскучился:

Какъ пошелъ Садко къ Ильмень
озеру,

Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яров-
чаты.

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода вско-
лыбалася,

Тутъ-то Садко перепался,

Пошелъ прочь отъ озера во свой
во Новгородъ.

Садка день не зовуть на почестень
пиръ,

Не зовуть на другой и третій день.

Садко опять отправляется съ гусельками
къ озеру, вода опять „колыбается“, но
въ Новгородѣ по прежнему ему нѣтъ
удачи.

«А однимъ ты мнѣ Забава не любя,
«Что сама себя Забава ты просватываешь»

А й тутъ-ли у князя у Владиміра
Да не пива-ты варить, да не меда-ты снчить,
Веселимъ пиркомъ да за свадьбу. Г. 955.

Вар. 2-й:

Упрекнувъ Забаву за то, что «сама себя
замужъ просватываетъ»,
Говорить Соловей сынъ Вудиміровичъ:

«Ай же дружина хоробрая,
«Собирайте злачены теремы,
«Отъѣдемъ отъ крутаго берега». Г. 979.

¹⁾ У Рыбн.—Садкѣ.

Какъ пошелъ Садко къ Ильмень
озеру,

Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яров-
чаты.

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода вско-
лыбалася,

Показался царь морскій,

Вышелъ со Ильменя со озера,

Самъ говорилъ таковы слова:

— Ай же ты, Садко Новгородскій!

— Не знаю, чѣмъ буде тебя по-
жаловать

— За твои за утѣхи за великія,

— За твою-то игру нѣжную:

— Аль безсчетной золотой казной?

— А не то ступай въ Новгородъ

— И ударь о великъ закладъ,

— Заложь свою буйну голову,

— И выряжай съ прочихъ купцовъ

— Лавки товара краснаго,

— И спорь, что въ Ильмень озерѣ

— Есть рыба—золоты перья.

— Какъ ударишь о великъ закладъ,

— И поди—свяжи шелковой неводъ.

— И пріѣзжай ловить въ Ильмень
озеро:

— Дамъ три рыбины—золоты перья.

— Тогда ты, Садко, счастливъ бу-
дешь ¹⁾.

Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во
Новгородъ,

¹⁾ Вариантъ: Садко гулялъ по Волгѣ двѣ-
надцать лѣтъ и никакой пады собой «прятки
и скорби не видывалъ,
Захотѣлось молодцу побывать въ Новгородѣ,
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насалилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ матушка Волга рѣка!»

Волга послала съ Садкой поклонъ своему
брату озеру Ильмену, который, въ благодар-
ность, и надѣлилъ Садку всякимъ добромъ.

См. выше, стр. 86: Волга и Ильмень.

Позвали Садко на почестенъ пиръ.
 Какъ тутъ Садко Новгородскій,
 Сталъ играть въ гусельи яровчаты;
 Какъ тутъ стали Садко попаивать,
 Стали Садку поднашивать,
 Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастыва-
 тывать:

„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
 „Какъ знаю чудо чудное въ Иль-
 мень озеръ:

„А есть рыба — золоты перья въ
 Ильмень озеръ“.

Какъ тутъ-то купцы Новгородскіе
 Говорятъ ему таковы слова:

— Не знаешь ты чуда чуднаго,
 — Не можетъ быть въ Ильмень
 озеръ рыбы — золоты перья. —

„Ай же вы, купцы Новгородскіе!

„О чѣмъ-же бьете со мной о великъ
 закладъ?

„Ударимъ-ка о великъ закладъ?

„Я заложу свою буйну голову,

„А вы залагайте лавки товара крас-
 наго“.

Три купца повыкинулись,

Заложили по три лавки товара
 краснаго.

Какъ тутъ-то связали неводъ шел-
 ковый

И поѣхали ловить въ Ильмень озеро,
 Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
 Добыли рыбку — золоты перья;

Закинули другую тоньку въ Ильмень
 озеро,

Добыли другую рыбку — золоты перья;
 Третью закинули тоньку въ Ильмень
 озеро,

Добыли третью рыбку — золоты
 перья.

Тутъ купцы Новгородскіе

Отдали по три лавки товару краснаго.

Сталъ Садко поторговывать,

Сталъ получать барыши великіе.

Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ

Устроилъ Садко все по небесному:

На небѣ солнце — и въ палатахъ
 солнце;

На небѣ мѣсяцъ — и въ палатахъ
 мѣсяцъ;

На небѣ звѣзды — и въ палатахъ
 звѣзды.

Потомъ Садко купецъ, богатый
 гость,

Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ

Тыихъ мужиковъ Новгородскихъ

И тыихъ настоятелей Новогород-
 скіихъ.

Всѣ на пиру наѣдалися,

Всѣ на пиру напивалися,

Похвальбами всѣ похвалялися.

Иной ¹⁾ хвастаетъ безсчетной золо-
 той казной,

Другой хвастаетъ силой — удачей мо-
 лодецкою,

Который хвастаетъ добрымъ конемъ,

Который хвастаетъ славнымъ отече-
 ствомъ,

Славнымъ отечествомъ, молодымъ
 молодечествомъ,

Умный хвастаетъ старымъ батюшкою,

Безумный хвастаетъ молодой женой.

Говорятъ настоятели Новогородскіе:

— Всѣ мы на пиру наѣдалися,

— Всѣ на почестномъ напивалися,

— Похвальбами всѣ похвалялися.

— Что же у насъ Садко ничѣмъ
 не похваляется,

— Что у насъ Садко ничѣмъ не
 похваляется? —

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

„А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,

¹⁾ Единный, одинъ.

„Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалитися?

„У меня-ль золота казна не то-
щится,

„Цвѣтно платьице не носится,

„Дружина хоробра не измѣняется.

„А похвастать не похвастать без-
счетной золотой казной:

„На свою безсчетну золоту казну

„Повыкуплю товары Новгородскіе,

„Худые товары и добрые!“

Не успѣлъ онъ слова вымолвить,

Какъ настоятели Новгородскіе

Ударили о великъ закладъ,

О безсчетной золотой казны

О денежкахъ тридцати тысячахъ:

Какъ повыкупить Садку товары Но-
вгородскіе,

Худые товары и добрые,

Чтобъ въ Невѣ-градѣ товаровъ въ
продажѣ болѣе не было.

Ставалъ Садко на другой день ра-
нымъ ранѣмъ,

Будилъ свою дружину хоробрую,

Безъ счета давалъ золотой казны,

И распущалъ дружину по улицамъ
торговнымъ,

А самъ-то прямо шель въ гостинный
рядъ,

Какъ повыкупилъ товары Нового-
родскіе,

Худые товары и добрые

На свою безсчетну золоту казну.

На другой день ставалъ Садко ра-
нымъ рано,

Будилъ свою дружину хоробрую,

Безъ счета давалъ золотой казны,

И распущалъ дружину по улицамъ
торговнымъ,

А самъ-то прямо шель въ гостинный
рядъ:

Вдвойнѣ товаровъ привезено,

Вдвойнѣ товаровъ принаполнено

На тую на славу на великую Но-
вгородскую.

Опять выкупалъ товары Новгород-
скіе,

Худые товары и добрые

На свою безсчетну золоту казну.

На третій день ставалъ Садко ра-
нымъ рано,

Будилъ свою дружину хоробрую,

Безъ счета давалъ золотой казны,

И распущалъ дружину по улицамъ
торговнымъ,

А самъ-то прямо шель въ гости-
нный рядъ:

Втройнѣ товаровъ привезено,

Втройнѣ товаровъ принаполнено,

Подоспѣли товары Московскіе

На ту на великую на славу Нов-
городскую.

Какъ тутъ Садко пораздумался:

„Не выкупить товара со всего бѣла
свѣта:

„Още повыкуплю товары Московскіе,

„Подоспѣютъ товары заморскіе.

„Не я, видно, купецъ, богатъ Но-
вгородскій, —

„Побогачеменя славный Новгородъ.“

Отдавалъ онъ настоятелямъ Новго-
родскімъ

Денежекъ онъ тридцать тысячъ.

На свою безсчетну золоту казну

Построилъ Садко тридцать караблей,

Тридцать кораблей, тридцать чер-
ленныхъ;

На ты на корабли на черленые

Свалилъ товары Новгородскіе,

Поѣхалъ Садко по Волхову,

Со Волхова во Ладожско,

А со Ладожска во Неву рѣку,

А со Невы рѣки во сине море.

Какъ поѣхалъ онъ по сию морю,

Воротилъ онъ въ золоту орду,
 Продавалъ товары Новгородскіе,
 Получалъ барыши великіе,
 Насыпалъ бочки сороковки красна
 золота, чиста серебра,
 Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
 Поѣзжалъ онъ по синю морю.
 На синемъ морѣ сходилась погода

сильная,

Застоялись черлены корабли на си-
 немъ морѣ:

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
 Ломаеть кораблики черленые;

А корабли нейдуть съ мѣста на
 синемъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый
 гость

Ко своей дружины ко хоробрый:

„Ай же ты, дружинуска хоробрая!

„Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
 „А морскому царю дави не плачи-

вали:

„Видно, царь морской отъ насъ
 дани требуетъ,

„Требуетъ дани во сине море.

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!

„Взимайте бочку сороковку чиста
 серебра,

„Спускайте бочку во сине море“.

Дружина его хоробрая

Взимала бочку чиста серебра,

Спускали бочку во сине море:

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
 Ломаеть корабли черленые;

А корабли нейдуть съ мѣста на
 синемъ морѣ.

Тутъ его дружина хоробрая

Брали бочку сороковку красна зо-
 лота,

Спускали бочку во сине море:

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
 Ломаеть кораблики черленые;

А корабли все нейдуть съ мѣста
 на синемъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Видно, царь морской требуетъ

„Живой головы во сине море.

„Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,

„Я самъ сдѣлаю на красномъ на
 золотѣ,

„Всякъ свои имена подписывайте,

„Спускайте жеребья на сине море:

„Чей жеребей ко дну пойдетъ,

„Таковому итти въ сине море“.

Дѣлали жеребья вольжаны,

А самъ Садко дѣлалъ на красномъ
 на золотѣ,

Всякъ свое имя подписывалъ,

Спускали жеребья на сине море.

Какъ у всей дружины хоробрый

Жеребья гоголемъ по воды плвуть,

А у Садка куца ключемъ на дно ¹⁾

Говорить Садко купецъ, богатый
 гость:

„Ай же, братцы, дружина хоробрая,

„Этыя жеребья не правильны:

„Дѣлайте жеребья на красномъ на
 золотѣ,

„А я дѣлаю жеребей вольжанный“.

Дѣлали жеребья на красномъ на
 золотѣ,

А самъ Садко дѣлалъ жеребей воль-
 жанный,

Всякъ свое имя подписывалъ,

Спускали жеребья на сине море:

Какъ у всей дружины хоробрый —

Жеребья гоголемъ по воды плвуть.

А у Садка куца ключемъ на дно.

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . .

¹⁾ Должно быть на оборотъ: Садковъ жере-
 бій по водѣ плыветь, жеребья дружины канули
 на дно.

Вариантъ:

«А и рѣжьте жеребья вы вольжаны,

Говорить Садко купецъ, богатый
гость:

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!

„Видно, царь морской требуетъ

„Самого Садко богатаго въ синем
море.

„Несите мою чернилицу вальяжную,

„Перо лебединое, листъ бумаги
(гербовый)“.

Несли ему чернилицу вальяжную,

Перо лебединое, листъ бумаги (гер-
бовый).

Онъ сталъ имѣннице описывать;

Кое имѣнье отписывалъ Божиимъ
церквамъ,

Иное имѣнье нищей братіи,

Иное имѣнье молодой жены,

Остатнее имѣнье дружины хоробрая.

Говорилъ Садко купецъ, богатый
гость:

„Ай же, братцы, дружина хороб-
рая!

„Давайте мнѣ гуселки яровчаты,

„Поиграть-то мнѣ въ остатнее:

„Больше мнѣ въ гуселки не игра-
вати.

„Али взять мнѣ гусли съ собой во
синем море?“

Взимаютъ онъ гуселки яровчаты,

Самъ говоритъ таковы слова:

«А и всякъ-то пиши на имена,
«И бросайте вы ихъ на синем море.»

Садко покинулъ хмѣлево перо,
И на немъ то подпись подписана,

А и самъ Садко приговариваетъ...

«Которые бы по веру (по)плывутъ,

«А и тѣ бы душеньки правныя:

«Что которые-то въ морѣ тонуть,

«А мы тѣхъ спихнемъ во синем море.»

А всѣ жеребья по морю плывутъ,

Кабы яры гоголи по заводямъ;

Единъ жеребій во морѣ тонеть

Во морѣ тонеть хмѣлево перо
Самаго Садки, гостя богатаго.

Кирша. 234—235.

„Свалите дощечку дубовую на воду:

„Хоть я свалюсь на доску дубовую,

„Не толь ¹⁾ мнѣ страшно принять
смерть на синемъ морѣ.“

Свалили дощечку дубовую на воду,

Потомъ поѣзжали корабли по синю
морею,

Полетѣли, какъ черныя вороны,

Остался Садко на синемъ морѣ.

Со тоя со страсти со великія

Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.

Проснулся Садко во синемъ морѣ.

Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.

Сквозь воду увидѣлъ пегучисъ кра-
сное солнышко,

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Увидѣлъ Садко,—во синемъ морѣ

Стоять палата бѣлокаменная,

Заходилъ Садко въ палату бѣло-
каменную:

Сидитъ во палатѣ царь морской,

Голова у царя, какъ куча сѣнная.

Говоритъ царь таковы слова:

— Ай же ты, Садко купецъ, бо-
гатый гость!

— Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзжи-
валъ,

— Мнѣ царю дани не плачивалъ,

— А нонь весь пришелъ ко мнѣ
во подарочкахъ.

— Скажутъ, ²⁾ мастеръ играть въ
гуселки яровчаты.—

Какъ началъ играть Садко въ гу-
селки яровчаты,

Какъ началъ плясать царь морской
во синемъ морѣ,

Какъ распляслся царь морской.

Игралъ Садко сутки, игралъ и
другіе,

¹⁾ Не такъ.

²⁾ Сказываютъ.

- Да игралъ ещё Садко и третій,
А все пляшетъ царь морской во
    синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смути-
    лася,
Стало разбивать много кораблей на
    синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣнницевъ,
Стало много тонуть людей правед-
    ныхъ:
Какъ сталъ народъ молиться Ми-
    колы Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во
    правое:
— Ай же ты, Садко Новгород-
    ский!
— Полно играть въ гусельшки
    яровчаты! —
Обернулся—глядитъ Садко Ново-
    городский:
Ажно стоитъ старивъ сѣдатый.
Говорилъ Садко Новгородский:
„У меня воля не своя во синемъ
    морѣ,
„Приказано играть въ гуселки
    яровчаты“.
Говоритъ старивъ таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
— А ты шпенечки повыломай.
— Скажи: у меня струночекъ не
    случилось,
— „А шпенечковъ не пригодился,
— „Не во что больше играть:
— „Приломались гуселки яровча-
    ты.“
— Скажетъ тебѣ царь морской:
— „Не хочешь-ли жениться во си-
    немъ морѣ
— „На душечкѣ на красныя дѣ-
    вушкѣ?“
— Говори ему таковы слова:
- „У меня воля не своя во си-
    немъ морѣ.“
— Опять скажетъ царь морской:
— „Ну, Садко, вставай поутру ра-
    нешенько,
— „Выбирай себѣ дѣвицу краса-
    вицу.“
— Какъ станешь выбирать дѣвицу
    красавицу,
— Такъ перво триста дѣвиць про-
    пусти,
— И друго триста дѣвиць пропусти,
— И третье триста дѣвиць про-
    пусти:
— Позади идетъ дѣвица красавица,
— Красавица дѣвица Чернавушка,
— Бери тую Чернаву за себя за-
    мужь...
— Будешь, Садко, во Новѣ-градѣ,
— А на свою безсчетну золоту казну
— Построй церковь соборную Ми-
    колы Можайскому. —
Садко струночки во гуселкахъ по-
    выдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыло-
    малъ.
Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садко Новгородский!
— Что же не играешь въ гуселки
    яровчаты? —
„У меня струночки во гуселкахъ
    выдернулись,
„А шпенечки во яровчатыхъ повы-
    ломались:
„А струночекъ запасныхъ не слу-
    чилось,
„А шпенечковъ не пригодилось.“
Говоритъ царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во си-
    немъ морѣ
— На душечкѣ на красныя дѣву-
    шкѣ? —

Говорить ему Садко Новгородский:
„У меня воля не своя во синемъ
морѣ.“

Опять говоритъ царь морской:

— Ну Садко, вставай по утру ранешенько,

— Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.—

Вставалъ Садко по утру ранешенько.

Поглядитъ, идетъ триста дѣвушекъ
красныхъ:

Онъ перво триста дѣвицъ пропу-
стилъ,

И друго триста дѣвицъ пропустилъ,

И третье триста дѣвицъ пропустилъ;

Позади шла дѣвица красавица,

Красавица дѣвица Чернавушка:

Бралъ тую Чернаву за себя за
мужъ...

Какъ проснулся Садко во Новѣ-
градѣ,

О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;

Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ

Свои черленые корабли по Волхову.

Поминаетъ жена Садко со дружи-
ной во синемъ морѣ:

— Не бывать Садку со синя моря! —

А дружина поминаетъ одного Садка:

— Остался Садко во синемъ морѣ! —

А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,

Встрѣчаетъ свою дружинишку со
Волхова.

Тутъ его ли дружина сдивовалася:

— Остался Садко во синемъ морѣ,

— Очутился впереди насъ во Новѣ-
градѣ,

— Встрѣчаетъ дружину со Вол-
хова!“

Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую

И повель въ палаты бѣлокаменны.

Тутъ его жена зрадовалася,

Брала Садка за бѣлы руки,

Цѣловала во уста во сахарніа

Началъ Садко выгружать со черле-
ныхъ со кораблей

Имѣннице — безчетну золоту казну.

Какъ повыгрузилъ со черленныхъ
кораблей,

Состроилъ церкву соборную Миколы
Можайскому.

Не сталъ больше ѣздить Садко на
сине море,

Сталъ поживать Садко во Новѣ-
градѣ.

Рыб. I, 370 — 380.

(Записана въ пудожск. у. олоонецк. г.).

2. Василій Буслаевъ.

а. Похожденія Василья въ Новгородѣ.

Во славномъ Великомъ Новѣградѣ.

А и жилъ Буслай до девяности лѣтъ;

Съ Новымъ-городомъ жилъ не пе-
речился,

Со муживи Новгородскими

Пеперегъ словечка не говаривалъ.

Живучи Буслай состарѣлся,

Состарѣлся и переставился —

Послѣ его вѣку долгаго

Оставалося его житье-бытье

И все имѣніе дворянское;

Осталася матера вдова,

Матера Амелеа Тимофеевна,

И оставалося чадо милое

Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.

Будетъ Василья семи годовъ,

Отдавала матушка родимая,

Матера вдова Амелеа Тимофеевна,

Учить его во грамотѣ, —

А грамота ему въ наукъ пошла;

Присадила перомъ его писать, —

Письмо Василью въ наукъ пошло;

Отдавала пѣтью учить церковному, —

Пѣтье Василью въ наукъ пошло.

А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,

Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева.
Поводился вѣдь Васьва Буславичъ
Со пьяницы, съ безумицы,
Съ веселыми удалыми добрыми мо-

лодцы,
До пьяна ужъ сталъ напиватися, —
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
То... ногу выломить;
Котораго хватить поперегъ хребта.
Тотъ кричить, реветъ, окарачь пол-

зеть.
Пошла-то жалоба великая; —
А и мужики Новгородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить бра-
нить,
Журить бранить, его на умъ учить, —
Журьба Васькѣ не влюбилася, ¹⁾

¹⁾ Вариантъ:

Жилъ Буславюшка — не старился,
Живучисъ Буславюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо роженое,
Молодой Васильюшка Буславьевичъ.
Сталъ Васильюшка на улочку похаживать,
Не легкія шуточки почувывать:
За руку возьметъ — рука прочь,
За ногу возьметъ — нога прочь;
А котораго ударить по горбу,
Тотъ пойдетъ — самъ сугулится.
И говорятъ мужики Новгородскіе:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
«Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
«Наквасити рѣка будетъ Волхова.»
Идетъ Василій въ (съ) широкія улочки,
Не веселъ домой идетъ, не радощевъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чадо роженое.
— Молодой Васильюшка Буславичъ!
— Что идешь не веселъ, не радощевъ?

Пошелъ онъ Васька во высокъ те-
режь,
Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хочетъ пить и ѣсть изъ го-
товаго,
„Валися къ Васькѣ на широкой
дворъ, —
„Тотъ пей и ѣшь готовое
„И носи платье разноцвѣтное.“
Разсыпалъ тѣ ярлыки со слугой
своимъ ²⁾

На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
(Въ тоже время) поставилъ Васька
чанъ среди двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину;
Въ началѣ былъ Костя Новотор-
женинъ,
Пришелъ онъ Костя на широкой
дворъ,

Василій тутъ его оиробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,

— Кто же ты на улущкѣ ириобидѣлъ?
«А никто меня на улущкѣ не обидѣлъ.
«Я кого возму за руку — рука прочь,
«За ногу кого возму — нога прочь,
«А котораго ударю по горбу,
«Тотъ пойдетъ — самъ сугулится.
«А говорили мужики Новгородскіе,
«Что мнѣ съ эстою удачей молодецкою
«Наквасити рѣка будетъ Волхова.»
И говоритъ мать таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
— Прибрайка собѣ дружину хоробрую,
— Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ. —
Рибн., 1, 335 — 336.

²⁾ Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.
Р. 1, 336.

Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ, —

А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,

Строить тутъ Костя не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не трясутся,

Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
Рыбн., I 335 — 336.

„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!

„А и будь ты мнѣ названой братъ,

„И пале мнѣ брата родинаго.“

А и мало время позамѣкавши,

Пришли два брата боярченва,

Лука и Моисей, дѣти боярскіе,

Пришли ко Васькѣ на пировой дворъ.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ

Тѣмъ молодцамъ сталъ радошень и веселеменець.

Пришли тутъ мужики Залешена,

И не сибѣль Василій показатися къ нимъ.

Еще тутъ пришло семь братьовъ Сбродовичи —

Собиралися, сходилися

Тридцать молодцовъ безъ единаго,

Онъ самъ Василій тридцатой сталъ; —

Какой зайдетъ, убьютъ его,

Убьютъ его за ворота бросать.

Послышалъ Васинька Буслаевичъ

У мужиковъ Новгородскіихъ

Кануъ варень, пива ячнныя,

Пошелъ Василій со дружиною;

Пришелъ во братчину Никольщину:

„Не малу мы тебѣ сыпъ платимъ, —

„За всякаго брата по пяти рублевъ.“ —

А за себя Василій даетъ вятдесять рубасвъ;

А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину;

А и зачали они тутъ кануъ варень пить,

А и тѣ-то пива ячнныя.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ

Бросился на царевъ кабакъ,

Со своею дружиною хороброю;

Напилися они туто зелена вина,

И пришли во братчину въ Никольщину.

А и будетъ дець ко вечеру:

Отъ малаго до стараго,

Начали ужъ ребята боротися;

А въ иномъ кругу въ кулаки битися,

Отъ тое борьбы отъ ребячія,

Отъ того бою отъ кулачнаго,

Началася драва великая;

Молодой Василій сталъ драку разнимать,

А иной ¹⁾ дуракъ зацошь съ носка,

Его по уху оплелъ;

А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ

„Гой еси ты Костя Новоторженинъ,

„И Лука, Моисей. дѣти боярскіе!

„Уже Ваську меня бьютъ.“

Поскакали удали добры молодцы,

Скоро они улицу очистили,

Прибили уже много до смерти,

Вдвое, втрое перековеркали,

Рука, ноги переломали, —

Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе,

Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:

„Гой еси вы, мужики Новгородскіе!

„Бьюсь съ вами о великъ закладъ,

„Напущаюсь я на весь Новгородъ

„Битися, дратися,

„Со всею дружиною хороброю;

¹⁾ Пной-одинъ.

„Тако ¹⁾ вы меня съ дружиною
побьете Новымъ городомъ,

„Буду вамъ платить дани, выходы
по смерть свою,

„На всякой годъ по три тысячи;

„А буде же я васъ побью,

„И вы мнѣ покоритесь, —

„То вамъ платить мнѣ такову же
дань.“

И въ томъ-то договорѣ руки они
подписали.

Началась у нихъ драка-бой вели-
кая, —

А мужики Новгородскіе,

И всѣ купцы богатые,

Всѣ они вѣстѣ сходились,

На млада Васютку напущались,

И дерутся они день до вечера, —

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,

Со своею дружиною хораброу,

Прибила они во Новѣгородѣ

Прибила уже много до смерти;

А и мужики Новгородскіе догада-
лись,

Пошли они съ дорогими подарки,

Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимо-
феевѣ.

— Матера вдова Амелеа Тимофеевна!

— Прими у насъ дороги подарочки,

— Уйми свое чадо милое

— Василья Буслаевича. —

Матера вдова Амелеа Тимофеевна

Принимала у нихъ дороги подарочки,

Посылала дѣвущку черनावушку,

По того Василья Буслаева.

Прибѣжала дѣвущка черनावушка.

Сохватила Ваську во бѣлы руки,

Потащила къ матушкѣ родимыя,

Притащила Ваську на широкій дворъ,

А и та старуха неразмышлена,

Посадила въ погреба глубокіе

Молода Василья Буслаева,

Затворяла дверьми желѣзными,

Запирала замки булатными. —

А его дружина хорабрая

Со тѣми мужики Новгородскими

Дерутся, бьются день до вечера;

А и та-то дѣвущка черनावушка

На Волхъ рѣку ходила по воду,

А взмолятся ей тутъ добры молодцы:

— Гой еси ты, дѣвущка черनावушка!

— Не подай ¹⁾ насъ у дѣла уратнаго,

— У того часа смертнаго. —

И тутъ дѣвущка черनावушка

Бросала она ведро кленовое,

Брала коромысло кипарисово,

Коромысломъ тѣмъ стала она по-
махивати

По тѣмъ мужикамъ Новгород-
скимъ, —

Прибила ужъ много до смерти,

И тутъ дѣвка запыхалася,

Побѣжала ко Василью Буслаеву,

Срывала замки булатные,

Отворяла двери желѣзныя:

— А и спишъ ли Василій, или такъ
лежишъ?

— Твою дружину хорабрую

— Мужики Новгородскіе

— Всѣхъ прибила, переранила,

— Булавами буйны головы пробива-
ваны. —

Ото сна Василій пробуждается,

Онъ выскочалъ на широкой дворъ, —

Не понала палица желѣзная,

Что понала ему ось телѣжная,

Побѣжалъ Василій по Новгороду,

По тѣмъ по широкимъ улицамъ;

Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,

На могучихъ плечахъ держитъ ко-
локоль,

¹⁾ Тако—если, буде.

¹⁾ Не оставь.

А въсомъ тотъ колоколь во триста
пудъ,

Бричить тотъ старецъ Пилигримища:

— А стой ты, Васька! не попорхивай,

— Молодой глудыр не полетывай,—

— Изъ Волхова воды не выпити,

— Во Новѣгородѣ людей не выбити;

— Есть молодцовъ сопотивъ тебя,

— Стоимъ мы молодцы, не хва-
стаемъ. —

Говорилъ Василій таково слово:

„А и гой еси, старецъ Пилигримища!

„А и бился я о великъ закладъ

„Со мужики Новгородскими,

„Опричь почестнаго монастыря,

„Опричь тебя, старца Пилигримища,

„Во задоръ войду—тебя убью.“

Ударилъ онъ старца во колоколь

А и той-то осью телѣжною, —

Качается старецъ не шевелится;

Заглянулъ онъ Василій старца подъ
колоколомъ,

А и во лбѣ глазъ—ужъ въку нѣту.

Попелъ Василій по Волхъ рѣкѣ,

А идетъ Василій по Волхъ рѣкѣ,

По той Волховой по улицѣ;

Завидѣли добрые молодцы,

А его дружина хорабрая,

Молода Василья Буслаева. —

У ясныхъ соколовъ крылья отросли,

У нихъ-то молодцовъ думушки при-
было,

Молодой Василій Буслаевичъ,

Пришелъ - то молодцамъ на вы-
ручку, —

Со тѣми мужьями Новгородскими

Онъ дерется, бьется день до вечера;

А ужъ мужьями покорилися,

Покорилися и помирилися—

Понесли они записи крѣпкія

Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимо-
еєевнѣ;

Насыпали чашу чистаго серебра,

А другую чашу краснаго золота,

Пришли ко двору дворянскому,

Бьютъ челомъ, поклоняются:

— Осударья матушка,

— Принимай ты дороги подарочки,

— А уйми свое чадо милое,

— Молода Василья со дружиною;

— А и ради мы платить

— На всякой годъ по три тысячи,

— На всякой годъ будемъ тебѣ но-
сить:

— Съ хлѣбниковъ по хлѣбнику,

— Съ калачниковъ по калачику,

— Съ молодежи повѣчное,

— Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,

— Опричь поповъ и дьяконовъ. —

Втапоры матера вдова

Амелѣ Тимоєевна

Посылала дѣвушку чернавушку

Привести Василья со дружиною;

Пошла та дѣвушка чернавушка,

Вѣжавши та дѣвка запыхалася,

Не лзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,

Что полтеи по улицѣ валяются

Тѣхъ мужиковъ Новгородскихъ.

Прибѣжала дѣвушка чернавушка,

Сохратила Василья за бѣлы руки,

А стала ему рассказывать:

— Мужики пришли Новгородскіе,

— Принесли они дороги подарочки,

— И принесли записки заручныя

— Ко твоей сударинѣ матушкѣ,

— Къ матерой вдовѣ Амелѣ Ти-
моєевнѣ. —

Повела дѣвка Василья со дружиною

На тотъ на широкой дворъ,

Привела-то ихъ къ зелену вину;

А сѣли онѣ молодцы во единый кругъ,

Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,

Со того уразу молодецкаго

Отъ мужиковъ Новгородскихъ;

Вскричать тутъ ребята зычнымъ го-
лосомъ:

— У мота и у пьяницы,
— У млада Васютки Буслаевича,
— Неушито, неуѣдено,
— Вкраснѣ хорошо нухожено,
— А цвѣтнаго платья не уношено,
— А увѣчы на вѣкъ залѣзено. —
И повель ихъ Василій обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимо-
еевнѣ.

Втапоры мужики Новгородскіе
Приносили Василью подарочки,
Вдругъ сто тысячей, —
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла:
А и мужики Новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

Кирша, 47—57.

б) Василій Буслаевъ молиться
вдидль.

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-
городомъ,
По славному озеру по Ильменю
Плаваецъ, поплаваецъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваецъ;
А плаваецъ, поплаваецъ червленъ
корабль
Какъ бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дру-
жиною хораброю,
Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держить,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василій-то по кораблю похажи-
ваецъ,
Таковы слова поговариваецъ:
„Свѣтъ, моя дружина хорабрая,
„Тридцать удалыхъ добрыхъ молод-
цовъ!
„Ставьте корабль поперегъ Ильменя,

„Приставайте, молодцы, ко Нову-
городу.“

А и тычками къ берегу притыкались,
Сходни бросали на крутой бережокъ,
Походила тутъ Василій ко своему
онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинуска хо-
рабрая;

Только караулы оставили.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударинѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоеевнѣ,
Какъ вьюкъ около ее убиваецся,¹⁾
Просить благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя судариня ма-
тушка,
„Матера вдова Амелеа Тимоеевна!
„Дай мнѣ благословеніе великое,
„Иди мнѣ Василью въ Ерусалимъ
градъ,

„Со всею дружиною хораброю
„Мнѣ-ко Господу помолитися,
„Святой святинѣ приложитися,
„Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.“
Что вгговорить матера вдова,
Матера Амелеа Тимоеевна:
— Гой еси ты, мое чадо милое,
— Молодой Василій Буслаевичъ!
— То коли ты пойдеши на добрыхъ
дѣла,
— Тебѣ дамъ благословеніе великое;
— То коли ты, дитя, на разбой
пойдеши,
— И не дамъ благословенія великаго,
— А и не носи Василья сыра земля. —
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару разтопляется,
Материно сердце разшучается:
И даетъ она много свинцу, пороху,

¹⁾ Около нея убиваецся.

И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружіе долготѣрное:
— Побереги ты, Василій, буйну го-
лову свою. —

Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильмену:
Бѣгутъ они ужь сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую, —
Встрѣчу имъ гости корабельщичьи:
— Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
— Куда молодець поизволилъ погу-
ляти? —

Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости корабельщичьи!
„А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
„Съ молоду бито много, граблено,
„Подъ старость надо дума спасти.
„А скажите вы, молодцы, мнѣ пря-
маго путя
„Ко святому граду Іерусалиму.“
Отвѣчаютъ ему гости корабельщичьи:
— А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
— Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ
градъ
— Бѣжать семь недѣль,
— А окольной дорогою полтора
года. —

На прямомъ пути, по словамъ ко-
рабельщичковъ, „стоитъ застава крѣп-
кая, стоятъ атаманы козачіе... грабятъ
бусы, галеры.“ — А не вѣрую я, Ва-
синька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и
вѣрую въ свой червеной вязъ, — ска-
залъ Василій и велѣлъ бѣжать прямымъ
путемъ. На горѣ Сорочинской нашель
пустую голову и пнулъ ее съ дороги
прочь. „Провѣщитесь пуста голова че-
ловѣческая... гдѣ лежитъ пуста голова...
лежать будетъ головѣ Васильевой. —
Плюнуль Василій, прочь пошелъ.“ По-
бѣжали по морю Каспійскому на за-

ставу корабельную. На пристани сто-
яли „козаки разбойники.“ Скочилъ Ва-
силій на берегъ, червенымъ вязомъ
подпирается; разбойники перенугались
и побѣжали съ пристани; атаманы про-
сили его „за единый столъ хлѣба ку-
шати,“ но Василій разспросилъ только
о прямомъ пути въ Іерусалимъ, взялъ
подарки и провозатаго и отправился
дальше.

Будутъ они во Ерданъ рѣкъ, —
Бросали якоря крѣпкіе,
Сходни бросали на кругъ бережокъ;
Походилъ тутъ Василій Буслае-
вичъ,

Со своею дружиною хораброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборную;
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буславьевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни
съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, —
Что съ молоду бито много, граб-
лено,

И ко святой святынѣ приложился
онъ,
И въ Ерданѣ рѣкъ искупался.
И расплатился Василій съ попами
и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви жи-
вуть,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походить Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ
корабль:

Втапору его дружина хорабрая
Купались во Ерданѣ рѣкъ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:

— Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?

— А не кому купатися, опричь Василья Буславьевича.—

— Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Исусъ Христосъ;

— Потерять его вамъ будетъ большаго шаго

— Атамана Василья Буславевича.—

И они говорятъ таково слово:

„Нашъ Василій тому не вѣруеть ни въ сонъ, ни въ чохъ.“

И мало время повзойдучи,

Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,

Приказалъ выводить корабль

Изъ устья Ерданъ рѣки;

Подняли тонки паруса полотняны...

А и ѣдутъ недѣлю споряду,

А и ѣдутъ уже другую;

И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую,

Захотѣлось Василью на горѣ побывать, —

Приставали къ той Сорочинской горѣ,

Сходни бросали на ту гору.

Пошелъ Василій со дружиною

И будетъ онъ въ полъ-горы,

И на пути лежитъ пуста голова, чловѣчья кость,

Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;

Провѣщитя пуста голова:

— Гой еси ты, Василій Буславевич!

— Къ чему меня голову пощиваешь,

— И къ чему побрасываешь?

— Я, молодець, не хуже тебя былъ,

— Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;

— Гдѣ лежатъ пуста голова,

— Лежатъ будетъ и Василевой голова. —

Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.

Взошелъ на гору высокую,

На ту гору Сорочинскую,

Гдѣ стоятъ высокой камень,

Въ вышину три сажени печатныя,

И черезъ его только топоромъ по-
дать,

Въ долину три аршина съ четвертью;

И въ (на) томъ-то подпись подписана:

А кто-де у камня станеть тѣшиться,

А и тѣшиться, забавлятися,

Вдоль скакать по камению,

Сломить будетъ буйну голову.

Василій тому не вѣруеть;

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,

Поперегъ камению поскакивати;

Захотѣлось Василью вдоль скакать,

Разбѣжался, скочилъ вдоль по камению,

И не доскочилъ только четверти,

И тутъ убился подъ каменемъ.

Гдѣ лежитъ пуста голова,

Тамъ Василья схоронили.

Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы

На свой червленъ корабль,

Подымали тонки парусы полотняные,

Побѣжали ко Новугороду;

И будутъ у Новугорода,

Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,

Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.

Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣѣ Тимсеевнѣ,

Прошли и поклонилися,

Всѣ письмо въ руки подали,

Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,

Говорила таковы слова:

— Гой вы еси, удалы добры молодцы!

— У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;

— Подите въ подвалы глубокіе,

— Берите золотой казны не считаючи. —

Повела ихъ дѣвушка чернавушка

Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,

Брали они казны по малу числу;

Пришли они къ матерой вдовѣ,

Взговорили таковы слова:

„Спасибо, матушка Амелѣа Тимоеевна!

„Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ.“

Втапору матера вдова Амелѣа Тимоеевна

Приказала наливать по чарѣ зелена вина.

Подносить дѣвушка чернавушка

Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;

А и вышли они, сами поклонилися,

И пошли добры молодцы,

Кому куда захотѣлося.

Карша, 114—122.

3. Терентій мужъ Данильевичъ.

Жиль-быль Терентій мужъ,

Жиль-быль Данильевичъ.

У него сдѣлалась незгода великая:

Сдѣлалась жена трудна-больна,

Трудна-больна, очень немочна.

И спустился недугъ въ буйну голову,

А съ буйной головы . . . . .

. . . . . до колѣнъ и далѣе.

Говорить Терентью жена:

„Ай же ты, Терентій мужъ,

„Ай же ты, Данильевичъ!

„Пооди, сходи найной ¹⁾ городъ,

„Поиди молодыхъ скомороховъ,

„Молодцовъ поученныхъ.

„Чтобы меня молоду вылечили,

„Чтобы меня молоду выпользовали.“

Пошелъ бѣдный Терентій мужъ,

Пошелъ бѣдный Данильевичъ

На чужу дальну сторону

Искать молодыхъ скомороховъ,

Молодцовъ поученныхъ.

Прoшедши онъ Орѣховецъ,

А не дошедши до Онтоновца,

На мосту на Калиновомъ,

У креста Леванидова,

Стрѣтились молодые скоморохи,

Молодцы поученные,

И сами говорятъ таково слово:

„Здравствуй, Терентій мужъ,

„Здравствуй, Данильевичъ?

„Ты куда пошелъ,

„Куда путь держишь?“

— А ей же вы, братцы,

— Молодые скоморохи!

— У меня сдѣлалась дома незгода великая.

— Сдѣлалась жена трудна-больна,

— Трудна-больна, очень немочна:

— Спустился у ней недугъ въ буйну голову,

— А съ буйной головы... и далѣе.

— А вы бы, добры молодцы,

— Выпользовали и вылѣчили! —

Они говорятъ таково слово:

„Ай же ты, Терентій мужъ,

„Ай же ты, Данильевичъ!

„Сходи во Холстинской ¹⁾ рядъ,

„Купи Холстинской мѣхъ.“

Тутъ-то Терентій мужъ

Скоро скочилъ во Холстинской рядъ,

Купилъ Холстинской мѣхъ,

Привосилъ ивъ Холстинской мѣхъ.

¹⁾ На мной.

¹⁾ Голстинскій. Р.

Взяли-посадили мужа Терентья
 Во Холстинской мѣхъ,
 Понесли Терентья мужа
 Къ Терентьевой жены подъ окно;
 Они просятъ и колотятся:
 „Ай ты, Терентьева жена!
 „Дома-ль Терентій мужъ,
 „Дома-ль Данильевичъ?“
 А Терентьева жена
 Кидалась въ окошечко
 Въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса:
 —Здравствуйте, молодые скоморохи!
 —Не слышали ли и не видали ли
 —Терентья мужа?—
 „Ай же ты, Терентьева жена!
 „Нѣту Терентья мужа жива,
 „Лежить буйной головой во раки-
 товъ кустъ,
 „А рѣзвыми ножками во кувылъ
 травы,
 „Сквозь бѣло тѣло трава проросла,
 „И цвѣты разцвѣли.....
 „Ай же ты, Терентьева жена!
 „Пусти насъ въ свой высокъ теремъ
 „Въ гуселки поиграть,
 „Станемъ Терентья поминать.“
 Говорить Терентьева жена:
 —А же вы, молодые скоморохи,
 —Молодцы поученные!
 —Подите во высокъ теремъ
 —И играйте во гуселышка,
 —Поминайте Терентьюшка. —
 Тутъ молодцы поученные
 Скоро скочили во высокъ теремъ,
 Они Богу помолилися,
 На всѣ стороны поклонилися.
 Терентьевой жены въ особину:
 „Здравствуй, Терентьева жена!
 „Пусти въ гуселышка поиграть
 „И Терентья поминать.“
 Говорить Терентьева жена:
 —Играйте, молодцы поученные,

— Во гуселышка яровчаты
 — И поминайте Терентья постылаго,
 — Постылаго Терентья и супоста-
 таго. —

Они стали во гуселышка поигрывать
 И въ мѣшку приговаривать:
 „Слышиш-ли, Холстинской мѣхъ?
 „Тебя не позаочь бранять,
 „А въ очи говорить.“
 Тутъ Терентій мужъ
 Выскочилъ съ мѣшка Холстинскаго,
 И хватилъ гирю безмѣнную.
 Стальъ молоду жену окладывать
 И недуговъ выправливать...

Рыб. III, 251 — 254.

(Записана въ пудожск. у. олонек. г.).

Отчего перевелись богатыри на свя- той Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать ва бой силу небесную:

„Не намахалися наши могутныя плечи,
 „Не уходилися наши добрые кони,
 „Не пригнулися мечи наши булатные!“
 И говорилъ Алеша Поповичъ младъ:
 „Подавай намъ силу не здѣшную—
 „Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
 Какъ промолвилъ онъ слово перазумное,
 Такъ и явились двое вонтелей,
 И крикнули они громкимъ голосомъ:
 „А давайте съ нами, витязи, бой дер-
 жать—

„Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.“
 Не узнали витязи вонтелей.
 Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
 Поднялъ онъ коня борзаго.
 Налетѣлъ на вонтелей
 И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало четверо—и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало восьмеро—и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:

Стало вдвое болѣе и живы всѣ.
 Бросились на силу всѣ витязи:
 Стали они силу колоть—рубить...
 А сила все растеть—да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ...
 Близь витязи три дня, три часа, три
 минуточки,
 Намахалися ихъ плечи могутныя,
 Уходилися кони ихъ добрые,
 Притупилися мечи ихъ булатные...
 А сила все растеть, да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ...

Испугались могучіе витязи:
 Побѣжали въ каменные горы въ темныя
 пещеры...
 Какъ подбѣжить витязь къ горѣ, такъ
 и окаменѣть;
 Какъ подбѣжить другой, такъ и окаме-
 нѣть;
 Какъ подбѣжить третій, такъ и окаме-
 нѣть,
 Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи
 на святой руси! —
 О. Миллеръ, Хр. 181 (Изъ С. Отч. за 1856, № 17).

Д. Былины бытовыя (безыменныя).

1. Сватовство.

Дунай Ивановичъ.

Во стольномъ городѣ въ Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра
 Было пированьице почестенъ пиръ
 На многихъ князей на бояръ,
 На могучіихъ на богатырей.
 Красное солнышко на вечерѣ,
 Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
 Испроговорить Владиміръ стольно-
 Кіевской:

„Всѣ на пиру поженены,
 „Одинъ я, князь, не женатый есть.
 „Знаете ль вы про меня княгиню-
 супротивную ¹⁾,
 „Чтобы ростомъ была высокая,
 „Станомъ она становитая,
 „И на лицо она красовитая,
 „Походка у ней часта и рѣчь ба-
 ска ²⁾,
 „И было бы мнѣ князю съ кѣмъ
 жить да быть,

„Дума думати, долгіе вѣки коротати,
 „И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
 „Всѣмъ могучіимъ богатырямъ
 „И всему красному городу Кіеву.
 „Было бы кому поклониться?“
 Всѣ за столомъ призамолкнули;
 Одинъ удалый доброй молодецъ,
 Изъ-по-имени Дунаюшка Ивановичъ,
 Очень онъ шаянъ — не шатается,
 Говоритъ рѣчи — не смѣшается,
 Выходилъ за столика дубоваго,
 Бьетъ челомъ, покланяется:
 — Князь Владиміръ стольно-Кіев-
 ский!
 — Я знаю про то, вѣдаю
 — Про тебя княгиню супротивную:
 — Во той во земли, въ хороброй
 Литвы,
 — У того королевскаго величества,
 — Есть двѣ дочери великія,
 — Обѣ дочери на выдаваньи:
 — Большая дочь Настасья короле-
 вична,
 — Таа дочь все полякуеть;
 — А меньшая дочь все при домѣ
 живетъ,

¹⁾ Ровню мнѣ...

²⁾ Пригожа...

Взяли-посадили мужа Терентья
 Во Холстинской мѣхъ,
 Повесли Терентья мужа
 Къ Терентьевои жены подъ окно;
 Они просятся и колотятся:
 „Ай ты, Терентьева жена!
 „Дома-ль Терентій мужъ,
 „Дома-ль Данильевичъ?“
 А Терентьева жена
 Кидалась въ окошечко
 Въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса:
 —Здравствуйте, молодые скоморохи!
 —Не слыхали ли и не видали ли
 —Терентья мужа?—
 „Ай же ты, Терентьева жена!
 „Нѣту Терентья мужа жива,
 „Лежить буйной головой во раки-
 товъ кусть,
 „А рѣзвыми ножками во кувиль
 травы,
 „Свезозъ бѣло тѣло трава проросла,
 „И цвѣты разцвѣли.....
 „Ай же ты, Терентьева жена!
 „Пусти насъ въ свой высозъ теремъ
 „Въ гуселки поиграть,
 „Станемъ Терентья поминать.“
 Говорить Терентьева жена:
 —А же вы, молодые скоморохи,
 —Молодцы поучение!
 —Подите во высозъ теремъ
 —И играйте во гусельшка,
 —Поминайте Терентьюшка. —
 Тутъ молодцы поучение
 Скоро скочили во высозъ теремъ,
 Они Богу помолилися,
 На всѣ стороны поклонилися.
 Терентьевои жены въ особину:
 „Здравствуй, Терентьева жена!
 „Пусти въ гусельшка поиграть
 „И Терентья поминать.“
 Говорить Терентьева жена:
 —Играйте, молодцы поучение,

— Во гусельшка аровчаты
 — И поминайте Терентья постылаго,
 — Постылаго Терентья и супоста-
 таго. —

Они стали во гусельшка поигрывать
 И въ мѣшку приговаривать:
 „Слышиши-ли, Холстинской мѣхъ?
 „Тебя не позаочъ бранять,
 „А въ очи говорятъ.“
 Тутъ Терентій мужъ
 Выскочилъ съ мѣшка Холстинскаго,
 И хватилъ гирю безмѣнную.
 Сталъ молоду жену окладывать
 И недуговъ выправливать...

Рыб. III, 251 -- 254.

(Записана въ пудожск. у. олонекк. г.).

Отчего перевелись богатыри на свя- той Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу небесную:

„Не намахалися наши могутныя плечи,
 „Не уходилися наши добрыя кони,
 „Не пригнулися мечи наши булатныя!“
 И говорилъ Алеша Поповичъ младъ:
 „Подавай намъ силу не здѣшнюю—
 „Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
 Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
 Такъ и явились двое воетелей,
 И крикнули они громкимъ голосомъ:
 „А давайте съ нами, витязи, бой дер-
 жать—

„Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.“
 Не узнали витязи воетелей.
 Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
 Поднялъ онъ коня борзаго.
 Налетѣлъ на воетелей
 И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало четверо—и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало восьмеро—и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Ильи Муромецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:

Стало вдвое болѣе и живы всѣ.
 Бросились на силу всѣ витязи:
 Стали они силу колоть—рубить...
 А сила все растеть—да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идеть...
 Блились витязи три дня, три часа, три
 минуточек,
 Намахалися ихъ плечи могучныя,
 Уходилися кони ихъ добрые,
 Притупились мечи ихъ булатные...
 А сила все растеть, да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идеть...

Испугалися могучіе витязи:
 Побѣжали въ каменные горы въ темныя
 пещеры...
 Какъ подбѣжить витязь къ горѣ, такъ
 и окаменѣеть;
 Какъ подбѣжить другой, такъ и окаме-
 нѣеть;
 Какъ подбѣжить третій, такъ и окаме-
 нѣеть,
 Съ тѣхъ-то поръ и перевелися витязи
 на святой руси! —
 О. Миллеръ, Хр. 181 (Изъ С. Отеч. за 1836, № 17).

Д. Былины бытовыя (безыменные).

1. Сватовство.

Дунай Ивановичъ.

Во стольномъ городѣ въ Кіевѣ,
 У ласкова князя у Владиміра
 Было пированье почестенъ пиръ
 На многихъ князей на бояръ,
 На могучихъ на богатырей.
 Красное солнышко на вечерѣ,
 Почестенъ пиръ идеть на веселѣ.
 Испроговорить Владиміръ стольно-
 Кіевской:

„Всѣ на пиру поженены,
 „Одинъ я, князь, не женатый есть.
 „Знаете ль вы про меня княгиню-
 супротивную ¹⁾,
 „Чтобы ростомъ была высокая,
 „Станомъ она становитая,
 „И на лицо она красовитая,
 „Походка у ней часта и рѣчь ба-
 ска ²⁾,
 „И было бы мнѣ князю съ кѣмъ
 жить да быть,

„Дума думати, долгіе вѣки коротати,
 „И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
 „Всѣмъ могучимъ богатырямъ
 „И всему красному городу Кіеву.
 „Было бы кому поклоняться?“
 Всѣ за столомъ призамолкнули;
 Одинъ удалый доброй молодець,
 Изъ-по-имени Дунаюшка Ивановичъ,
 Очень онъ пьянъ — не шатается,
 Говорить рѣчи — не смѣшается,
 Выходилъ за столика дубоваго,
 Бьетъ челомъ, поклоняется:
 — Князь Владиміръ стольно-Кіев-
 скій!
 — Я знаю про то, вѣдаю
 — Про тебя княгиню супротивную:
 — Во той во земли, въ хороброй
 Литвы,
 — У того королевскаго величества,
 — Есть двѣ дочери великія,
 — Обѣ дочери на выдаваныи:
 — Большая дочь Настасья короле-
 вична,
 — Тая дочь все полякуеть;
 — А меньшая дочь все при домѣ
 живеть,

¹⁾ Ровню мнѣ...

²⁾ Пригожа...

— Тая есть Опракса королевична:
 — Она ростомъ высокая,
 — Станомъ она становитая,
 — И лицомъ она красовитая,
 — Походка у ней часта и рѣчь

баска,
 — Будеть тебѣ, князю, съ кѣмъ
 жить да быть,
 — Дума думати, долгиѣ вѣки корѣ-

тати,
 — И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боя-

рамъ,
 — Всѣмъ могучимъ богатырямъ
 — И всему красному городу Кіеву
 — Будеть кому повланытися. —

Этыя рѣчи слюбилися;
 Скажетъ князь Владиміръ стольно-
 Кіевскій:

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичь!
 „Возьми ты у меня силы сорокъ
 тысячей,

„Возьми казны десять тысячей,
 „И повѣжай во тую землю, въ хо-
 робру Литву,

„И добрымъ словомъ посватайся:
 „Буде въ честь не дають, такъ ты
 силой возьми,

„А столько привези Опраксу коро-
 левичну.“

Проговоритъ Дунаюшка Ивановичь:
 — Солнышко ты, Владиміръ стольно-
 но-Кіевскій!

— Не надо-ка силы сорокъ тысячей,
 — Не надо казны десяти тысячей;
 — Дай-ка ты мнѣ любимаго това-

риша,
 — Любимаго товарища Добрыню
 Никитича. —

Испроговоритъ князь Владиміръ
 стольно-Кіевскій:

„Ай же ты, Добрынюшка Ники-
 тичичь!

„Пожалуй ты къ Дунаюшеѣ въ то-
 варищи.“

Скоро Добрынюшка понакнулся,
 И скоро оны выѣдутъ со города со
 Кіева,

Скоро сажались на добрыхъ коней;
 Видли добрыхъ молодцевъ сядучихъ,
 Не видли добрыхъ молодцевъ ѣду-
 чихъ:

Быто ясныѣ соколы попурихнули,
 Такъ добрыѣ молодци повѣхали.
 И скоро будутъ во той земли, въ
 хороброй Литвы,

У того королевскаго величества,
 На тотъ дворъ на королевскій,
 Противу самыхъ окошечекъ,

И скоро сходили со добрыхъ коней.
 Проговоритъ Дунаюшка Ивановичь:
 „Ай же ты, Добрынюшка Никити-
 чичь!

„Стой ты у коней, коней паси,
 „А поглядывай на ринду ¹⁾ коро-
 левскую,

„На палату княженецкую:
 „Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя
 позову,

„А каково бы время, такъ приу-
 хать бы.“

А приходитъ къ королевскому ве-
 личеству,
 Знаетъ онъ порядню королевскую,
 Не надо креститься, молитвиться,

Вьетъ челомъ, повланытися:
 „Здравствуй, батюшка, король хо-
 роброй Литвы!“

А оглянется король хороброй Литвы:
 — А прежняя ты слуга, слуга
 вѣрная,

— Жилъ ты у меня ровно три году,

¹⁾ Гдѣ собираются рынды: вѣроятно то
 же, что *ридня*.

— Первый годъ жилъ ты во коню-
хахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чаш-
никахъ,
— А третій годъ жилъ ты во столъ-
никахъ.
— Посажу тебя за ббльшій столъ,
— За ббльшій столъ, въ ббльшю
мѣсто:
— Ъшь, молодець, до сыта
— И пей, молодець, до любви.—
И посадилъ его за ббльшій столъ,
въ ббльшо мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Скажи, скажи, Дунай, не утай
собою,
— Куды ты поѣхалъ, куды путь
держишь?—
„А поѣхалъ я за добрымъ дѣломъ,—
„Засвататься на твоей дочери на
Опраксіа“.
Этыя рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же вы, Татаровья могучіе!
— Возьмите Дуная за бѣлы руки,
— Сведите Дуная во глубокъ погребъ
— И заprite рѣшотками желѣзными,
— Досками дубовыми,
— И засыпьте песками рудожел-
тыма;
— И пусть-ка во Литвы погостить,
— Въ погребу посидить,
— Можесть, Дунай догадается.—
Выставалъ Дунай на рѣзвы ноги
И здымалъ рученьки выше своей
буйной головы,
И опирается на рученьки о столы
дубовые:
Столы всѣ дубовые раскрѣжались,
Питья на столахъ проливались,
Посуда вся поразсыпалася,
Всѣ Татаровья испугалися.
И скоро прибѣгали слуги вѣрные

Со того двора княженецкаго:
„Батюшка, король хороброй Литвы!
„Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
„Надъ собою невзгодушки не вѣ-
даешь:
„На дворѣ дѣтина тотъ не знай
собою,
„Держить во лѣвой рукѣ два по-
вода добрыхъ коней,
„А во правой рукѣ дубина Сара-
цинская;
„Какъ бывъ ясный соколъ попу-
рхиваетъ,
„Такъ тотъ добрый молодець по-
скакиваетъ,
„На всѣ стороны дубиною разма-
хиваетъ,
„И убилъ тотъ Татаръ до одинаго,
„Не оставитъ тотъ Татаръ на сѣ-
мена“.

Проговоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же, Дунаюшка Ивановичь!
— Напомни ты старую хлѣбъ да
соль,
— Оставь Татаръ хоть на сѣмена:
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владиміра.
Скоро оны садилися на добрыхъ
коней

Съ молодой Опраксой королевичной...
Приѣхали ко городу ко Киеву.

Рыбн. I, 178—183.

(Записана въ петрозаводск. у олонецк г.)

2. Бракъ насильственный, неудачный.

а. Невольное пострѣженье.

Батюшко съ матушкой споръ сучи-
нилъ:
Батюшку—надо за князя отдать,
Матушкѣ—надо да въ старушки
постричь.

„Садись-ко ты, дитятко, да на золотой стуль,

„Постригёмъ ты, дитятка, старушкою.“

— Дай волю, матушка, въ баенку схожу. —

„Вытопишь ты, дитятко, старушкою,

„Да садись-коты, дитятко, да на золотой на стуль,

„Постригёмъ ты, дитятка, старушкою.“

— Дай волю, матушка, божатушку дождусь. —

„Садись-ко ты, дитятко, да на золотой на стуль,

„Постригёмъ ты, дитятко, старушкою.“

— Дай волю, матушка, я косы заплету. —

„Остригёмъ у дитятка ножницами.“

Мало по малу да стукъ во крыльцо, стукъ въ крыльцо да еще брякъ во крыльцо (кольцо?),

Да батюшко идё да молода князя ведеть.

Молодой князь идё да золоты вѣнцы несё.

Матушка на ей (неё) да ли распрогнѣваласе,

Хватила она дитятка за бѣлыя волоса,

Ушибла она дитятка о сырую о землю. ¹⁾

Г. 1278—79.

¹⁾ Пѣвица «забыла конецъ этой старины, гдѣ рассказываетъ, что все-таки отецъ, не смотря на сопротивление матери, выдалъ дочь за князя замужъ» Прим. Гильф., 1279.

Приводимъ для сравн. семикую пѣсню (Сахаровъ, Сказан. р. н., 1, кн. 3-я, стр. 261):

Конопля, конопля зеленая моя!
Чтожь ты, конопля, не весело стоишь?
Ахъ какъ мнѣ, конопль, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломило,

б) На чужой сторонѣ.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго.

Изъ-за садика зеленаго

Выставала туча темная,

Туча темная, сама грозная,

Со дождями, со морозами,

Со великими пригрозамы.

Во ту пору во то времячко

Дочка къ матушкѣ поѣхала.

Середь лѣсушка заѣхала,

Середь лѣсушка-то темнаго,

Середь садика зеленаго,

Съ соловьями думу думала,

Съ молодцами рѣчь говорила:

„Соловей мой, соловеюшка!

„Полетай-ка, соловеюшка,

„На мою родну сторонушеу:

„Ты снеси-ка, соловеюшка,

„Снеси матушкѣ низкой поклонъ,

„Моимъ братцамъ челобитьице, —

„Потужили бы, поплакали.

„Меня сватають ¹⁾ какъ молоду

„На тую на чужую сторону

„За того ли за боярина,

„За злодѣя за Татарина.

„По утру будять ранешенько,

„Посылають меня молоду

„Ко Дунай ко рѣчкѣ по воду,

Сверху коноплю воробы клюють!

Дѣвка, ты, дѣвушка кра-ная!

Чтожь ты, дѣвушка, не весело сидишь?

Ахъ, какъ мнѣ, дѣвушкѣ, веселенькой быть?

Мой батюшка хочеть замужъ меня отдать,

А мачиха хочеть въ черницы постричь!

Мой батюшка пошелъ бояръ собирать,

А мачиха пошла за игуменью.

Скрыпнули ворота растворчаты,

Врехнула собака борзая на дѣни.

Мнѣ чела батюшка съ болрами!

Ажно — моя матушка къ игуменью!

Садись, мое дитятко, на золотое стульце;

Расплетай, мое милое, русую косу!

Пусти мяня, матушка, на Донъ погулять,

Бѣляицы, румянцы съ лица постирать?

Смоешь, мое дитятко, горочей слевой,

Сотрешь, мое милое, пельчатнымъ рукавомъ.

¹⁾ Выдали.

„Меня босую и голую,
 „И холодную-голодную.
 „Я пришла ко той Дунай рѣкѣ:
 „На Дунай-то на быстрой рѣкѣ
 „Какъ сидѣли гуси сѣрые,
 „Помутили воду свѣжую.
 „Ужъ я первый часть простояла,
 „А другой-то часть проплакала,
 „Въ третій часть я воду черпала,
 „А въ четвертый часть домой пришла.
 „Свекоръ батюшка журить-бранить,
 „А свекровушка побить велить.
 „Я золовушка взмолилася,
 „А золовушка втупилася:
 „—Ахъ ты глупая невѣстуха,
 „—Ужъ ты глупа-неразумная!
 „—Какова вода случилася,
 „—Ты бы тую воду черпала! — “¹⁾
 Рыбн. I 463—465
 (Записана въ петрозаводск. у. олонек. г.).

в) О добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой.

Закручинился добрый молодецъ, за-
 печалился,
 Повѣсилъ головушку ниже могучихъ
 плечъ,
 Утупилъ очи ясныя въ сыру землю.
 —Ты чего сидишь печалень, до-
 брой молодецъ,
 —Ты чего сидишь кручинень, до-
 брой молодецъ?²⁾
 „Какъ мнѣ-ка, добру молодцу, не
 кручиниться,
 „Не кручиниться удалому, не пе-
 чалиться?
 „Вечоръ-то я легъ,—не поуживаль,
 „По утру всталъ,—не позавтракаль,

¹⁾ Эта пѣсня, какъ и предыдущая, изъ *бывшей-безмяннкой* переходить уже въ простую бытовую.

²⁾ Два стиха, заключающіе вопросъ, изъ Гильф. 542.

„Хватился обѣдать,—и хлѣба нѣтъ.
 „Еще-то меня, добра молодца,
 „Поневолили родители жениться,
 „Неволею женили, неохотю;
 „Они взяли во мѣстѣ во богатоемъ,
 „Хоть приданого много,—человѣкъ
 худой“...

Отъ того добрый молодецъ въ гуль-
 бу пошелъ.

День за день, какъ дождь дождить,
 А недѣля за недѣлей, какъ трава
 растеть,

Проходилъ молодецъ изъ орды въ
 орду,

Загулялъ молодецъ къ королю въ
 Литву,

Онъ задѣлся къ королю въ услуженіе;
 Служилъ не много, не мало,—двѣнад-
 цать лѣтъ,

Служилъ онъ королю вѣрою—прав-
 дою,

Вѣрой—правдою служилъ неизмѣн-
 ной (*не измѣню?*).

Его Богъ, добра молодца, миловаль,
 А король удалаго жаловаль:

Онъ ѣлъ сладко, носилъ красно,
 Спаль на кроваточкѣ тесовыя,
 Спаль на периночкѣ пуховыя...

Принажилъ золотой казны несмѣт-
 ныя.

Стосковалося у молодца по свою
 родиную сторонушку,

Посмотрѣть хотить отцовскаго по-
 мѣстьяца,

Хоть ростеть тутъ¹⁾ зеленая кра-
 пивушка.

„Ай же ты, король Литовскій!

„Отпусти-ка меня на родиную сто-
 ронушку,

¹⁾ Т. е. *Не растеть-ли тамъ...*

Тамъ невросло-ль зеленое крапивушко?
 Г. 543.

- „Посмотрѣть хоть отцовскаго по-
помѣстьяца.“
- Говорить ему король Литовскій:
— Ай же ты, удаленькій — добрый
молодецъ,
— Ай же ты, слуга моя вѣрная,
неизмѣнная!
— Поѣзжай на родимую сторонушку,
— На отцовское-родительско по-
мѣстьяце. —
- Какъ король ему жалуется добра коня,
Королевна его жалуется золотой
базной.
- Какъ поѣхалъ удалый добрый мо-
лодецъ
- На свою родимую сторонушку,
Не пѣшомъ идѣть, на конѣ идеть.
Скоро скажется, тихо идется.
Пріѣзжаетъ на родимую сторонушку.
Какъ стоять-то хатенка немудрая,
Немудрая хатенка, безуглая;
Ужъ какъ бѣгають два малыихъ
вьюношей.
- Говорить удалый-добрый молодецъ:
„Ужъ вы здравствуйте, малые вью-
ноши!
„Вы какой семьи, роду-племени,
„Вы какого отца-матери?“
— Ай же ты, нашъ дяденька не-
знамый!
— У насъ нѣтъ семьи, роду-пле-
мени. —
- Говорить удалый-добрый молодецъ:
„Ай же вы, глупые — малые вьюноши!
„Гдѣ же у васъ родной батюшка?“
— Ай же ты, нашъ дяденька не-
знамый!
— Не запомнимъ мы своего род-
наго батюшки,
— Только слышали мы отъ родной
матушки, —
- Слезно плакала, причитала намъ:
— „Ай же вы, родимыя дѣтушки!
— „Ужъ какъ я васъ повырощу,
повыкормлю,
— „Вашо-тъ батюшка въ гульбу
ушелъ“. —
Какъ закипѣло ретивое сердечушко
у добра молодца,
Полились слезы рѣкой изъ ясныхъ
очей:
„Вѣдь это мои родимыя малы дѣ-
тушки! —
„Ай же вы, глупые-малые вьюноши!
„Гдѣ же у васъ родная матушка?“
Отвѣчаютъ малые вьюноши:
— Наша матушка ушла на крестъ-
янскую работушку. —
Какъ сожидаетъ удалый-добрый мо-
лодецъ,
Сожидаетъ до позднего вечера.
Какъ поздно по вечеру идеть его
худая жена,
Со крестьянкой идеть со работушки,
На правой рукѣ несетъ косу вострую,
Во лѣвой рукѣ часты грабли,
На плечахъ несетъ дрова печи топить.
Какъ стрѣбаетъ удалый-добрый мо-
лодецъ:
„Ужъ ты здравствуешь, вдова ля,
жена ль мужняя!“
— Ай же ты, незнамый добрый мо-
лодецъ!
— Не вдова я и не жена мужняя,
— Сирота я есть прегорькая. —
Говорить удалый — добрый молодецъ:
„Не вдова есть и не жена мужняя,
„Сирота есть прегорькая!
„Ужъ ты развѣ не знаешь ¹⁾ ближ-
няго сродника?
„Росли-то мы въ одномъ мѣстѣ.

¹⁾ Угаешь.

„Играли часто во шахматы Турецкіе“...

Говоритъ ему худая жена,
Хоть худая жена, жена умная,
Умная жена, разумная;
— Ай же ты незнамый добрый молодець!

— Вѣкъ я прожила въ бѣдности,
въ сирочествѣ,

— Я не знала шахматовъ Турецкихъ,

— Я не знала игоръ молодецкихъ.
„Уже ты есть жена мужняя, разумная!

„Поди-тео во правой карманъ:
„Во карманѣ есть шелковъ платокъ,
„Во платкѣ есть злачевъ перстень,
„Которымъ съ тобою обручались.“
Говоритъ жена мужняя, разумная:
— Я которымъ святителямъ молялася.

— Я которымъ чудотворцамъ объщлася,

— Что пришелъ ко мнѣ законный мужъ.

Рыб. II, 264—267.

(Записана въ петрозаводск. у олонек. г.).

г) Вылина о добромъ молодцѣ неудачливомъ и рѣчкѣ Смородинкѣ.

Богъ молодца не милуетъ,
Государь молодца не жалуетъ,
Дружья — братья — товарищи
На совѣтъ не съѣзжаются,
И вѣтъ на молодцѣ ни чести, похвалы молодецкія.

Женилъ-то его родной батюшка
На чужой на дальней сторонукѣ
И бралъ за женою приданого
Три черленыхъ три корабля:
Первый грузонъ карабль златомъ
и серебромъ,

А другой грузонъ карабль скатынымъ жемчугомъ,

А третій грузонъ карабль женинымъ приданнымъ.

Тутъ-то добру молодцу молода жена
Не въ любовь пришла, не по разуму.

Бралъ онъ себѣ добра коня наступчива,

И сѣделышко Черкасское, и плетку шелковую;

Самъ говорилъ таково слово:

„Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,

„Лучше мнѣ сѣделко Черкасское
всего женинаго приданого,

„Да лучше мнѣ плетка шелковая
молодой жены.“

Да взялъ-то съ собою добрый молодець

Два товарища, два надѣйные,

Два ножичка, два булатніе.

Поѣхалъ на чужую-дальнюю сторонушку,

Доѣхалъ до рѣчки Смородинки,

Самъ говоритъ таково слово:

„Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!

„Есть ли чрезъ тебя, рѣку Смородинку,

„Перевозы-то узкіе, переброды то мелкіе?“

Отвѣчала она человѣческимъ голосомъ:

— Есть чрезъ меня перевозки-то узкіе, переброды-то мелкіе,

— Есть три мосточка, три калиновыхъ;

— На первомъ беру на мостѣ сѣделко кованое,

— На другомъ беру на мостѣ коня наступчива,

— На третьемъ самого добра молодца.

— А тебя добра молодца и такъ пуцу. —

Переѣхалъ добрый молодець чрезъ рѣку Смородинку

Самъ говорилъ таково слово:

„Сказали мнѣ добру молодцу,

„Что течетъ рѣка Смородинка быстра и грозна:

„А нынче рѣка Смородинка течетъ будто вода болотная,

„Болотная вода со ржавчинкой,“

Да забылъ добрый молодець за рѣчкой Смородинкой

Два товарища, два надѣйные,

Два ножичка, два булатные,

И поѣхалъ за рѣчку Смородинку.

На первомъ мосту брала сѣделко кованое,

На другомъ брала добра коня на-ступчива,

На третьемъ брала самого добра молодца.

Взмолился добрый молодець:

„Ай ты матушка, быстра рѣчка Смородинка!

„Не топи, не губи меня добра молодца!“

Говорила рѣка Смородинка такковы слова:

— Ай ты, удалый дородный добрый молодець!

— Не я тебя топлю, не я гублю,

— А топить тебя губить честь — похвала молодецкая! —

Только добрый молодець и живъ бывалъ, —

Оставалась его нелюба жена.

Рыбн. 1. 467—468.

(Записана въ каргопольск. у. олонек. г.).

д) Ревнивый мужъ.

И женился князь во двѣнадцать лѣтъ, Онъ бралъ княгину девяти годовъ, Онъ и жилъ со княгиной ровно три года,

На четвертой годъ онъ гулять пошолъ.

Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три года,

На четвертой годъ онъ домой пошолъ.

И идѣ онъ по полю по чистому,

Встрѣтилось ему двѣ старицы,

И двѣ старицы двѣ черноризицы,

И спрашивать князь у тѣхъ старицей:

„Вы давно ли давно ли съ моего двора

„Съ моего двора княженецкаго?“

— Мы топерь, топерь да топерѣшенько

— Съ твоего двора княженецкаго. —

„А здорово ли стоитъ мой высокъ теремъ

„И здорово ли живутъ добры коношники,

„И здорово живутъ чайны чашечки,

„И здорово ли пьяны питьица,

„И здорово живутъ и цвѣтны платица,

„И здорово ли живѣтъ молода жена?“

На отвѣтъ-то дѣржа и ты старицы:

— Твой высокъ теремъ покоса стоитъ.

— Добры кони да всѣ заѣзжены,

— И чайны чашечки да всѣ испрѣбиты,

— И пьяны питьица да всѣ испрѣпиты,

— Цвѣтны платица да всѣ изношены,

— Молода жена во теремѣ сидитъ,

— Во терему сидитъ колубѣнь качать. —

И не синёе-то море всколыбалосе,
 У князя сердце разгорѣлосе.
 И приходитъ князь къ своему двору,
 Въ своему двору да княженецкому,
 Топне ворота правой ноженкой,
 Улѣтъли тѣ ворота среди двора,
 Среди двора да княженецкаго.
 Вышла княгиня на круто крыльцо,
 Въ одной тоненькой рубашкѣ безъ
 нитничка, ¹⁾
 Въ одѣхъ бѣленыхъ чулочкахъ
 безъ чеботовъ.
 Вынималъ тутъ князь востру са-
 бельку,
 А срубилъ у княгини буйну голову.
 А во теремъ-отъ заходитъ колубѣня
 нѣтъ,
 Колубеня нѣтъ всё пята ²⁾ лежа.
 Сколько шито было вдвое слякано,
 Все князь домочѣкъ (sic) дожидано.
 Ужъ какъ тутъ ли князь да за-
 кручинился,
 И сходилъ во конюшенку стоялую,
 Добры кони не ѣзжены,
 Лучше стараго да лучше прежняго.
 Чайны чашечки да не прибитые,
 Пьяны питьяца да неприпитые,
 Цвѣтны платьца да не изношены.
 И не синё море всколыбалосе,
 А у князя сердце разгорѣлосе,
 И заставлялъ онъ князь и во чи-
 стомъ поли
 Этыхъ старицей да чѣрноризицей.
 Вынимаетъ князь и востру сабельку,
 Онъ срубилъ у старицъ буйну голову.

Г. 1166—1167.

3. Безталанная доля.

а. О Горюшкѣ стромъ и Унавѣ-мо-
 лодцѣ ¹⁾

Жиль-быль у батюшки у ма-
 тушки единый сынъ,
 Захотѣлося на чужую на дальнюю
 сторонущку погуляти.
 Отдаваетъ ему отецъ — матушка
 На ножки сапожки Турецъ-сафьянъ,
 И пошли ему шубоньку дорогую,
 И дала шапоньку ему черныхъ со-
 болей,
 И даютъ ему денегъ пятьдесятъ
 рублей со полтиною.
 Говорятъ ему, наказываютъ
 Таковыя словеса разумныя:
 „Чадо наше милое,
 „Чаделко наше любимое!
 „И будешь ты на чужей на даль-
 ней на сторонущкѣ,
 „И прошла — пролегла дорожка
 „Мимо тотъ царевъ кабакъ:
 „И не ходи-тко ты на царевъ кабакъ,
 „Не пей чарочки зелена вина.
 „Какъ выпьешь ты чарочку зелена
 вина,
 „Возьмутъ твою шапоньку черныхъ
 соболей,
 „И возьмутъ твою шубоньку дорогую,
 „И возьмутъ сапожки Турецъ-
 сафьянъ;
 „И бросятъ тебѣ лапотки липовныя,
 „Подержаны, поношены, да брошены,
 „И бросятъ тебѣ рогоженку липовую,
 „Подержану, поношену, да брошену;
 „И возьмутъ денегъ пятьдесятъ руб-
 лей со полтиною.“

Еще говорятъ ему, наказываютъ:

¹⁾ Сарафана.

²⁾ Для вышиванья.

¹⁾ Унавъ, иначе *кунавъ*, женское же имя *кунава*, *унава*, *завава*, и т. п., значитъ — красавецъ, красавица.

„Будеш ты какъ хмѣльная голо-
вущка,
„И будеш на почестномъ на боль-
шомъ пиру,
„Не садись во мѣсто во большее:
„Буде стоишь мѣста большого,
„Такъ посадятъ тебя во мѣсто во
большее,
„А буде не стоишь мѣста большого,
„Такъ осмѣютъ люди добрые
„И удалые дородни добры мо-
лодцы...“

И пошелъ дороднѣй добрый мо-
лодецъ
Путемъ широкою дорогою.
Прошла-пролегла дорога мимо ца-
ревъ кабакъ
И мимо кружало государево...
Не послушалъ наказа отца-матери;
И приходилъ ѣнъ на царевъ кабакъ,
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому,
На всѣ на три на четыре на сторо-
нушки.
Всѣ глядятъ удалы дородни добры
молодцы;
Единъ удалый дороднѣй добрый мо-
лодецъ
Выходитъ за ¹⁾ столика дубоваго,
И наливалъ чару зелена вина,
И подносилъ Упаву добру молодцу:
„Выпей, выпей винца не со мно-
жечко,
„Облей-обкати свое ретивое сердце-
чущко.
„И развесели свою младую голо-
вущку.“

Онъ взялъ чарочку зелена вина
И повыглядѣлъ, высмотрѣлъ чарочку:
Во той во чарочкѣ отъ края клю-
чемъ кипятъ,

А посерединѣ чарочки дымъ столбомъ,
стоитъ,
А въ рукахъ тая чарочка какъ огонь
горить.
И выпилъ чарочку зелена вина,
И тутъ добрый молодецъ и спать
залегъ.
Сняли его шубоньку дорогую,
Взяли шапоньку черныхъ соболой,
Сняли сапожки Турецъ-сафьянъ,
И взяли денегъ пятьдесятъ рублей
со полтиною;
И бросили лапотки ему липовыя,
Подержаны, поношены, да брошены,
И бросили ему рогоженьку липову,
Подержану, поношену, да брошену,
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается и пробуждается:
Легъ молодецъ, какъ маковъ цвѣтъ,
А сталъ молодецъ, какъ мать родила.
И сѣлъ на брусову бѣлу лавочку;
Закручинился молодецъ, запечалился:
— Не послушался я наказа отца-
матери!
Повыскочить Горюшко изъ за-
печья,
Стало Горюшко по кабаку поскакивати,
Поскакиваетъ да поплясываетъ,
Поплясываетъ, да выговариваетъ:
„Ай же ты, Улавъ, дороднѣй добрый
молодецъ!
„Не кручинься-ка ты, не печалуйся.
„Учись горемычнаго припѣвочка:
„Въ горѣ жить, не кручинну
быть!“ ¹⁾
— Умѣй меня, Горюшко, кормить
пить,
— Кормить-пить, хорошо водить,
— Учить горемычнаго припѣвочка...

. . . . .

¹⁾ За = зза = изъ — за.

¹⁾ См. слѣдующ. стр.: «Охъ! въ горѣ жить» и пр.

Добрый молодецъ, въ одеждѣ „ро-
гозиной“ попалъ на почестень пирь.
Тамъ его напоили, накормили и посо-
вѣтовали наняться къ богатому купцу
на двѣнадцать лѣтъ. У купца Упавъ
нажилъ шестьдесятъ р. съ полтиною,
дорогую шубу, шапку и сафьяные са-
поги; добрые люди посовѣтовали было
ему жениться, но „Горюшко сѣрое“
заманило его на царевъ кабакъ, — онъ
зашелъ и пропилъ все нажитое имъ добро.

Хочеть, хочеть добрый молодецъ
Посягнуться на свои руки бѣлыя
Во тую черяу рѣку Смородину.
А проговорятъ перевощицки:
„Перевеземъ мы на тую на сто-
рону

„Удалаго дородня добра молодца!“
Перевезли его какъ на тую на
сторону,

Повернулся добрый молодецъ яснымъ
соколомъ,

Подкладывалъ крыльица бумажныя,
Поднимался выше лѣса подъ самую
подъ облаку.

Ионъ (ѣнь) летить яснымъ соколомъ,
А Горюшко въ слѣдъ чернымъ во-
рономъ,

И кричить громкимъ голосомъ:
„Ай же ты, Упавъ, дородній до-
брый молодецъ!

„Хочешь улетѣть, да не улетѣть:
„Не на часъ я къ тебѣ Горе при-
вязалося!“

Падеть добрый молодецъ на сыру
землю,

Повернулся добрый молодецъ сѣ-
рымъ волкомъ,

Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ вол-
комъ поскакивать;

Горюшко въ слѣдъ собакою,
Само бѣжить, кричить громкимъ
голосомъ:

„Ай же ты, Упавъ, дородній доб-
рый молодецъ!

„Хочешь ускочить, да не уско-
чить:

„Не на часъ я къ тебѣ Горе при-
вязалося!“

Хочеть, хочеть добрый молодецъ
Завернуться на боярскій дворъ,
Задаться ко боярину на двѣнадцать
лѣтъ;

И говорить Горюшко сѣрое:

„Ай жеты, Упавъ, дородній добрый
молодолодецъ!

„Не слушай ты чужихъ умовъ-ра-
зумовъ,

„Не ходи ты на боярскій дворъ,
„Не корми чужаго отца-матери!“

Велить Горюшко итти во честныя
во монастыри,

Велить Горюшко постричься и по-
схимиться.

И шель добрый молодецъ во чест-
ные во монастыри,

Постригся добрый молодецъ и по-
схимился,

И прѣшло тому времячко ровно три
года,

И тутъ ему добру молодцу и смерть
пришла.

Рыб. I, 479 — 485.

(Записана въ петрозаводск. у. олонецкой г.).

б). Охъ! въ горѣ жить — не кручинну
быть.

А и горе-горе, гореваньица!

А и въ горѣ жить — не кручинну
быть,

Нагому ходить — не стыдиться,
А и денегъ нѣту — передъ деньгами,

Появилась гривна — передъ злыми
дни.

Не бывать плѣштому вудравому,

Не бывать гулящему богатому,
 Не отростить дерева суховерхаго,
 Не откормить коня сухопараго,
 Не утѣшити дитя безъ матери,
 Не скроить атласу безъ мастера.

А горе-горе, гореваньице!
 А и лыкомъ горе подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутаны!
 А я отъ горя въ темны лѣса —

А горе прежде вѣкъ зашелъ;
 А я отъ горя въ почестной пирь —
 А горе зашелъ, впереди сидить;
 А я отъ горя на царевъ кабакъ —
 А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить,
 Какъ я нагъ то сталъ, насмѣялся
 онъ.

Кирша, 266.

Е. Былины о птицахъ и звѣряхъ.

Птицы и звѣри. ¹⁾

А й отчего-те зима да зачалася,
 А и красно лѣто состоялось?
 Зачалася зима да отъ мороза,
 А и красно лѣто отъ солнца,
 А й богатая осень отъ лѣта.
 И по тня-то осени богатой,
 Вылетала малая птица,
 А и малая птица пѣвица;
 Садилась въ зелену садочку,
 А на тое на дерево калино (такъ).
 А и начала пѣти, жупѣти,
 Всякими она-те ясавами (языками?)
 А й услышали русьскія птички,
 Сбиралися стады оны стадами,
 Прилетали къ зелену садочку,
 А й садились птичи рядами,
 Въ одну сторону да головами;
 А начали пѣти, жупѣти,
 Заморскую птицу пытати:
 „Ай малая птица пѣвица!
 „Скажи Божью правду, не утайсе:

„Кто у васъ за моремъ большій,
 „Кто за дунаечкимъ меньшій?“
 А отвѣтъ держать птица пѣвица:
 — Глупыя вы русьскія итичи!
 — А зачѣмъ же сюда да прилетали,
 — Зачимъ про синё морё спрашали?
 — Всѣ у насъ за моремъ большій,
 — Всѣ за дунаечкимъ меньшій.
 — А й крестьяна у насъ по дерев-
 нямъ,
 — А десятски у насъ по селеньямъ,
 — Ай старосты у насъ по волос-
 тямъ,
 — Попы дьяки у насъ по погостамъ,
 — Старцы игумны въ монастыряхъ,
 — Подьячіе люди по присутвамъ,
 — А гости торговли по посадамъ.
 — Воеводы живутъ у насъ по мы-
 замъ,
 — Солдаты идуть по походамъ,
 — Цари да царствуютъ по царст-
 вамъ,
 — А всѣ ль-то у насъ оны по
 службамъ,
 — Всѣ ль-то у насъ и по роботамъ.
 — А еще бы за дунаечкимъ мо-
 ремъ

¹⁾ Эта «Старинка» отличается какъ осо-
 бымъ разитромъ, такъ и тѣмъ, что пѣвецъ въ
 ней неоднократно протягиваетъ буквы ъ и ь,
 произнося вмѣсто ъ-ра почти ы, вмѣсто ь-ра
 почти и. Прим. Гильфердинга.

- Вѣлой-отъ колникъ ¹⁾ былъ царикъ,
 — Бѣлая колница царица.
 — А гуся-то на морѣ бояра,
 — Лебеди боярицкія жены,
 — Соловей при нихъ веселѣи
 — Во всякія игры играётъ,
 — Все вѣдь онъ бояръ и спотѣшаётъ.
 — Воробы боярьски холопы,
 — Коля жердѣ да работали,
 — Крестьянски конопля разбивали,
 — Оттого сыты пребывали.
 — А голубчик-отъ на мори пощевъ,
 — Голубушка-то была попадьюшка,
 — А ѣ косачки дьячки церковны,
 — Тетёрки-ты дьяческія жѣнки,
 — Куликъ пономарь церковной...
 — А журавль-отъ былъ перевощикъ:
 — По синему морю вѣдь онъ бродить,
 — Русьскія птицы перевозить,
 — Цвѣтнаго платія не мочить.
 — Галици были черниці,
 — Чѣрныя вранъ да игумень,
 — А ястребъ былъ и атаманомъ,
 — А филин-отъ татъ да разбойникъ.
 — Сокол-отъ скорый посланникъ,
 — Орёл-отъ на мори налетникъ;
 — Единожды въ годъ прелетаетъ,
 — А велику себи дань собираетъ,
 — По три головы да по четыре,
 — Иногда по цѣлому десятку.
 — А мопник-отъ ²⁾ на мори крестьянинъ,
 — Коппала ³⁾ крестьянская жѣнка.
 — А синька...
 — Часто лежитъ она хвораетъ,
 — Долго она не пропадаетъ,
- Роботы работатъ она можетъ.
 — Казака нанять она не смыслить.
 — Дрозд-отъ у ней казаченко,
 — День то онъ noci работатъ,
 — Гроша онъ найму да не выдаётъ.
 — Кокѣша ¹⁾ побѣдна горюша;
 — Много она лицъ выкладаетъ,
 — А счету во лицахъ не знаетъ,
 — Дѣтей выводити не умѣетъ.
 — Куропатъ бобыль-безпомѣстной;
 — Изъ куста во кустъ перебродить,
 — Помѣстья себѣ да не имѣеть...
- Левъ-тотъ на мори мясникъ былъ,
 — Медвѣдь-отъ былъ кожедѣрникъ,
 — Много онъ кожъ придираетъ,
 — Сапоговъ на ногахъ не выдаётъ.
 — Волкъ-тотъ на мори овчинникъ;
 — Много онъ овчинъ придираетъ,
 — А ѣ шубы онъ на плечахъ не выдаётъ,
 — Велику себѣ стужу принимаетъ.
 — Олень-отъ скорый посланникъ,
 — Зайко-то на мори калачникъ,
 — А ножки тонѣнки бѣлѣвки,
 — Калачики пекетъ онъ и мяконьки,
 — А лисица молода молодица;
 — Дологъ хвостъ — и не наступить,
 — Здѣлаетъ вину — она не скажѣ.
 — А собака-та зла лиха свекрова;
 — День она noci варайдаетъ,
 — Дѣла никакова не скажѣтъ.
 — А ѣ кошки этѣ были вдовицы,
 — То-то сироты да бобылицы;
 — Днемъ кошки лежѣ по печкамъ,
 — Ночью пойдутъ по добычкамъ,
 — А криночки горшочки открывають,
 — Безъ ложки сметанку снимають,
 — За то же ихъ бьютъ и безпощадно. —

¹⁾ Колникъ-подорожникъ, по догадкамъ пѣвца. Прим. Гильф.

²⁾ т. е. на сущѣ. ³⁾ т. е. глухой тетеревъ.

¹⁾ т. е. кукушка.

А всѣмъ молодцамъ былъ и роспускъ,
 Всѣмъ удалымъ былъ и розвѣздъ:
 Краснымъ дѣвцамъ по теремамъ,
 А и молодымъ молодцамъ былъ по
 лавкамъ,
 А молодымъ молодкамъ по скамей-
 камъ,
 Старымъ старикамъ и по полатямъ,

Старымъ старушкамъ по печкамъ.
 То-то старуха на печки,
 То-то старухи надо ѣства, —
 Кринва овсянаго тѣста.
 А ѣла бы старуха, молчала,
 Молчала бы старуха, не ворчала...
 тпру.
 Г. 330—333.

2. Историческія пѣсни.

I. Татарское время.

1. Калинь царь.

(Осада Кіева).

Да изъ Орды, Золотой земли,
 Изъ тоя Могозея богатя,
 Когда подымался злой Калинь царь,
 Злой Калинь царь Калиновичь,
 Ко стольному городу ко Кіеву,
 Со своею силою съ поганю;
 Не дошелъ онъ до Кіева за семь
 версть,
 Становился Калинь у быстра Днѣпра,
 Сбирался съ нимъ силы на сто
 версть,
 Во всѣ тѣ четыре стороны.
 За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
 За чѣмъ не разступится?
 А вотъ пару было отъ конинаго
 А и мѣсяцъ, солнце померкнуло.
 Не видитъ ¹⁾ луча свѣта бѣлаго,
 А отъ духу татарскаго
 Не можно крещенымъ намъ живымъ
 быть.

Садился Калинь на ременчатъ стуль,
 Писалъ ярлыки скорописчаты
 Ко стольному городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру, —
 Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
 А мѣрю тоть татаринъ трехъ са-
 жень,
 Голова на татаринѣ съ пивной ко-
 тель,
 Которой котель сорока ведеръ,
 Промежь плечами косая сажень;
 Отъ мудрости слово написано:
 Что возметъ Калиня царь столь-
 ной Кіевъ градъ,
 А Владиміра князя въ полонъ по-
 лонить,
 Вожьи церкви на дымъ пустить.
 Даетъ тому татарину ярлыки скоро-
 писчаты,
 И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
 Садился татаринъ на добра коня,
 Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владиміру;
 А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ,
 Среди двора княженецкаго
 Скакалъ татаринъ съ добра коня,

¹⁾ Не видеть.

Не вяжеть коня, не приказываетъ,
 Бѣжить онъ во гридню во свѣтлую,
 А Спасову образу не молится,
 Владиміру князю не кланяется,
 И въ Кіевѣ людей пчѣмъ зоветъ;
 Бросаль ярлыкѣ на круглой столъ
 Передъ Великаго князя Владиміра.
 Отшедъ татаринъ, слово выговорилъ:
 „Владиміръ князь стольной Кіевской!
 А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ

градъ,

Безъ бою, безъ драки великія,
 И безъ того кроволитія напраснаго.“
 Владиміръ князь запечалился,
 А наскорѣ ярлыкѣ разпечатываль
 и просматриваль,
 Гляючи въ ярлыкѣ — заплакаль
 свѣтъ. —

По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
 Богатырей въ Кіевѣ не случилось,
 А Калинъ царь подъ стѣною стоить;

А съ Калиномъ силы написано
 Ни много, ни мало — на сто верстъ
 Во всѣ четыре стороны.

Еще со Калиномъ сорокъ царей
 со царевичемъ,

Сорокъ королей съ королевичемъ.
 Подъ всякимъ царемъ силы по три
 тьмы, по три тысячи. ¹⁾

Кирша, 165—167.

¹⁾ Калину не удалось взять Кіева: на выручку явился Илья Муромецъ, схватилъ Илья татарина за ноги, Которой ѣздилъ въ Кіевъ градъ, И зачалъ татаринѣмъ помахивати: Куда ли махнеть — тутъ и улицы лежать, Куды отвернеть — съ переулками. Разогнавъ татарскія силы, онъ схватилъ Калина царя, согнулъ его корчагою и разшибъ его въ крохѣ.

Кирша, 170—171.

2. Щелканъ Дудентьевичъ.

(Управленіе. Дань. Расправа съ татарами).

А и дѣялося въ Ордѣ,
 Передѣялося въ Большой, —
 На стулѣ золотѣ,
 На рытомъ бархатѣ,
 На червчатой камкѣ
 Сидить тутъ царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ:
 Суды разсуживаетъ
 И ряды разряживаетъ,
 Костылемъ размахиваетъ
 По бритымъ тѣмъ усамъ,
 По татарскимъ тѣмъ головамъ...
 Шурьевъ царь дарилъ,
 Азвякъ Тавруловичъ,
 Городами стольными:
 Василья на Плесу,
 Гордѣя къ Вологдѣ,
 Ахрамѣя къ Костромѣ;
 Одного не пожаловаль
 Любимаго шурина
 Щелкана Дюдентьевича.
 За что не пожаловаль?
 И за то онъ не пожаловаль, —
 Его дома не случилось,
 Уѣзжалъ то младъ Щелканъ
 Въ дальнюю землю Литовскую,
 За моря сивія,
 Бралъ онъ младъ Щелканъ,
 Дани, невыходы,
 Царски невыплаты;
 Съ князей бралъ по сту рублевъ,
 Съ бояръ по пятидесять,
 Съ крестьянъ по пяти рублевъ, —
 У котораго денегъ нѣтъ,
 У того дитя возметъ;
 У котораго дитя нѣтъ,
 У того жену возметъ;
 У котораго жены-то нѣтъ,
 Того самаго головой возметъ.

Вывезъ младъ Щелканъ
 Дани, выходы,
 Царскія невылаты;
 Вывезъ младъ Щелканъ
 Коня во сто рублевъ,
 Сѣдло во тысячу,
 Уздѣ — цѣны ей нѣтъ.
 Не тѣмъ узда дорога,
 Что вся узда золота,
 Она тѣмъ узда дорога,
 Царское жалованье
 Государство Величество;
 А нельзя, дескать,
 Тое узды ни продать, ни промѣнять
 И друга дарить, ¹⁾
 Щелкана Дудентьевича.
 Проговорить младъ Щелканъ,
 Младъ Дудентьевичъ:
 „Гой еси, царь Азвякъ,...

(Ты пожаловалъ шурьевъ своихъ раз-
 ными городами)

Пожалуй ты, царь Азвякъ,
 Пожалуй ты меня
 Тверью старую,
 Тверью богатую,
 Двумя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи.“
 Прогорить царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ:
 „Гой еси, шуринъ мой
 Щелканъ Дудентьевичъ,
 Заколи-тео ты сына своего,
 Сына любимаго,
 Крови ты чашу нацѣди,
 Выпей ты крови тоя,
 Крови горячія;
 И тогда я тебя пожалую
 Тверью старую,
 Тверью богатую....

(Щелканъ такъ и сѣлалъ и полу-
 чилъ Тверь).

И втѣпоры младъ Щелканъ
 Онъ судьбою насѣлъ
 Въ Тверь ту старую,
 Въ Тверь ту богатую;
 А немного онъ судьбою сидѣлъ...
 Надо всѣми наругатися, ¹⁾
 Надъ домами насмѣхатися.
 Мужики-то старые,
 Мужики-то богатые,
 Мужики посадскіе,
 Они жалобу приносили
 Двумъ братцамъ родимымъ,
 Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
 Отъ народа они съ поклономъ
 Пошли съ честными подарками —
 И понесли они честные подарки
 Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
 Изошли его въ домъ у себя
 Щелкана Дудентьевича;
 Подарки принялъ отъ нихъ,
 Чести не воздалъ имъ.
 Втапоры младъ Щелканъ
 Зачвавился онъ, загордился,
 И они съ нимъ раздорили —
 Одинъ ухватилъ за волосы,
 А другой за ноги,
 И тутъ его разорвали.
 Тутъ смерть ему случилася,
 Ни на комъ не сыскалося.

Кирта, 21 — 24.

3. Михайло Казариновъ ¹⁾.

(Половнянки).

Михайло Казарининъ
 Поѣхалъ на гору высокую,
 Смотрѣлъ раздолья широкія,

¹⁾ И только можно друга дарить.

¹⁾ ... Сталъ наругатися.

²⁾ См. выше, стр. 88 — 89, «Воронь.»

И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра,
 Стоять бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
 На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
 Три собаки наѣздники,
 Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
 Руская дѣвица полоняночка,
 Молода Марѳа Петровична,
 Во слезахъ не можетъ слово мол-
 вить,

Добрѣ жалобно причитаючи:
 „О злочастная, моя буйна голова!
 Горе горькая, моя руса коса,
 А вечеръ тебя матушка разчесы-
 вала,

Разчесала матушка, заплетала;
 Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
 Расплетать будетъ моя руса коса
 Трѣмъ татарамъ наѣздникамъ.“
 Они тѣ-то рѣчи татары договари-
 ваютъ,

А первой татаринъ проговорить:
 „Не плачь, дѣвица, душа красная,
 Не скорби, дѣвица, лица бѣлаго,
 Асделу ¹⁾ татарину достанешься,
 Не продамъ тебя дѣвицу дешево,
 Отдамъ за сына за любимаго,
 За мирнаго сына въ Золотой Ордѣ.“

Со тня горы со высокія,
 Какъ ясенъ соколъ напускается
 На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
 Во чистомъ полѣ напускается
 Молодой Михайло Казарянинъ,
 А Казарянинъ душа Петровичъ
 младъ,

Приправилъ онъ своего добра коня,
 Принастегивалъ богатырскаго —
 И въ рукѣ копьѣ мурзаметское:
 Перваго татарина копьемъ скололъ,
 Другаго собаку конемъ стопталъ,
 Третьяго о сыру землю;

Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
 Сохватилъ дѣвицу за бѣлы ручки
 Руску дѣвицу полоняночку...

(Въ полонянкѣ онъ узналъ свою се-
 стру).

„Гой еси, душа, красная дѣвица,
 Молода Марѳа Петровична!

А ты по роду мнѣ родна сестра,
 И ты какъ татарамъ досталася?
 Ты какъ трѣмъ собакамъ наѣздни-
 камъ?“

Говорить ему родная сестра:
 „Я вечеръ гуляла въ зеленомъ саду,
 Со своей сударнею матушкою,
 Какъ издалеча, изъ чиста поля,
 Какъ черны вороны налетывали,
 Набѣгали тутъ три татарина на-
 ѣздника,

Полонили меня красну дѣвицу,
 Повезли меня во чисто поле:
 А я такъ татарамъ досталася,
 Трѣмъ собакамъ наѣздникамъ.“
 Молодой Михайло Казарянинъ
 Собираетъ въ шатрахъ злата, се-
 ребра,
 Онъ кладетъ во тѣ сумы перемет-
 нныя,

Переметныя, сырмятныя,
 И беретъ бесѣду — дорогъ рыбій
 зубъ,

Посадилъ дѣвицу на добра коня,
 На русаго богатырскаго,
 Самъ садился на татарскаго —
 Какъ бы двухъ коней въ поводу
 повель —

И поѣхалъ къ городу Кіеву.

Кирша, 143 — 145.

4. Царь Бахметъ и Авдотья Рязаночка.

(Выкушъ полоняниковъ).

Подступалъ тутъ царь Бахметъ
 турецкій,

¹⁾ А съ дѣлу (съ дѣлежа)?

И раззорялъ онъ старую Казань ¹⁾
 городъ подлѣсную,

И полонилъ онъ народу во полонь
 сорокъ тысячей,

Увелъ весь полонь во свою землю
 Оставаласи въ Казанѣ одна женка

Рязаночка,
 Стосковаласи женка, стореваласи:

У ней полонилъ три головушки,
 Милаго-то брата родимаго,

Мужа вѣнчальнаго,
 Свекра любимаго.

И думаетъ женка умомъ-разумомъ:

„Пойду я во землю турецкую

„Выкупать хотя единныя головушки

„На дороги хорешіе на выкупу“...

Съ великимъ трудомъ добралась она
 до Бахмета: на пути были рѣки-озера
 глубокиа, звѣри лютые, разбойники. Удив-
 ленный поступкомъ Рязанки,

Говорить ей царь Бахметъ турецкій:

— Ты Авдотья женка Рязаночка!

— Когда ты умѣла пройти путемъ
 да и дорогою,

— Такъ умѣй-ка попросить и го-
 ловушка

— Изъ трехъ единныя;

— А не умѣешь ты попросить го-
 ловушки,

— Такъ я срублю тебѣ по плечь
 буйну голову. —

Стоячись женка пораздумалась,

Пораздумалась женка, порасплака-
 лась:

„Ужъ ты батюшка, царь Бахметъ
 турецкій!

„Я въ Казани-то была женка не
 послѣдняя,

„Не послѣдняя я была женка первая

„Я замужь пойду, такъ у меня и
 мужъ будетъ,

„Свекра стану звать батюшкомъ;

„Приживу я сына любезнаго,

„Такъ у меня и сынъ будетъ;

„Приживу я себѣ дочку любезную,

„Воспою-вскормлю, за мужъ отдамъ,

„Такъ у меня и зять будетъ.

„Не видать мнѣ буде единныя го-
 ловушки,

„Мнѣ милаго брата родимаго,

„Да не видать вѣкъ да и по вѣку.“

Сижучись де царь пораздумался,

Пораздумался царь, порасплакался;

— Ты, Авдотья женка Рязаночка!

— Когда я разорялъ вашу сторону

Казань городъ подлѣсную,

— Тогда у меня убили милаго-то
 брата родимаго:

— Не видать буде вѣкъ да и по
 вѣку.

— За твои-то рѣчи разумныя,

— За твои-то слова за хорошія,

— Ты бери половину, сколько надобно:

— Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ,
 въ крестномъ братовствѣ. —

Начала женка ходить въ землѣ ту-
 рецкія,

Выбирати полонь во свою землю.

Она выбрала весь полонь земли ту-
 рецкія,

Привела де полонь въ свою Казань
 городъ подлѣсную,

Разселила Казань городъ по ста-
 рому,

По старому да по прежнему.

Рыбн. III. 227—229.

(Записана въ пудожск. у. олопецк. г.).

¹⁾ Дѣло идетъ, вѣроятно, о Рязани, потому
 что женка называется Рязаночкой. Прим. Р.

II. Иванъ Грозный.

1. Взятіе Казани.

Вы молодые ребята послушайте,
А мы стары старики да будемъ
сказывати

Про грознаго царя Ивана Василье-
вича,

Какъ государь царь Иванъ Василье-
вичъ,

Казань городъ покорилъ,
Подъ Казанку подь рѣку онъ под-
копы подводилъ,

За Сулай за рѣку бочки съ поро-
хомъ катилъ,

А онъ пушки и снаряды въ чи-
стомъ полѣ разставлялъ:

А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ,
Они грозному царю да надсмѣхаются:
„Не бывать нашей Казани да за
бѣлымъ царемъ!“

Какъ тутъ государь царь Иванъ
Васильевичъ

Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей
казнить,

Всѣхъ подкопщичковъ да и зажи-
гальщичковъ.

Какъ тутъ всѣ пушкари призаду-
мались,

Призадумались да запечалились.
А одинъ пушкарь поотважился,

Говорить пушкарь да таково слово:
„Ты позволь государь слово выго-
ворить!“ ¹⁾

¹⁾ «Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ-то свѣча идетъ тише».

Не успѣлъ пушкарь слово вымолвитъ
Какъ тутъ догорѣли зажигальныя
свѣчи,

Вдругъ рѣзорвало бочки съ порохоми:
Стѣны крѣпости бросало за Сулай
за рѣку.

Татары тутъ всѣ устрашились,
Они бѣлому царю да покорилися. ²⁾

Говорятъ они татаре таково слово:
—Вѣчно быть нашей Казани подь

святой Русью,
—Подъ святой Русью непобѣдимую,
—Непобѣдимую Богомъ любимую!

Г. 827.

(Записано въ Петербургѣ).

2. Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

(Никитѣ Романовичу дано село).

Когда-то возсіяло солнце крас-
ное,
На тоемъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Гроз-
ный царь,

Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ по-
честный пирь:

Все-то на пиру да наѣдался,
Все-то на почетномъ напивались
И все на пиру порасхвастались.

Иный хвастаетъ села со присел-
ками,

А иный хвалить города съ при-
городками,

Иный хвалится да золотой казной,

²⁾ Иванъ В. взялъ съ казанскаго царя Си-
меона царскую корону,

И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костюль въ руки принялъ.

И въ то время царь воцарился
И посѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ моръ великая слава.

Умный хвалится родной матушкой,
 Безумный хвастает молодой женой.
 Изъ-за того стола да изъ-за ду-
 бова

Не золота звонка труба вытрубила,
 Испроговорилъ грозный царь Иванъ
 Васильевичъ,

Испроговорилъ онъ таково слово:
 „Есть и мнѣ царю теперъ похва-
 стати:

„Я повynesъ-то царенѣ изъ Царя-
 града,

„Царскую порфиру на себя надѣлъ,
 „Царскій костыль я себѣ въ руки
 взялъ,

„И повыведу измѣну съ каменной
 Москвы!“

Съ-по тыя было палаты бѣлока-
 менной

Туть не красное-то солнышко ка-
 талоса,

А не скатный жемчугъ рассыпается,
 Ходить маленькой Иванушко ца-
 ревичъ-государь,

Сынъ ¹⁾ говорилъ да таково-слово:
 — Ты эй государь мой родной ба-
 тюшка!

— Не вывести измѣны съ камен-
 ной Москвы:

— Сидить-то измѣна за однимъ
 столомъ,

— Исъ—пѣть измѣна одни ку-
 шанья,

— Платьи носить одноцвѣтныя,
 — Да сапожки на ножкахъ одно-
 личныя.—

Туть не мутное око помутилося,
 Его царское сердце разгорѣлося
 И сговорилъ Грозный царь Иванъ
 Васильевичъ:

„Ахъ ты маленькой Иванушко,
 царевичъ-государь!

„Ты подай мнѣ измѣнщика да на
 очи:

„Я измѣнщику голову срублю.“
 Испроговорилъ Иванушко царевичъ
 государь:

— Ужъ я глупымъ-то разумомъ
 промолвился

— Какъ на братца мнѣ сказать,
 такъ мнѣ-ка братца жаль,

— На себя мнѣ-ка сказать, такъ
 мнѣ-ка живу не бывать;

— А буде сказать мнѣ на братца
 своего,

— На того на Ѳедора Ивановича.

— Ей ты, государь родной ба-
 тюшка!

— Когда жъ мы брали съ тобой
 царскій градъ,

— Когда ты-то ѣхалъ да по
 врачку,

— А я-то ѣхалъ да по другому,
 — А братецъ мой ѣхалъ по сере-
 дочки.

— Мы съ тобою государь да все
 ѣхали,

— Мы все казнили, да все вѣ-
 шали,

— А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по
 середочкѣ,

— Напередъ пословъ да онъ по-
 разсылалъ,

— Чтобы удалые да поразбѣга-
 лись,

— А которые по кувиль-траву да
 развалялися,

— А которые при домахъ остава-
 лися.

— Теперичу измѣна вся повыв-
 стала.—

Туть не мутное око помутилося,

¹⁾ Самъ?

Ево царское сердце разгорѣлося:

„Ай вы ей, палачи да немилостивы!

„Вы возьмите-ка Ѳедора Ивановича

„За тья за рученки за бѣлья,

„За тые за перстни за злаченые,

„Сведите-ка Ѳедора въ чисто поле

„А на тое болотцо-то на житное,

„А на тую на плашку на липову,

„Отрубите ему буйну голову

„За него поступки неумильные!“

Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,

Которые разумны, растулялися,

Одинъ остался Малютка воръ Скуратовъ сынъ.

А самъ говорилъ таково слово:

„„Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,

„„Я безъ счету королей, да королевичей;

„„А тебя-ко-ва я Ѳедора да не спущу!““

Онъ беретъ его за ручки за бѣлья,

За тые за перстни да за злаченые,

Повелъ Ѳедора да въ чисто поле

На тое болотечко на житное,

На тую плашечку на липову

Срубить Ѳедору да буйну голову

За него поступки неумильные.

Во тую ль было пору да во то время

Услыхала Авдотья ¹⁾ Романовна,

Его государыни да родна матушка,

Она чеботы обула да на босу ногу,

Кунью шубу-то одѣла на одно плечо,

Побѣжала-то на горку да на Вшивую, ²⁾

А ко своему ко братцу ко родному,

Ко тому Никиты-то Романовичу.

А срѣтать ю братецъ-отъ ей родимый,

А самъ говорить таково слово:

„Что же ты, сестрице, да не въ покрутѣ

„А въ одной ты шубы черныхъ соболей?“

Говорить Авдотья да Романовна:

—Ты ей же, братецъ мой родимый!

—Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:

—Вѣдь нѣтъ жива твоего любимого племянничка,

—Тотъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ

(Увелъ его да во чисто поле) ¹⁾

—На тое болотцо да на житное,

—На тую плашку на липову.

—Срубить Ѳедору буйну голову.—

Онъ кидается, скоро бросается,

Беретъ узду въ руки тесмянную,

Бѣжалъ на конюшну на стоялую,

Одѣвалъ на мала бурушка да ка-вурушка,

Садился скоро на добра коня,

Не на сѣдлана, да не на уздана,

Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричить,

Голосомъ кричить, да самъ рукой машить:

„Ты ей, воръ, Малютка Скуратовъ сынъ!

„Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ за-давишься,

„Не казни-тка млада царевича,

„Ай тогожь-де Ѳедора Ивановича.“

Малютка того и не пытаючи,

Веретъ Ѳедора да за желты кудри,

Клонить на плашку на липову,

¹⁾ Настасья. Г. 142 и въ больш. ч. вар.

²⁾ Известная мѣстность въ Москвѣ.

¹⁾ Въ скобкахъ поставленъ видимо пропущенный стихъ.

Хочетъ срубить да буйну голову.
 А наѣхаль Никита да Романовичъ,
 Смахнулъ своей саблей да вострой,
 Отнесъ Малютки буйну голову,
 За него поступки неумильные.
 А онъ взялъ, де, Ѳедора Ивановича,
 Увозилъ на гарку да на Вишвую.

Сегодня день былъ субботній,
 Завтра день да воскресный де,
 Ъхать намъ ко ранной ко заутрени.
 Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ,

Что нѣтъ жива молодого царевича,
 Сокрутился онъ во платьѣ во опаль-
 ное,

Заложилъ лошадей да воровенныхъ
 Подъ ты (вареты) подъ черныя,
 Поѣхаль ко ранной ко заутрени.
 А тотъ Никита да Романовичъ
 Заложилъ онъ лошадей да все ры-
 жихъ

Одѣлъ на себя платьѣ цвѣтное,
 Платьѣ цвѣтное, самолучшее,
 Поѣхаль ко ранной ко заутрени.
 Крестъ кладець по писаному,
 Поклонъ ведетъ по ученому
 На всѣ три-четыре стороны.

А Ивану Васильевичу въ собину:

„Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ

Васильевичъ

„Со своей со любимой семьей,

„Со молодой со Авдотьей со Ро-
 мановной,

„Со своими со малыма со дѣтушками,

„Со тымъ со Иваномъ Ивановичъ!
 чемъ!“

И сговорилъ Грозный царь Иванъ
 Васильевичъ:

— Ай ты же, шуринъ мой любимыя,

— Ты ей, Никита да Романовичъ!

— Знать ты надъ собой певзго-
 душки не вѣдаешь?

— Вѣдь нѣтъ жива твоего люби-
 маго племянничка,

— Ай того де Ѳедора Ивановича.

— Вѣдь увель воръ Малютка Ску-
 ратовъ сынъ

— На тое болотцо да на житное,

— Да на тую на плашку да на
 липову

— Срубить Ѳедору буйну голову

— За него поступки неумильные. —

Во второй и, наконецъ, въ третій
 разъ обратился съ такимъ же привѣт-
 ствиемъ Никита Романовичъ, поздрав-
 ствовавъ вмѣстѣ съ Иваномъ Иванови-
 чемъ и Ѳедора Ивановича.

Тутъ не мутное око помутилось.

Его царское сердце разгорѣлось:

— Ахъ ты ей же, шуринъ мой лю-
 бимыя

— Ахъ ты ей же, Никита Рома-
 новичъ!

— Знать, ты надо мной насмѣха-
 ешься!

— Отстою какъ я раннюю заутреню,

— Прикажу тебѣ Никиты голову
 срубить. —

И самъ заплакалъ горькимъ дьяте-
 лемъ (*птица*).

— Какъ по ворахъ было по разбой-
 никахъ,

— По разбойникахъ по ворахъ есть
 заступники;

— По моемъ рожное(мъ) по дитятки,

— По тоемъ Ѳедоръ Ивановичъ

— По немъ не было никакого за-
 ступушки! —

Говорить Никита Романовичъ:

„Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?“

Говорилъ Грозный царь Иванъ Ва-
 сильевичъ:

— Хоть бываетъ-то прощенье, те-
 перь взять негдѣ. —

Говорить Никита Романовичъ:

„Не отрублена есть Ѳедору да буйна
голова,

„А струблена да буйна голова

„А тому Малюты да Скурлатову.“

Тутъ Грозный царь Иванъ Ва-
силевичъ,

Онъ кидается скорѣ, бросается

Не кидается за Ѳедора Ивановича,¹⁾

Кидался за Никиту за Романовича

Береть его за ручки за бѣлья,

Цѣлуетъ во уста во сахарныя,

Самъ говорить таково слово:

— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори по-
жаловать?

— Ты эй шуринъ мой любимыя,

— Дать тебѣ села со приселками.

— Али дать тебѣ да золотой казны?

Говорить Никита Романовичъ:

„Есть у меня села со приселками,

„А и то мнѣ молодцу не похвальба.

„Есть у меня города съ пригород-

ками,

„А и то мнѣ молодцу не похвальба.

„Есть у меня и золотой казны,

„И то мнѣ молодцу не похвальба.

„А ты дай-ка мнѣ Микитину да

вотчину:

„Что хоть съ петли уйди, хоть

коня угони,

„Хоть коня угони, хоть жену уведи,

„Столько ушелъ бы въ Микитину

вотчину, —

„Того доброга-то молодца да Богъ

простить.“

Онъ пожаловалъ Микитиною его

вотчиной:

Что хоть съ петли уйди, да хоть

коня угони,

Хоть коня угони, да хоть жену

уведи.

Столько ушелъ бы въ Микитину да
вотчину, —

Того доброга-то молодца да Богъ
простить.

Тутъ вѣкъ про Микиту сторичу
скажутъ,

Синему морю на тишину,

Вамъ добрымъ людямъ на послу-
шанье.

Г. 784 — 789.

(Записана въ повѣстк. у. оловецк. г.).

3. Покореніе Сибири.

Ермакъ.

Какъ на славныхъ на степяхъ
было Саратовскихъ,

Что пониже было города Саратова,

А повыше было города Камышина,

Собирались козаки, други, люди

вольные,

Собирались они, братцы, во единъ

кругъ,

Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;

Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимо-

еевичъ,

Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Ла-

вrentьевичъ:

Они думали думашку всё единую:

„Ужь какъ лѣто проходить, лѣто

теплое,

„А зима настаетъ, братцы, холод-

ная:

„Какъ и гдѣ-то намъ, братцы,

зимовать будетъ?

„На Яикъ намъ иттить, — да пере-

ходъ великъ;

„Да на Волгѣ ходить намъ, —

всѣ ворами слать;

„Подъ Казань градъ иттить, —

да тамъ царь стоять,

¹⁾ Къ Ѳедору.

„Какъ грозной-то царь Иванъ Васильевичъ,
 „У него тамъ силы много множество:
 „Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
 „А намъ, козакамъ, быть переловленнымъ,
 „Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженымъ.““
 Какъ не золотая трубушка вострубила,
 Не серебряная — рѣчь громко возговорить,
 Рѣчь возговорить Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ;
 „Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
 „И меня, Ермака, братцы, послушайте:
 „Зазимуюмъ мы, братцы, всё въ Астрахани,
 „А зимою мы, братцы, поисправимся;
 „А какъ вскрыется весна красная
 „Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдёмъ,
 „Мы заслужимъ предъ грознымъ царемъ вину свою:
 „Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
 „Да по синему морю по Хвалынскому,
 „Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
 „Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
 „Мы убили посланничка все царскаго,
 „Какъ того-то вѣдъ посланничка Персидкаго“.

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ

На широкой на ровной было площади,
 Собирались козаки, други, во единый кругъ,
 Они думали думу крѣпкую,
 Да и крѣпкую думушку единую:
 „Какъ зима-то проходить всё холодная,
 „Какъ и лѣто настанеть, братцы, лѣто теплое:
 „Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ иттить.““
 Рѣчь возговорить Ермакъ Тимоѣевичъ:
 „Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
 „Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
 „Забивайте вы кочета ¹⁾ словые,
 „Накладайте бабачки ²⁾ сосновые,
 „Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
 „Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
 „Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
 „Доберемся мы до царства бусурманскаго,
 „Завоюемъ мы царство Сибирское,
 „Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
 „А царя-то Кучума во полонъ возьмемъ:
 „И за то-то государь царь насъ пожалуетъ;
 „Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
 „Я надѣну тогда шубу соболиную,
 „Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
 „Принесу я Царю Бѣлому повинную:

¹⁾ Вбитые въ бортъ колышки, на которые надѣваютъ весло. — ²⁾ Весла.

„— Ой ты гой еси, надежа, право-
славный Царь!

„— Не вели меня казнить, да вели
рѣчь говорить:

„— Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Ти-
моѣевичъ,

„— Какъ и я-то, воровской Донской
атаманушка,

„— Какъ и я-то гулялъ вѣдь по
синю морю,

„— Что по синю морю по Хвалын-
скому,

„— Какъ и я-то разбивалъ вѣдь
буем-корабли,

„— Какъ и тѣ-то корабли всё не
орленце;

„— А теперича, надежа, православ-
ный Царь,

„— Приношу тебѣ буйную головушку

„— И съ буйной головой царство
Сибирское! — “

Рѣчь возговорить надежа право-
славный Царь,
Какъ и Грозной-го Царь Иванъ
Васильевичъ:

„Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Ти-
моѣевичъ,

„Ой ты гой еси, войскою ¹⁾ Дон-
ской атаманушка!

„Я прощаю тебя да и со войскомъ
твоимъ,

„Я прощаю тебя да за твою службу,

„За твою-то ли службу мнѣ за вѣр-
ную,

„И я жалую тебѣ, Ермакъ, слав-
ный-тихой Донъ!“

Кирѣевск. ч. II, в. 6, стр. 39—41.

4. Смерть Грознаго царя Ивана Ва- сильевича.

Охъ вы горы, горы крутыя!

Охъ вы головы златныя православ-
ныхъ церквей!

Охъ косящеты окошци царскихъ те-
ремѣвъ!

Какъ въ теремѣ живеть право-
славный Царь,
Православный Царь Иванъ Василь-
евичъ?

Онъ грозёнъ, батюшка, и мило-
стивъ,

Онъ за правду милуетъ, за неправду
вѣшаетъ.

Ужъ настали годы злые на Москов-
скій народъ,

Какъ и сталъ православный Царь
грозный прежняго:

Онъ за правду — за неправду дѣлалъ
кѣзни лютыя.

Какъ восплачется народъ Русскій
на Грознаго Царя:

Переставился Грозный Царь на
восьмидесятомъ году,

А сынъ его Фѣдоръ сталъ Русью
управлять.

Кирѣевск., ч. II, вып. 6, 205.
(Тульск. г., черныскаго у.)

III. Смутное время.

1. Гришка Разстригинъ.

Во стѣ было во седьмомъ году,
Во седьмомъ году въ восьмой ты-
сячѣ

Не было въ Москвѣ содержатая,
Содержатая въ Москвѣ, сбережа-
тая,

¹⁾ Выше «воровской».

Водарился воръ Гришка Разстрижка
Отрепьевъ сынъ ¹⁾).

Р.. III. 266.

Назывался прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Дмитріемъ,
Дмитріемъ царевичемъ московскимъ.
Не успѣлъ воръ-собака водариться,
Похотѣлъ воръ-собака пожениться;
Не въ своей онъ Россіи, въ камен-

ной Москвы,
Поженился воръ-собака въ хороброй
Литвы,

У Юрья пана Сердобольскаго ²⁾,
На него на меньшей на дочери,
На той-ли на Маринушкѣ Юрьевой.
Оны свадьбу играли въ Филиповъ

постъ,
Въенецъ принимали въ Миколинъ
день, —

Миколы-то было въ пятницу.

Дошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.

У того ли у Ивана у Великаго
Ударили въ большій въ колоколь:
Всѣ князи-бояра къ обѣдни пошли,
Ко тыя ко Христовьской заутрени, —
Воръ Гришка-Разстрижка во мыльню
пошелъ

Со душечкой со Маринушкой со
Юрьевой.

Всѣ князи-бояра Богу молятся, —
Воръ Гришка-Разстрижка въ мыльни
моется...

Всѣ князи-бояра отъ обѣдни пошли,

¹⁾ Вариантъ:

На насъ, братцы, Господи разгнѣвался,
На славное царство российское.
На российское царство, на московское:
Даль Господи царя несчастливаго (неестваго).
Р. III. 264.

²⁾ Прилаг. Сердобольскій (отъ Сердоболь,
г. Выборгск. губ.) явно замѣняетъ прежнее
«Севдомірей».

Воръ Гришка-Разстрижка со мыльни
идеть
Съ душечкой съ Маринушкой со
Юрьевой.

На Гришкѣ кафтанъ въ пять сотъ
рублей,

На Маринушкѣ саять ¹⁾ въ цѣлу
тысячу.

Говоритъ воръ Гришка таковы слова.

„Проходи-тко, Марина, въ палаты
бѣлокаменны,

„Не молись-ко, Марина, чуднымъ
образамъ,

„Ты не кланяйся, Марина, князь-
ямъ-боярамъ,

„Проходи-то, Марина, за дубовый
столъ,

„Кушай-рушай лебедь бѣлую.

„Послушай, Марина, что я говорю:

„Проживу буде я три часа,

„Проживу, Марина, тридцать лѣтъ.

„Не проживу буде я трехъ часовъ,

„Не прожить мнѣ-ка и трехъ го-
довъ.“

Выскакивалъ собака на крылечико
на царское,

Закричалъ воръ-собака громкимъ
голосомъ,

Чтобы было слышно по всей Руси,

По всей Руси, каменной Москвы,

Ко Юрью пану Сердобольскому:

(Рыбн. III, 264 — 266).

„Гой еси, ключники мои, приспѣш-
ники!

„Приспѣвайте кушанье разное,

„А и постное и скоромное;

„Завтра будетъ ко мнѣ гость до-
рогой,

„Юрья панъ со панькою“.

¹⁾ Саять или саяль — женское платье, са-
рафанъ, юбка. Р.

А втапоры стрѣльцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
Въ Боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Марѣѣ Матвѣевнѣ:

— Царица ты, Марѣѣ Матвѣевна!
— Твое ли это чадо на царствѣ

сидить,

— Царевичъ Димитрій Ивановичъ? —

А втапоры царица Марѣѣ Матвѣевна заплакала,

И такovy рѣчи во слезахъ говорила:

„А глупы стрѣльцы вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царствѣ сидить?

На царствѣ у васъ сидить

Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;

Потерявъ мой сынъ царевичъ Ди-
митрій Ивановичъ

На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ

Годуновыхъ: —

Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ

У чудной Софіи премудрая, —

У того ли-то Ивана Великаго

Завсегда звонять во царь-колоколь,

Соборныя попы собираются,

За всякіе праздники совершаютъ
панихиды

За память царевича Димитрія Ива-
новича, —

А Годуновыхъ бояръ проблинаютъ
завсегда.“

Тутъ стрѣльцы догадалися,

Всѣ они собиралися,

Ко Красному царскому крылечку
металися,

И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.

Гришка Разстрига догадается,

Самъ въ верхни чердаки убирается

И накрѣпко запирается;

А злая его жена, Маринка безбож-
ница,

Сорокою обернулася

И изъ пазаты вонъ она вылетѣла.

А Гришка Разстрига втапоры до-
гадливъ былъ,

Бросался онъ со тѣхъ чердаковъ на
копья острыя

Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ мо-
лодцамъ;

И тутъ ему такova смерть случилась¹⁾.

Кирша, 71—72.

2. Скопини.

Обошла Москву Литва поганая,

Да й садился тутъ Скопини да на
добрѣ воя,

Еще ѣхаль-то Скопини да и во
Новгородъ,

Онъ заутрену служилъ пречистой
Богородицѣ,

На заутрену онъ положилъ пять-
сотъ рублей,

На обѣдню полагалъ онъ цѣлу ты-
сящу,

Собиралъ ѣнъ мужичковъ да нов-
городскіихъ,

Говорилъ ѣнъ мужичкамъ да нов-
городскимъ:

„Ай же мужички вы новгородскія!

„Соберите-тко мнѣ силушки сорбѣ
тысящъ.

„Да и повыгнать изъ Москвы Литва
поганая.“

Эти мужички да новгородскія

Собирали ёму силушки сорбѣ тысящъ;

Ѣхаль-то Скопини да къ каменной
Москвы

Со своимъ со войскамъ со великимъ.

¹⁾ Вариантъ:

...Господа всѣ Московскіе
Собирались господа въ единый кругъ,
И думали думунку общую,
И прирала Гришкѣ смерть скорую.

У Литвы Москва да попрязанята,
 А й всё дѣмы у Литвы да при-
 заставлены,
 А й оружьями литовскими
 Магази принаполнены,
 Ему некакъ-то подъѣхать къ ка-
 менной Москвы.
 А 'ще шоль Скопинъ по славной
 каменной Москвы,
 Приходилъ-то онъ ко князю ко
 московскому,
 Ко тому къ Микитушкѣ къ Рома-
 нову.
 А 'ще грозный царь Иваць Ва-
 сильевичъ
 Во Москвы жвететь да ёнъ не ве-
 село.
 Онъ со этою царицей со московскою,
 Да со тою со Настасьешкой Ро-
 мановной,
 Ёнъ про нихъ дѣла да и не вѣ-
 даётъ.
 Говорилъ Скопинъ-отъ князю-то
 московскому:
 „Ай же князь Микитушка Рома-
 новичъ,
 „Розорить нашу Москву Литва по-
 ганая!“
 Тутъ московской князь Микитушка
 Романовичъ
 А й садился-то Микита на черле-
 ный стулъ,
 Й онъ повѣсилъ свою буйную го-
 ловушку
 Да пониже плечъ своихъ могучихъ,
 Ясны очушки втопилъ онъ во кир-
 пичной мостъ,
 Говорилъ-то тутъ Микита такovy
 слова:
 —Ай же молодость моя молодая!
 — Улетѣла отъ меня да й во чисто
 поле,

—Во чисто поле да яснымъ соко-
 ломъ!

—Ай ты старость ты моя да и
 глубокая!

—Налетала ты да изъ чиста поля,

—Изъ чиста поля да чернымъ во-
 рономъ,

—Да й садилася ко мнѣ на плечка
 на могучи! —

А й тутъ сталъ Микита на рѣзвы
 ноги,

А й то палъ Микита о кирпичной
 мостъ,

Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горно-
 стальчикомъ,

И онъ бѣжалъ по славной камен-
 ной Москвы,

Забѣгалъ онъ въ магази въ ору-
 жейные, —

Отъ оружей всё замочки прочъ по-
 выщелкалъ;

Онъ бѣжалъ-то на конюшни лоша-
 динны, —

У добрыхъ коней всё глодочки по-
 выторкалъ;

Бѣжалъ онъ тонкимъ бѣлымъ горно-
 стальчикомъ

Во свою полату бѣлокаменну,
 А й тутъ палъ Микита о кирпич-
 ной мостъ,

Обвернулся, сталъ Микита добрымъ
 молодець.¹⁾

Выходилъ-то какъ Микита на ши-
 рокой дворъ,

Отобралъ добра коня Микита бога-
 тырскаго,

Й онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,
 Онъ повѣхалъ на славу каменну

Москву
 Воевать съ Литвою со поганю.

¹⁾ Ср. превращеніе Вольги, стр. 94.

Какъ пошла Литва погана по ко-
нюшнямъ лошадинымъ,
Да у добрыхъ коней вси глодочки
росторканы;
То пошли оны по тымъ славнымъ
магазеямъ оружейнымъ,
Отъ оружей всѣ замочки отщол-
каны, —
То имъ нечѣмъ воевать да съ ка-
менной Москвой.
А й поганая Литва она въ побѣгъ
пошла,
А й очистили-то славну каменнѣ
Москву.
Еще тымъ эти дѣла покончились.
Г. 540—542.

(Записана въ петрозаводск. у. олопецк. г.)

IV. Алексѣй Михайловичъ.

1. Земскій соборъ.

Посредѣ-ль было московскаго цар-
ства,
Среди было російска государства,
Какъ у свѣта у Архангела Ми-
хайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во колоколъ,
Всихъ князей бояръ къ обѣднѣ со-
зывали.
Тамъ служили святыи молебень.
Выходилъ наша надежа государь
царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Мос-
ковской,
Становился государь на ровно ¹⁾
мѣсто,

На всѣ стороны онъ поклонился;
Что ни золота труба да вострубила,

¹⁾ Лобное.

Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ наша надежа государь
царь
Алексѣй сударь Михайловичъ мос-
ковскій:
„Ай же вы мои князья бояра!
„Пособите государю дума думать,
„Дума думать государю не проду-
мать
(„Мнѣ-ка пиметь нынѣ король зем-
ли Шведской:
„Онъ просить у насъ города Смо-
ленца): ¹⁾
„А отдать ли мнѣ-то городъ Смо-
ленецъ?“
Изъ того ли изъ боярскаго изъ
круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимоей сударь Ивановичъ Казан-
ской ²⁾,
Поблизешеньку къ царю онъ ста-
новился,
Понизешеньку царю онъ поклон-
ился.
— Ахъ ты свѣтъ наша надежа
государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ
московскій:
— Власлови-тко государь мнѣ слово
молвить,
— Не возьми-тко мое слово во
досаду,
— Не вели-тко скоро за слово
казнати.
— А отдай-во ты городъ Смоле-
нецъ,
— А Смоленецъ-то городъ не крѣ-
покъ,

¹⁾ Стихи въ скобк. изъ Р. III. 267.

²⁾ Вариантъ:

Выходилъ перво князь Астраханской.
Р. III. 267.

— Во Смоленцѣ золотой казны
немножко,
— Не московскоѣ строеньицо, ли-
товско. —
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не
принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ мос-
ковскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ
круга
Еще другіи бояринъ выступаетъ
А Илья сударь Ивановичъ Хован-
ской. ¹⁾
Поблизешенько къ царю онъ ста-
новился,
Понизешенько царю онъ покло-
нился.
„Ахъ ты свѣтъ наша надежа го-
сударь царь
„Алексѣй сударь Михайловичъ мос-
ковскій!
„Бласлови-тко государь мнѣ слово
молвить,
„Не возьми-тко мое слово во до-
саду,
„Не вели-тко скоро за слово каз-
нити.
„Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоле-
нецъ.
„А Смоленецъ-то городъ не крѣ-
покъ,
„Во Смоленцѣ золотой казны нем-
ножко,
„Не московскоѣ строеньицо, ли-
товско.“
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не
принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ мос-
ковскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ
круга

Еще третій бояринъ выступаетъ.
А Иванъ сударь Иванычъ Мило-
славской ¹⁾
Поблизешенько къ царю онъ ста-
новился,
Понизешенько царю онъ покло-
нился.
— Ахъ ты свѣтъ наша надежа
государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ
московскій!
— Не отдай-ко ты вѣдь города
Смоленца,
— А Смоленецъ-то вѣдь городъ
очень крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны без-
чѣтно,
— Не литовское строеньице, мо-
сковско!
Тутъ проговорить свѣтъ наша на-
дежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ мо-
сковскій:
„Ай же ты храбрый воинъ
„Иванъ сударь Иванычъ Милослав-
ской!
„А ты знаешь вѣдь съ царемъ и
говорити,
„Поѣзжай туда въ полки воеводой!“
А какъ тѣхъ бояръ велѣлъ да царь
казнити.

Г. 827—829.

(Зап. въ петровзаводск. у. олопецк. г.).

2. Стенка Разинъ.

А.

Унасъ то было, братцы на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ
городу,

¹⁾ Выходилъ второй князь Бухарскій. ib. 268. ib. 269.

Породился удалой, доброй молод-
 децъ,
 По имени Степанъ Разинъ Тимо-
 феевичъ.
 Во казачій кругъ Степанушка не
 хаживаль,
 Онъ съ нами, казакамъ, думу не
 думываль;
 Ходилъ гуляль Степанушка во ца-
 ревь кабакъ,
 Онъ думаль крѣпку думушку съ
 голутвою.
 „Судари мои, братцы, голь кабац-
 кая!
 „Поѣдемъ мы, братцы, на сине
 море гуляль,
 „Разобьемъ, братцы, басурмански
 корабли,
 „Возьмемъ мы, братцы, казны, сколь-
 ко надобно,
 „Поѣдмте, братцы, въ каменну
 Москву,
 „Покупимъ мы, братцы, платье
 цвѣтное,
 „Покупивши цвѣтно платье да на
 низъ поплывемъ!“

Сах. 1. 3. 229.

Б.

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса
 темны,
 Вы станы ль мои станочки, станы
 Теплы!
 Ужь какъ вы ль, мои станочки,
 поразломлены,
 Всѣ товарищи, всѣ пріятели по-
 разловлены,
 По злодѣйскимъ по тюрьмамъ по-
 разожены.
 Только я то ли, добрый молодецъ,
 не пойманъ былъ,

По прозваньюцу меня звали Стенька
 Разинъ сынъ.
 Я не годъ гуляль, я не два
 года,
 Я гуляль-то ровно тридцать лѣтъ.
 Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
 Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
 У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:
 „Перевезите -ка меня, добра мо-
 лодца,
 „На ту сторону, на бѣлый каме-
 шекъ.“
 На бѣломъ камешкѣ сталъ скон-
 чаться,
 При кончинушкѣ сталъ наказы-
 вать,
 Сталъ наказывать и выговаривать:
 „Ахъ вы милые сотоварищи!
 „Похороните меня, добра молодца,
 „Промежду трехъ дорогъ, — первой
 (Питерской),
 „Другой Владимірской, третьей Ки-
 евской.
 „Вовъ правую ручку дайте саблю
 вострую,
 „Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
 „Въ головахъ поставьте чуденъ-
 дивенъ крестъ,
 „Вовъ ногахъ поставьте ворона
 воня.
 „Кто ни идетъ, кто ни ѣдетъ ми-
 мо молодца,
 „Мимо молодца, всякъ помолится:
 „— Что не воръ ли лежить тутъ,
 не разбойничекъ,
 „— Тутъ лежить-то Стенька Ра-
 зинъ сынъ! —
 Приходили тутъ сотоварищи,
 Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
 Тому-то братцы сдивовалися,
 Стенькѣ-Разину поклонялися...

Р. II. 239—240.

— Во Смоленцѣ золотой казны
немножко,
— Не московской строеньице, ли-
товско. —
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не
принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ мос-
ковскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ
круга
Еще другія бояривъ выступаетъ
А Илья сударь Ивановичъ Хован-
ской. ¹⁾
Поблизешенько къ царю онъ ста-
новился,
Понизешенько царю онъ покло-
вился.
„Ахъ ты свѣтъ нашъ надежа го-
сударь царь
„Алексѣй сударь Михайловичъ мос-
ковскій!
„Бласлови-тко государь мнѣ слово
молвить,
„Не возьми-тко мое слово во до-
саду,
„Не вели-тко скоро за слово каз-
нити.
„Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоле-
нецъ.
„А Смоленецъ-то городъ не крѣ-
покъ,
„Во Смоленцѣ золотой казны нем-
ножко,
„Не московской строеньице, ли-
товско.“
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не
принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ мос-
ковскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ
круга

Еще третій бояривъ выступаетъ
А Иванъ сударь Иванычъ Мило-
славской ¹⁾
Поблизешенько къ царю онъ ста-
новился,
Понизешенько царю онъ покло-
вился.
— Ахъ ты свѣтъ нашъ надежа
государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ
московскій!
— Не отдай-ко ты вѣдь города
Смоленца,
— А Смоленецъ-то вѣдь городъ
очень крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны без-
чѣтно,
— Не литовское строеньице, мо-
сковско!
Тутъ проговорить свѣтъ наша на-
дежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ мо-
сковскій:
„Ай же ты храбрый воинъ
„Иванъ сударь Иванычъ Милослав-
ской!
„А ты знаешь вѣдь съ царемъ и
говорити,
„Поѣзжай туда въ полки воеводой!“
А какъ тѣхъ боярь велѣлъ да царь
казнити.
Г. 827—829.
(Зап. въ петрозаводск. у. олопецк. г.).

2. Стенька Разинъ.

А.

Унасъ то было, братцы на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ
городу,

¹⁾ Выходилъ второй кинжалъ Бухарскій. ib. 268.

¹⁾ Выходилъ князь Данила Милославскій.
ib. 269.

Породился удалой, доброй молод-
дець,
По имени Степанъ Разинъ Тимо-
феевичъ.
Во казачій кругъ Степанушка не
хаживаль,
Онъ съ нами, казаками, думу не
думываль;
Ходилъ гуляль Степанушка во ца-
ревъ кабакъ,
Онъ думаль крѣпеу думушву съ
голутвою.

„Судари мои, братцы, голь кабац-
кая!
„Поѣдемъ мы, братцы, на сине
море гулять,
„Разобьемъ, братцы, басурмански
корабли,
„Возьмемъ мы, братцы, казны, сколь-
ко надобно,
„Поѣдмте, братцы, въ каменну
Москву,
„Покупимъ мы, братцы, платье
цвѣтное,
„Покупивши цвѣтно платье да на
язъ поплывемъ!“
См. 1. 3. 229.

Б.

Вы лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса
темные,
Вы станы ль мои станочки, станы
Теплые!
Ужь какъ вы ль, мои станочки,
поразломлены,
Всѣ товарищи, всѣ пріятели по-
разловлены,
По злодѣйскимъ по тюрьмамъ по-
разсожены.
Только я то ли, добрый молодець,
не пойманъ былъ,

По прозваніицу меня звали Стенька
Разинъ сынъ.

Я не годъ гуляль, я не два
года,

Я гуляль-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;
У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:

„Перевезите - ка меня, добра мо-
лодца,

„На ту сторону, на бѣлый каме-
шекъ.“

На бѣломъ камешкѣ сталъ скон-
чаться,

При кончинушкѣ сталъ наказы-
вать,

Сталъ наказывать и выговаривать:
„Ахъ вы милые сотоварищи!

„Похороните меня, добра молодца,
„Промежду трехъ дорогъ, — первой

(Питерской),

„Другой Владимірской, третьей Ки-
евской.

„Вовъ правую ручку дайте саблю
вострую,

„Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,
„Въ головахъ поставьте чуденъ-
дивенъ крестъ,

„Вовъ ногахъ поставьте воронѣ
коня.

„Кто ни идетъ, кто ни ѣдетъ ми-
мо молодца,

„Мимо молодца, всякъ помолится:
„—Что не воръ ли лежитъ тутъ,

не разбойничекъ,

„—Тутъ лежитъ-то Стенька Ра-
зинъ сынъ! —

Приходили тутъ сотоварищи,
Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стенькѣ-Разину поклонялися...

V. Петръ.

1. Рожденіе Петра.

Когда ¹⁾ свѣтль, радошень въ
 Москвѣ
 Благовѣрный царь Алексѣй, царь
 Михайловичь,
 Народилъ ему Богъ царевича Пет-
 ра Алексѣевича,
 Перваго императора по землѣ.
 Всѣ-то русскіе какъ плотники мастера
 Во всю ноченьку не спали, колы-
 бель, люльку дѣлали
 Они младому царевичу;
 А и нянюшки, мамушки, сѣнныя
 красныя дѣвушки
 Во всю ноченьку не спали, шинка-
 рочку ²⁾ вышивали,
 По бѣлому рытому бархату они
 всѣ разпушались;
 А и погреба царскіе они всѣ раз-
 творялися.
 У царя благовѣрнаго еще пиръ и
 столъ на радости,
 А князи собиралися, бояра съѣзжа-
 лися и дворяне сходилися,
 А все народъ божій на пиру пьютъ,
 ѣдятъ, прохлаждаются, —
 Во весельи, въ радости не видали
 какъ дни прошли
 Для младаго царевича Петра Алек-
 сѣевича,
 Перваго императора.

Кирша. 201.

2. Возстанія и казни стрѣльцовъ.

Бывало, де, православный царь
 Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ:

¹⁾ Ужъ какъ.²⁾ Шириночку (платокъ, покрывало).

Нынче государь на насъ прогнѣвался
 И хочеть стрѣльцовъ казнить-въ-
 шати,

Съ самого съ атамана голову рубить.
 Сходились стрѣльцы во единый кругъ,
 Они думали крѣпку думу за единую,
 Посылали атамана къ самому царю:

„Поди-ка, атаманъ, къ самому царю,

„Кланяйся царю въ рѣзвы ноженъки,

„Прости у царя большой милости:

„Не можно ли насъ, батюшка,
 стрѣльцовъ простить?

„Возьмемъ мы ему городъ, которой
 надобно,

„Безъ свинцу возьмемъ, безъ по-
 роху.

„Безъ его снаряду государева ¹⁾,

„Возьмемъ городъ грудью бѣлю.“

Тутъ пошолъ атаманъ къ самому
 царю,

Пошелъ онъ вдоль по улицѣ,

Подходить онъ къ государеву Двору,

На то время государь-царь по дворцу
 гуляетъ.

Онъ и палъ, молодецъ, на колѣночки,

Сталъ кланяться царю въ рѣзвы
 ноженъки,

Сталъ просить у него большой ми-
 лости:

„Охъ ты гой еси, нашъ батюшка,
 православный царь,

„Всея Руси царь Петръ Ѳедорычъ ²⁾!

„Не можно ли насъ, стрѣльцовъ,
 простить?

„Возьмемъ мы тебѣ городъ, который
 надобно,

„Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,

„Безъ твоего снаряду государева,

¹⁾ Безъ нововведеній, принятыхъ въ новомъ войскѣ.²⁾ У новаго пѣвца прежнее имя уже замѣнено болѣе новымъ.

„Возьмемъ городъ грудью бѣлю.“
Выходить царь-государь на красень-
крылецъ,

Возговорить онъ громкимъ голосомъ:

— Охъ ты гой еси, стрѣлецкій ата-
манушка!

— И нѣтъ отъ меня вамъ милости.

— Ступай, собирай стрѣлцкое свое
войско,

— Гони-ты ихъ на Красну Площа-
душку,

— А которыхъ на поле на Кули-
ково-то ¹⁾:

— Кого стану казнить, кого вѣшати,

— Съ тебя, съ атамана, голову ру-
бить. —

Тутъ у молодца рѣзвы ноги подо-
гнулися,

Бѣлы руки его опустилися,

Буйна его головушка съ плечъ до-
лой катится,

Соболина его шапочка изъ рукъ
выпала, —

Соболина шапка на немъ во сто
рублей,

А кунья шуба на молодцѣ во тысячу.

Пошелъ молодецъ съ широка двора,

Съ того двора съ государева.

Всходитъ во Стрѣлецку большу улицу;

Тутъ не золота трубонька востру-
била,

Не серебряна сицовинка ²⁾ возъ-
игрывала,

Тутъ вскричалъ атаманъ громкимъ
голосомъ,

Чтобы слышно было по всему городу:

„Охъ вы гой еси, стрѣльцы, добры
молодцы!

¹⁾ Московскія былины повсюду перевели эту мѣстность въ Москву (смѣшная «поле Кучково»).

²⁾ Сиповка, сопѣль, народный и войсковой духовой инструментъ.

„Вы ступайте, убирайтесь вонъ изъ
города:

„И нѣтъ намъ, братцы, отъ царя
большой милости,

„Велѣлъ гнать на Красную Пло-
щадушку,

„А которыхъ на поле на Куликово-то,

„Кого хочеть казнить, кого вѣшати,

„А съ меня, съ атамана, голову
рубить.“

Кирѣевск. 8, стр. 16—18.

(Сибирской г.)

3. Казнь стрѣлцкаго атамана.

Голова ль ты моя, головушка,

Голова моя послушная!

Послужила моя головушка

Ровно тридцать лѣтъ и три года,

Со добра коня не слѣзаячи,

Изъ стремятъ ногъ не выпимаючи.

Ахъ, не выслужила головушка

Ни користи себѣ, ни радости,

Какъ ни слова себѣ добраго,

И ни рангу себѣ високаго:

Только выслужила головушка

Два столбика высокіе,

Перекладинку клевоюю,

Еще петельку шелковую.

По Мясницкой славной улицѣ,

За Мясницкими за воротами,

Ведутъ князя-боярина.

Передъ нимъ идутъ попы, дьяконы,

Во рукахъ несутъ большу книгу,

А за нимъ идетъ солдатъ рота,

На голѣ несутъ шпаги острия;

А по правую по сторонушку

Идетъ его грозный палачъ,

Во рукахъ несетъ саблю острую;

А по лѣвую по сторонушку,

Тутъ идетъ его родна сестра;

Она плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, какъ ручьи текутъ.

Унимаетъ ее родной братъ:

„Ты не плачь, не плачь, родна
сестра,

„Не слези свои очи ясныя,
„Не руди ¹⁾ своего лица бѣлаго,
„Не надсажай своего сердца ретп-
наго.

„Какъ чего же тебѣ хочется:

„Иль помѣстій моихъ, иль вотчины,

„Иль имѣнія тебѣ — богатства ²⁾,

„Или злата, или серебра,

„Иль моего тебѣ здоровьица?“

— Ахъ ты свѣтъ же, мой любезной
братъ!

— Ничего-то мнѣ не хочется,

— Ни помѣстій твоихъ, ни вотчинъ,

— Ни имѣній твоихъ — богатства,

— Ни злата, ни серебра:

— Ужь какъ только мнѣ, братецъ,
хочется,

— Твоего, сударь, здоровьица. —

Да что взговорить родимой братъ:

„И ты свѣтъ, моя родна сестра!

„Тебѣ плакать, — не выплакать,

„Молить Бога. — не вымолить,

„У царя просить, — не выпросить.

„И такъ меня Богъ помиловалъ,

„Государь-царь пожаловалъ:

„Велѣлъ срубить буйну голову

„По мои плеча могучія.“

Какъ взвели князя на срубъ высокъ,

На его мѣсто показанно;

Онъ молился Спасу — чудному ³⁾
образу,

Онъ на всѣ стороны низко бла-
нялся:

¹⁾ Не кровавь или не жарай.

²⁾ По складу — «богатства»; въ другихъ «богатаго».

³⁾ Въ другихъ «образу» отброшено. — Это на Спасской башнѣ, Красной Площади.

„Ахъ прости, прости, мѣръ и на-
родъ ¹⁾ Божій!

„Помолитесь за мои грѣхи,

„За мои грѣхи тяжкіе.“

Не успѣлъ народъ лишь вздремать,

Какъ отсѣкли буйну голову

По его плечи могучія.

ib., 24—26.

4. Гроза на Донцовъ. — Вѣсть о смутѣ.

Ахъ служили мы на границѣ ²⁾
три года:

Намъ ни вѣсточки, ни грамотки съ
Дону нѣту,

Ни словеснаго челобитьяца намъ не
прислано.

На четвертомъ годочкѣ перепала
вѣсточка.

Не полуночная звѣзда съ небесъ
упадала,

А скорая почта прибѣгала

Ко походному нашему атаману.

Ко Иванушкѣ Ивановичу Фролову: ³⁾

„Ужь ты здравствуй, походный
нашъ атаманъ,

„Ужь ты здравствуй съ поход-
ными старшинами,

„Ужь ты здравствуй со служа-
щими казаками!

„Какъ у васъ-то на Тихомъ Дону
нездорово:

„Какъ прѣехали къ намъ на Ти-
хой Донъ все разсыльщики, ⁴⁾

„Во разсыльщикахъ были два бо-
ярина.

¹⁾ Слѣдовало бы: мѣръ-народъ.

²⁾ Сѣверозападной, въ первыхъ годахъ XV. III вѣка.

³⁾ Одинъ изъ сыновей войсковаго атамана Донск. войска Флора Минѣева, смѣлов. Флоровичъ, а не Ивановичъ.

⁴⁾ Развѣщики?

„Безъ указа-то они государева
насъ разоряють,
„И они старыхъ стариковъ всѣхъ
ссылають,
„Молодыхъ, де, малолѣтокъ бе-
рутъ во солдаты.
„Отъ того-то нашъ славный-Ти-
хий Донъ возмутился,
„Возмутился славный-Тихий Донъ
вплоть до устья, ¹⁾
„Какъ я до славнаго до города
Черкаскаго ²⁾.“

ib. 87.

5. Шереметевъ и Шлиппенбахъ.

При край было синяго моря.
При усть было Тихаго Дунаю ³⁾,
Тутъ распахана была пашня:
Не плугами и не сохами, —
Добрыхъ коней копытами;
Посѣяна была пашня
Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
Взборонована была пашня
Еще тѣми же Мурзавецкими копыями;
Поливана была пашня
Тою ли христіанскою кровью ⁴⁾.
Собирался Борисъ сударь Петро-
вичъ Шереметевъ князь
Подъ тотъ ли городъ подъ Мызу.
Онъ исправилъ провіанты не большіе,
Въ походъ пошелъ, — онъ и шелъ все
топями,

Все топями, все грязями,
Все темными лѣсами.

¹⁾ До устья (покладу).

²⁾ Черкаска.

³⁾ Тихаго Дону: участие Донскихъ козаковъ разсѣяло ихъ черты по всѣмъ пѣснямъ этой эпохи. Но любимый Дунай явился еще потому, что все это начало восходить къ глубокой древности образовъ.

⁴⁾ Образы и краски Слова о П. Игореѣ.

Не дошедши онъ Мызы, становился,
Не дошедши онъ Мызы за пятнад-
цать версть:
Онъ развѣзжихъ казаковъ разсы-
лаеть,
Развѣзжие казаки развѣзжаютъ,
Шведскіе караулы разбиваютъ,
И Шведскаго маіора поймаи,
Къ Борису Петровичу приводили.
То Борисъ сударь Петровичъ сталъ
его пытать,
Крѣпкими допросами допрашати:

„Охъ ты гой еси, маіоръ Шведскій!

„Скажи — не утай всеі правду:

„Много ли у васъ силы?“

Возговоритъ маіоръ Шведскій:

— Охъ ты гой еси, Борисъ сударь Пе-
тровичъ Шереметевъ князь!

— У насъ силы много:

— Со мною со маіоромъ сорокъ ты-
сячь, ¹⁾

— А съ самимъ королемъ много —
сѣмьты нѣту.

Какъ возговоритъ Борисъ сударь Пе-
тровичъ Шереметевъ князь:

„Охъ ты врѣшь-плутуешь, говоришь
не дѣло!

„Я этого не боюся,

„Я съ конницей съ драгунами не
ворочуся:

„Собью я Мызу всю съ корня,

„До самой до подѣтвы ²⁾!“ ³⁾

ib. 127—129.

(Сызрань, симбирск. г.)

¹⁾ Варягъ:

А силы съ генераломъ сорокъ тысячь,
Съ любимымъ генераломъ Шлиппенбахомъ.
Кирѣвск. 8. 131.

²⁾ До почвы.

³⁾ Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили:
Сражались два войска тутъ большіе.

Что Московское войско со Шведскимъ...

Тутъ много мы Шведовъ порубили,

А втрое того яъ полонъ ихъ взяли:

Тѣмъ прибылъ государю учинили.

ib. 131—132.

6. Изъ пѣсни «Полтавское дѣло».

... Какъ подь славнымъ городомъ
подь Полтавой,
Тутъ стояль-постояль король Швед-
скій.

Къ королю кавалеры приходили,
На рѣчахъ кавалеры доносили:
— „Ахъ ты батюшка, король земли
Шведской!

— „Колько подь городомъ ни стояти,

— „Намъ Полтавы города не взяти:

— „Во Полтавѣ есть Московская
пѣхота,

— „Самъ царь-государь поспѣшаетъ,

— „Онъ со конницей, со драгунами,

— „Съ регулярной силой, со пѣхо-
той...“

... Подымалась Полтавска баталья.

Запалить Шведская сила

Изъ большого снаряда — изъ пушки;

Запалить Московска сила

Изъ мелкаго ружья — изъ мушкета.

Не крупень чеснокъ разсыпался:

Смѣшалася Шведская сила.

Распахана Шведская пашня,

Распахана солдатской бѣлой грудью;

Орана Шведская пашня

Солдатскими ногами;

Боронена Шведская пашня

Солдатскими руками;

Посѣяна новая пашня

Солдатскими головами;

Поливана новая пашня

Горячей солдатской кровью.

ib. 171—173.

(Шенкурскъ, арханг. к. г.)

7. Петербургъ и Нева современъ Петра.

Какъ за рѣчущкой за Невагою,
За другой рѣчущкой Переправую,

За третьей за большой дороженькою
Какъ не пыль въ полѣ запылилась,
Не дубровушка разпаталася:

Разпаталася удалъ-добрый молодець,
Добрый молодець, человекъ бѣдный,
Человекъ бѣдный, солдатъ бѣглый.

Онъ ни самъ пошоль, ни своею
охотою:

Довела то его нужда крайняя,
Нужда крайняя, служба царская,
Царя Вѣлаго Петра Перваго.

Киѣвск. 9, стр. XXX.

8. Петръ Первый кончается.

Во славномъ городѣ во Сан-пи-
терѣ

Стояли палаты бѣлокаменные,

Во тѣхъ во палатахъ бѣлокамен-
ныхъ

Состроена тутъ кроватушка тесовая,

На кроватушкѣ изголовьице точёное,

Точёное, позолоченое,

На изголовьицѣ подушечки шелко-
выя,

Шелковыя и парчѣвыя,

На подушкахъ одѣяло соболиное

Того соболя Сибирскаго,

Подъ одѣялочкомъ лежитъ удалый-
добрый молодець,

Удалъ-добрый молодець, нашъ право-
славный царь,

Православный царь Петръ Алексѣ-
вьячъ.

Передъ нимъ стоять всѣ князья-
бояре,

Всѣ старшіе фельдмаршалы.

Возговорятъ всѣ князья-бояре,

Всѣ старшіе фельдмаршалы:

„Тебѣ, видно, худо можется,

„Худо можется, конецъ ближится.

„На кого ты свое царство прика-
зываеть,
„На кого ты свое государство от-
казываеть?
„Кому у насъ будетъ сенатъ су-
дить,
„Кому у насъ владать каменною
Москвою,
„Каменною Москвою, всей Рос-
сiею?“
Какъ не золотая трубочка востру-
била:
Какъ не серебряная сиповочка возъ-
играла,
А возговорилъ нашъ батюшка право-
славный царь,
Православный царь Петръ Алексѣе-
вичъ:
—Сенатъ судить вамъ, князьямъ-
боярамъ,
—Каменная Москва и Россiя вся
моей государынѣ. —
Услыхала государыня,
Изъ палатъ идетъ, — сама вопить:
„О ты гой еси, мой миль-сердеч-
ный другъ,
„Православный царь Петръ Алек-
сѣвичъ!
„На кого ты свое царство прика-
зываеть,
„На кого ты свое государство от-
зываеть?“
Не золотая трубочка вострубила,
Не серебряная сиповочка возъ-
играла,
Анъ возговоритъ нашъ правосла-
вный царь,
Православный царь Петръ Алексѣе-
вичъ:
—Сенатъ судить князьямъ-боярамъ,
—Всѣмъ старшимъ фельдмарша-
ламъ;

—Каменная Москва тебѣ, моя го-
сударыня,
—Каменная Москва и Россiя вся.
Кирѣевск. 8, стр. 273—274. (Симбирск. г.)

9. Плачь войска.

Ахъ ты батюшка, свѣтеть мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по презнему,
Закрывается тучей темною?

Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи онъ призадумался,
Призадумавшись онъ плакать сталъ,
И онъ плачетъ — что рѣка льется,
Возрыдаетъ — что ручьи текутъ,
Возрыдаючи онъ вымолвилъ:

„Ахъ ты матушка, сыра земля,
„Разступись ты на всѣ стороны,
„Ты раскройся, гробова доска.
„Развернися ты, золотая парча.
„И ты встань-проснись, православ-
ный царь,

„Посмотри на всю армію:
„Что всѣ полки во строю стоять,
„И всѣ полковничьи при своихъ
полкахъ,

„Подполковничьи на своихъ мѣстахъ,
„Всѣ маіорухи на добрыхъ коняхъ.
„Капитаны передъ ротами,
„Офицеры передъ взводами,
„А прапорщики подъ знаменами, —
„Дожидаютъ они полковничка,
„Что полковничка Преображенскаго,
„Капитана бомбардирскаго“¹⁾.

ib. 280—281.

(Боровск. у. калужск. г.)

¹⁾ т. е. Петра 1-го.

VI. Послѣ Петра.

Казнь Долгорукаго.

Какъ на улицѣ да на Дмитровкѣ,
Какъ на Дмитровкѣ, въ каменной
Москвѣ,

Тамъ вели князя Долгорукаго,
Вели его казнить-вѣшати.

Напередъ идетъ грозенъ палачъ,
Въ рукахъ онъ держитъ свой бу-
латный мечъ,

Свой булатный мечъ—свой вострой
топоръ,

Наточёнъ-навострёнъ, какъ солнце
блестить,

Позади князя идетъ молодѣ жена:

Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Какъ рѣка льется, Волга матушка.

„Ты не плачь, моя молодѣ жена!“
— Какъ и нѣту сомной золотой казны:

— Только и есть у меня—одинъ
перстень,

— Золотой перстень, весь въ алма-
зикахъ,

— Весь въ алмазикахъ дорогихъ
камняхъ. —

„Какъ и тѣмъ перстнемъ надо па-
лача дарить:

„Чтобы снялъ онъ съ меня буйную
головушку,

„Не испортилъ бы моихъ могучихъ
плечей.“

Кирѣевск. 9. стр. 10.

(Задонскій у.)

VII. Елизавета.

1. Война Шведская.

Еще пишетъ король Шведской
Государынѣ самой:

„Я прошу тебя, государыня,

„Не прогнѣваться, —

„Ужь я буду, государыня,

„Въ гости къ тебѣ!

„Ты построй мнѣ полатушки

„Вѣлокáмненные;

„Ты поставь-ко мнѣ столики

„Вѣлодубовые;

„Разстели-ка ты мнѣ скатерти

„Шито-бранныя:

„Составь-ко мнѣ кушанья —

„Яствы сахарныя,

„Напитки пивныя.“

Туть-то наша государыня

Призадумалась,

Призадумалась государыня,

Расплакалась.

Какъ спроговоритъ нашей матушкѣ

Все чинъ голой енараль ¹⁾:

„Не тужи-ко ты, наша матушка,

„Не тужи, не печалуйся!

„Ужь мы встрѣтимъ короля-Шведа

„Середі губы ²⁾,

„Среди губы мы его встрѣтимъ —

„Да противъ Ревеля:

„Ужь мы построимъ ему пола-
тушки —

„Черны карабли;

„Ужь мы столички ему истроа-
вимъ —

„Да цупки мѣдныя;

„Ужь мы скатерти истроадемъ —

„Да тонки парусы;

„Ужь мы кушавья истроадимъ —

„Ядра пшечныя.

¹⁾ Осмысливши искаженное и забытое имя, народъ разужбеть здѣсь собирательнаго генерала (генералитетъ), весь чинъ какъ есть, на голо. Но мы почти не сомнѣваемся, что это перестановка и порча подлиннаго имени *Головинъ* (голо-винъ, чинъ-голой). Самая рѣчь по-казываетъ адмирала: имя же это помпилось естественно въ Архангельской области. Пр К.

²⁾ Заливъ.

„Ужь ты кушай, король Шведской,
 „Да не прогнѣвайся:
 „Ужь вамъ ѡвти сухари (у насъ
 были)
 „Въ Тулѣ крошены,
 „Въ Ярославлѣ сѹшены,
 „Къ Москвѣ вывезены!“

ib. 80 — 81.

(Записана въ Шенкурскѣ).

2. На Прусской границѣ.

Долина моя широкая,
 Ничего-то на ней не уродилося,
 Ни травнышки, ни муравыньки,
 Никакой вѣтъ ни былинки,
 Одна уродилась кустъ-каликка:
 На кусту калиновымъ сидитъ
 Горькая кукушечка.
 Ни кукуй-ка, ни горюй-ка,
 Горькая кукушечка,
 Не давай тоски-назолы:
 Намъ безъ этого здѣсь тошно,
 Пособить нашему горю невозможно.

Загналъ-то насъ, загналъ Прус-
 ской Король,
 Загналъ въ ину землю, на край на
 границу:
 Поморилъ-то, поморилъ насъ голод-
 ную смертью;
 Онъ не годъ морилъ-то насъ, не
 два года,
 Морилъ всего четыре года.

На четвертомъ году пришла ко
 мнѣ вѣстка,
 Со родимой со сторонюшки пришла ко
 мнѣ грамотка;
 Звать ни батюшки, ни матушки въ
 живѣ вѣту,
 Молодая моя хозяйюшка, слышао, за
 мужъ вышла.

Вышла за мужъ за бурлава.

„Мнѣ сказали про бурлачынью, —
 „Казны-денегъ много:
 „Разыскалось у бурлачынки
 „Всего три полтины;
 „Первая полтина — отдать попу за
 вѣнчанье,
 „Другую полтину отдать дьячку за
 читанье,
 „Третью полтинушку женѣ на раз-
 живу.“

ib. 114—115.

(Записана въ симбирск. г.)

3. Возвращеніе изъ Пруссіи.

Прошли козачушки съ моря Чер-
 наго,
 Со Чернаго со моря со Каспидяго,
 Со того ли со баталица со Турецяго.
 Утомленньхъ своихъ коней въ пово-
 дахъ ведутъ,
 А кровавое цвѣтно платьице въ то-
 рокахъ везутъ,
 А булатными тупейцами подпираются.
 Случилось итти мимо городу,
 Мимо городу — мимо Питеру;
 Увидѣла милосердная государыня,
 Призываетъ она молоденькаго пол-
 ковничка.
 „Охъ ты гоё еси, молоденькой —
 младъ полковничекъ!
 „Молодѣхонекъ ты упиваешься!
 „Ты не отдашь чести городу Питеру:
 „Не чаялъ ты въ городѣ госуда-
 рьни?“
 — Охъ ты гоё еси наша матушка,
 — Бѣлосвѣтная государыня!
 — Напоилъ-то насъ Прусской Король,
 — Трюмя поймами, трюмя розными:
 Первопойлицо — свинцомъ-порохомъ,

Друго пойлицо — саблями вострыми.
Третье пойлицо, — боцыми вострыми.

ib. 116—117.

(Записана въ симбирск. г.)

4. Краснощековъ.

Ты полынь, полынь ли горькая!
Ты во полѣ уродилася, ужь ты по-
лынь горька:

Ужь нѣтъ-то горчѣй тебя, службь
царской!

Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка
Берлинъ-городъ!

Ты кому, укрѣпа, доставалася?
Доставалася укрѣпушка царю Бѣ-
лому,

Ужь тому генералу Краснощокому.

Ужь генерала-тъ Краснощокій по
городу гуляетъ,

Свинцу-пороху закупаетъ,
Сорокъ семь пушекъ заряжаетъ,
Пробиваетъ Краснощокій стѣну бѣлу-
каменну,

Береть въ полонъ Пруску жену:

„Ты скажи-скажи, Королева,

„Гдѣ твой Пруской Король?“

—Мой Пруской Король сидитъ подь
столякомъ —

—Сѣрымъ котикомъ,

—На окнѣ сидитъ — чернымъ во-
рономъ,

—Въ окно вылетѣлъ — яснымъ со-
коломъ,

—На синѣ море — сѣрой утицей,

—По чисту полю полетѣлъ — бѣ-
лой лебедью:

—За нимъ гонится Краснощокій —
яснымъ соколомъ! —

ib. 158—159.

(Записана въ Москвѣ).

VIII. Екатерина.

1. Первая Турецкая война.

Румянцевъ.

Охъ, что жь вы, ребяташки, не
вѣсело сидите,

Не пьете, не ѣдите, ничего не го-
ворите?

Еще кто бы намъ сказалъ про Ту-
рецкую войну,

Про Турецкую войну, про визирову
пальбу?

Кто въ походѣ не бывалъ, нужды-
горя не видалъ,

А кто въ походѣ-то бывалъ, много
нужды принималъ,

Много нужды принималъ и сухарики
ѣдалъ.

Мы подь городомъ стояли, мы по
городу стрѣляли,

Мы по городу стрѣляли, свинець-
порохъ растеряли:

Мы стѣны-то не пробили, — пошли
прочь мы, отвалили,

Пошли прочь мы, отвалили, въ чисто
поле выходили,

Въ чисто поле выходили, солдатъ
строемъ становили,

А драгунскіе полки перемѣшаны
стоятъ,

Перемѣшаны стоятъ, они плачутъ-
говорятъ:

„Не погодушка шумитъ, Турецкая ¹⁾
силушка валитъ,

„Турецкая силушка валитъ, Турец-
кой силы смѣту нѣтъ,

„Турецкой силы смѣту нѣтъ, кон-
ца-краю не видать!“

А Румянцевъ генералъ по арміи
развѣзжалъ.

¹⁾ Д. 6. «Турска».

Подъѣзжаетъ къ козакамъ, онъ тайно
слово сказалъ:

„Охъ вы, братцы, козаки, удалые
молодцы!

„Вы берите, что хотите, государевой
казны, —

„Еще кто бы изъ васъ караулъ
Турецкой снялъ?“

Выбиралось молодцовъ пять сотъ
козаковъ:

Они скрали-своровали у визиря ка-
раулъ.

ib. 215—216.

(Въ Москвѣ, орловск. и сямбирск. гг.)

2. Пугачевъ.

а) Милиція въ войскѣ Яицкомъ.

По славной было по низовой линіи
И при славномъ было при Краснояр-
скомъ форпостѣ,

Собиралось небольшо войско Яицко.

Прибѣгалъ къ войску скорой курьеръ,
Матвѣюшка сынъ Петровичъ

По фамилии Шубиченковъ;

Привозилъ отъ Государыни пове-
лѣньице:

Объявилъ войску службу лиціонну.¹⁾

Тутъ всплакнули всѣ козаки го-
рючими слезьми:

„Звать мы, добрые молодцы, передъ
Господомъ согрѣшили,

„Милосердой Государынѣ прослу-
жились!“

Собиралися козаки во единый
вругъ,

Они думали крѣпкую думу за едину:

„Нѣтъ ли изъ насъ, козаковъ,
таковыхъ добрыхъ молодцовъ, —

„Вхатъ къ Государынѣ съ чело-
битною,

„Просить о службѣ лиціонной?“¹⁾

—Гой еси, милостивая наша Госу-
дарня!

—Въ чемъ мы тебѣ прослужились,

—Или гдѣ измѣну сдѣлали?

—Не можно ли отмѣнить службу
лиціонну,

—Намъ, войску Яицкому?

—Заставь, наша матушка, за себя
Богу вѣчно молиться! —

Принимала Государыня просьбу слез-
ну отъ войска Яицкаго

И простила во всѣхъ винахъ,

И отмѣнила войску Яицкому службу
лиціонну.

ib. 244—245.

(Записана въ оренбургск. г.)

б. Судьба Пугачева.

... Проявился у насъ на славной
на землѣ,

На славной на землѣ, на святой Руси,

Проявился воръ-собака, проклятый
человѣкъ,

Проклятый человѣкъ, Пугачевъ ко-
зацкій сынъ.

Ужъ какъ этотъ-то собака взду-
малъ по Русі гулять,

Вздумалъ по Русі гулять, а себя
царемъ казать.

Много казнилъ, много вѣшалъ, много
головы рубилъ,

Много головы рубилъ и во ямушки
валилъ.

Какъ пымали-то собаку во чис-
томъ полѣ,

Привезли эту собаку во Москву-
городъ гостить,

¹⁾ «Милиціонну».

¹⁾ За сими уже слова посланныхъ.

Во Москву-городъ гостить, буйну
 голову рубить.
 Какъ казнили-то собаку на главной
 площадѣ,
 Ужъ казнили, пятерили, буйну го-
 лову срубили.

ib. 250.

(Записана въ боровск. у. калужской губ.).

3. Вторая Турецкая война.

а) Очаговъ. Потемкинъ.

Далеченько-далеченько въ чистомъ
 полѣ,
 А еще того подалѣ во раздольи,
 Не бѣлыя снѣжочки забѣлѣлися,
 Забѣлѣлся князь Потемкинъ съ своей
 силой,
 Забѣлѣлися знамена-знамя царскія.

.....
 Какъ возгворилъ князь Потем-
 кинъ

Своимъ дѣтямъ солдатушкамъ:
 „Начинайте-ка, ребятушки,
 „Съ Божьей помощію!“
 Заряжали солдатушки первую бомбу;
 Первую бомбу бросали, — не добро-
 сили;
 Вторую бомбу потрудились ребя-
 тушки, —
 И за стѣны бѣлокаменные пере-
 бросили,
 Но стѣны бѣлокаменныхъ не зажгли;
 Третью же бомбу бросили, — Очакъ-
 городъ зажгли.

Тутъ возрадовалися Русскіе солда-
 тушки.

Не золотыя трубушки вострубили,
 Не серебряныя сиповочки заигрывали.

ib. 253.

(Записан. въ сибирск. г.)

б. Вендеры и Суворовъ.

Какъ у насъ было за городомъ
 за Вендерой,
 Не двѣ тученьки не двѣ грозныя
 онѣ выкатались:
 Выкаталася сила-армія во чистое
 поле,
 Во чистомъ полѣ въ широкое раз-
 долье.

Выходили тутъ само-тъ батюшко
 графъ Суворовъ,
 Камышевой своей тросточкой онъ
 комендуетъ ¹⁾:

„Становитесь вы, солдатушки, по
 правому фланку,
 „Вы берите, ребята, и не робѣйте,
 „Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте!“

ib. 260.

(Записана въ Новгородѣ).

4. Противъ Шаха Персидскаго.

Гудовичъ.

На зорѣ-то было, все на зорюшкѣ,
 На бѣлой зорѣ на утренней,
 На закатѣ было мѣсяца яснаго,
 На восходѣ было солнца краснаго,
 Проявились у насъ вѣсти новыя,
 Вѣста новыя — Грузинскія:
 Растворялись горы крутыя,
 Круты горы Кавказскія;
 Засверкали пики вострыя,
 Пики вострыя козацкія;
 Какъ пошли войска Россійскія
 На того шаха Персидскаго.

Напередѣ ²⁾ идетъ Гудовичъ
 графъ,
 Онъ грозитъ шаху Персидскому:

¹⁾ Командуетъ.

²⁾ Напередъ?

„Ты собака, ты Персидскій шахъ!
 „Ты по што отрѣзалъ голову
 „Славному князю Цинціанову ¹⁾?
 „На кого ты, собака, понадѣлся?
 — Я понадѣлся ²⁾ на Грузію, на
 Грузинскихъ князей,
 — Больше всего на Александрюшку
 на царевича. —

ib. 262.

(Земля Войска Донскаго).

5. Польша.

Вяць Костюшко.

Не ясѣнь-то соколъ по крутымъ
 горамъ летаетъ:
 То Костюшко-варваръ по своей ар-
 мейшкѣ разѣзжаетъ.
 Онъ фронты-то свои — знаменушки
 украшаетъ,
 Своихъ мизничковъ-генералюшекъ ³⁾
 ублажаетъ:
 „Вы не плачьте же, мои мизнички,
 право-генералы ⁴⁾,
 „Не рыдайте жь вы, мои свирѣные
 кавалеры ⁵⁾:
 „Какъ завтра у Бѣла царя будетъ
 праздникъ,
 „Не маленькій праздникъ, праздни-
 чекъ Петровъ день ⁶⁾;
 „Всѣ рынушки-трактирушки будутъ
 растворены,

¹⁾ Тиціанову.²⁾ Д. б. «Надѣлся я».³⁾ Фермеровъ, однодворцевъ, шляхту.⁴⁾ Настоящіе, въ правду генералы (иронія
 юющихъ).⁵⁾ Любопытно, что въ эту эпоху въ Россіи,
 въ западныхъ губерніяхъ и въ Польшѣ назы-
 вали обыкновенно кавалерію, особенно гуса-
 ровъ, «свирѣными».⁶⁾ Слѣшали 29-е Сентября съ 29-мъ Іюня.

„Всѣ гусарушки, всѣ уланушки
 будутъ пьяны,
 „Козаки наши Донецкіе всѣ за-
 гуляютъ“.
 Какъ на тотъ-то разъ козакъ-други
 были осторѣжены:
 Всю ночушку козакъ-други не спали,
 Во рукахъ во своихъ борзыхъ ко-
 ней продержали.
 На бѣлой-то зорѣ на утренней „ура“
 закричали,
 Закричали они — загичали: Костюш-
 ку поймали.
 Да велѣлижь его скоро. Костюшку,
 на крѣпко связать,
 Приказали у него скоро допросъ
 допросить.

ib. 263.

(Земля Войска Донскаго).

6. Плачь войска по Государинѣ Ека-
теринѣ.

Какъ во славномъ было городѣ,
 Въ Петропавловской славной крѣ-
 пости,
 Засажоны добры молодцы,
 Засажоны — думу думали,
 Думу думали, слезно плакали,
 Во слезахъ они рѣчь говорили:
 „Подымитесь, вѣтры буйные,
 „Вѣтры буйные, полунощные,
 „Вы раздуйте мать сыру землю,
 „Разнесите вы желтыя пески,
 „Желтыя пески, мелки камушки:
 „Раскройся ты, гробовѣ доска,
 „Размахнись, золотѣ парча;
 „Ужь встань-проснись, наша ма-
 тушка,
 „Ты Россійская государиня,
 „Катерина Алексѣевна!
 „Посмотри-ка на свои полки,

„На любезной-то полкъ Семеновской,
 „На Семеновской, на Ковную Гвар-
 дію!
 „Какъ у насъ въ полкахъ не по
 презнему: | „Караулы стали частые,
 „Перемѣны стали рѣдкія,
 „А начальство пошло строгое!“
 (Тверск. губ.) ib. 265.

IX. Павелъ.

Суворовъ въ Италіи и противъ Французовъ.

Не двѣ тучевки, братцы, не двѣ грозныя, братцы, ахъ, изъ горъ
 выкатались,

Ахъ, изъ горъ выкатались:

Выходила да наша сила-армія, братцы, ахъ, во чистое поле,

Ахъ, во чистое поле;

Выходилъ да онъ, все нашъ родной батюшка, братцы, ахъ, да нашъ
 графъ Суворовъ,

Ахъ, да нашъ графъ Суворовъ.

Онъ своею да генеральской палочкой, братцы, ахъ, да онъ ко-
 мандруеть,

Ахъ, да онъ командруеть:

„Ой вы братцы, да братцы вы солдатушки, братцы, бейте, не ро-
 бѣйте,

„Ахъ, бейте, не робѣйте,

„Свинцу-пороху, братцы, вы солдатушки, братцы, ахъ да вы не жа-
 лѣйте,

„Ахъ, да вы не жалѣйте!

„У государя, да братцы, вы солдатушки, братцы, ахъ, у него казны
 много,

„Ахъ, у него казны много.

„Самаго-то вы ворога Француза, братцы, ахъ на штыкъ посадите,

„Ахъ, на штыкъ посадите,

„А молодую-то все его хозяйшку, братцы, ахъ, на вострую саблю!“

ib. 414 — 415.

(Борисоглѣбск. у. тамбовск. г.).

Х. Александръ Павловичъ.

1. Французы.

а) Объявленіе войны.

Во двѣнадцатомъ году
Объявилъ французъ войну,
Объявилъ французъ войну
Въ славномъ городѣ въ Данскѣмъ. ¹⁾
Мы подъ Данскоемъ стояли.

Много нужды принимали,
Все приказа ожидали. ²⁾

Мы дождалися приказа
Во сеномъ часу ночи:
Закричали всѣмъ во фронтъ.
Повелитель съ нами былъ
Самъ царевичъ Константинъ...

Кирѣевск. 10, стр. 20.
(Тамбовск. г.)

б) Ожиданіе Французовъ.

Не въ лужяхъ-то вода поляя раз-
ливалась:

Тридцать три кораблика во походъ
пошли,
Съ дорогами со припасами—свин-
цомъ-порохомъ.

Французскій король царю Вѣлому
отсылается.

„Припаси-ка ты мнѣ квартиръ-
квартиръ сорокъ-тысячъ,
„Самому мнѣ, королю, бѣлыя пала-
тушки.“

На это нашъ православный царь
призадумался,
Его царская персонушка перемѣни-
лася. ³⁾

¹⁾ Въ Гданскѣ, Данцигѣ.

²⁾ «Много нужды... ожидали» — взяты изъ
примѣч. къ пѣснѣ.

³⁾ Измѣнился въ лицѣ.

Передъ нимъ стоялъ генералушка-
самъ Кутузовъ.

Ужь онъ рѣчь-то говорилъ, гене-
ралушка,

Словно какъ въ трубу трубилъ

„Не пужайся ты, нашъ батюшка,
православный царь!

„А мы встрѣтимъ злодѣя середѣ
пути,

„Среди пути, на своей земли,

„А мы столики поставимъ ему—
пушки мѣдныя,

„А мы скатерти ему постелимъ—
вольны пули,

„На закусочку поставимъ—кале-
ныхъ картечь;

„Угощать его будутъ — каноне-
рушки,

„Провожать его будутъ—все ко-
зачушки.““

ib. 10, стр. 1—2.

(Ефремовск. у. тульск. г.)

в) Разореніе Москвы.

Привидѣлся несчастный сонъ,—

Дуютъ вѣтры со вихрями,

Съ хоромъ верхи сорываютъ

По самне по окны,

По хрустальныя по стѣкла: ¹⁾

Французъ Москву разоряетъ,

Съ того конца зажигаетъ,

Въ полонъ дѣвокъ забираетъ.

Одна дѣвка слезно плачетъ,

Французъ дѣвку унимаетъ:

„Не плачь, дѣвка, не плачь, красна!

„Куплю тебѣ три подарка,—

„Первый подарокъ—алу ленту въ
косу,

„А другую голубую,

„А третію разноцвѣтну.“

¹⁾ Это значить, что...

— Не надо мнѣ твоихъ трёхъ по-
дарковъ:

— Пусти меня въ свою землю,

— Мнѣ съ батюшкой повидаться,

— Мнѣ съ матушкой распостыться. —

ib. 4—5.

(Звенигородск. у. московск. г.)

г) Смоленскъ и Березина.

Какъ повыше было Смоленска города,
Что пониже было села Краснаго,
Что подъ рощею подъ зелёною,
Подъ берёзою кудрявою ¹⁾,
На большомъ зелёномъ лугу,
Стоялъ тутъ лагерь Русской арміи,
Русской арміи, гвардейскихъ сол-
датъ.

Призадумавшись сидять, на Смо-
ленскъ городъ глядятъ:

Овладе́ли славнымъ городомъ не-
пріятельски полки,...

„Какъ бы, братцы, намъ приняться,
Смоленскъ городъ свободить,

„Смоленскъ городъ свободить, не-
пріятеля побить?“ „...

Какъ пошли-то солдатюшки Смо-
ленскъ городъ освобождать,

Смоленскъ городъ освобождать, Фран-
цузовъ выгонять,

Ко Смоленску приступили, они ружья
зарядили,

Они ружья зарядили, въ непріятеля
палили,

Много били, истребили, остальныхъ-
то полонили,

Полонивши ихъ, топили во Берё-
зонькѣ рѣкѣ,

Потопивши, отдыхали на зелёномъ
на лугу,

На зелёномъ лугу пѣсни пѣли во
кругу.

ib. 23—24.

(Малоархангельск. у. орловск. г.)

д) Подъ Парижемъ. Константинъ.

Подъ славнымъ было городомъ Па-
рижемъ,

Собирался Россійское славное войско.
Они лагери занимали въ чистомъ
полѣ,

Шанцы и батареи тамъ порыли,
Пущечки и мортирушки тамъ ста-
новили.

Константинъ-то нашъ по арміи
развѣзживаетъ,

Онъ пѣхоту и кавалерію рассчиты-
ваетъ:

„Надѣвайте вы, солдатюшки, платье
бѣло,

„По ўтру вамъ, милые, будетъ дѣло!
„Когда Богъ намъ поможетъ Па-
рижъ взять,

„Отпущу я васъ, любезны, въ него
погуляти!“

ib., 26—27.

(Тверск. г.)

е) Подъ Парижемъ. Кутузовъ.

Собирался-снаряжался графъ Куту-
зовъ,

Со своими со любезными полками,
Со своими со дородными молодцами.

Воѣзжали во чисто поле гуляти,—
Не гуляти выѣзжали,—воевати.

Во полонь брали Французскаго маіора,
Повели того маіора къ фельмаршалу,

Что къ тому ли ко графу ко Ку-
тузову.

Еще сталъ графъ Кутузовъ его
спрашивать,

¹⁾ Такъ придумывало и распространялось творчество, слышавъ въ пѣснѣ «Березину».

Честью-лестью онъ маіора уговари- ваетъ:	Какъ ударилъ графъ Кутузовъ его въ щѣку:
„Ты скажи - скажи, маіорикъ, всеё правду, —	„Врёшь ты, врѣшь ты, врѣшь, маіо- рикъ, всё лукавишь:
„Еще много ль во Парижѣ у васъ войска?“	„Иль меня, графа Кутузова. не знаешь?“
— У насъ во Парижѣ войска сорокъ тысячъ,	„Я вашего храбра войска не боюсь, „До самаго Наполеона доберуся.“
— У самаго Наполеона — смѣты нѣту. —	ib., 30. (Новгородъ).

ж) Платовъ.

Споёмъ-те, братцы, иѣсню про Платова козака, удалова молодца ¹⁾.
 Ужъ какъ Платова-тъ козакъ всѣмъ воинамъ воинъ былъ,
 Государь его любилъ. часто звѣздами дарилъ.
 Собирался графъ Платовъ на Архангель во Покровъ,
 Къ Бонапарту побывать, насмѣшечку отсмѣять,
 Платовъ бороду обрилъ, къ Бонапарту въ гости былъ.
 Бонапарта-тъ не узналъ, за купчину принималъ,
 За уборный столъ сажалъ, рюмку водки наливалъ,
 Рюмку водки наливалъ, (онъ) Платова угощалъ:
 „И ты выкушай, купчина, ты купеческій сынокъ!
 „Всю Росею вашу знаю, генераловъ всѣхъ спозналъ,
 „Одного только не знаю, — (я) Платова козака:
 „Я бы много злата далъ, кто бъ Платова указалъ!“
 — Вотъ за чѣмъ злато терять, можно такъ его узнать! —
 Онъ портретецъ вынималъ, на бѣлыя руки клалъ:
 — Вотъ портретецъ ²⁾ мой, словно братецъ мнѣ родной,
 — Словно братецъ мнѣ родной, отца съ матерью одной! —
 Бонапарта-тъ догадался, изъ палатъ вонъ побѣжалъ,
 А и Платовъ не сидѣлъ, сѣлъ на коня, — полетѣлъ.
 Онъ по ступочкамъ ³⁾ скакалъ — всё записочки бросалъ:
 — Ты ворона, ты ворона, ты Французскій король!
 — Не умѣла ты, ворона, ясна сокола ловить:
 — Выѣжай же ты, ворона, въ чисто поле погулять,
 — Въ чисто поле погулять, съ козаками поиграть! —
 Наши зачали палить, — только дымъ столбомъ валить;
 Ужъ какъ пули-то летѣли на Саксонски берега,
 На Саксонски берега, на зелёные луга.

ib. 77—78. (Москва).

¹⁾ Старинные народные сроки—Михайловъ день (6 сент., 8 ноября) и Покровъ (1 окт.).²⁾ Дополните «тебѣ», «смотри» и т. п. ³⁾ Ступенькамъ.

2. Умеръ Александра — царь.

Выѣзжаетъ Александръ нашъ свою
армію смотрѣть:

Обѣщался Александръ нашъ къ Ро-
жеству домой прибыть.

Всѣ празднички на проходѣ, — Алек-
сандра дома нѣтъ.

„Пойду выду на ту башню, кото-
рая выше всѣхъ,

„Погляжу я въ ту сторонку, въ
коей Александръ нашъ былъ!“

По Питерской по дорожкѣ пылъ стол-
бомъ (она) стоять,

Пыль столбомъ (она) стоять, моло-
дой курьеръ бѣжить.

„Я пойду — спрошу (курьера): „Ты
куда, курьеръ, бѣжишь?“

„Ты скажи-ка намъ (курьеръ) про
Александру царя?““

— Вы скидайте алы шали, надѣ-
вайте черной трауръ,

— Всю правдушку вамъ скажу про
Александру царя:

— Нашъ Александръ императоръ въ
Таганрогѣ жизнь скончалъ! —

(Что) двѣнадцать генераловъ на
главахъ царя несутъ,

Вотъ не двое ли армейскихъ воро-
на коня ведутъ,

Не четыре ли гвардейскихъ со зна-
мѣнами идутъ.

ib. 197.

(Сибирск. г.).

XI. Николай Павловичъ.

1. Персіяне. Взята Эривань. Паске-
вичъ. Сборы въ Царь-градъ, подъ
Турка.

Не двѣ тучи, не двѣ грозны по
поднѣбесью идутъ:

Наши храбрые солдаты въ барабаны
марши бьютъ.

Они марши маршируютъ, промежду
собой говорятъ:

„Трудно, трудно намъ, ребята, Эри-
вань намъ городъ брать,

„Намъ еще того труднѣе — намъ
подъ пушки подходить!““

Мы подъ пушки подходили, закри-
чали всѣ: „Ура!““

Графъ Паскевичъ Ериванскій гром-
кимъ голосомъ вскричалъ:

„Не робейте вы, солдаты, потряс-
лись стѣны вонъ?“

„Вы прокляты Персіяне, покори-
тесь всѣ вы намъ:

„Не покоритесь вы намъ, пропаде-
те какъ трава!““

Наши бодры какъ солдаты! что-то
храбро говорятъ: ¹⁾

„Доберѣмся мы, ребята, мы до
Турка самогъ!

„Въ Царь-градъ не найдемъ, —
въ острова за нимъ пойдемъ,

„Въ острова за нимъ пойдемъ,
на армянъ его приведемъ!““

ib. 463.

(Москва.)

2. Подъ Варшавой.

Ночью тѣмной тучи грозны

По поднѣбесью идутъ:

Ахъ да наши храбрые — они ²⁾ — ре-
бята

Тихимъ маршицемъ идутъ.

¹⁾ Какъ наши бодрые солдаты что-то etc.

²⁾ «Ахъ да — они:» это такъ называемый «разводъ» голоса, отвѣчавшій въ старину «разбѣгу струнъ» или «по струнамъ.» Какъ бы онъ ни былъ длиненъ, онъ не измѣняетъ нисколько ни размѣра въ складѣ стиховъ, ни счета време-
мени и тактовъ въ пѣніи.

Они идутъ—маршируютъ,
 Промежь себя говорятъ:
 „Завтра надобно, ребята,
 „Намъ Варшаву-городъ взять
 „Намъ Варшаву городъ взять
 „Да подь пушки подбѣжать.“
 Мы подь пушки подбѣжали,—
 Закричали всѣ: „Ура!“
 Братцы, бейте—не робѣйте,

Подаются силы намъ!
 Ужь вы слушайте, Поляки,
 Покоритесь вы намъ!
 Не покѣритесь, Поляки,—
 Всѣхъ порубимъ—посѣчемъ
 И въ полонъ всѣхъ заберемъ!

ib. 466—467.

(Орловской г.)

3. Духовные стихи.

1. Сорокъ калѣкъ.

(Нищенство).

Собиралося сорокъ калѣкъ со калѣкою,
 А самъ-то атаманъ Ома сударь
 Ивановичъ,
 А собиралися калѣки на зеленый
 лугъ,
 А сядились калѣки во единый кругъ,
 Думали они думушеу-ту добрую,
 А совѣты совѣтуютъ хорошіе,
 А итти оны ко городу Еросолиму,
 Ко святой святинѣ помолитися,
 Господнему гробу приложитися.
 А оны положили заповѣдь великую:
 „А кто обворуется...
 „Того бить клюхамъ валичьима,
 „Тянуть языкъ вонъ со теменю,
 „И копать очи ясныя косицами,
 „А копать того во сыру землю по
 бѣлымъ грудямъ.“
 И пошли они,—котомочки бархатны,
 Изъ чернаго бархата заморскаго,
 И повышили краснымъ золотомъ,
 И повысадили скатнымъ жемчугомъ;

У котомочекъ ляпочки семи шелковъ;
 На ножкахъ сапожки турець-сафьянъ,
 А не простого сафьяну—заморскаго;
 На головушкахъ шляпы земли Гре-
 ческой.
 А клюшья у калѣкъ-тыхъ рыба
 кость,
 И взяли они-ко по камешку Анта-
 венту.
 А скоро калѣки въ походъ пошли;
 А въ день идутъ по красному по
 солнышку,
 Ночь идутъ по камешку Антавенту;
 А будутъ они на чисто поле,
 И сядилися они во единый кругъ,
 Думали думушеу добрую,
 А совѣты совѣтуютъ хорошіе:
 А зайти ко городу ко Киеву
 А ко князю ко Владимиру
 Поѣсть, попить, хлѣба покушати.
 И приходили ко городу ко Киеву,
 И закричали калѣки громкимъ го-
 лосомъ:
 „Свѣтъ надежа князь Владимиръ
 стольно-киевской!

„А пошли мы ко городу къ Еро-
сѣлиму,
„А зашли ко городу ко Кіеву,
„А поѣсть, попить, хлѣба поку-
шати.““

А тая-то побѣда ¹⁾ учинилася,
А князя дома не случилось;
А выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ поклоняется:

„Ай же вы калѣки перехожіе!
„Пойдите во столову богатырскую,
„И дамъ вамъ ѣствшушку сахарную
„И дамъ питьицевъ медвяннихъ; —
„Ѣшьте досыти, пейте вы дѣлюби!“
Приходили во столову богатырскую;
Подавали имъ ѣствшушку сахарную,
И дали питьицевъ медвяннихъ;
Ѣли они досыти, пили долюбѣ,
И много они благодарствуютъ;
„Благодарствуешь, княгиня Опрак-
са королевична,
„За хлѣбъ за соль, за всѣ ку-
шанья.““

Дарила ихъ Опракса королевична
Чистнымъ сѣребромъ, краснымъ зо-
лотомъ,
А самого-то атамана скатымъ жем-
чугомъ.

Калики собрались въ путь. Опракса
безусѣбно старается удержать ихъ.

А бѣжить скорехонько въ особливъ
покой,

А хватала чашу княженецкую
И кладывала въ переплеты калѣчьи.
А скоро вѣдъ калѣки въ походъ
пошли,

Выходили они на чисто поле,
Садились калѣки во единный кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
„Были мы во городъ во Кіевъ,

„Пили, ѣли, хлѣба кушали;
„А дарила Опракса королевична,
„А дарила насъ чистымъ сѣребромъ,
„Дарила насъ краснымъ золотомъ,
„А самого атамана скатымъ жем-
чугомъ.““

Тѣмъ временемъ

... проговорить княгиня Опракса
королевична:

„Ѣсть да пить — такъ во Кіевъ,
„А постоять за Кіевъ — такъ не
кому!“

Обыскать каликъ и отнять у нихъ
княженецкую чашу вызвался сперва Чу-
рила, а потомъ Алена Поповичъ, но
оба вернулись съ пустыми руками и
позорно избитые каликами; наконецъ

Повыскочить Добрынюшка Ники-
тиничъ:

— Ай же ты княгиня Опракса ко-
ролевична!

— А пойду я ко кругу-то вѣдъ
калѣчьему,

— Сдѣлаю обыски великіе,

— Отыщу чашу княженецкую.

И приходитъ ко кругу калѣчьему,

И бьетъ челомъ, поклоняется:

— Ай же вы калѣки перехожіе!

— Были вы во городъ во Кіевъ,

— Ѣли, пили, хлѣба кушали;

— У насъ чаша княженецкая за-
тералася:

— Сдѣлайте обыски великіе,

— Отыщите чашу княженецкую. —

Сдѣлали обыски великіе,

Отыскали чашу княженецкую

У атамана-то Омы Ивановича

Въ переплетахъ калѣчьиныхъ;

Какъ отыскали чашу княженецкую,

И били его клюхами каличьими,

А копали очи ясныя косицами,

И тянули лзынь вонъ со теменою,

¹⁾ Т. е. бѣда.

А копали въ сыру землю по бѣлымъ
грудямъ,
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еро-
солимѣ,
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясны
очи:
И пошли они калѣки не дорогою,
А ходять они по чисту полю не
дорогою,
Не дорогою, бездорожицей.
А за его правду великую
Послалъ Господь съ небесѣ двухъ
ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу
лицу.
И пошолъ атаманъ Ома сударь Ива-
новичъ по чисту полю,
И ходять калѣки, кричатъ по чисту
полю,
Не дорогою ходять, бездорожицей.
Закричалъ Ома сударь Ивановичъ:
„Ай же вы калѣки перохожіе!
„Что же вы ходите не дорогою, без-
дорожицей?“
И кричатъ всѣ калѣки громкимъ
голосомъ:
„Ай же ты Ома сударь Ивановичъ!
„За твою за правду великую
„А вложилъ Господь тебѣ душеньку
въ бѣлы груди,
„А приставилъ очи ясныя ко бѣлу
лицу;
„А за нашу за неправду великую,
„Напустилъ темень на ясны очи.“

Г. 569—573.

2. Голубиная книга.

(Происхожденіе міра. — Міровой порядокъ).

Изъ-подъ той страны изъ-подъ вос-
точныхъ
выставала туча темная, грозная;
да изъ той изъ тучи грозной, темной,
выпадала книга голубиная.
На славную она выпала на Фаворъ-
гору,
ко чудну кресту къ животворящему,
ко тому ко камню ко бѣлатырю,
ко честной главы ко адамовой.
Ко этой книги голубиная
собирались къ ней, собѣжались
сорокъ царевъ, все царевичи,
и премного князей, много князевичей;
изъ нихъ было пять царевъ наболь-
шихъ:
былъ Исай царь, другой царь Ко-
стянтинъ,
былъ Василей царь, сынъ Акулье-
вичъ,
Волотоманъ царь былъ Волотомано-
вичъ,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.
Возговорить Волотоманъ царь Воло-
томановичъ:
„Государи, братцы, сороскъ царей,
„хто изъ насъ, братцы, гораздъ
по памяти,
„хто прочель бы памъ книгу голу-
биную;
„какъ бы намъ узнать, во книгѣ
что написано,
„въ голубиной напечатано.“
Тогда всѣ цари тутъ приумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей,
 „я вамъ такъ скажу, братцы, по
 памяти,
 „по памяти, какъ по грамоты,
 „про эту книгу голубиную.
 „Великая книга голубиная!
 „Вдолину книга сорока локоть,
 „поперегъ книга тридцати локоть,
 „въ толщину книга десяти ло-
 котъ.
 „Не узнать намъ, во книгѣ что на-
 писано;
 „на рукахъ держать намъ книгу,
 не удержатъ будётъ,
 „умомъ намъ сей книги не сосмѣ-
 тити,
 „и очамъ намъ книгу не обозрити.
 „Великая книга голубиная!
 „Писалъ эту книгу свѣтъ Исай про-
 рокъ,
 „читалъ эту книгу Иванъ Богословъ.
 „Онъ читалъ эту книгу ровно три
 года,
 „прочиталъ во книгѣ только три
 листа.“
 Ему вси цари поклонилися:
 „Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ прему-
 драй царь,
 „нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
 сѣвичъ.
 „Хорошо сказалъ, сударь, намъ по
 памяти.
 „Ты еще, государь нашъ, намъ про
 то скажи:
 „отчего начался у насъ бѣлый свѣтъ;
 „отчего у насъ солнце красное;
 „отчего у насъ младъ свѣтѣль мѣ-
 сяцъ;
 „отчего у насъ звѣзды частыя;
 „отчего у насъ зори свѣтлыя?“
 Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
 мудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
 сѣвичъ:
 „Начинался бѣлъ свѣтъ отъ Свята
 Духа,
 „Отъ Свята Духа, самого Христа,
 „Самого Христа, Царя Небѣснаго.
 „Солнце красное отъ лица Божья,
 „Младъ свѣтѣль мѣсяцъ отъ грудей
 Божьихъ,
 „звѣзды частыя — оны отъ ризъ
 Божьихъ,
 „зори свѣтлыя отъ очей Божьихъ,
 „Самого Христа, Царя Небѣснаго.“
 Ему вси цари поклонилися:
 „Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ прему-
 драй царь,
 „нашъ премудрый царь Давидъ
 Евсѣвичъ.
 „Хорошо сказалъ, сударь, намъ по
 памяти
 „про эту книгу голубиную.
 „Ты еще, государь нашъ, намъ про
 то скажи:
 „отчего цари зачѣдился,
 „и отчего князья со боярами;
 „отчего крестьяне православныя?“
 Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
 мудрый царь,
 нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
 сѣвичъ:
 „Зачѣдился цари со царницами
 „отъ честной главы отъ адамовой;
 „зачѣдился князья со боярами
 „отъ честныхъ мощей отъ адамовыхъ;
 „завелось крестьянство православное
 „отъ того колѣна отъ адамова.“¹⁾
 Ему всѣ цари поклонилися:
 „Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ прему-
 драй царь,

¹⁾ Ср. индѣйское вѣрованіе о происхожде-
 ніи главѣйшихъ кастъ изъ устъ, изъ рукъ и
 изъ ногъ Брамы.

„нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.

„Хорошо сказалъ, государь нашъ,
намъ по памяти

„про эту книгу голубиную.

„Ты еще, государь нашъ, намъ про
то скажи:

„который у насъ городъ городамъ
мать;

„и которая церква надъ церквами
мать;

„и который царь надъ царями
царь?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь:

„Иерусалимъ-городъ городамъ мать.“

— Почему Иерусалимъ-городъ горо-
дамъ мать?

„А стоять Иерусалимъ-городъ по-
среди земли,
„посреди земли, во ней пупъ зем-
ной.

„Во начальномъ градѣ, въ Иеруса-
лимѣ,

„тутъ построена церковь соборная;

„во этой церкви во соборная,

„въ ней содержится гробница Гос-
подняя.

„Она на воздусяхъ, сама на воз-
несяхъ.

„Тутъ темьянъ и ладонъ рядомъ
күрятся,

„свѣча теплится неугасимая:

„потому Иерусалимъ — городъ горо-
родамъ мать,

„потому эта церква надъ церк-
вами мать,

„а нашъ бѣлый царь надъ царями
царь.

(„Какъ у нашего царя бѣлаго

„въ его царствѣ вѣра благувѣр-
ная,

„благувѣрная, благучестивая,

„высокая его рука царьская

„по всей земли, всей подселен-
ная:

„потому нашъ бѣлый царь всеимъ
царями царь.“) ¹⁾

Ему вси цари повлонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,

„нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.

„Хорошо сказалъ, государь нашъ
намъ по памяти

„про эту книгу голубиную.

„Ты, еще государь нашъ, намъ про
то скажи:

„которая у насъ земля всеимъ зем-
лямъ мать,

„и которая гора всеимъ горамъ мать,

„и которое древо всеимъ древамъ
мать?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:

„Государь, братцы, сорокъ царей:

„Свята Русь-земля — всеимъ зем-
лямъ мать.

— Почему свята Русь-земля —
всеимъ землямъ мать?

„Изукрашена свята Русь-земля Божь-
имъ первымъ;

„на ней строятся церкви соборная:

„потому она всеимъ землямъ мать.“

„А Фаворъ-гора всеимъ горамъ мать.“

— Почему жъ Фаворъ-гора надъ го-
рами мать?

„На славной было на Фаворъ-горы
„преобразился на горы самъ Иисусъ

Христосъ

¹⁾ Стихи, поставленные въ скобкахъ, см.
Варени.. стр. 33.

„со двумя - на-десятью со аюсто-
ламь;

„потому Фаворь-гора надъ горами
мать.

„Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ
мать.“

— Почему жъ кипарисъ-древо всѣмъ
древамъ мать?

„Изъ того изъ древа кипариснаго,
„изъ него былъ вырѣзанъ пречуд-
ный крестъ;

„на томъ крестѣ животворящимъ —

„на немъ былъ роспять Самъ Исусъ
Христось:

„потому кипарисъ-древо всѣмъ дре-
вамъ мать.“

Ему вси цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,

„нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣвичъ.

„Хорошо сказалъ, государь нашъ,
намъ по памяти

„про эту книгу голубиную.

„Ты еще, государь нашъ, намъ про
то скажи:

„которое у насъ море надъ моря-
ми мать,

„и которое озеро озерамъ мать,

„и которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то премуд-
рый царь,

„нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣвичъ:

„У насъ киянь-море всѣмъ морямъ
мать.“

— Почему киянь-море надъ морямъ
мать?

„Обошло киянь-море вокругъ земли,

„вкругъ земли, всей подселенныя:

„потому киянь-море надъ морямъ мать.

„А Ильмень-озеро надъ озерамъ мать.

„Да не тотъ Ильмень, кой подъ Но-
вымъ градомъ,

„и не тотъ Ильмень, кой во Боль-
шой Орды,

„а есть тотъ Ильмень, кой въ Ту-
рецкой земли;

„Изъ того Ильменя, изъ озера
„протекаетъ матушка Иордань-рѣка:

„потому Ильмень-озеро — озерамъ
мать,

„а Иордань-рѣка — надъ рѣками
мать,—

„во славной матушки во Иордань-
рѣки

„окрестился въ ней самъ Исусъ
Христось:

„потому Иордань-рѣка надъ рѣкамъ
мать.“

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,

„нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣвичъ.

„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„намъ про эту книгу голубиную.

„Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
„которая у насъ рыба надъ рыбамъ

мать,

„и которая птица надъ птицамъ мать,
„и который звѣрь надъ всѣмъ звѣ-
рами звѣрь?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то премуд-
рый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣвичъ.

„У насъ кить-рыба надъ рыбамъ
мать.“

— Почему жъ кить-рыба надъ ры-
бамъ мать?

„На трехъ китахъ, на рыбахъ,

„на тридцати было на малыхъ,

„основана на нихъ вся сыра-земля,

- „и содержится вся подселенная:
„потому вить-рыба надъ рыбаць
мать.
„А стрефиль-птица надъ птицаць
мать?
— Почему жъ она надъ птицаць
мать?
„Сидять стрефиль-птица посредѣ
моря;
„она плодъ плодитъ во синё море,
„а полеть сама держитъ по под-
небесью.
„Послѣ полуночи во второмъ часу,
„какъ стрефиль-птица — она тре-
пѣхнется,
„запоютъ куры у насъ по всей земли;
„просвѣщается тогда вся вселенная:
„потому стрефиль-птица всѣмъ пти-
цаць мать.
„Единорогъ-звѣрь надъ всѣмъ звѣ-
ряць звѣрь.“
— Почему единорогъ надъ всѣмъ
звѣряць звѣрь?
„Живеть единорогъ — во Святой
горы,
„онъ проходъ имѣеть по подземелью;
„прочищаетъ всѣ ключи источные.
„Когда единорогъ-звѣрь поворотится,
„воскипятъ ключи всѣ подземельные:
„потому единорогъ — звѣрь всѣмъ
звѣрями(тъ) звѣрь.“
Ему всѣ пари поклонились.
„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь.
„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти.
„Ты еще, сударь, намъ про то
скажи:
„который у насъ камень каменяць
мать;
„и которая трава всѣмъ травамъ
мать;
- „и которымъ грѣхамъ покоянье есть,
„и которымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ.“
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.
„Бѣлатырь-камень каменяць мать.“
— Почему бѣлатырь каменяць мать?
„На томъ камнѣ — бѣлатырь,
„на немъ бесѣдовалъ самъ Исусъ
Христосъ
„со двумъ-на-десяти со апосто-
ламъ.
„Утверждали вѣру христіанскую;
„роспуцали книгу голубиную
„по всей земли подселенныя:
„потому бѣлатырь каменяць мать.
„А плакунъ-трава надъ травамъ
мать.“
— Почему плакунъ-трава надъ тра-
вамъ мать?
„Когда былъ распятъ Исусъ Хри-
стосъ,
„Тогда пла Мать Пресвятая Бого-
родица
„ко своему сыну ко распятому.
„Она рѣвила свои слѣзы пречистыя
„на матушку на сыру-землю, —
„отъ еѣныхъ слѣзъ отъ пречистыхъ
„зарождалась на земли плакунъ-тра-
ва.
„Изъ того коренія изъ плакунова,
„вырѣзають у насъ въ Руси крес-
та чудные,
„ино тѣмъ у насъ люди спасаются, —
„всѣ монахи, и старцы, и всѣ
юноши:
„потому плакунъ-трава надъ тра-
вамъ мать.
„Братцы, всѣмъ грѣхамъ покоянье
есть;
„а этыимъ грѣхамъ покоянья нѣтъ:

„который бранить, братцы, Свята
Духа;

„и который бранить отца со ма-
терью;

* * * * *

„этимъ грѣхамъ покойныя нѣтъ.“

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь.

„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти

„намъ про эту книгу голубиную.“

Возговорить Волотоманъ царь Воло-
томановичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей,
„что случилось въ мѣмъ во чистомъ
полѣ;

„быть два зайчика собѣгалися —

„одинъ сѣренькій былъ, другой бѣ-
ленькій, —

„и промежду собой оны подрѣлися.

„Быть какъ сѣрый бѣлаго приоби-
дѣлъ же:

„пошелъ бѣленькій во чисто поле,

„пошелъ сѣренькій во темны лѣса.“

Тогда всѣ цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:

„То не зайчики въ полѣ собѣгали-
ся:

„туть сошлася кривда со правдою,

„и промежду собою оны подрѣлися.

„Нонѣчь кривда правду приобидѣла:

„пошла правда она на вышнія нѣ-
беса,

„а кривда оставалась на сырой
земли,

„по всему народу православному.

„Она пала намъ всѣмъ на ретиво
сердце:

„оттого у насъ въ мѣрѣ стало прав-
ды нѣтъ;

„стали беззаконія великія“.

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ премуд-
рый царь,

„нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ.

„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти“.

Возговорить Волотоманъ царь Во-
лотомановичъ!

„Государи, братцы, сорокъ царей,

„мнѣ ночесе-ночь мало спѣлося;

„мнѣ предивный сонъ во снѣ пре-
видѣлся:

„быдто во моемъ саду во зеленымъ

„вырастало туть древо сахарное;

„на мое древо на сахарное

„прилетала птишечка малѣшенька,

„распущала перья до сырой земли.

„Ипо кто сказалъ бы, братцы, про
мой дивный сонъ, —

„ябъ того, сударь, много пожало-
валъ“.

Тогда всѣ цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь.

нашъ премудрый царь Давидъ Ев-
сѣевичъ:

„Отъ моей царицы отъ благовѣрныхъ
„народится сынъ, царь Саломонъ;

„а отъ его царицы отъ благочес-
тивыя

„народится дочь Соломонидія.

„Мому сыну, царю Соломону,

„на его на дочери быть женитися.

„Черезъ тридцать лѣтъ этотъ сонъ
разсудится“.

3. 0 Георгіѣ Храбромъ.

(Страданіе за вѣру).

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ,
 Ѳедора благовѣрнаго
 Жена Софія премудрая
 Породила Ѳедору три дочери,
 Четвертаго сына Георгія.
 Изъ того царства Вавилонскаго
 Поднимался царь Дектіанъ
 На той святой Іерусалимъ градъ;
 Полонилъ у Ѳедора три дочери,
 Четвертаго сына Георгія.
 Сталь онъ Георгія допрашивати:
 „Ты которую, Георгій, вѣру вѣруешь?
 Которому Богу молишься?“
 — „Я вѣрую вѣру крещеную —
 Въ Мать Божію Богородицу,
 Въ Троицу нераздѣлимую.“
 А злодѣй-царище Дектіанище,
 „Ты увѣруй, Георгій, мою вѣру
 Поклоняйся, Георгій, моимъ идоламъ!
 Я устрою тебѣ свѣтлую свѣтлицу,
 Дамъ тебѣ слугу вѣрную,
 Дамъ тебѣ злата-серебра,
 Драгоценнаа каменя.“
 Святый Георгій проговариваль,
 Святый храбрый проглаголаваль:
 — „Злодѣй-царище Дектіанище!
 Мнѣ не надо отъ тебя злата-серебра,
 Не надо свѣтла свѣтлица,
 Не надо слуга вѣрная.
 Пропадешь на семъ свѣту на бѣ-
 лоёмъ
 Со златомъ, со серебромъ,
 Съ драгоценнымъ каменемъ:
 Велика наша вѣра крещеная,
 Мать Божія Богородица,
 Еще Троица нераздѣлимая!“
 Злодѣй-царище Дектіанище,
 На святого Георгія зло-паляюще,
 Повелѣлъ Георгія на мученіе взять.

На мученіе взять на великое:
 Приказаль Георгія въ топоры ру-
 бить во желѣзные.
 У топоревъ по обухъ лезвіѣ об-
 ломалоя, —
 Ничѣмъ святого Георгія не вредить.
 Георгій гласы гласить до небесъ
 свои:
 „Велика наша вѣра крещеная,
 Мать Божія Богородица,
 Еще Троица нераздѣлимая.“
 Злодѣй-царище Дектіанище¹⁾
 Приказаль Георгія во пилы пилать
 во желѣзныя.
 У пилъ зуббѣ обломалоя, —
 Ничѣмъ святого Георгія не вредить²⁾.
 Злодѣй-царище Дектіанище
 Приказаль Георгія въ печи жечь
 въ огнѣ въ пламени.
 Георгій стоитъ на въздусѣ, —
 Святого Георгія ничѣмъ не вредить.
 Злодѣй-царище Дектіанище
 Приказаль Георгія въ сапоги ко-
 вать въ желѣзные,
 Разжигать жаромъ, огнемъ-пламе-
 немъ.
 Ковали сапоги желѣзные,
 Поджигали огнемъ-пламенемъ;
 Въ сапогахъ гвозди трех-верховые!
 Повелѣлъ Георгію въ сапоги вста-
 вать,
 Во желѣзные, во калѣнные, —
 Святого Георгія ничѣмъ не вредить.
 Злодѣй-царище Дектіанище
 Приказаль Георгія на водѣ топить
 на сивемъ морѣ.

¹⁾ Опушены, какъ и въ слѣдующихъ за
 тѣмъ мѣстахъ:

На святого Георгія зло-паляюще,
 Приказаль Георгія на мученіе взять на великое.

²⁾ Опушены (см. прим. 1-е):

Онъ гласы гласить до небесъ своихъ:
 «Велика наша вѣра и пр.

Святѣй Георгій поверхъ воды пла-
ваеть, —

Ничѣмъ святаго Георгія не вредить.

Злодѣй-царище Дектіанище,

На святаго Георгія зло-поляюще,

Приказаль Георгія на мученье взять

на великое,

Приказаль наледники копать пре-

глубокіе —

Въ глубину копать 60 сажень,

Въ ширину копать 40 сажень,

Обшивать шитвомъ дубовымъ,

Закрывать крышкою желѣзною,

Засыпать песками крутожелтыми.

Копали наледники глубокіе,

Въ глубину 60 сажень,

Въ ширину 40 сажень,

Обшивали шитвами дубовыми,

Закрывали крышею желѣзною,

Засыпали песками крутожелтыми.

Святаго Георгія посажаючи

На тридцать лѣтъ и на три-года,

Самъ злодѣй пескомъ притоптываль,

Самъ злодѣй приговариваль:

„Не бывать бы Георгію на бѣломъ

свѣту,

Не видать бы Георгію свѣту бѣлаго,

Не узрѣтъ бы Георгію солнца крас-

наго,

Что на тридцать лѣтъ на три-года.“

Въ то время прохождаючи,

Ровно тридцать лѣтъ и три-года.

Георгій возмолился:

— „Услышь, Господи, мое моленіе,

Услышь, Господь Богъ, мое терпѣ-

ніе,

Сошли съ небесъ погодушку

Со восточной сторонушки;

Раскрой крыши желѣзныя,

Разнеси пески крутожелтые,

Разбей шитвы дубовыя.“

По Георгіеву моленію,

По его святому терпѣнію,

Поднималась погодушка со вихоремъ

Со восточной сторонушки,

Разнесло пески крутожелтые,

Раскрывало крыши желѣзныя,

Разшивало шитвы дубовыя.

Увидаль Георгій свѣту бѣлаго,

Возвидѣль Георгій солнце красное,

Выходилъ Георгій изъ той ямы

глубокія

На-землю свято-русскую.

Георгій походяючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Видить вдальчѣ, въ чистомъ полѣ —

Стоитъ одна церковь соборная.

Георгій входилъ въ церковь собор-

ную,

Поклонился Георгій чудному образу.

И стоитъ тутъ одна женщина,

Богу молится, Спасову образу, —

Его мать Софія премудрая.

Поклонился Георгій родной матери

въ рѣзвы ноги:

— „Гой еси мать моя, Софія пре-

мудрая!

Гдѣ мой конь богатырскій?“

„Твой конь въ чистомъ полѣ;

На немъ вся сбруя цѣлымъ цѣла,

Сбруя несмята, булатна.“

Поклонился Георгій чудному образу.

Георгій, походяючи

Изъ той церкви изъ соборныя,

Богатырска коня искаючи,

На богатырска коня сажаючись,

Георгій поѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Святѣй Георгій наѣхавши

На то на стадо на звѣриное —

На сѣрыхъ волковъ;

Волкъ съ волкомъ сойдутся и не-

разойдутся:

Нельзя Георгію проѣхати,

Нельзя святому подумати.

Святой Георгій проговариваль,

Святой храбрый проглаголивалъ:

— „Гой еси вы волки сѣрые!

Разойдитесь по всему свѣту по бѣлому

По два, по четыре и по одному,
Пейте, ѣшьте посулёное и благо-
словлёное“.

По Георгіеву по моленію,

По его святому терпѣнію,

Расходилися волки по всему свѣту
по бѣлому

По два, по четыре и по одному.

Георгій проѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Святой Георгій наѣхавши

На тѣ горы на толкучія;

Гора съ горой сойдутся,

И гора съ горой неразойдуться:

Нельзя Георгію проѣхати;

Нельзя святому подумати.

Георгій проговариваль,

Святой храбрый проглаголивалъ:

„Разойдитесь, горы, по всему свѣту
по бѣлому!

Я на васъ, горы буду строиться,

Буду строить церкви соборныя и
богомольныя.

По Георгіеву по моленію,

По его святому терпѣнію,

Расходились горы по всему свѣту
по бѣлому.

Георгій проѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Святой Георгій наѣхавши

На тѣ лѣса на дремучіе;

Къ сырой землѣ лѣса клонятся,

Отъ сырой земли не отдѣляются:

Нельзя Георгію проѣхати,

Нельзя святому подумати.

Георгій проговариваль,

Святой храбрый проглаголивалъ:

— „Гой еси лѣса дремучіе!

Отдѣлитесь, лѣса, отъ сырой земли!

Я изъ васъ, лѣса, буду строиться,

Строить буду церкви соборныя, бого-
мольныя.“

По Георгіеву по моленію,

По его святому терпѣнію,

Отдѣлялись лѣса отъ сѣрой земли.

Георгій проѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Святой Георгій наѣхавши

На то стадо на змѣиное,

На лукавое окаянное:

Нельзя Георгію проѣхати,

Нельзя святому подумати.

Строгалъ Георгій стружки дубовыя,

Самъ къ стружкамъ приговариваль:

„Обращайтесь, стружки, въ каленныя
стрѣлы,

Прибейте стадо змѣиное,

Змѣиное стадо лукавое, окаянное!“

По Георгіеву моленію,

По его святому терпѣнію,

Обращались стружки въ каленныя
стрѣлы,

Прибили стадо змѣиное,

Лукавое, окаянное.

Георгій проѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Георгій наѣхавши на трехъ пасту-
ховъ,

Пастухи — красныя дѣвицы.

Георгій проговариваль,

Святой храбрый проглаголивалъ:

„Гой еси пастухи-красныя дѣвицы!

Вы скажитесь, не утайтесь,

Котораго вы сами города,

Котораго отца-матери!“

— „Мы — города Иерусалимскаго,

Отца-Федора благовѣрнаго,

Мать у насъ — Софія премудрая.“

— „Ахъ вы, пастухи-красныя дѣ-
вицы,

Мои вы родныя сестрицы!
Вы змѣнаго духа нахватилися,
И на васъ тѣло, какъ дубовая кора.
Вы сходите въ Иорданъ рѣку, ис-
купайтесь.“

По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Сходили онѣ — въ Иорданѣ искупа-
лись,

Приходятъ въ царство Вавилонское.
Георгій проѣзжаячи,
Святую вѣру утверждаячи,
Святой Георгій доѣхавши
До того царства до дальняго,
До того царства Вавилонскаго,
Ко тому ли царицу Дектіаницу.
Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
Заревѣлъ по звѣриному.

Устрашился у Георгія богатырскій
конь,

Палъ конь на сыру землю;
Вынимаетъ Георгій палицу боевую.
Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у него кожу дѣ-мяса,
Мясо пробиваетъ дѣ-костей,
Пробиваетъ кости дѣ-мозгу.
Отвѣчалъ ему конь человѣчьимъ го-
лосомъ:

„Гой еси Георгій святой храбрый!
Вынимай свой тугой лукъ
И вкладывай калену стрѣлу,
Пускай злодѣю въ челюсти,
Отбей у него легкое съ печенью,
Пролей кровь за батюшку и за ма-
тушку,

И за родныхъ сестеръ!“
Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вкладывалъ калену стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое со печенью,

Проливалъ кровь за батюшку,
Проливалъ кровь за матушку,
Проливалъ кровь за родныхъ се-
стеръ.

Одолѣла кровь Георгія бусурман-
ская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по колѣнъ,
не по-поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣлымъ
груди:

Вынимаетъ онъ копье долготѣрное.
Ударилъ въ мать во сыру землю:
„Раступися, мать-сыра земля!
Пожри кровь бусурманскую и ока-
янную!“

По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Раступилася мать-сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую, ока-
янную.

Георгій проѣзжаячи,
Святую вѣру утверждаячи,
Георгій вѣхавши въ тое царство
Вавилонское,

Сколь народу Георгію поклонилися,
Ко святому Георгію обратилися.
И стали они святую вѣру вѣро-
вать —

Во Мать Божию Богородицу,
Въ Троицу нераздѣлимую.
И сдѣлали Георгію въ году два
праздника.

Во вѣки. Аминь.

Варенцовъ, 100 — 110.

(Записана въ Нолинскѣ, вятск. губ.).

4. Стихъ о двухъ Лазаряхъ.

(Воздаяніе):

Жили то были два братца,
Два братца, два Лазаря,
Что одна ихъ матушка спородила,

Не однимъ ихъ Господь Богъ сча-
стьемъ надѣлилъ:

Что большого-то Лазаря тьмою жи-
вотомъ и богачествомъ его,

А малаго-то Лазаря святымъ коше-
лемъ.

Заводилъ богатый Лазарь пирь,
Собралъ онъ Лазарь князей и бояръ
и пестрыхъ властей,

А малой-то Лазарь пошелъ по ми-
лостину къ нему:

„Подай, сотвори святую милостыню,

„Братецъ мой, братецъ, братецъ
родной!“

„Какой ты мой братецъ, какой ты
мой родной?“

„Есть у меня брателко, каковъ я
самъ.“

Отсылаетъ онъ брателко отъ себя
его роднаго, —

Толкаетъ, пинаетъ, съ крыльца про-
вожаетъ,

Съ крыльца провожаетъ, кобелей
потравляетъ:

„Усть-е, возмите борзы кобельё“.

Борзы кобели ему радуются,

Кровавыя раночки зализываютъ:

Выбросилъ онъ Лазаря на навозъ.

Взмолился онъ, Лазарь, Господу
Богу:

„Создай мнѣ Господи скорую смерть,

„Скору, крылату, немилостиву,

„Выняло бы душеньку нечестно, не-
хвально, сквозь правое ребро,

„На бѣломъ она свѣтъ налѣнство-
валась,

„Тѣло мое бѣлое налѣжилось.“

Услышалъ его Господи молитву его:
Посылаетъ онъ скорыхъ ангелей,

Скорыхъ, крылатыхъ и милостивыхъ:
Вините его душеньку и честно и

хвально и въ сахарны уста,

Положите его душеньку на пелены,
Поднимите душеньку на небеса,
Положите душеньку въ пресвѣтлый
рай.

И просилъ его брателко, свѣтъ род-
ной:

„Создай мнѣ Господи скорую смерть,

„Скору, крылату и милостиву:

„Выняло бы душеньку въ сахарны
уста,

„Положило бѣ душеньку на пелены,

„Подняло бы душеньку на небеса,

„Положило бѣ душеньку въ пре-
свѣтлый рай,

„На бѣломъ она свѣтъ намаллася,

„Тѣло мое бѣлое настранствовалося.“

Услышалъ Господь Богъ молитву его:

Посылаетъ къ нему Господи двухъ
ангелей,

Двухъ крылатыхъ и немилостивыхъ:

„Вынте его душеньку сквозь лѣвое
ребро,

„Положите душеньку на острое копье,

„Поднимите душеньку вверхъ высоко

„И бросьте его душеньку въ таръ-
тарары, —

„На бѣломъ она свѣтъ налѣнство-
валась

„И тѣло его бѣлое излѣжилось.“

(П. Якушкинъ, 49—50).

Понесли душеньку во адъ къ сатанѣ,

Положили душеньку на огненный
костеръ.

Воззрилъ же богатый на небеса,

Узрилъ же богатый убогаго Лазаря
Въ раю съ Аврааміемъ.

Возопилъ богатый велимъ гласомъ:

„Отче Авраамій, я стражду и му-
чусь!

Пошли ты мнѣ, отче, съ убогимъ
Лазаремъ

Единую каплю воды—

Промочить мои горячія уста!“
— Нѣтъ, чадо, невозможно отсель къ
вамъ перейти!

Ты, чадо, тамъ жилъ, наслаждался,
А Лазарь убогой терпѣлъ и стра-
далъ;

Теперь же ты будешь во адѣ вѣкъ
мучиться,

А Лазарь убогой въ раю ликовать.“

Варенцовъ, 72.

(Записано въ Саратовѣ).

5. Сонъ Мати-Маріи.

(Страданіе Христа).

Ай же ты, Мати Марія,
Пречистая Дѣва, пресвятая!
Гдѣ же ты ночесъ ночевала?
— Въ городѣ и въ Ерусалимѣ,
Во Божьей церквѣ за престоломъ;
Страшенъ я сонъ въ сняхъ ви-
дала,

Будто я сына спородила,
Во свято крещенье крестила,
Во пелены пеленовала,
Во пелены камчатія,
Во пояса шолковыя.

Кто бы мнѣ тотъ сонъ приразсудилъ?

Кто бы мнѣ тотъ сонъ приразска-
заль?

Провѣщится молодой юношъ,
Юношъ — сынъ возлюбленный:
„Ай же ты, Мати-Марія!
Пречудная дѣва, пресвятая!
Самъ я этотъ сонъ приразскажу,
Самъ я этотъ сонъ приразсужу:
Быть мнѣ-ка, матушка, распяту,
Ко кресту пригвождѣну;
Въ рудѣ мнѣ гвоздѣ вколотять,
Въ ноги мои гвоздѣ забиваша,
Кошiemъ бока у меня прободоша.

Тростью мою, матушка, главу уби-
ваша,
Совсѣмъ меня, матушка, присраш-
ляша,

Желчью меня напоиша.“

Восплачется тутъ Мати-Марія,

Пречистая дѣва, пресвятая:

— „На кого же ты меня оставляешь?“

„Оставляю я на брата на Іоанна,

На Іоанна брата, Предтечу,

На Крестителя тебя Господня.

Въ третій я день, мати, воскресну,

Самъ я по тебя, мати, буду,

Самъ я изъ тебя душу выну,

И сишу твой ликъ на икону,

Положу икону въ Божью церкву,

Въ Божію церковь за престоломъ;

Пойду — иконѣ помолюся,

Приду — иконѣ поклонюся,

Во вѣки, матушка, прощуся

До свѣтла Христова Воскресенья.“

Кто этотъ стихъ воспѣваетъ,

Избавленъ будетъ отъ вѣчныхъ муки.

Варенцовъ, 48—50.

(Архангельск. г.)

6. Стихъ про душу великой грѣш- ницы.

(Грѣховная жизнь).

По морю, по синему, по Хвалыч-
скому

Тутъ ишли, пробѣгали черезъ ка-
рабли.

Во этихъ корабляхъ святыя ангели
сидять,

На стрѣчу имъ самъ Іисусъ Хри-
стосъ, самъ Небесный царь,

Сталь онъ въ ангелахъ выспраши-
вать и выпытывать:

„Святыя ангели, архангели, гдѣ вы
хаживали, гдѣ гуливали,

Что слышивали, что виживали?
— Самъ Исусъ Христосъ, самъ Не-
бесный Царь!

Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ раз-
ставалася.

Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши, душа взворотилася,
Со своимъ съ бѣломъ тѣломъ по-
простилася:

Ты прости тѣло бѣлое мое.
Прости беззаконіе мое.
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червамъ тѣло на источеніе.
Вы кости земли на преданіе,
А я, душа, къ самому Христу на
спокаеніе. —

На стрѣчу души самъ Исусъ
Христосъ:
„Почему же ты, душа, грѣхи уга-
дываешь?“

— Потому я, душа, грѣхи угады-
ваю,

Что я жила на вольномъ на свѣту,
Среды и пятницы не пащивалась,
Великаго говлѣнія не гавливалась,
Заутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни про-
гуливала.

Въ полюшкахъ душа много хажива-
вала,

Не по праведну землю раздѣливала:
Я межку черезъ межку перекладыва-
вала,

Съ чужой нивы земли украдывала.
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не кая-
лась,

И отцу духовному не сказывала,
Безкорыстный грѣхъ себѣ полу-
чивала.

Еще душа Богу согрѣшила:

Не по праведну покосы я раздѣли-
вала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала;
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не кая-
лась.

Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я заломы заламывала¹⁾,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала;
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не кая-
лась.

Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ поляхъ, душа, много хажива-
вала,

Проворы въ поляхъ пораскладывала,
Скотяну въ поле понащивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстраивала,
Я добрыхъ людей оголаживала;
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не
каялась.

Еще душа Богу согрѣшила:
Изъ коровушекъ молоки я выкли-
кивала

Во сырое коренье я выдаивала²⁾.
Въ этихъ во грѣхахъ Богу не
каялась.

Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку дитя своего проклины-
вала,

Во бѣлыхъ во грудяхъ его я за-
сыпывала,..

Въ этихъ во грѣхахъ Богу не
каялась.

Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала;

¹⁾ Заломомъ называется особый видъ кол-
довства: связываютъ на корню узломъ рожь
или на чью-нибудь голову, или чтобы вынуть
спорыню изъ хлѣба.

²⁾ Тоже особый видъ колдовства. Дѣлають
на зло кому-нибудь, чтобъ корова не давала
молока.

Въ зѣтихъ во грѣхахъ Богу не
каялась.

По улицамъ душа много хаживала,
По подоконью душа много слуш-
вала,

Хоть не слышала, скажу: слышала,
Хоть не видѣла, скажу: видѣла;
Въ зѣтихъ во грѣхахъ Богу не
каялась.

По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала;
Въ зѣтихъ во грѣхахъ Богу не
каялась.

По игрищамъ душа много хаживала.
Подъ всякія игры много плясывала.
Самого сатану воспотѣшивала;
Въ зѣтихъ во грѣхахъ Богу не
каялась.

Напилася душа зеленого вина,
Отъ зеленого вина душа пьяна была.
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ поа безъ ду-
ховнаго.

Провалилася душа въ преисподній
адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отму-
чится

За свое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.
(П. Якушкинъ. 39 — 41).

7. Стихъ о пречудной царицѣ.

(Страшный судъ. — Покаяніе).

Ты пречудная царица, Мать Божія-
Богородица!

Ты услышь-ка наше моленіе, отъ
грѣшныхъ рабовъ твоихъ,

Ты прими наше слезное иногда ры-
даніе,

Не лиши насъ отъ царствія отъ
своого отъ небеснаго

И не предай насъ ко злой муки,
ко превѣчныя.

Ай же мука, ты еси мука злая со-
творена!

Но не ради насъ эта я мука злая
превѣчная,

Сотворена злая мука ради діа-
вола

И ради того человѣка многобездя-
коннова.

Ты живешь уже, человѣче, не раз-
судишь о себѣ;

Пора тебѣ будетъ, человѣче, воспо-
коляться,

На истинную путь пора будетъ об-
ратиться.

Призови-ка, человѣче, ты отца къ
себѣ духовнаго,

Исповѣдай-ка, человѣче, свои тайные
грѣхи.

Но не сколько намъ не жить, всѣмъ
намъ умирать будетъ.

Великому нашему всему богатству
будетъ здѣсь остатися;

Не друзья, братья намъ отъ смерти
не заступники,

И ни златомъ, ни серебромъ намъ
отъ смерти не откупитися,

Слезами намъ отъ смерти будетъ не
отплакаться.

Если хочешь ты, человѣче, *себя* до
конца претерпѣть,

Ты взойди же, человѣче, во дальнія
во пустыни,

Постригися ты, человѣче, во ризы
черныя,

Ты надѣнь-ка, человѣче, на себя
схимушку спасеную,

Ты зазри, человѣче, на образа Соз-
дателя.

„Создатель нашъ Царь Небесный;
онъ естъ многомилосливъ:

Онъ, любя человѣка, Господь хра-
нить, милуетъ,
Избавляетъ Господь грѣховъ чело-
вѣческихъ много множество,
Доставляетъ онъ до царствія до
свою до небснаго,
Онъ проводить душу праведную до
престола до Господняго.“
Скоро намъ будетъ тое времячко
злаго антихриста.
Время на три года будетъ и на
шесть мѣсяцовъ;
Но не можетъ тогда Царь Небесный
на антихриста зазреть,
Онъ сошлетъ Илью пророка съ небесъ
на сыру землю,
Тогда будутъ пророки по земли про-
роковать
И православными христианами про-
роки будутъ глаголовать:
„Ай же вы, рабы, православные
христианушки,
Не давайтесь вы лукавому на об-
манъ антихристу,
Соблюдайте вы свои душеньки ко
спасенію,
Ко страшному ко Христовому ко
пришествію.“
Возъярится тогда сердце у злаго
антихриста.
Онъ беретъ злой антихристъ жезло
во правую руку,
Онъ ударитъ Илю пророку жезломъ
во мезинный перстъ;
Тогда падетъ кровь пророческа на
сыру землю;
Отъ той отъ крови, есь буде, отъ
пророческой
Загорится наша матушка вся сыра
земля:

(Якушк. 32—33).

Спустится на землю судья праведный,
Михайло Архангелъ, свѣтъ.
Со полками онъ съ Херувимами,
Съ Херувимами и съ Серафимами,
Со всею онъ силою небесною,
И со трубою онъ златокованой,
И первый онъ разъ вострубитъ —
И души въ тѣлеса пойдуть;
Второй онъ разъ вострубитъ —
Отъ гробовъ мертвые встануть;
Въ третій разъ вострубитъ —
Всѣ на судъ Божій пойдуть.
И праведные идуть по правую руку,
а грѣшные по лѣвую.
У праведныхъ лица хорошія,
На главахъ власы, какъ лунь свѣтлы;
А у грѣшныхъ лица все черныя.
(Якушк. 59—60).

8. Плачь души.

(Душеспасительные подвиги).

Да восплачется душа моя грѣшная,
Да востужится тѣло грѣшное
Передъ Спасовымъ образомъ,
Передъ Матушкой Владычицей:
„Ай, увь, горе душѣ моей!
Еще какъ мнѣ на тотъ свѣтъ притти,
На второе на Христовое на при-
шествіе?
Не помогутъ душѣ моей
Ни отецъ, ни мать и не сродники,
Ни друзья—братья сердешные,
И ни злато, ни серебро;
Помогутъ душѣ моей
Поклоны полупошныя,
Тихомирная святая милостыня.
Тѣмъ наслѣдуетъ душа грѣшная
Себѣ царствіе небесное.“

(Варенцовъ, 156—157).

(Зап. въ Казани).

9. Стихъ о Пятницѣ.

Во славномъ городѣ въ Ерусалимѣ
 На той горѣ на Вертепѣ,
 Стояла святая пустыня,
 Въ этой пустынѣ жилъ святой пу-
 стынникъ Василій
 И молился онъ Господу Богу,
 Жёстко онъ молился со слезами,
 Умолилъ онъ себѣ царство небесное.
 Во снѣ ему Пятница явилась:
 Крестомъ его оградила,
 Свѣчею его освѣтила,
 Словесно ему говорила:
 „Стань же ты, стань, рабъ Божій,
 пробудися,
 „Поди же на святую на Россію,
 „Разказывай людямъ православ-
 нымъ,
 „Чтобы другъ друга люди возлю-
 били,
 „Братъ братомъ называли,
 „Отцей — матерей почитали,
 . . . . .

„Ай вы, мужи и жены честныя!
 „Среды, да пятницы почитите,
 „Въ воскресные дни Богу моли-
 тесь,
 „Дѣтей своихъ не проклиняйте,
 „Жидами не называйте:
 „Жида у Христа проклятые:
 „Жида Христа проклинали,
 „Святую одежду Его раздирали,
 „Копьемъ святое тѣло протыкали,
 „Святую Христову кровь проли-
 вали,
 „На крестъ Христа распинали,
 „Гвоздями руки, ноги приковали,
 „Обручи желѣзные набивали,
 „Во землю его зарывали.
 „Изъ мертвыхъ Христось воскресе,
 „Изъ гроба Христось да возстав-
 шій—
 „Весь міръ православный взрадо-
 вался:
 „Слава Тебѣ Христе Боже да на
 небеси!“

(П. Якушкинъ 61—62).

III. ПѢСНИ ЛИРИЧЕСКІЯ.

А. Семейныя.

I. Дѣтскія.

а. Колыбельныя.

1.

Тоню тяну,
Рыбу ловлю,
Въ кошель кладу,
Дѣмой несу.
Щучки въ кучки,
Плотички на полочки;
Одинъ ершокъ
Да ѣ тотъ въ горшокъ.
Щей наварю,
Николая накормлю,
Спать положу.
Слите-тко, ребята, не чухайте.

Учитель, 1863, стр. 289.

(Петрозаводск. у. оловецк. г.)

2.

Баю — баюшки баю,
Бай голубушку мою.
Сонъ ходить по лавки.

Дрема по сѣнямъ.

Сонъ говорить: — усплю, усплю,
А дрема говорить: — удремлю, удремлю.

Оны ищутъ дитю,
Успить-бы ею.
Я убайкаю дитю,
Убаюкаю ею.

ib.

3.

Ужъ ты, котинька-котокъ,
Котя, миленькой дружокъ,
Приди, котя, ночевать,
Моего дитя качать.
Я тебѣ ли котичу
За труды заплачу:
Кочергой по плечу (2)
Сама въ дверь погоню.

ib.

4.

У кота-кота
Была лялька хороша;

У нашего Колиньки
 Лучше его:
 Была выточена,
 Сверху вызолочена.
 Спи-тко, Колинька, усни,
 Спи, хорошенькой, усни!
 Выспишься, дитя,
 Не куражишься:
 Выстанешь — пойдешь,
 Разгуляемся.
 Ужь ты вырастешь большой —
 Будешь въ золоти ходить,
 Чисто серебро носить;
 Нянькамъ да мамкамъ
 Подарочки дарить.
 Байки — побайки
 Матери — китайки,
 Отцу — молодцу
 Хотъ на ластовицу.

5.

Котинька — котокъ,
 Котя, сѣреный хвостокъ,
 Приди, котикъ, ночевать,
 Мово Лешиньку качать,
 Прибаюкивати!
 Я тебѣ коту,
 За работу заплачу:
 Бѣленькій платочикъ
 На шею навяжу,
 А другой, голубой,
 Въ ручки подарю.
 А еще тебѣ, коту,
 За работу заплачу:
 Въ Великій Постъ
 Рѣдьки хвостъ,
 Склянку вина
 И конецъ пирога.

(Тула).

Шейнъ. I, 7.

6¹⁾.

По горамъ, горамъ
 По высокімъ
 По раздольцамъ
 По широкімъ,
 Тутъ огни горятъ
 Не гасимые,
 Злы татарове
 Тутъ полонъ дѣлать.
 Доставалася
 Теща зятю въ плѣнъ;
 Онъ отвезъ ее
 Къ молодой женѣ.
 „Ахъ и вотъ тебѣ,
 Молода жена,
 Полдняночка
 Съ Руси русская!
 Ты заставь ее
 Три дѣла дѣлать:
 Что и первое —
 То дитя качать,
 А другое то —
 Тонкій кужель прастъ,
 Что и третіе —
 То цыплятъ пасти. —
 „Ты баю, баю,
 Мое дитятко!
 Ты по батюшекъ
 Злой татарченокъ,
 Ты по матушкѣ
 Милъ внученочекъ:
 Вѣдь твоя то мать
 Мнѣ родная дочь;
 Семи лѣтъ она
 Во полонъ взята,
 На правой рукѣ
 Нѣтъ мизинчика.
 Ты баю, баю,
 Мое дитятко!“
 Какъ услышала

1) См. выше, стр. 172: Михайло Казариновъ.

Тутъ татарочка,
Она кинулась,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
„Ахъ, родимая
Моя матушка!
Выбирай себѣ
Коня лучшаго: ¹⁾
Мы бѣжимъ съ тобой
На святую Русь,
На святую Русь,
Нашу родину!“

Сахар. Т. I, кн. 3, стр. 263 — 264.

7.

Сни, усни, мое дитяtko!
Покуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
Спи, усни, мое дитяtko!
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ ваносная,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
Спи усни, мое дитяtko!
Твоя матушка поляночка (полюня-
ночка),
Твой батюшка поляночикъ.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
Злы татарове набѣгали,
Домы, теремы, сожигали,

¹⁾ Вариантъ;

Ты сними шубу старошешеную,
Ты надѣнь шубу соболиную,
Ты садись со мной въ колясечку.
Не сьму шубу старошешеную,
Не надѣну шубу соболиную;
Отпусти ты меня въ свою сторону,
Въ свою сторону къ царю Вѣлому,
Къ царю Вѣлому, къ Петру Первому.
Шейнъ, ч. 1, стр. 10.

Старыхъ стариковъ убивали,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
Разлучили тебя, дитяtko,
Съ родимой-ли матушкой,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
Отгнали прочь, дитяtko,
Твоего-ли батюшку родимаго.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
Ты расти, расти, дитяtko,
Во крѣпости и младости.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko.
Ужъ у тебя ли на дворѣ
(Со)стоитъ теремъ олинехочивъ
Безъ батюшки и матушки,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
Безъ твоей молодой жены;
Ты сѣдай коня вороного,
Баю, баюшки, баю.
Баю, мое дитяtko!
Ты свачи въ Орду Золотую,
Вывози батюшку роднова,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
На святую-ли Русь;
Вывози матушку родиму,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!
На широкой ли дворѣ;
Вывози молоду жену
Во теремъ пзукрашенный.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяtko!

Сахар., т. I, кн. 3, 264—265.

8.

Богъ тебѣ далъ,
 Христось даровалъ,
 Пресвятая Похвала
 Въ окошечко подала,
 Иваномъ назвала.
 Натe-гeо,
 Да примите-гeо!
 Ужь вы, нянюшки,
 Ужь вы, мамушки!
 Водитесь, не лѣнитесь,
 Старья старушки
 Укачивайте,
 Красныя дѣвицы
 Убаюкивайте!
 Спи съ Богомъ, со Христомъ,
 Спи со ангелами,
 Спи, дитя, до утра,
 До солнышка!
 Будетъ пора,
 Мы разбудимъ тебя.
 Сонъ ходитъ по лавкѣ,
 Дремота по избѣ;
 Сонъ говорить:
 Я дремать хочу.
 По полу, по лавочкамъ
 Похаживаютъ,
 Ванюшкѣ въ зыбочку
 Заглядываютъ,
 Спать укладываютъ.

Шейвъ, I, 6.
 (Тверск. г.).

б) Забавныя.

9.

Скокъ, поскокъ,
 Молодой дроздокъ,
 По водичку пошелъ,
 Молодичку нашелъ,
 Молодиченька
 Не величенька,

Сама съ вершокъ,
 Голова съ горшокъ.
 Шу! (вы) полетѣли,
 На головушку сѣли.

Ш. I, 13.

(Тверь).

10.

Донъ, донъ, донъ!
 Загорѣлся кошкннъ домъ:
 Вѣжить курица съ ведромъ
 Заливать кошкннъ домъ.

ib. 14.

11.

Тень, тень, потетень!
 Выше города плетень.
 Садись, галка, на плетень!
 Галки хохлушки,
 Спасенныя душики.
 Воробьи пророки,
 Шли по дорогѣ,
 Нашли книгу;
 Въ этой книгѣ:
 Зюзюка, зюзюка,
 Куда намъ катиться?
 Вдоль по дорожкѣ,
 Коротеньки ножки,
 Овсяны сапожки.

ib. 15.

(Крапивенск. у. тульск. г.).

12.

Сорока, сорока!
 Гдѣ была? Далеко.
 На порогъ скакала,
 Гостей созывала:
 Гости не бывали,
 Каша пригорѣла.

Потомъ, указывая на каждый палецъ руки, начиная съ большого, приговариваютъ:

И этому дала,
И этому дала, и пр.

И, остававливаясь на мизинцѣ, до-
бавляютъ:

А ты малъ малешенѣтъ,
За водицей не ходилъ,
Дровъ не носилъ,
Кашки не варилъ.
Шу! полетѣли,
На головушку сѣли.

ib. 19—20.
(Москва).

13.

Галки, вороны,
Сбирайтесь къ намъ!
Варите кутью,
Поминайте Кузьму!
За рѣкой въ кусту
Кузьма денежки куеть,
Всѣмъ по денежкѣ даетъ:
Тюшѣ Матюшѣ (Матвѣю)
И бабушкѣ горбушѣ,
Еще трехъ Матренѣ,
Да Луку съ Петромъ.

(Тверь.)

ib. 20.

14.

Ладушки, ладушки,
Гдѣ были? У бабушки.
Что ѣли? Кашку.
Что пили? Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька.
Шу! полетѣли.

(Москва).

ib. 21.

15.

Куледа, куледа,
Гдѣ ты была?

За воротами.
Гдѣ ворота?
Водой снесло.
А гдѣ вода?
Быки выпили.
А гдѣ быки?
За горы ушли.
А гдѣ горы?
Черви выточили.
А гдѣ черви?
Гуси выклевали.
А гдѣ гуси?
Въ тростникѣ ушли.
А гдѣ тростникѣ?
Дѣвки выломали.
А гдѣ дѣвки?
За мужья ушли.
А гдѣ мужья?
На печи сидятъ,
Калачи пекутъ
И намъ дадутъ.

ib. 26—27.

(Москва).

16.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый подожокъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
Отъ моря до моря
До Кіева города, —
Тамъ моя родина.
На родинѣ дубъ стоитъ,
На дубу сова сидитъ.
Сова-то мнѣ теща,
Воробушекъ шуринокъ.
Васька Батуринокъ
На грамотку пишеть,
На дѣвушку дышетъ.
Дѣвица, дѣвица,
Сходи по водицу.
Я волка боюсь, —

Волкъ на болотѣ,
Коза на работѣ.

Учитель, 1863, стр. 144.

17.

Лучина, лучина,
Гори, гори жарко!
Приѣдетъ Макарка,
Самъ на лошадекѣ,
Жена на коровкѣ,
Слуга на собачкахъ,
Дѣти на теляткахъ.

(Тверь).

Ш. 36—37.

18.

Татарки, татарки,
Взяли по пальцѣ,
Ударили по доскѣ,
Поѣхали по Москвѣ.

ib. 38.

(Крапивенск. у. Тульск. г.).

19.

А дуду, дуду, дуду!
Потерялъ мужикъ дугу
На солдатскомъ на лугу:
Онъ шарилъ—не нашель,
Къ государынѣ пошелъ.
Государыня, боярыня,
Роди ты мнѣ сына
Въ четыре аршина;
Бабушка Арина,
Подай полотенеце
Накрыть младенца!
Младенецъ не великъ—
Во всю лавушеу лежитъ;
Онъ сталъ на дыбокъ,—
Досталъ потолокъ.

ib. 41.

(Крапивенск. у. тульск. г.).

20.

Какъ у насъ козелъ
Что-та умный былъ,
Самъ и по воду ходилъ,
Самъ и кашу варилъ,
Дѣда съ бабкою кормилъ.
Какъ пошелъ нашъ козелъ
Онъ во темный лѣсъ;
Какъ на встрѣчу козлу
Да семь волковъ:
Какъ одинъ то волкъ
Онъ голодный былъ,
Онъ три года ходилъ, ¹⁾
Все козлятины просилъ.

ib. 50—51.

в) Обрядовыя. Игорныя.

21.

Дождикъ, дождикъ, перестань!
Я поѣду въ (во) Врестань ²⁾
Богу молиться,
Царю поклониться.
Я, убогій сирота,
Растворяю ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

ib. 53.

(Чебоксары, казанск. г.).

22.

Дождикъ, дождикъ, припусти!
Я поѣду межъ кусты
Богу молиться,

¹⁾ Вариантъ:

Онъ три года болѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
Хватилъ козелка
Поперекъ живота,—
Его ноги—на дорогѣ,
Голова его въ кустѣ,
Борода его въ гнѣздѣ.

ib. 50.

²⁾ Вариантъ:

«Во Гистань», «во Рязань».

Христу поклониться;
Богова сирота,
Отворяю ворота,
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

ib. 54.

(Въльск. у. орловск. г.).

23.

Дождикъ, дождикъ!
На дядину пшеницу,
На нашъ ячмень,
Поливай весь день!
На Иванову рожь
Поливай, какъ хошь!

ib. 55.

(Москва).

24.

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣти плачугъ,
Сыръ колупають,
Кошкамъ бросаютъ,
Намъ ѣсть не даютъ,
Коромыслами бьютъ.

ib. 55.

(Тобольскъ).

25.

Катилось яблочко
Вокругъ огорода,
Кто его подыметъ,
Тотъ вояъ выдетъ ¹⁾.

Учитель, 1868, стр. 145.

26.

Первички,
Другички,

Трички,
Волычки,
Пятанъ
Ладанъ,
Дикинь
Выкинь.

ib. 145.

27.

Зайчикъ бѣленькй,
Гдѣ ты былъ?
Въ лѣсъ.
Что дѣлалъ?
Лыжи дралъ.
Куды ихъ влалъ?
Подъ володу.
Кто бралъ?
Родивонъ.
Поди вонъ.

ш. 59.

28.

Михайла-вортома
Пожарная голова,
Еловая кожа,
Сосновая роза.

ib. 66.

29.

Косой бѣсъ
Пошелъ въ лѣсъ,
Срубилъ палку,
Убилъ галку.
Галка плачетъ,
Косой скачетъ.

ib. 67.

30.

Дядя Тарасъ,
Не доѣхалъ до насъ,
Твоя дочка у насъ,

¹⁾ На комъ изъ играющихъ придется последнее слово, тотъ долженъ отходить, ему не досталось *водить* въ игрѣ (начинать, вести конь, конвождать).

Плетеночки плететь,
Въ кошелочекъ кладеть.

ib. 69.

(Четыре послѣднія записаны въ крапивенск. у.
тульск. г.).

31.

Ты вуколка,
Я вуколка;
Ты маленькая,
Я маленькая.
Гдѣ ты была?
У вечерни пробыла.
Что ты въ гости не пришла?
Побоялась тиуна.
Тиунъ тебѣ не судья,
Судія—Владыка.
Владыковы дѣти
Хотятъ улетѣти.
Шяшемъ вышелъ,
Вонъ пошелъ.

ib. 35—36.

II. Пѣсни про любовь.

(Протяжныя, голосовыя).

A. Добрый молодецъ и дѣвица.

а) Одиночество.

1.

Какъ у ключика у гремучева,
У колодезя у студенова,
Добрый молодецъ самъ коня поилъ,
Красна дѣвица воду черпала;
Почерпнувъ воды, поставила;
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
Хорошо тому жить на семь свѣтѣ,
У кого есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, и брата — сестра,

Ахъ, и братъ — сестра, что и родъ
— племя.

У меня ль, у красной дѣвицы,
Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду — племени,
Ни того ли мила друга.

Сахар. I, 3, 204.

б) Любовь и кручина.

2.

Не сиди, мой другъ, поздно вече-
ромъ;

Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.

Ахъ, прошли, прошли наши красны
дни,

Наши радости буйный вѣтръ унесъ
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!

Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мяѣ родна(я) матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!

Не горять въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтять по два мѣсяца,

Не любить два раза добру молодцу!

Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,

Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью ран-
нею,

Съ смертью раннею и насильною!
Залилась слез(а)ми красна дѣвица,

Во слезахъ она слово молвила:

Ахъ, ты, милой мой, ненаглядной
мой!

Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!

Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,

У меня не быть двумъ милымъ друж-
камъ! —

Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка:
 Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
 Зазнобивши, онъ повысушилъ.
 Я сама дружка повнсушу,
 Я не зельями, ни кореньями,
 Я своими горючми слезми:
 И ты кань, кань, горяча слеза,
 Бѣ милу дружку на бѣлую грудь,
 На бѣлую грудь, въ ретиво сердце!

ib. 326.

(Тульск. г. и у.).

7.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда взшла, когда выросла?
 Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда цвѣла, когда вырѣла?
 Я весной взшла, лѣтомъ выросла,
 Я весной цвѣла, лѣтомъ вырѣла.
 Подъ тобою ли, рябинушкой,
 Что не макъ цвѣтеть, не трава
 ростеть,

Не трава ростеть, не огонь горить,
 Не огонь горить — ретиво сердце,
 Ретиво сердце, молодецкое.
 Ахъ, горить, горить, какъ смола
 кипить,
 По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
 По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
 По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
 Ты душа ль, душа красна дѣвица!
 На зарѣ ль, зарѣ, зарѣ утренней,
 При восходѣ ли свѣтла солнышка,
 Не простившися съ отцемъ, съ ма-
 терью,
 Не выдавшися съ добрымъ молод-
 цомъ,

Жизнь оставила, скончалася.

Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,

Вѣтры теплые, вы осеніе!

Вы не дуйте здѣсь, васъ не на-
 добно.

Прилетайте вы, вѣтры буйные,
 Что со сѣверной со сторонушки,
 Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
 И развѣявши по чисту полю,
 По чисту полю, по широкому,
 Вы раскройте мнѣ гробову доску,
 Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній
 разъ

Распрощатися съ моею милою,
 Съ моею милою, съ душой дѣвицей!
 Окропивъ ее горючей слезой,
 Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

Сахар. 1, 3, 203—204.

8.

Что-то не павушка по дворику гу-
 ляла,
 Красная дѣвушка по сѣнчикамъ хо-
 дила,
 Ена нянюшекъ и мамушекъ будила:
 Вы вставайте, няньки-мамки, про-
 буджайтесь!
 Иль да вы ли, души красны дѣ-
 вицы!
 Вы подумайте мнѣ, младенкой, при-
 гадайте,
 Что за что меня вечеръ отецъ и
 мать бранили,
 На весь-то на родъ-племя меня, хо-
 рошую, журили,
 Не велѣли мнѣ по миленькомъ пла-
 кать,
 Не велѣли мнѣ по хорошему то-
 сковать.
 Ужъ вы сами, добрые люди, раз-
 судите, (2)
 Ино какъ же мнѣ мнѣ по миломъ
 не тосковать?
 Ужъ какъ же мнѣ по хорошему не
 плакать?
 Какъ онъ хорошъ-пригожъ мой ми-
 ленькій уродился:

Вышелъ мой миленькій родствомъ¹⁾ —
 пригожествомъ,
 Вышелъ мой миленькій всею кра-
 сотою,
 Вышелъ мой миленькій всею моло-
 децкою поступкою.

Ш. 299.

(Вазд. у. новгородск. г.).

в) Равлука. — Прощаніе.

9.

Долина ль ты моя, долинушка,
 Должна ль ты моя широкая!
 На той ли на долинь
 Выростала калина;
 На той ли на калинь
 Кукушка вскуювала:
 Ты объ чемъ, моя кукушечко,
 Объ чемъ кукуешь?
 Ты объ чемъ, моя горемычная,
 Объ чемъ горюешь?
 Ужь и какъ же мнѣ, кукушечки(ѣ),
 Какъ не куковати?
 Ужь и какъ же мнѣ, горемычиной,
 Какъ не горевати?
 Одинъ былъ зеленый садъ, —
 И тотъ засыхаетъ,
 Одинъ былъ у меня милый другъ, —
 И тотъ отъѣзжаетъ,
 Одною меня, младешеньку,
 Одною меня покидаетъ.

Ш. 310.

(Крапив. у. тульск. г.).

10.

Не соколъ летить по поднебесью,
 Не соколъ ронить сизы перушки,
 Скачетъ молодецъ по дороженьки,
 Горьки слезы льетъ изъ ясныхъ очей:
 Распрощался онъ съ своей родиной,

Со сторонушкой понизовою,
 Гдѣ течетъ въ красѣ Волга матушка;
 Распрощался онъ съ красной дѣвицей;
 Онъ оставилъ ей на помянь себѣ
 Дорогой перстень со алмазами,
 На обмѣнъ же взялъ отъ красавицы
 Золото кольцо обручальное, —
 При размѣнѣ самъ приговаривалъ:
 Не забудь меня, моя милая,
 Не забудь меня, задушевный другъ,
 Чаще взглядывай ты на перстень мой,
 Чаще стану я цѣловать кольцо,
 Къ ретиву сердцу прижимаючи,
 Объ тебѣ, мой другъ, воспоминаючи.
 Коль помыслию я о другой любви, —
 Золото кольцо распаяется,
 Если ты съ другимъ подъ вѣнецъ
 пойдешь, —
 Камень выпадетъ вонъ изъ перстена.

Ш. 302—303.

(Епиф. у. тульск. г.).

11.

Ахъ, ты солнце, ты солнце красное!
 Ты къ чему рано за лѣсъ катишься?
 У меня въ глазахъ сердечной другъ,
 Не гостить онъ, не жалуется,
 Все домой снаряжается.
 Провожу ли я друга милаго
 Чрезъ два поля чистыя,
 Чрезъ три луга зеленые,
 Чрезъ матушку каменну Москву.
 Я тутъ съ другомъ разставалася,
 Я слезами обливалася,
 Во слезахъ ему слово молвила:
 Коли лучше меня найдешь — поза-
 будешь,
 Коли хуже меня найдешь — вспо-
 мянешь.

Сахаровъ, I, 3, 205.

¹⁾ «Ростомъ».

12.

Не спала-то я, младешенька, не дре-
мала,

Я ни думала, младешенька, ни га-
дала,

Съ правой руки яснаго сокола оу-
стила;

Подымался младъ ясенъ соколъ выше
лѣсу,

Выше лѣсу, выше зеленой дубровы!
Опускался младъ ясенъ соколъ на

сине море,
Онъ садился младъ ясенъ соколъ на

корабликъ.

По кораблику гостинный сынъ гуляетъ,
Во звончатые онъ гусельки играетъ,

Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь, душа красна

дѣвица,
Наживай себѣ друга милаго, иного.

Буде лучше меня найдешь — поза-
будешь;

Буде хуже найдешь — вспоманешь,
Вспоманувъ меня, душа моя, запла-
чешь.

ib.

г) Размолвка.—Измѣна.—Ревность.—
Мечь.

13.

Ужъ вы да ночи, ночи темныя,
Вечера ли мои веселые!

Всѣ я ноченьки просиживала,
Всѣ я думушки продумывала.

Какъ одна мнѣ дума съ ума не йдетъ,
Съ ума не йдетъ, съ великаго ра-
зума:

Тутъ проторилъ милый другъ доро-
женьку

Мимо садика, садика зеленого:

Я сама-то, дѣвка, глупо сдѣлала,

Своего дружка прогнѣвала,
Назвала я дружка горькой пѣлицей.

Ш. 319.

(Тульск. г.).

14.

Ахъ, вы вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные — вѣтры осенніе!

Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,

Отнесите вы къ другу вѣсточку,
Что нерадостную вѣсть, печальную:

Какъ вѣчоръ-то молодешенькѣ
Мнѣ мало спалось, много видѣлось,

Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня, у младешеньки,

На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,

Выкатился дорогой камень,
Пасплеталася моя руса коса,

Выплеталася лента алаал,
Лента алая, ярославская.

Подареньице друга милова,
Свѣтъ дородна добра молодца.

Сак. I, з. 204—205.

15.

Не сиди, дѣвушка, поздно вечеромъ,
Ты не жги, не жги восковой свѣчи,

Восковой свѣчи, воску ярова!
Ты не жди, не жди дорога гостя,

Дорога гостя, дружка милова!
Я не гость пришелъ, не гоститися,

Пришелъ (я) къ дѣвушкѣ доложити-
тися,

Всѣмъ подарочкомъ размѣнитися:
Ты возьми, возьми, свой тальянскій

платъ,
Ты отдай, отдай, (мое) золото кольцо!

Тебѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить,
А мнѣ этимъ кольцомъ обручатися.

Позволь, милая, мнѣ женитися!

Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
 Во слезахъ дѣвица слово молвила,
 Слово молвила, рѣчь говорила:
 Ты жепись, женись, разбесовѣстный!
 Ты не будь, миленькій, насмѣхате-
 лемъ,
 Красной дѣвицѣ поносителемъ.

Ш. I, 305—306.

(Осташковск. у. тверск. г.)

16.

Ты дуброва моя, дубровушка,
 Ты дуброва моя, зеленая!
 Ты къ чему рано зашумѣла,
 Приклонила свои вѣточки?
 Изъ тебя ли, изъ дубровушки,
 Мелки пташечки вонь вылетали,
 Одна пташечка оставалася.
 Горемышная кукушечка.
 Что кукуетъ она день и ночь,
 Ни на малой часъ перемолку нѣтъ:
 Жалобу творить кукушечка
 На залетнова ясна сокола:
 Разорилъ онъ ее тепло гнѣздышко,
 Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
 Малыхъ дѣтушекъ кукунятүшекъ,
 Что по ельничку, по березничку,
 По часту лѣску, по орѣшничку.
 Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
 Что во высокомъ сидитъ красная,
 Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ;
 Она плачетъ, какъ рѣка льется,
 Возрыдаеть, что ключи кипятъ.
 Жалобу творить красна дѣвица
 На заѣзжева добра молодца:
 Что сманилъ онъ красну дѣвицу,
 Что отъ бабушки и отъ матушки,
 И завезъ онъ красну дѣвицу
 На чужу дальнюю сторону,
 На чужу дальнюю, незнакомую,
 Что завезши, хочетъ (по)кинути.

Сахаровъ, I, 3, 202.

17.

Полынь ты моя, полыньюшка, горь-
 кая трава,
 Полынь горькая трава, шелковая!
 Не я ли тебя, полыньюшка, съяла,
 Не сама ли ты, полыньюшка-злудѣй,
 Уродилася,
 По зеленому по садикѣ, злудѣй, рас-
 плодилася?
 Заняла ты мнѣ, полыньюшка, въ
 саду мѣстечко,
 Въ саду мѣсто доброе, хлѣбородное;
 Во саду ли во садикѣ виноградъ
 ростеть,
 Виноградъ ростеть, черносливъ цвѣ-
 тетъ.
 Свѣти-ко, свѣти, ты, свѣтель мѣ-
 сяцъ,
 Чтобы было видно мнѣ, куда милъ
 пошелъ!
 Пошелъ мой миленькій изъ улицы
 въ край,
 Во крайній во дворъ, ко вдовушкѣ
 въ домъ,—
 У вдовушки дочушка была, дочъ
 одна,
 Ложилась спать подъ окошечкомъ,
 Открывала окошечко менножечко,
 Говорила съ милымъ потихонечку.

Ш. I, 321.

(Тверск. г.)

18.

Ужъ, какъ полно, красна дѣвица ту-
 жити,
 Не наполнишь ты синя моря слезами,
 Не воротишь друга милаго словами!
 Говорила я милому, говорила,
 Я въ упросъ ли друга милаго про-
 сила:

Не женися ты, мой милой, не женися!

Не послушался, душа моя, женился!

Онъ присыпаль ко бѣдну сердцу печали,

И онъ налилъ очи ясныя слезами,
Запечаталь уста алыя онъ кровью.

Сахаровъ, I, 3, 202.

19.

Какъ по крутому, по красному бережку,

Что по желтому, сыпучему песочку,

Какъ ходила тутъ, гуляла красна дѣвица,

Она рыла себѣ кореньца, зелье лютое,

Натопила она кореньца въ меду,
въ патокѣ,

Напоила добра молодца до-пьяна,
Напоивши, положила спать,

Положивши, красна дѣвица насмѣхалася:

Ты спишь ли, моя надежа, или такъ лежишь?

—Я не сплю, не сплю, душа моя,
едва живъ лежу:

Ты умѣла, красна дѣвица, отравить меня,

Ты умѣй, душа, и схоронить меня;

Не клади меня, красна дѣвица, у
Божьей церкви,

Положи меня, красна дѣвица, въ
чистомъ полѣ,

При широкой, дальней при дороженькѣ;

Въ головахъ поставь, красна дѣвица,
золотой крестъ,

На груди поставь, душа моя, калену
стрѣлу,

Подъ бока клади звончатыя гусли,
Въ ногахъ поставь, красна дѣвица,
моего коня.

Буде старъ человекъ поидеть—
помянется,

Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;

Какъ охотники пойдутъ—такъ настрѣлятся;

Буде младъ человекъ поидеть—въ
гусли наиграется;

Какъ поѣдутъ мои друзья, братья
и товарищи —

На моемъ добромъ конѣ наѣдутся.

Сахаровъ, I, 3, 206—207.

д) Безсталанная доля дѣвушки ¹⁾.

20.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ
горя бѣжать?

Поиду отъ горя въ темный лѣсъ—
За мной горе съ топоромъ бѣ-
жить:

Срублю — срублю сыры дубы,
Сыщу — найду красну дѣвицу;

Вѣгу отъ горя въ чисто поле —
За мной горе съ косою бѣжить:

Скошу — скошу чисто поле,
Сыщу — найду красну дѣвицу.

Куда жъ мнѣ отъ горя бѣжать?
Я отъ горя брошусь въ сине море—

За мной горе бѣлой рыбицей:
Выпью — выпью сине море.

Сыщу — найду красну дѣвицу.
Я отъ горя замужъ уйду —

¹⁾ См. выше, стр. 165—168: Горе.

За мной горе въ приданое;
 Я отъ горя въ постелюшку слегла—
 У меня горе въ головахъ сидитъ;
 Я отъ горя въ сыру землю пошла—
 За мной горе съ лопатой идетъ;
 Стоить горе — выхваляется:
 Вогнало — вогнало я дѣвцу въ сыру
 землю!

Ш. I, 322.

(Данковск. у. рязанск. г.).

Б. Братъ и сестра.

21.

Какъ у добрава молодца зеленъ са-
 диеъ.

Посѣялъ добрый молодецъ цвѣточки,
 Посѣявши цвѣточки, самъ запла-
 калъ:

Ахъ, и свѣтъ мой лазоревы цвѣ-
 точки!

Кому-то васъ цвѣточки поливати,
 Отъ лютыхъ отъ морозовъ сохра-
 няти?

Отецъ и мать у молодца стареньки;
 Одна была родима сестрица,
 И та пошла на Дунай рѣку за во-
 дичей.

Во Дунай ли рѣкѣ она потонула?
 Въ темноѣ ли лѣсу заблудилась?
 Сѣрые ль ее волки разорвали?
 Аль злы татары ее полонили?
 Кабы она въ Дунай рѣкѣ потонула,
 Дунай рѣка съ пескомъ возмути-
 лась;

Кабы ее сѣры волки разорвали,
 Косточки бы по чисту полю разме-
 тали;

Кабы ее татары полонили,
 Ужь бы мнѣ, добру молодцу, вѣ-
 сточка была.

Сахаровъ, I, 3, 205.

22.

Я варила зло коренье,
 Я варила — поровила
 Не милому дружку, —
 Какъ попало зло коренье
 Братцу родному:
 Какъ со вец(ч)ера мой братецъ
 Поразохался;

Ко полуноци мой братецъ
 Онъ поа просилъ;
 Ко бѣлу свѣту мой братецъ
 Переставился.

Схорони меня, сестрица,
 Между трехъ дорогъ,
 Между Питерской, Московской,
 Межь Тверской-Ямской;
 Кто ни ѣдетъ, кто ни идетъ,
 Богу молится,
 А тебя, мою сестрицу,
 Не проклетъ даетъ.

Ш. I, 328—329.

(Новоторжск. у. тверск. г.).

В. Братья.

23.

... Какъ братецъ къ братцу въ го-
 сти приходилъ:
 Родимый ты мой братецъ, пожалуй
 ты мнѣ коня,
 Пожалуй ты мнѣ коня, съѣздить
 до села! —
 Родимый ты мой братецъ, бери безъ
 проша,
 Бери безъ проша, ступай куды
 хощь! —
 Родимый мой братецъ, поѣдемъ со
 мной,
 Сватать за меня, другую за тебя!

Ш. I, 330.

(Данковск. у. рязанск. г.).

III. Свадебныя пѣсни. 1)

1. Сватовство (рукобитье) 2).

а) Во время рукобитья (запорученья).

1*.

На сегодняшній бѣлой день
Вышла роса холодная,

1) Терещенко, В. Р. Н. Ч. II, Свадебн. пѣсни олоонецк. г., стр. 207—229. Отсюда-же и описаніе свадебн. обрядовъ. Пѣсни, не входящія въ кругъ олоонецкихъ, обозначены звѣздочкой.

2) «Парень, соскучивъ одиночествомъ, просить у своихъ родителей дозволенія жениться. — Желанные родители! говоритъ онъ, отпустите меня на чужую чужбину: я достану себѣ, молодцу, красную дѣвицу. — Его отпускаютъ съ благословеніемъ. — Иди съ Богомъ, дитятко, говорятъ родители, иди, роженъ!»

«Онъ идетъ искать невесту вдалькѣ отъ своего селенія или деревни. Избравъ для этого друзей своихъ и двухъ сватовъ, въ которые беретъ изъ родственниковъ, онъ отправляется съ ними въ то мѣсто, гдѣ у него на примѣтѣ дѣвица. Они не входятъ прямо въ домъ, а стучатъ въ окно, спрашивая: можно ли войти? Имъ отвѣчаютъ: милости просимъ. — Войдя въ взбу, они молятся сначала образамъ, а послѣ кланяются родителямъ невесты; родители просятъ гостей садиться; они благодарятъ, говоря: намъ некогда сидѣть, мы пришли за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ. — Гостей упрощиваютъ сѣсть, и начинаютъ подчивать яичницею и пряжеными пирогами. Въ то время зажигаютъ свѣчу предъ образомъ, и если невестѣ не понравится женихъ, то она гаситъ свѣчу. — Это отказъ. — Когда просвѣтаетъ невесту, тогда она плачетъ. Въ то время накрываютъ ее фатою и сватамъ объявляютъ приказъ, т. е. когда будетъ порученье (обрученье), а когда свадьба. Приказъ сопровождается звономъ въ колокольчикъ, рукобитіемъ и благословеніемъ. Свать бьетъ по рукамъ со всѣми родными невесты, захвативъ полу своей сибирки.

«Послѣ совершенія рукобитья, помолвленная проноситъ съ плачемъ:» Улетѣла моя любимая, вольная волошка за горушки высокія, за лѣсушки темныя, за озерушки широкія! Обневолили меня желанные родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ ужъ не долго красоваться волошкой у

Ознобила мое сердце ретивое.

Бласлови, Боже истинный,
Божья мать-Богородица,
Запѣвать пѣсню новую,
Новую не пѣванную.
Что не ключики брягнули,
Да не замочки щельнули, —
По рукамъ приударили.
Запоручилъ сударь-батюшка
И родимая матушка
Да меня молодешеньку
За поруки за крѣпкія
Да за заряды великіе.

Терещ. 232—233.

своихъ родителей и у братьевъ, ясныхъ соколовъ. Видно я имъ наскучила, видно была имъ не работница и не заботница. Видно приустали мои родители, меня поючи, кормючи, узкія плечки одѣваючи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую дубравушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волошка? Обернусь я, красная дѣвица, къ косячету окошечку; посмотрю на широкую уллицу: исполна ли печетъ красное солнышко, свѣтитъ свѣтелъ мѣсяць? Погляжу я, красная дѣвушка, на брусую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители на брусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волошки! Ахъ, любимая подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волошки на буйныхъ головушкахъ; у меня, у бѣдной горюшницы, распушена косанька, нѣтъ моей вольной волошки! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздничкамъ. Поднимись, ручка правая, на буйную головушку! Опустись, ручка левая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормильца батюшку, второй поклонъ за родитель-матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку. Ты, Покровъ Богородица! покровъ меня дѣвушку пеленой своей нетлѣнной, итти на чужую сторону! Введенъ мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку! Стрѣтенъ мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!»

«Невеста ходитъ ежедневно, рано по утру, въ домъ родныхъ и поетъ причитанье плачевное. Если пѣтъ у нея родителей, то ходитъ на ихъ могилу и тамъ рыдаетъ. Таковія причитанія она распѣваетъ до самой свадьбы.»

Т. 207—209.

6. Встрѣча свата.

2*.

Государь ты мой батюшка
 И родимая матушка,
 Ужь вы всѣхъ подчуйте;
 Одного гостя не подчуйте,
 Ужь вы свата лесливаго.—
 Ходилъ же лесливый свать
 Не путемъ, не дороженькой,—
 Онъ по заячьимъ тропочкамъ,
 По собачьимъ лазечкамъ,
 Онъ полями по запольицамъ,
 Деревнями по задворьницамъ.
 Истопталъ же лесливый свать
 Трои лапти березовы;
 Исподпиралъ же лесливый свать
 Онъ три банные ожога ¹⁾.
 (Въ первый разъ поколотился, —) ²⁾
 Высокъ теремъ пошатился;
 Въ другой разъ поколотился,—
 Зауголки отпадали;
 Въ третій разъ поколотился,—
 Всѣ оконенки выпали.
 Привелась-то я молода
 Я у печки *вольишныя*,
 Да у шесточка кирпичнаго.
 Покатилася у меня
 Моя буйная голова;
 Опустилися у меня
 Мои бѣлыя рученьки;
 Подогнулися у меня
 Мои рѣзвыя ноженьки.
 Государь ты мой-батюшка,
 Ты возьми свата за воротъ,
 Поведи свата за двери,
 Повали его на дровни,
 Да повези его на поле.
 Ты подай свату борону,

Чтобъ разчесаль буйну голову.
 Уже дай, Боже, сватушеу
 Ему за эту за выслугу:
 На печи бы заблудитися,
 Сквозь напыльникъ провалитися,
 Да во шахъ ему сваритися,
 На поваренкѣ бы свата выняли.
 Киселемъ бы подавитися,
 Да молокомъ бы захлебнутися.
 Еще дай, Боже, сватушку
 Ему за эту за выслугу:
 Ему сорокъ бы сыновей,
 Да пятьдесятъ ему дочерей,—
 Сыновей бы не женивать,
 Дочерей не выдавивать.

Т. 234—235.

2. Отъ запорученья (рукобитья) до
свода.

а. Плачи.

Плачь невѣсты по дѣвичьей волѣ.

3.

Скучно мнѣ, дѣвушкѣ-сиротинушкѣ,
 Безталанной, бѣдной головушкѣ.
 При отцѣ росла я при родимомъ,
 Я у матушки у сударьни
 Сиживала подъ окошечкомъ,
 Почесывала буйну головушку,
 Поплелывала трубчатую косу.
 Теперь батюшка да какъ чужъ чу-
 жавинъ,
 Родная матушка хуже мачихи.
 До зеренки красныя понаѣлися,
 До свѣту Божьяго понапилися —
 Пропили меня дѣвушку — сироти-
 нушку,
 Пропили головушку безпріютную,
 Не глядя на слезы, на жалѣннице,
 Забросили дѣтище въ нелюбиму сто-
 рону

¹⁾ Деревянная палка, которая служить вмѣ-
 сто кочерги.

²⁾ Такъ слѣдовало бы по смыслу.

Да на горюшко, на кручинушку,
Да на плаканье, да на вѣчное.

Плачь невѣсты на могилѣ родныхъ.

4.

Не плала млада и не ѣла я,
Мнѣ не спалоса, не дремала я;
Тошно дѣвушкѣ мнѣ, топнешенько,
Больво сѣрдечку, и больнешенько.
Разступись ты, мать сыра земля!
Подымись, вскройся, гробова доска!
Встань ты, братецъ мой, встань ро-
дименькой,
Пріюти меня, безпріютную,
Приголубь меня, позабытую;
Роду-племени я чужой стала,
Отцу-матери я покидышемъ.

5.

Что на горѣ-то дубъ стоитъ,
Онъ безъ вѣтра мотается,
Безъ дождя увивается.
Много, много у сыра дуба,
Много вѣтвей и повѣтей,
Много листу зеленого.
Только нѣтъ у сыра дуба,
Золотой нѣтъ вершиночки.
Позолоченой маковки, —
Что теперь было надобно,
Что въ этому то времячку,
Что въ лѣту ко красному,
Ко веснѣ ко разливной.

Много, много у дѣвушки,
Много ближнихъ пріятелей,
Только нѣту у дѣвушки,
Нѣту родителя — матушки, —
Что теперь было надобно,
Что бо этому ко времячку,
Ко благословенію великому.

Снарядить младу есть кому,
Благословить младу некому:
Благословляютъ чужи люди,
Чужи люди, посторонные,
Всѣ сосѣды нарядовые. —

*Плачь невѣсты утромъ. на крыль-
цѣ ея дома. Такъ-же она плачетъ
и въ домъ своихъ родственниковъ.*

6.

Грустно сѣрдечку, нудно бѣдному!
Ахъ, знобить его да невзгодушка:
Отца-батюшки приказаньице,
Родной матушки повелѣньице.
Куда ни брошусь я, куда ни взгля-
ну я,

Ахъ! вездѣ тоска неусыпучая,
Вездѣ невзгодушка неминучая.
Оглянуся я на далекій лѣсъ:
Во сосновенькомъ да темнешенько, —
А въ груди моей еще темнѣй.
Оглянуся я на широкій дворъ:
Ахъ! на дворикѣ да грушлехонько, —
А на сѣрдцѣ мнѣ еще грустнѣй.

6. Пѣсни, во время приготовления
приданого, ¹⁾ въ честь невѣсты, же-
ниха, его родныхъ и товарищей.
Прощаніе съ родителями.

7.

Не чаяла меня матушка вѣкъ сбыти,
Меня вѣкъ сбыти, со двора изжити.
Изжила меня матушка воединый часъ,
Во единый часъ, во минуточку.
Жарко, жарко въ теремѣ свѣчи го-
рять,
Все горять свѣчи воску яраго!

¹⁾ Подруги невѣсты, принимая въ ней уча-
стіе, проводятъ съ нею время до свадьбы и
утѣшаютъ ее. Во все это время онѣ пригото-
вляютъ ей свадебные уборы и поютъ съ нею
пѣсни, по большей части грустныя.

Жалко, жалко плакала красная дѣ-
вица

По своей кось русой...

Унималь ее родной батюшка.

Уговаривала родитель-матушка:

Ты не плач, наша умная!

Не тужи, душа разумная!

Ужь вѣдь мы тебя невѣ полонъ дадимъ,

Ужь вѣдь мы тебя за мужъ выдадимъ;

Отдаемъ тебя, за умнаго;

Что за умнаго за разумнаго.

Ужь какъ мы тебя не одну спустимъ, —

Мы тебѣ дадимъ провожаты(и)хъ.

— Ты не тѣшь, не тѣшь, родной ба-
тюшка!

Не уговаривай, родимая матушка!

Провожатые всѣ разѣдутся, —

Я одна, молодешенька, остануся

Съ удалымъ добрымъ молодецъ.

Женителю:

8.

Желтые кудри за столъ пошли.

Русу косу за собою повели;

Желтые кудри-добрый молодецъ,

Русая коса-красная дѣвица.

На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,

Добрый молодецъ у красной дѣвушки
выспрашиваетъ:

„Ты скажи, скажи, красная дѣвица!

Кто тебѣ изъ роду милъ?“

— Милъ мнѣ милешенекъ

Батюшка родной. —

„Красная дѣвица моя!

Это неправда твоя, не истинная:

Свое сердце тѣшишь, а мое гвѣвишь.“

На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,

Добрый молодецъ у красной дѣвушки
выспрашиваетъ:

„Кто тебѣ изъ роду милъ?“

— Милъ мнѣ милешенекъ доброй
молодецъ. —

„Красная дѣвица душа!

Это правда твоя истинная, —

Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.

Невѣстѣ:

9.

Ты скажи-ка, чужой чужбининъ!

Ужь ты гдѣ меня повысмотрѣлъ?

Ужь ты гдѣ меня повыглядѣлъ?

На горкѣ катаючися,

О Христовомъ дни качаючися,

Аль на тихой смиренной бесѣдушкѣ?

И тогда у меня молодешенькой

Было туку ¹⁾ прибавлено,

Было росту принаставлено;

Навладно да лицо бѣлое:

И бѣлымъ ²⁾ было набѣлено,

Алымъ ³⁾ да румянено.

Невѣстѣ:

10. *

Что вчера о эту пору,

Поранѣ маленько,

Мимо батюшкинъ широкій дворъ,

Мимо матушкинъ-то высокъ теремъ,

Мимо мой темный кутничекъ ⁴⁾,

Пролетѣлъ младъ ясенъ соколъ.

Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ,

Онъ черкнулъ сизымъ перышкомъ:

Ты не плачь, не плачь, дѣвица,

Не плачь, дочь отецкая!

На чужой-то на сторонѣ

И повадно и весело,

¹⁾ Полпаты.

²⁾ Бѣлилами.

³⁾ Румянами.

⁴⁾ Часть избы, которая отъ печи до лицевой стороны дома отдѣляется воронцомъ, загородковъ, а иногда занавѣскою.

Всѣ добры да и ласковы
 До тебя молодешеньки;
 На чужой-то на сторонѣ
 Три поля проса насѣяны,
 Три горы изнаочены,
 Зеленымъ виномъ поливаны,
 Весельемъ огорожены,
 Вадостью изподпираны.
 И соколу не облетѣти,
 И конному не объѣхати,
 А пѣшему не подумати.—

Что вчера о эту пору,
 Поранѣ малешенько,
 Мимо бабушкинъ широкой дворъ,
 Мимо матушкинъ новъ, высокъ те-
 ремъ,

Мимо мой темный бутничекъ,
 Пролетала лебедушка.
 Она махнула правымъ крылышкомъ,
 Она черкнула бѣлымъ перышкомъ:

Ты поплачь, поплачь, дѣвица,
 Поплачь, дочь отецкая!
 На чужой-то на сторонѣ
 Не повадно, не весело;
 Всѣ не добры и не ласковы
 До тебя молодешеньки.

На чужой-то на сторонѣ
 Надо жить-то умѣючи,
 Говорить разумѣючи, —
 Голову держать поклончиву,
 Ретиво сердце покорчиво,
 Молодому поклониться,
 Старому покориться.—

На чужой-то на сторонѣ
 Растутъ лѣса-то вилявые,
 Да живутъ люди лукавые,
 Продадутъ да и выкупятъ,
 Проведутъ да и выведутъ,
 Они тебя молодешеньку.

Т. 241 — 242.

11. *

Ужъ я что сижу, задумавшись,
 Чужихъ басень заслушавшись?
 Говорять мои подруженьки,
 Говорять мои голубушки,
 Про шитье, да про браньнице,
 Про чистое да подѣльнице,
 Ужъ какъ я про ся ¹⁾ подумаю.
 Про свою буйну голову.
 Мнѣ ништо-то на умъ не идетъ!
 Ни шитье и не браньнице,
 Ни чистое рукодѣльнице.
 Дума душу ²⁾ побиваетъ,
 Одна дума съ ума не идетъ—
 Чужа дальняя сторона,
 Да чужой отецъ съ матерью,
 Да дородный то молодецъ.—

Т. 243—244.

12. *

На проходѣ у насъ бѣлый день,
 На закатѣ красно солнышко,
 На разлетѣ красны соколы,
 На развѣздѣ добры молодцы,
 Да на расходѣ пошли подру-
 женки.

Я прошу васъ, подруженьки,
 Я прошу васъ, голубушки,
 На роду-то впервые,
 Да на вѣку-то вполсѣдніе:
 Посидите, подруженьки,
 Посидите, голубушки,
 Цѣлый день да до вечера,
 Съ вечера до полуночи.
 Ужъ дамъ вамъ провожатаго.
 Я родимаго батюшку;
 Буде мало покажется,—
 Голубочка мила братца
 И сестрицу лебедушку:

¹⁾ Ся—себя.

²⁾ Думу?

Буде мало покажется, —
 Такъ и сама пойду молода.
 И пошли мои подруженьки
 Всѣ по высокимъ по теремамъ,
 Да по отцамъ, да по матерямъ,
 Мнѣ куда будетъ дѣваться?
 Мнѣ куда притулиться
 Да отъ темныя ноченьки?
 Ужъ я стану молиться
 Я родимому батюшкѣ,
 У рѣзвухъ ногъ кататися:
 Мы пойдемъ сударь-батюшка,
 Мы на тихія тишины,
 Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
 Гдѣ бы люди не видѣли —
 Съ чужи-дальнія стороны. —

T. 245—246.

3. Сводъ жениха и невѣсты ¹⁾.

13.

Не дари-ка, чужой чужбининъ,
 Ты нищенскими подарками, —

¹⁾ «Въ опредѣленный день пріѣзжаетъ женихъ со сватами и свахами, которые *сводятъ* жениха съ невѣстою. Жениха ставятъ въ большой уголъ подъ иконы, а невѣсту въ малый уголъ близъ печи. По обѣ стороны жениха стоятъ двѣ сватки, а по обѣ стороны невѣсты двѣ бродки ²⁾. Невѣста держитъ въ рукахъ тарелку, на коей лежитъ фата, сложенная нѣсколько разъ въ средину углами. Сваты бьютъ въ воронецъ, ³⁾ првговаривая бродкѣ: ну сватьюшка, поварачивайся! давай невѣсту, женихъ скучаетъ. — Жениха и невѣсту ведутъ медленно. Приведа на средину избы, сводятъ жениха съ невѣстой, — т. е. ставятъ другъ подлѣ друга.

«Женихъ разгибаетъ углы фаты и при каждомъ углу, имъ разогнутомъ, пѣлуетъ свою невѣсту. Когда разогнетъ всѣ углы, тогда

На церковномъ крыльцѣ вопросы.
 Ужъ я жила, молодешенька,
 У родимаго у батюшки:
 Я носила, молодешенька,
 По Христовымъ воскресеньицамъ —
 Я башмачки козловые,
 Чулочки бумажные;
 По головымъ по праздничкамъ —
 Я чулочки шелковые
 И башмачки сафьяные.
 Ты послушай, чужой чужбининъ!
 Съ моимъ родомъ спознаться —
 Прозакладать все житье-бытье
 И хоромное строеньице.
 Какъ дарить тебѣ, отдаривать
 Мой родъ-племя великое?
 У меня родня широкая:
 Сорокъ тетусекъ, сорокъ дядюшекъ.

Въ моемъ-де роду-племени
 Все попы, отцы духовные,
 И причетники церковные;
 По губерніямъ губернаторы,
 По городамъ городничіе,
 По уѣздамъ исправники,
 По правленіямъ славны головы,
 Да по земскимъ пятисотскіе.

накрываютъ невѣсту фатою, даютъ ей въ руки подносъ съ виномъ, и потомъ она начинаетъ подчивать всѣхъ гостей, изъ конехъ каждый кладетъ на подносъ деньги, сколько кто можетъ. Въ слѣдъ за невѣстой ходятъ проводница и плакальщица; послѣдняя неумолно оплакиваетъ ее. Обнесъ всѣхъ, невѣста подноситъ вино жениху, который даритъ ей, между прочими вещами, башмаки, но она, дѣвзявъ ихъ, бросаетъ, а плакальщица поетъ укоризны. Иногда поютъ бродки:

«Не дари-ка, чужой чужбининъ,
 Ты нищенскими подарками» и пр.

T. 214.

«Обойдя всѣхъ съ подносомъ, невѣста останавливается у стола; дружки снимаютъ съ нея фату концами плети.»

¹⁾ Бродки, корельское слово, значить сваха, или сватка. Названіе бродкѣ носить одиѣ свахи со стороны невѣсты.

²⁾ Въ доску, привѣшенную къ перекладникѣ потолка.

4. Дѣвичникъ ¹⁾.

14.

Сборы, сборы широкіе,
Широкіе сборы, дѣвичи!

(имя и отчество невѣсты)

Сбирала подружекъ за свой столъ,
Садила подружекъ высоко;

¹⁾ «Послѣ свода, или порученья, наступаетъ *дѣвичникъ*: во наканунѣ его бродяги топятъ баню, въ которую водятъ невѣсту ея подруги, при пѣвнн заувнвномъ. Тамъ ее моютъ льномъ, изъ котораго потомъ дѣлаютъ шнуры для новаго-платья жениха.»

Т. 214—215.

«Сестра или подруга зоветъ невѣсту въ баню и причитаетъ:

Подымись, моя родна сестра,
Что иди-то въ парну баенку,
Что смывать-то волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Ш. I. 495.

«Невѣста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

Благослови, кормилецъ — батюшка,
Что иди-то въ парну баенку,
Что смывать свою волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

«Съ этими же словами обращается она и къ матери.

«Сейчасъ же послѣ этого дѣвухи покрываютъ невѣсту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

Растопися, парна баенка,
Раскалися въ банѣ каменка,
Поразысья крупной жемчугъ,
По столамъ, столамъ дубовымъ;
Порасплачься, невѣста душа,
Передъ своимъ кормилцемъ — батюшкой:
— Ты кормилецъ родной батюшка!
Для чего ты рано по утру встаешь,
Для чего ты пиво пьяное варишь? —
«Для того поутру рано встаю,
Для того я пиво пьяное варю,
Что твоихъ-то поѣзжанъ поить,
Что твоего-то свѣта суженаго.»

Невѣста въ это время тихо плачетъ. *ib.*

«Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами.

«По выходѣ изъ бани, только что невѣста станетъ подходить къ дому, не входя въ него, останавливается съ своими подругами и начинаетъ плакать въ голосъ:

Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ придти въ чужи
люди?

Какъ будетъ назвать люта свекра?
Батюшкомъ назвать не хочется,
Свекромъ назвать — разсердится.
Убавлю спеси-гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою.
Съ этого я худа не буду,
Съ бѣлаго лица не спаду,
Съ алыхъ щечекъ румянцомъ не
сойду.

Я иду, родимый батюшка.

Со своимъ милымъ подруженькамъ(и)

Ужъ по новымъ-то по сѣнникамъ;

Я вхожу, кормилецъ-батюшка.

Что во повую во горенку.

Что во свѣтлую во свѣтлицу

Я изъ парной только баенки,

Пообивши волю вольную.

Порастерявши красу дѣвичью,

По полямъ-то да по чистымъ,

По лужайкамъ-то по зеленымъ. Ш. 496.

«Входя въ избу, вмѣстѣ съ подругами, невѣста, поклонившись отцу, причитаетъ:

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,

Что за парную баенку;

Лишь попеная тебѣ, батюшка:

Какъ здынулсь твой рученьки

Благословить меня молодешеньку!

Теперь благослови меня, родной батюшка.

Что садиться за дубовый столъ,

Со своимъ милымъ подруженькамъ(и)! *ib.*

«На дѣвичникъ собирается, со стороны помолвленныхъ, вся родня. Жениха и невѣсту заводятъ за столъ; протаву невѣсты садятся ея подруги, а противу жениха его поѣзжаные и тысяцкн, избираемый изъ крестннхъ отецъ и заступающій мѣсто посаженнаго отца.

«Молодыхъ подчиваютъ прежде всѣхъ, и въ то время, когда подносятъ невѣстѣ вино, она встаетъ и кланяется будущимъ своимъ роднымъ. Дѣвухи поютъ:

«Сборы, сборы широкіе» и пр.

«Молодыхъ заставляють поцѣловаться, и послѣ ихъ поцѣлуя раздается общее одобреніе. Женихъ подноситъ подарки своей невѣстѣ, которая отдариваетъ его платкомъ и уходитъ въ особую комнату: гости садятся за столъ.

15. 1)

Охъ-ты (охти) мнѣ, да охъ-ты мнѣ-
шинько,
Хоть мнѣ долго издѣваться,
Будетъ бѣдной поворитися!
Подойти да молодешенькѣ

1) Эта пѣсня сопровождается состояваніем между женихомъ и невѣстою.

«Невѣста наливаетъ рюмку вина и подноситъ своему жениху; женихъ наливаетъ другую рюмку и подноситъ ей. Каждый изъ нихъ первымъ старается влить вино въ рюмку другъ друга, и кто успеетъ это сдѣлать прежде, тотъ будетъ первенствовать; зрители одобряютъ радостнымъ крикомъ. Если женихъ успеетъ налить первымъ, то невѣста оборачивается къ нему и поетъ съ покорностію. Тогда поѣзжаные съ жениховой стороны вскакиваютъ изъ за стола и кричатъ: покорилась. — наша взяла! ваша взяла! Тутъ начинается снова подчиванье, а невѣста, сопровождаемая дѣвушками и женщинами, собираетъ пособъ: она подходитъ къ каждому мужчине и каждой женщине съ приличной пѣсней, которую поетъ съ свахами или свѣдущими женщинами, или только благодаритъ ихъ причитаніемъ:

Спасибо, доброй молодецъ,
На приносъ, на подносъ,
На дорогихъ твоихъ подаркахъ.

«Привчтая тоже самое каждой женщине и дѣвушкѣ, она говоритъ первой: спасибо, добрая тетюшка! а второй: спасибо, моя сестричка! и потомъ заключаетъ поклономъ.» Т. 218.

«Если же лицо, которому спѣта пѣсня, не положитъ на тарелку денегъ, то дѣвушки поютъ ему иную — *корителъную тѣсю*... Вотъ эта корителъная пѣсня на скупаго, напр., тысяцкаго:

Какъ на спицѣ-то не безиѣнъ-ли —
У насъ тысяцкой-то не обмѣнъ ли? *)
Какъ на спицѣ-то не кушакъ-ли —
У насъ тысяцкой-то не лѣпакъ ли?
Какъ на полицѣ-то не трехъ-ли —
У насъ тысяцкой-то не глухъ-ли?
Тысяцкой-то воевода какъ поѣхалъ воевати —
Среди печи на лопатѣ,
Съ большимъ братомъ — со ухватомъ,
Со сестрою — кочергою:
Кабы сѣры кошки не подосѣли,
То бы тысяцкаго мыши сѣли.
Ужъ ты, тысяцкой, нашъ воевода!
Тебѣ живота не скопяти,
Своей жевѣ тебѣ башмаковъ не купити!

*) „Не обмѣнянъ-ли?“

Ко столу да ко княжескому, 1)
Ко кругу да молодецкому,
Поклонитесь да низешенько,
Ужъ мнѣ снять фату алую. —
Не помни, чужой чужбининъ,
Ты не лихой моей (лихости),
Да не грубой моей грубости.
Ты гляди, чужой чужбининъ,
Господинъ души, отецкой сынъ,
Мнѣ прямо въ бѣло лицо,
Въ точъ ясны очи.
Я дѣвушка не корыстная!
Тебѣ братъ, чтобы не каяться,
Мнѣ бы жить, чтобы не плакаться
На чужой дальней сторонущкѣ!...

16.

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилецъ-батюшка,
И родительница моя матушка!
Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣ-
шинько,

Дочь кручинная головушка!
По послѣднему денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Во высокой новой горницѣ.
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ;
Я смотрѣла, молодешенька,
Изъ косящата окошечка,
На озеро на Онежское:
Изъ за озера за Онежскаго,
Летятъ птицы заморскія:
Соловей — птица свистущая,
Орелъ — птица говорящая:
Орелъ сѣлъ да на окошечко,

Пора тебѣ (имя лица) догадаться —
За золоту казну да приняться;
Пора тебѣ дѣвѣцъ подарити...

Пермск. Сб., кн. I, отд. II, 57—58.
(Свадебн. обр. г. Чердыни).

1) «Княженецкому».

Соловей сълъ подь окошечкомъ.
 Орелъ сталь да выговаривать,
 Соловей сталь да высвистывать:
 Не сиди, наша голубушка,
 Подь косячатыхъ окошечкомъ,
 Ты не трать чиста серебра
 И не порти красна золота.
 По сегодняшнему делечку
 Быть саду да полоненному,
 Всему роду покоренному:
 Волюшкѣ быть во неволюшкѣ,
 Дѣвухѣ быть во заботухѣ.
 Не за долго поры времени
 Проскрипѣли дубовы сани,
 Пробрянчала золота узда,
 Просвистала шелкова плеть:
 Пріѣзжалъ злодѣй большой свать,
 Насулилъ онъ батюшкѣ
 Много пива, много пьянаго.
 Говорилъ желанный батюшка:
 Миѣ-ка пить, да незапиваться;
 Не промѣняю любовь дочери,
 Я за винную за рюмочку.
 Выводилъ да злодѣй большой свать
 Много злата, много серебра,
 Много скатнаго жемчугу.
 Говорить родима матушка:
 Серебромъ - то не шлюзы шлю-

зить,

Золотомъ-то не тыны тынить,
 Жемчугомъ да не сады садить.
 Пропились да промотались
 Желанные мои родители;
 Пропили мою головушку ¹⁾

¹⁾ Обрядъ прощанія невесты въ иѣкорныхъ мѣстахъ совершается слѣдующимъ образомъ: «Съ большимъ подносомъ, уставленнымъ рюмками по количеству гостей, является подружье; дружка наливаетъ вино, привезенное имъ отъ жениха, вмѣстѣ съ подарками невестѣ, и, приготовивъ все, передаетъ поднось жениху; женихъ вмѣстѣ съ невестою принимаютъ его и держатъ среди комнаты. Затѣмъ дружки торжественно берутъ подь руки

Не за пивную за кружечку,
 Не за винную за рюмочку.
 Вѣрно, я, молодешенька,
 Надоѣла да наскучила!
 Видно, бѣдная я напрокучила
 Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
 Глупымъ малымъ ребячествомъ!
 Я пріѣла, молодешенька,
 Всѣ я стоги пятигодные,

и подводить къ подносу, по старшинству, всю родню и всѣхъ гостей невесты, не исключая и подругъ ея — дѣвухекъ. Сначала, конечно, подводятъ тестя — отца невесты; женихъ проситъ его кушать, говоря: «*изъ всей пожелайте*» (т. е. пейте всю рюмку до дна) — и лишь только тестъ принимаетъ рюмку, дѣвухи заунывнымъ тономъ поютъ ему *пропойную* пѣсню:

Сине море на волнахъ стоитъ —
 Красна дѣвица на думахъ стоитъ.
 Думавши, она слово вымолвила:
 Батюшко, пей — да меня не пропей!
 Пропей ты меня — не выкупишь,
 Пропей ты меня — не выручишь.
 Пропей, проней, батюшко, кафтанъ-отъ съ себя!
 Ты его пропешь — ты и выкупишь,
 Ты его пропешь — ты и выручишь;
 А меня-то младу на выкупъ не дадутъ.
 За эту чару, за зеленое вино,
 Увезутъ меня на чужую сторону,
 Ко чужому отцу, къ чужой матерѣ.

«За тѣмъ, съ той же церемоніей, подводятъ тецу; за ней прочихъ родственниковъ невесты, по старшинству, и наконецъ дѣвухекъ. Пѣсня для всѣхъ поется одна и таже, съ тою только разницею, что тещѣ, вм. кафтана, котораго она не носитъ, рекомендуется пропить шамшуру: *) «проней, проней, матушка, шамшуру-ту съ себя!» а дѣвухкамъ — косу: «пропейте, пропейте косу-ту съ себя, косу-ту съ себя съ алой ленточкою!»

«Когда, такимъ образомъ, всѣ пропють невесту, женихъ передаетъ поднось съ пустыми рюмками дружкѣ, а самъ, схвативши невесту за руку, стремглавъ тащитъ ее за порогъ, вонъ изъ комнаты. Дѣвухи бросаются огнивать ее, хватаются за нее и едва-едва удерживаютъ жениха, преговаривая: «*сегодня она наша, а завтра будетъ ваша...*» Тогда женихъ отдаетъ имъ невесту, прощается съ нею, хозяевами и гостями, и со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправляется домой.»

Черкас. Сб. I, II, 60—61.

*) Шамшуру называютъ головной уборъ замужней женщины.

Да засѣки неисходныя!
 Провосила, молодешенька,
 Всѣ я цвѣтныя платица!
 Придержала, молодешенька,
 Всю безсмѣтную золоту казну!
 Какъ при мнѣ, да молодешенькѣ,
 У моихъ свѣтъ у родителей
 Ужъ какъ въ полѣ не родилося,
 На дворѣ да не плодилосья,
 На столѣ да не спорилосья!
 Изживаютъ меня, бѣдную,
 Будто ворога изъ города,
 Люта звѣря изъ темна лѣса.
 Погоди, родима матушка!
 Схватишься да догадаешься,
 Какъ не будетъ меня, бѣдной,
 И по бережку находишься,
 Камешковъ наприбираешься
 И къ сердцу наприжимаешься.
 Рада будешь, красно солнышко,
 Черезъ поле въ глаза видѣти,
 Черезъ лѣсъ да голось слышати,
 Черезъ рѣку рѣчь говорити.
 У меня, у молодешеньки,
 Будетъ волюшка спрошенная,
 Красота да доложеная.
 Мнѣ захочется тошнешенько
 На родимую сторонушку,
 Да отхочется скорошенько:
 У м(е)ня день пройдетъ спрашаючи,
 Другой день да vzdоложаючись.
 Недѣлку снаряжаючись
 На родимую сторонушку:
 Осенью да бездорожице,
 А весною да безпольице,
 Лѣтомъ лѣтнія работушки,
 Зимой зимушка студеная.
 И не спустятъ меня, бѣдную,
 На родимую сторонушку....
 Ужъ мы свидимся — нонаплачемся,
 Разойдемся — натоскуемся.

5. Обрядъ предвѣнчальный ¹⁾.

а) Одѣваніе невѣсты.

17.

По послѣднему донечку
 Навесло тучку черную,
 Со громами со трескучими,
 Съ молніями со сверкучими,
 На батюшковъ высокъ теремъ,
 На матушкину горенку.
 Приѣзжалъ чужой чужбининъ,
 Съ храбрымъ своимъ поѣздомъ,
 Съ поѣзжанами молодыми.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Соколь-братецъ, братецъ родимень-
 кой,

Голубчикъ златокрыленькой,
 Запонка да воротовая,
 Сердоликъ, дорогой камень.
 Наряжу я, молодешенька,
 Службицу я не великую,
 Да работку не тяжелую:
 Ты схода-ка, братецъ, соколь мой,
 Въ постоялую конюшеньку,
 Ты возьми-ка, братецъ, соколь мой,
 Что ни лошадь саму лучшую;
 Запряги-ка, братецъ, соколь мой,
 Въ саночки да въ самокаточки;
 Поѣзжай-ка, братецъ, соколь мой,
 Въ славный городъ Вытегру,
 Въ лавочки торговныя,
 Закупи-ка, братецъ, соколь мой,
 Горнитуру мнѣ черняго

¹⁾ «Въ день поѣзда молодыхъ въ церковь, женихъ приѣзжаетъ за невѣстой съ своими друзьями и слатями. Его сажаютъ за столъ въ кутнѣмъ углу, подъ образами; по правую его руку садятся дружки, а по лѣвую сватѣи. Въ то время дѣвушки одѣваютъ въ другой избѣ невѣсту и кладутъ ей за пазуку крайчикъ посоленого хлѣба и шнурокъ, сплетенный изъ того льна, которымъ она мылась въ банѣ. При одѣваніи поютъ дѣвушки, а иногда сама невѣста.»

И шелковъ семи разны(и)хъ.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны, милья подруженьи,
Дорогія поровеночки (однолѣтки). —
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую зановѣсь:
Вы на первомъ углу вышейте
Вы Литву да со татарами;
На другомъ углу вышейте
Вы Москву да со боярами;
Вы на третьемъ углу вышейте
Царя да со царицею;
На четвертомъ углу вышейте
Короля со королицею.
На середочѣ же вышейте
Красно солнышко, со мѣсяцемъ,
Да со частыми звѣздочками.
Ты повѣсь-ко, братецъ, соколъ мой,
Заузорчатую занавѣсь
Ко крыльцу да ко перильному,
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому.
Какъ поѣдетъ да чужой чужби-

нинь,

Въ городахъ онъ не бывающій,
Мудрости мало выдающій:
Разглядитса да размотритса
На узорчатую занавѣсь
И оставитъ молодешеньку
На родимой на сторонущѣ,
У желанныхъ у родителей. —
Глупая я, красна дѣвица,
Неразумная головушка!
Какъ поѣдетъ чужой чужбининь:
Впереди его вожатые,
Позади же проважатые,
По сторонѣ да сбережатые,
Въ городахъ они бывалые,
Много мудрости видалые, —
Не отпустить молодешеньку
На родимую сторонущу.
Не пускай-ка, братецъ, соколъ мой,

Безъ допросу на крытое крыльцо,
Безъ доклада красной дѣвицѣ.

ib. 222 — 223.

б) Расплетаніе косы ¹⁾.

18.

Я не знала, не вѣдала,
Когда сваха пріѣхала,
Спесивая, гордливая.
Она ступить не ступила,
Слова не смолвила;
Хотя жъ она ступила,
Хотя жъ она смолвила:
Снаряжайся-ка, умная!
Снаряжайся, разумная!
Что въ ту-ль Божію церковь,
Что въ тому-ль Божьему суду.
Отойти же прочь, обманщица!
Отойти, подговорщица!
Мнѣ и такъ ужъ тошношенько
Разставаться со родителями:

¹⁾ Когда невеста совершенно готова, тогда крестный отецъ, занимающій мѣсто посаженнаго, сажаетъ ее на крашиѣ. Сватья и дружки отправляются за невестою. Дружки получаютъ отъ невесты въ подарокъ ленточные банты, а сваха начинаетъ расплетать косу. — Дѣвушки поютъ. Расплетши косу, сватья надѣваетъ на голову невесты *волю* ^{*}). Въ то время дарятъ сваху чѣмъ нибудь. Потомъ сватья, взявъ невесту за руку, подводитъ къ жениху и сажаетъ рядомъ съ нимъ на подушкѣ. Крестный отецъ невесты разставляетъ на всѣ четыре стороны иконы: Покровъ Пр. Богородицы, Срѣтенье Пр. Богородицы и благословенную икону, которую везутъ съ невестою въ церковь. Жениха и невесту выводятъ изъ за стола и подводятъ подъ благословеніе родителей, которые стоятъ у стола на разостланной шубѣ шерстью вверхъ; возлѣ нихъ стоятъ крестная мать невесты, держа въ рукахъ хлѣбъ, съ посыпанной на немъ солью. Невеста снимаетъ съ головы своей *волю* и отдаетъ родной сестрѣ, а если нѣтъ сестры, то кому либо изъ подругъ, и поетъ плачъ. тотъ-же смѣетъ, какъ и во время *запорушенія*. (См. выше, стр. 238).

^{*} Волосникъ — тоже, что повойникъ, только нѣсколько меньше его.

У суда вѣдъ ноги ломить,
Подъ вѣнцомъ голова болить.

в) Влагословеніе.

19.

Благослови, батюшка, матушка,
Къ божьей церкви ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнкомъ стояти,
Законъ Божій принять.

Т. II, 348.

20.

Разодвиньтесь вы, люди добрые,
На всѣ четыре сторонушки!
Допустите вы меня, горькую,
До батюшкиныхъ до рѣзныхъ ногъ.
Не бѣлая березышка къ землѣ кло-

нится,

А я горькая кланяюсь батюшкѣ,
Къ рѣзнымъ ногамъ.

Упадаетъ въ ноги отцу и продол-
жаетъ рыдать у ногъ, говоря:

Ни злата я у тебя, батюшка, прошу,
Ни злата, ни серебра.
Прошу я у тебя, батюшка, благо-

словенья.

Благослови-ка ты меня, батюшка,
Во чужіи люди, во незнамые,
Во незнамые, незнакомые.
Какъ-то мнѣ, батюшка,
Во чужихъ людяхъ будетъ жить?
Какъ-то мнѣ, родимой,
Чужимъ людямъ будетъ служить?
Во чужихъ людяхъ жить горько-

хонько,

Во чужихъ-везнакомыхъ
Служить тяжелехонько.

Т. II. 352 — 353.

6. Обрядъ вѣнчанія и встрѣчи мо- лодыхъ.

«При вѣнчаніи замѣчаютъ горѣніе брачныхъ свѣчей: если чья либо погаснетъ неожиданно, тому неминуемо умереть скоро.

«По совершеніи вѣнчанія провожаютъ новосочетавшихся въ домъ жениха. Невѣсту моютъ, а иногда бѣлятъ и румянятъ, затѣмъ *переводѣаютъ* ее ¹⁾ въ платье молодой и выводятъ открытой фатою. Тогда свать, ударивъ три раза на крестъ по столу новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говоритъ: какова-то наша добыча? — и концемъ кушонища сбрасываетъ съ невесты фату. Всѣ кричатъ: молода и хороша!

¹⁾ Въ свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни (пермск. г.) *переводѣанье* извѣстно подъ именемъ «*окручиванья*», т. е. переряживанья — обрядъ, символически изображающій переходъ невесты изъ состоянія дѣвушки въ состояніе женщины. Свахи берутъ невесту отъ жениха за руку и уводятъ ее въ другую комнату, снимаютъ съ головы уборъ и трубочатую косу, расплетаютъ и раздѣляютъ на двѣ косы, какъ носятъ обыкновенно косу замужнія женщины... При совершеніи этого обряда свахи, при помощи другихъ женщинъ, поютъ обыкновенно слѣдующія пѣсни:

Трубѣла трубонька съ-по варѣ —
Плакала (имя молодой) съ-по косъ:
Вечоръ мнѣ-ка косыньку
Дѣвушки плели,
Сегодня мнѣ-ка косыньку
Свашенки плетутъ,—
Расплели косыньку трубчатую,
Заплели косыньку двойчатую.
Ты, труба ли моя, трубонька,
Ты, труба ли моя золотая!
Воструби, трубонька, поранѣе,
Что по раннему утру по утреннему,
Что-бы чула и слышала
(свѣтъ (имя матери молодой),
Матушка моя родимая.
Она гдѣ трубоньку слышала,
Тутъ слезно заплакала:
Отъ меня ли дитя везуть,
Отъ меня ли везуть милое,—
Передъ ей образа везуть,
Образа все пречудные,
По-за ей сундуки везуть,
Сундуки все окованные,

«Тогда всё садятся за княжій столъ прежде молодыхъ; родные обходятъ три раза вокругъ стола.

«Одинъ изъ дружекъ привозитъ въ домъ повобрачнаго, во время обѣда, все приданое повобрачной. — Въ числѣ приданаго находятся новья рубашки для подарка мужниной роднѣ. — Послѣ обѣда ставятъ свать передъ молодою тарелку съ рюмкою, наливаютъ вина и, поднимая кувовищемъ каждую рубашку, выкликаетъ по имени и отчеству родныхъ молодого: они подходятъ, пьютъ вино, берутъ рубашку и кладутъ на тарелку деньги. — По раздачѣ подарковъ стелютъ молодымъ постель, на которую ложится брудга. Ее должно дарить, чтобы она уступила постель... Это называется *откупить* постель. Откупивъ постель, кладутъ молодыхъ спать *постельными проводницами*. Во время сна оберегаютъ ихъ отъ всякихъ чаръ *клятишекъ*, развѣзая ночью вокругъ дома.

«На другой день по утру рано идутъ будить молодыхъ постельныя проводницы, которыя послѣ ведутъ ихъ въ баню, а ее иставливаютъ дружки. Когда ведутъ молодыхъ въ баню, тогда бьютъ въ сковороды, стрѣляютъ, пляшутъ и поютъ. Пока остаются они въ банѣ, всё проножатые пляшутъ вокругъ бани, кидаютъ камни, бьютъ горпки и кричатъ ¹⁾.

Ларцы кипаристовые.

Ты, труба ли моя, трубонька,
Ты, труба ли моя золотая!
Воструби, трубонька, поранѣ,
Что по раннему утру по утреннему,
Чтобы чула и слышала
Свѣтъ (имя матери молодого),
Моя матушка родная.
Она гдѣ трубу заездила,
Тутъ и враздвоалася:
Что ко мнѣ ли дитя везуть,
Что ко мнѣ ли везуть милое, —
Передъ ей образа везуть,
Образа все пренудные, —
Во-за ней сидуки везуть.
Сидуки окованные.
Ларцы кипаристовые.»

Пермск. Сб. I, II, 80—91.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрядъ этотъ совершается на третій день.

Пермск. Сб. I, II, 86.

Послѣ бани молодая снова даритъ мужнину родню и дружекъ; потомъ всё садятся за столъ, ¹⁾ приготовленный у молодого. ²⁾ Спустя нѣсколько времени молодой отправляется съ дружкою и сватомъ къ своей тещѣ на личницу, которую она сама подаетъ ему». — (За личницей повобрачный благодаритъ тещу или пеняетъ ей за воспитаніе дочери).

«На другой день отецъ повобрачной дѣлаетъ обѣдъ, называемый *хлѣбинами*, къ коему приглашаютъ всю свою родню. Тутъ пляшутъ и поютъ ³⁾ — По окон-

¹⁾ Такъ наз. (въ Черд., пермск. г.) «*большой столъ*». На другой день послѣ свадьбы «молодая вступаетъ въ управленіе хозяйствомъ. Поздоровавшись съ богатыми родителями, она падаетъ въ ноги свекру и свекрови, говоря: *благословите мя, татенька и маменька, итти стряпать*». «Къ назначенному времени собираются родственники «смотреть стряпню молодой.» ib. 94.

²⁾ За столомъ поютъ похвальную пѣсню молодымъ.

Какъ за тыномъ за дубовымъ
Я рѣчушку перепружу,
За высокимъ виноградомъ перейму;
Загономъ я, загономъ, сизаго орла.
Сизой орелъ — свѣтъ Александрушка,
Свѣтъ Яковлевичъ.
Какъ и сизал орлинушка —
Свѣтъ Дуяшницюшка.
Молода его хозяйшка.
Имъ всё люди дивовалися:
То-то пара, то-то пара сотачалася, *)
Въ Божьей церквѣ свѣтччалася,
Золотымъ перетнемъ пережбялалася!

Т. II, 367—368.

(Саратовск. г.).

³⁾ На хлѣбинахъ (пермск. г.) пѣсни выражаютъ довольство или недовольство молодой новой ея семьею. Если она недовольна, «дѣвушки, по предварительной ея просьбѣ, поютъ, обращая рѣчь къ свать:

Ты злодѣйка наша, обманница,
Лиходѣйка — сватовщица!
Ты ходила къ родному батюшкѣ.
Ты ходила къ родимой матушкѣ,
Ты ходила да все хвастала:
У (именуютъ молодого) да широкій дворъ,
У его-то новъ высокъ терезъ;

*) «Сотачалася — говорился о парныхъ гусяхъ или лебедяхъ, по различающихся другъ отъ друга.» Т. 368.

чанш стола молодой приглашаетъ къ себѣ всѣхъ гостей на обѣдъ, называемый *отворотинный столъ* (*отдѣлбинъ*, Пермск. г.). На третій день раздѣзжаютъ молодые по роднымъ и знакомымъ, которые угощаютъ ихъ закускою и виномъ, и этимъ оканчивается свадьба.— Между тѣмъ каждый изъ участвовавшихъ въ свадьбѣ дастъ отъ себя вечеринку или обѣдъ для молодыхъ.

Т. II. 227 — 220.

Онъ стоитъ да на семи верстахъ,
Онъ садаи изусаженной,
Онъ ишеной изусѣянной.
Онъ сытой исполиванной.
Чистымъ серебромъ огороженной,
Краснымъ золотомъ изувязанной, —
Какъ въ его зеленомъ саду
Что поютъ тамъ мелки пташечки...
Ты, зладѣйка наша, сватовщица.
Лиходѣйка — обманщица!
У (именуютъ молодого) не широкой дворъ,
У него да не высокъ теремъ:
У его да хижя — хижинка —
Угли прочь отвалилися,
По бревну раскатилися. —
А стоять онъ не на семи верстахъ,
А стоять онъ да на семи шагахъ:
У его да въ широкомъ дворѣ
Летаютъ да сороки — вѣщицы...
Умереть бы тебѣ, сватовщица.
На печь, въ углу, подъ шубою,
Везъ отца да безъ духовнаго!..
Мы скоронимъ тебя, сватовщица.
Мы во темной лѣсъ, во раменье:
Мы подъ горькую осинушку,
Подъ самую вершиночку. —
Мы засыплемъ тебя, сватовщица,
Мы засыплемъ тебя мекинами,
Мы помянемъ тебя дробинами.»

Пермск. Сб. I, II, 102 — 103.

Во многихъ мѣстахъ послѣднимъ дѣйствиемъ въ свадебномъ обрядѣ является *богомолье*. «Молодая, въ сопровожденіи непремѣнно свекрови, или — за отсутствіемъ ея — въ сопровожденіи крестной матери, тетки, старшей сестры, въ первый разъ послѣ совершенія бракосочетанія должна сдѣлать выходъ въ церковь и, по возможности, въ ту, въ который совершенъ былъ обрядъ ея бракосочетанія. Послѣ этого богомолья... молодая выходитъ изъ-подъ опеки родичей, ходитъ въ церковь и въ гости одна и вообще распоряжается своею дѣятельностью совершенно по своей волѣ, лишь бы только не противорѣчила она волѣ мужа.»

Пермск. Сб. I, II, 105.

IV. Пѣсни про семейную жизнь.

(Радости и горе семейной жизни).

A. Молодая въ семьѣ мужа.

1.

Отдаютъ мя молоду на чужую сторону,¹⁾

На чужую сторону, въ небольшую семью:

Только свекоръ да свекруха, да четыре деверья,

Да четыре деверья, двѣ золовущи,

Двѣ золовущи, да двѣ тетущи,

Да двѣ тетущи, двѣ голубушки.

А какъ свекоръ говорить: „людо-вѣдцу ведутъ“,

А свекруха говорить: „къ намъ медвѣдцу ведутъ“,

А деверья говорятъ: „къ намъ непряху ведутъ“,

А золовки говорятъ: „къ намъ непряху ведутъ“,

А тетущи говорятъ: „къ намъ разлучницу ведутъ“.

Ужъ я ли, молода, очень бойка была,

Очень бойка была, всѣмъ отвѣтъ отдала:

— Сударь-батюшко, ты позволь-ка мнѣ

— Вдоль по горенкѣ пройти, слово выговорить,

¹⁾ Варианты:

а) Отдавали молоду
За сѣдую бороду,
Въ небольшую семью...

Ш. I. 332.

б) Отдалъ меня батюшка
Не въ малую деревню, (2)
Не въ согласную семью...

ib. 334.

- Слово выговорить, слово вы-
молвить.
— Во темномъ-то лѣсу — тамъ мед-
вѣдицы живутъ,
— Во сыромъ-то бору — людоедицы
живутъ;
— А деверья-соколы, — у васъ жены
таковы;
— Золушки-голубушки, вамъ са-
мимъ замужъ итти;
— А тетусекъ-голубушекъ поста-
вимъ на порогъ,
— Мы поставимъ на порогъ, да
укажемъ семь дорогъ,
— Да въ притолочку, да въ выво-
лочку! — 2)

Рыбн. III, 446.

(Черниговск. г.).

2.

- Спится мнѣ, младенькой, дремлется,
Клонить мою головушку на поду-
шечку.
Свекоръ-батюшка по сѣничкамъ по-
хаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

ХОРЬ.

- Стучить, гремить, стучить, гре-
мить,
Снохъ спать не даетъ:

2) Вариантъ:

Мужъ на лавкѣ сидить,
На жену косо глядеть:
— Ты косись, не косись, —
— Не боюся я тебя,
— Не боюся я тебя,
— Не ударышь ты меня!
Мужъ руку отвелъ, —
Жену по уху оплелъ;
Жена руку отвела, —
По всей харѣ оплела.

III. I. 335.

- Встань, встань, встань, ты сон-
ливая!
Встань, встань, встань, ты дрем-
ливая!
Сонливая, дремливая, неурядли-
вая! —

- Спится мнѣ, младешенькой, дрем-
летя,
Клонить мою головушку на поду-
шечку.
Свекровь-матушка по сѣничкамъ по-
хаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

ХОРЬ.

- Стучить, гремить, стучить, гре-
мить,
Снохъ спать не даетъ:
— Встань, встань, встань, ты сон-
ливая!
Встань, встань, встань, ты дрем-
ливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

- Спится мнѣ, младешенькой, дрем-
летя,
Клонить мою головушку на поду-
шечку.
Миль-любезный по сѣничкамъ по-
хаживаетъ,
Легохонько, тихохонько поговари-
ваетъ:

ХОРЬ.

- Спи, спи, спи, ты, моя умница!
Спи, спи, спи, ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выдана.

III. I, 336—337.

(Тверск. г.).

В. Неудачный брак. — Семейный разладъ.

а) Немилый мужъ, неровня. — Жалобы женщины. — Нелюбимая жена.

3.

Ахъ, кабы на цвѣты да не мо-
розы,

И зимой бы цвѣты разцвѣтали!

Ахъ, кабы на меня да не кручина,

Ни о чемъ бы я не тужила,

Не сидѣла бы я подпершия.

Не глядѣла бы я въ чисто поле.

И я батюшки(ѣ) говорила:

„Не давай меня, батюшка, замужъ,

„Не давай, государь, за неровню;

„Не мечись на большое богатство,

„Не гляди на высоки хоромы:

„Не съ хоромами жить — съ чело-
вѣкомъ,

„Не съ богатствомъ жить мнѣ —
съ свѣтомъ“.

Я по сѣнямъ шла, я по новымъ
шла,

Подняла шубку соболиную,

Чтобъ моя шубка не прошумѣла,

Чтобъ мои пуговики не прозвяк-
нули, —

Не услышалъ бы свекоръ-батюшко,

Не сказалъ бы онъ своему сыну,

Своему сыну — моему мужу.

Сахар. 1. 3. 212.

4.

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,

Въ помышленьѣ того не было,

Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ
идти.

Созволилъ такъ сударь-батюшка,

Похотѣла такъ моя матушка,

Ради ближнева перепутьица:

Ия въ торгъ пойду — побывать зайду,

Изъ торгу пойду — ночевать зайду.

Я спрошу у своей дитятки:

— Каково жить въ чужихъ лю-
дяхъ? —

„Государыня моя матушка!

Отдавши въ люди, стала спраши-
вать:

Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,

Держать голову поклонную,

Ретиво сердце покорное.

Ахъ, вечеръ меня больно свекоръ
билъ,

А свекровь, ходя, похваляется:

— Хорошо учить чужихъ дѣтей,

— Нероженныхъ, нехоженныхъ,

— Невспоепныхъ и не вскормлен-
ныхъ.“

Сахар. 1. 3. 212.

5.

Калину съ малиною вода поняла:

На ту пору матушка меня родила:

Не собравшись съ разумомъ, замужъ
отдала

На чужедальнюю на сторонушку.

Чужая сторонушка безъ вѣтра су-
шить;

Чужой отецъ съ матерью безвинно
крушить.

Не буду я къ матушкѣ ровно три
годка,

На четвертой къ матушкѣ пташкой
полечу,

Горемышной птапечкою, кукушеч-
кой.

Сяду я у матушки во зеленомъ
саду,

Своимъ кукованьемъ весь садъ из-
сушу,

Слезамъ горячими весь садъ по-
топлю,

Родимую матушку сердцем надорву.
 Матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
 Невѣстухекъ-ластухекъ побуживаетъ:
 Вы встаньте, невѣстухи, голубки мои!
 Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
 Большая невѣстка велитъ застрѣлить,
 Меньшая невѣстка проситъ погодить;
 Родная сестрица, залившись слезами,
 Молвила: не наша-ль горюша сюда
 Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

ib. 208.

6.

Спасибо-то, спасибо-то, синему кувшину,
 Разогналъ-то — раскачалъ всю тоску-кручину!
 Не тоска-ли — не кручина по сѣнямъ гуляла,
 У молодца — у дѣтинки женка умерала:
 Умирай-кась — истывай, женка, поскорѣе!
 А свезу-ли, я свезу, во мхи — во болото,
 Положу-то, положу я, въ гнилую колоду,
 Схороню-то, схороню, подъ бѣлую (подъ) березу,
 Пойду-ли я, пойду, молодецъ, на волю,
 Я пойду-ли, я пойду, въ города новые,
 Я куплю-то, я куплю, топоры вострые,

Я пойду-ли, я пойду, во лѣса темные,
 Нарублю-то, нарублю, лѣсу ровнова,
 Напилю-то, напилю, тесу гладкова,
 Я срублю-то — я поставлю горницу новую,
 Приведу-то, приведу, женку молодую,
 А своимъ - то я дѣтямъ мачиху лихую. ¹⁾

Ш. 1. 359.

(Новоторжск. у Тверск. г.).

б) Лихая жена.

7.

Во лѣсахъ было во дремучихъ,
 Что брала-то дѣвка грибы, ягоды,
 Что она, брам(в)ши, въ лѣсу заблудилася,
 Заблудившись, дѣвка слезно плакала:
 — Что ау-то, ау, миль сердечный друг!
 Что нельзя-то ли мнѣ, нельзя,
 Нельзя милой отаукнуться,
 Что глядятъ-то, смотрятъ,
 На меня трое сторожевъ:
 Какъ первый-то сторожъ — тестя-батюшка,
 Что другой-ли сторожъ — теща-матушка,
 Какъ третій-то сторожъ — молодая жена.
 Ты найди-ка, ты найди, туча грозная,
 Ты убей-ка, ты убей тестя-батюшку,

¹⁾ Вариантъ:

И дѣти ему на отвѣтъ сказали:

— Стори, наша горенка новая!

— И помри, наша мачиха лихая!

— И возставъ ты, наша матушка родная!

Ш. 1. 358.

Ты громи-ка, ты громи тещу-матушку,
А молодую-то жену я и самъ убью.

(Москва).

8.

Я у батюшки — у матушки глупе-
шенекъ родился,
Я у батюшки — у матушки младе-
шенекъ женился,
Ужь и взяль-ли я жену молодую,
Во саду-ли вишенку наливную.
Какъ жена мужа не взлюбила,
Повела негодяя къ тещѣ въ гости,
Къ тещѣ въ гости въ зеленую рощу,
Привязала негодяя къ бѣлой березѣ,
А сама пошла — загуляла,
Загуляла — пировала девять денеч-
ковъ,

Надевятой на денечекъ востосковалась;
Востосковалась, пошла къ негодяю,
Не дошедши негодяя, становилась,
Не дошедши негодяя, поклонилась:
„Хорошо тебѣ, негодяю, пиръ пи-
ровати?“

— Государыня жена! А мнѣ не до пиру:

— Мнѣ соловушки головушку про-
били,

— Мнѣ комарики всѣ плечики ску-
сали.

— Мнѣ мурашки всѣ ноженьки сто-
чили. —

„Ужь ты будешь, негодяй, кормить
меня хлѣбомъ?“

— Государыня жена! Буду кала-
чами. —

„Ужь ты будешь, негодяй, поить
меня квасомъ?“

— Государыня жена! Я сытою,

— Я сытою, я сытою медовою. —

„Ужь ты будешь, негодяй, пушать
меня въ гости?“

— Государыня жена! Ступай хоть
вовсе! —

Рыбн. III. 448.

(Черниговск. г.).

9.

Вы раздайтесь, разшатнитесь, доб-
рые люди,
Ужь вы дайте мнѣ, младенекъ, по-
гуляти,
Поколь батюшка — сударь за мужъ
не выдалъ
За того ли за дѣтинку за невѣжу!

Со двора идетъ невѣжа — скачетъ-
пляшетъ,
Съ кабака идетъ невѣжа — кричитъ-
вопить:

„Ужь ты дома ли, жена молодая,
„Отворяла бѣ поскорѣича ворота?“

Какъ слышала невѣжинъ голосище,
Потихохоньку съ постели я вставала,

На босу ногу башмачки одѣвала,
Кю воротамъ спѣхомъ поспѣшала,

Поскорѣ я ворота затворяла,
Покрѣпчѣ я ворота запирала,

Посмѣлѣ со невѣжей говорила:

— Ты ночуй-усни, невѣжа, за во-
ротмы.

— Тебѣ мягкая перина — бѣлая по-
роша,

— Высоко ли изголовье — подво-
ротня,

— Соболино одѣяло — лютые морозы,

— Шитый, бранный положечекъ —
частыя звѣзды ¹⁾.

¹⁾ Варіантъ: Шитый, бранный положечекъ —
часты звѣзды
Тебѣ часты поцѣлуи — сѣры
волки.

—Каково тебѣ, невѣжа, спать за
вороты,

—Таково-то мнѣ, младенькѣ, жить
за тобою,

—За тобою, за твою за удалой
головую. —

Р. III. 449—450.

(Черниговск. г.).

в) Мужъ учить жену.

10.

Какъ подѣ яблонью, подѣ кудрявою,

Ай люли, люли, подѣ кудрявою ¹⁾,

Подѣ кудрявою, кучерявою,

Ай люли, люли, кучерявою,

Мужъ жену училъ, мужъ угрюмую.

Мужъ угрюмую, неразумную.

Какъ жена мужу не покорилася,

Свекру батюшкѣ взмолилася,

Низко въ ножки поклонилася:

„Свекоръ-батюшка, отыми меня

„Отъ негоднаго, отъ нецутнаго!“

Свекоръ говорить:—Воля не моя,

—Воля не моя, воля сынная. —

Какъ подѣ яблонью, подѣ кудря-
вою, и пр.

Свекрови-матушки(ѣ) покорилася,

Покорилася, низко въ ножки по-
клонилася:

„Свекровь-матушка, отыми меня

„Отъ негоднаго, отъ нецутнаго!“

Свекровь говорить:—Воля не моя,

—Воля не моя, воля сынная. —

Какъ подѣ яблонью, подѣ кудря-
вою, и т. д.

Жена мужу покорилася.

Низко въ поги ему поклонилася.

Р. III. 448—449.

(Черниговск. г.).

¹⁾ Последнее слово стиха повторяется вмѣ-
стѣ съ принятымъ.

В. Разрывъ.—Местъ.

11.

Молодость ты моя молодецкая!

Не видалъ я тебя, когда ты про-
шла, прокатилася.

Со худою женой, съ непокорною!

Мнѣ худую жену все ни сжить, ни
сбыть,

Все ни другу подарить, ни товарищу.

Какъ пойду, молодецъ, на сине море,
Закуплю жъ я женѣ смоляной ко-
рабль,

О двѣнадцать гребцовъ, тонкихъ
парусовъ,

Объ шестнадцати *добрыхъ* молод-
цовъ ¹⁾.

Какъ пойду, молодецъ, на круту гору,

Посмотрю на море, какъ корабль
бѣжить, —

Корабль то бѣжить, какъ соколь
латить,

Жена жъ то сидитъ, какъ боярыня,

Дѣтя жъ то дяржить, какъ свѣча
горить.

Какъ крикнулъ молодецъ гром-
кимъ голосомъ.

—Воротися, жена, жена — ба-
рыня! —

„Не порой солнце свѣтитъ, не по-
лѣтнему, —

„Не любить мнѣ мужа все по през-
нему!“

III. I. 351.

(Суражск. у. витебск. г.).

12.

Прялочка(у) взяла

Да въ посидѣлки пошла.

Всю ночь просидѣли,

До первыхъ пѣтуховъ;

¹⁾ У Шейна: «бѣлыхъ молодецвъ».

Пѣтухи пропѣли—
 Не думала домой;
 Другіе пропѣли—
 Я не гадовала;
 Зари занялась—
 Я домой поднялась...
 ..Старый мужъ просыпается,
 Съѣда борода пробуждается:
 —Гдѣ, жена, была,
 —Гдѣ, боярыня, была?
 „Старый мужъ,
 „Ты не бредишь-ли?
 „А съѣда борода,
 „Не во свѣ ли говоришь?
 „Я хочу вставать,
 „Хочу печью топить,
 „Щи—кашу варить,
 „Тебя, старога, кормить.“
 —Спасибѣ, жена,
 —Не забыла про меня!—
 „Какъ тебя забыть—,
 „Не могу чорта избыть!“
 Петельку на шею
 Накидывала,
 Милому въ окошко
 Конецъ подала:
 „Милый, потяпи,
 „Дорогой, поради!
 „Толстое ужище
 „Не оборвется,
 „У старога шея
 „Не оторвется!“
 Старый захрапѣлъ,
 Будто спать захотѣлъ;
 Ногами забилъ,
 Будто шутъ задавилъ;
 Руки растошырилъ, —
 Плясать пошелъ;
 Зубы оскалилъ,
 Смѣяться сталъ.

Ш. 1. 359—361.

(Епиф. у. Тульск. г.).

V. Причитанья „по покой- нику“.

«Такъ называются тѣ печальныя пѣсни,
 или плачи, которыя поются, или — вѣрнѣе
 сказать — воются, голосятся, съ рыданіемъ,
 воплями и всѣми признаками убивающей скор-
 би, лицами по преимуществу женскаго пола,
 при погребеніи или поминахъ какогонибудь
 близкаго родственника. Женщина или дѣвушка,
 обливаясь слезами о потерѣ дорогаго сердцу
 предмета, убитая горемъ, не въ состояніи бу-
 дучи вынести тяжелаго душевнаго волненія,
 упадаетъ на гробъ или могилу, скрывшіе въ
 себѣ дорогіе останки родногаго человѣка, уда-
 ряетъ руками въ «мать-землю» или безответную
 крышку гроба и на распѣвъ причитаетъ одну
 изъ нижеслѣдующихъ плачей.

1. Дочь по отцѣ.

Со восточной со сторонушки
 Подымалися да вѣтры буйныя
 Со громами да со гремучими,
 Съ молоньями ¹⁾ да со палючими;
 Пала, пала съ небеси звѣзда
 Все на батюшкову на могилушку...
 Разшиби-ко ты, громова стрѣла,
 Еще матушку, да мать-сыру землю
 Развались-ко-ся ты, мать-земля,
 Что на всѣ четыре стороны!
 Скройся-ко ²⁾ да гробова доска,
 Распахнитесь да бѣлы саваны.
 Отвалитесь да ручки бѣлыя
 Отъ ретиваго отъ сердечушка,
 Разожмитесь да уста сахарныя!
 Обвернись-ко-ся ³⁾, да мой родимой
 батюшко,
 Перелетнымъ ты да яснымъ соко-
 ломъ!
 Ты слетай-ко-ся да на сине море,
 На сине море на Хвалынское;

¹⁾ Молонья — в.м. молнія.

²⁾ Скройся-ко — в.м. вскройся-ко.

³⁾ Обвернись-ко-ся — в.м. обернись, прими образъ. видъ.

Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
 Со бѣлова лица ржавщину;
 Прилети-ко ты, мой батюшко,
 На свой-ѣтъ да на высокъ теремъ,
 Все подъ кутнее да подъ ошощеч-
 ко —
 Ты послушай-ко, родимой батюшко,
 Горегорькихъ нашихъ пѣсенокъ.

2. Молодуха по мужѣ.

Начало этого причитанья до словъ:
 „разожмитесь да уста сахарныя“ — тоже,
 что и въ первой плачѣ; вмѣсто словъ:
 „всѣ на батюшкову на могилушку“ —
 поютъ: „все на ладушкову на могилуш-
 ку“; а окончаніе причитанья слѣдую-
 щее:

Обвернись-ко-ся, мой милый ла-
 душко,
 Перелетнымъ ты да яснымъ соко-
 ломъ!
 Ужь и выйду на широку я на
 улочку:
 Посмотрю я, горегорькая,
 На всѣ на четыре стороны —
 Не летитъ ли моя мила пташечка,
 Не несетъ ли мнѣ вѣсточку-гра-
 мотку?
 Ужь мнѣ ждять будетъ — не дож-
 датися,
 Мнѣ глядѣтъ — не наглядѣтися:
 Ну, нѣтъ мнѣ отъ милова ладушки,
 Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
 Ни словястнаго челобитья!
 А какъ безъ мово-то мила ладушки
 Наносятъ на меня люди добрые!...

Послѣ этого причитанья, горемыч-
 ная вдова часто голоситъ и другое:

Пришла весна красная;
 Выѣзжаютъ всѣ люди добрые

На работушку на тяжелую —
 У меня-то, горегорькія,
 Нѣтъ милова ладушки...
 А придетъ страда сѣнокосная —
 И затупится коса моя булатная...
 И тогда-то, горегорькая,
 Съду я подъ ракиковь кустъ,
 Помяну-то я, горегорькая,
 Свою мила ладушку:
 Затупилась у меня-то коса да бу-
 латная

Не по старому да не по прежнему...
 А какъ былъ бы ты, милый ла-
 душко,
 Ты направилъ бы мнѣ косу булат-
 ную

По старому да по прежнему...
 Хожу-то я, горегорькая,
 По дугамъ-то да по зеленымъ;
 Смотрю-то я, горегорькая,
 По добрымъ-то да по людямъ,
 И примѣчу я, сирота горькая,
 Своею мила ладушку: —
 Какова была у него походочка,
 Какова была у него поступочка,
 Каково у него было лицо бѣлое,
 Каковы у него были очи ясныя,
 Каковы были кудри русыя...
 Не могла-то я узрѣтъ — высмотрѣтъ
 По его-то частой походочкѣ,
 По его-то русымъ кудерцамъ,
 По его-то яснымъ очикамъ —
 Своею мила ладушка...

3. Старуха по старикѣ.

На кого ты, милой мой, обнадѣлся?
 И на кого ты ополдился?
 Оставляешь ты меня, горегорькую,
 Безъ тепла свою гнѣздышка!...
 Ни отъ кого-то горегорькой

Нѣту мнѣ слова ласкова,
 Нѣтъ-то мнѣ слова привѣтлива.
 Нѣтъ-то у меня, горегорькія,
 Ни роду-то, ни племени,
 Ни поильца мнѣ, ни кормильца...
 Остаюсь-то я, горегорькая,
 Старымъ-то я старешенька,
 Одна да одинешенька.

Работать мнѣ — изможенья нѣтъ.
 Нѣтъ-то у меня роду-племени,
 Не-съ-вѣмъ мнѣ думу-думати,
 Не-съ-вѣмъ мнѣ слово молвити:
 Нѣтъ у меня милова ладушки.

(Всѣ записаны въ кунгурск. у. пермск. у.)
 Пермск. Сб. кн. 2, отд. II, стр. 128—131.

В. Пѣсни внѣсемейныя.

I. Пѣсни, сопровождающія иг-
 ры, развлеченія, бесѣды (по-
 сидѣнья, супрядки).

а. Святочные подблюдныя и игорныя.

1.

Слава Богу на небѣ,
 Слава!
 Государю нашему на сей землѣ!
 Слава! ¹⁾
 Чтобы нашему государю не ста-
 рѣться,
 Его цвѣтному платью не изнаши-
 ваться,
 Его добрымъ конямъ не изъѣзжи-
 ваться,
 Его вѣрнымъ слугамъ не измѣни-
 ваться.
 Чтобы правда была на Руси
 Краше солнца свѣтла;
 Чтобы царева золотая казна
 Была вѣкъ полнымъ полна;
 Чтобы большимъ-то рѣкамъ
 Слава неслась до моря,
 Малымъ рѣчкамъ до мельницы.

¹⁾ Въ этой и слѣд. пѣсняхъ (2 — 16) послѣ
 каждого стиха повторяется «Слава».

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
 Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
 Старымъ людямъ на потѣшеніе,
 Добрымъ людямъ на услышаніе.

Слава!

2.

Катилось зерно по бархату,
 Еще ли то зерно бурмитское,
 Прикатилось зерно ко яхонту.
 Крушень жемчугъ со яхонтомъ, —
 Хорошъ женихъ со невѣстою.

3.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
 Шубенка на немъ худенька:
 Одна пола во сто рублей,
 Другая пола во тысячу,
 А всей то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
 Цѣна ей у царя въ казнѣ,
 У царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.

4.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
 Несетъ кузнецъ три молота.
 Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣ-
 нецъ,

Ты суй мнѣ вѣнецъ и золотъ и
 новь,
 Изъ остаточковъ золотъ перстень,
 Изъ обрѣзочковъ булавочку.
 Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчаться,
 Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручаться,
 Мнѣ тою булавою убрѣсь притыкать.

5.

Летитъ соколъ изъ улицы,
 Голубушка изъ другой.
 Слетались, цѣловались,
 Сизыми крыльями обнимались, —
 Ужъ и имъ добрые люди дивовались,
 Какъ соколъ съ голубушкой уживались.

6.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
 Ищетъ груздочекъ бѣляночку;
 Не груздочекъ скачетъ, а боярскій
 сынъ,
 Не бѣляночку ищетъ, а боярышню.

7.

Щука шла изъ Новгорода,
 Она хвостъ волокла изъ Вѣлоозера;
 Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
 Что серебряная, позолоченая;
 Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена,
 Какъ головка у щуки унизаная,
 А на мѣсто глазъ дорогой алмазь.

8.

Ахъ, ты сѣй, мати, мучицу, пеки
 пироги,
 Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
 Какъ нечаянные и незваные.

Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,
 Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ
 въ сапогахъ.

9.

Жемчужина обатная,
 До чего тебѣ докатится?
 Пора тебѣ выкатится
 Князьямъ и боярамъ на шапочку.

10.

Покачу я колечко кругомъ города,
 А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,
 Я сама пойду, суженаго найду.

11.

Ласточка-касаточка,
 Не вей гнѣзда во высокомъ терему;
 Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не
 дѣловати.

12.

Бурочка-погребушечка!
 Да греблася она на заваленкѣ,
 Еще выгребла золотъ перстень,
 Золотъ перстень о трехъ ставочкахъ, —
 Да кому перстнемъ обручаться?
 Обручаться отроку съ отрочицею,
 Еще молодцу со дѣвицею.

13.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
 А у богатаго мужика двѣ радости;
 Что первая-то радость — сына женить,
 Что другая-то радость — дочь за
 мужъ отдаетъ.
 Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
 А за дочерью сундуки везутъ.

14.

Пойду, млада, къ верешкѣ,
Врякну, млада, во колечушко;
Какъ колечко скажется,
Такъ суженой откликнется.

15.

Сидить воробей на перегородѣ,
Глядитъ воробей на чужу сторону.

16.

За столомъ сижу,
Я на чашу гляжу,
Я пятернею вожу,
Золото кольцо ищу;
Я еще посижу,
Я еще повожу,
И суженаго найду.

17.

Катилася одонья ржи,
Слава!
Кому прикатится, тому добро.
Слава!
Сахар., 1, 3, 11 — 15.

18.

Исусъ Христосъ
У воротъ стоитъ,
Онъ съ хлѣбомъ, съ солью,
Со скатертью,
Съ скотинкою,
Съ животинкою.
Слава Дѣвы(ѣ)?
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

Ш. 374.

19.

Разсыплю я монисто по закрому, —
Съ кѣмъ монисто собирать будетъ?
Собирать монисто съ милымъ друж-
комъ.

Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

ib. 375.

20.

За рѣкой мужьяки живутъ бога-
тне,
Гребутъ жемчугъ лопатами.
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

ib. 380.

21.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ високомъ, въ вы-
сокомъ.

Паль, паль перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.

Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай,
красная!

Въ коей рукѣ былаца!

И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ прилетаючи.
Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;

Меня мати хочеть бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
До не отгадали.

Паль, паль перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.

Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало.
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплѣсневѣло.

Молодайка, отгадай-ка!
Сахар. 1, 3, 15.

б) Хороводныя пѣсни.

1. Наборныя.

1.

Бѣхали бояре изъ Новагорода,
Сѣкли рябинушку подь самый ко-
решокъ,

Кололи досочки тоненькія,
Дѣлали гусельцы звончистыя.
Кому эти гусельцы разыгрывать?
Играть ли, не играть ли Лукьянушкѣ,
Тѣшить ли, не тѣшить ли Авдотью-
юшку?

Я тебя, Авдотьюшка, не силою бралъ,
Я у твоего батюшки сватался,
Я у твоей матушки кланялся.

Ш. I, 81.

(Островск. у. исковск. г.).

2.

Около города Казани ¹⁾
Молодой король гуляетъ,
Королевну выбираетъ:
Растворяйтеся ворота,
Ты войди, король, во городъ,
Подойди, король, поближе,
Поклонись, король, пониже,
Поцѣлуйся помилѣе;
Ты возьми ее за ручку,
Поведи ее съ собою,
Назови ее слугою.

ib. 87.

(Осташк. у. тверск. г.).

3.

Какъ на тоненькій ледокъ
Выпаль бѣленькій снѣжокъ;
Выпаль снѣжокъ бѣленькій,
Пришелъ ко мнѣ миленькій,
Приносилъ подарочекъ,
Петербургскій пряничекъ,
Въ косу ленту алую. —
Бери дѣвку бравую!

ib. 109.

(Весеговск. у. Тверск. г.).

4.

Какъ на улицѣ дождикъ накрапы-
ваетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвушекъ при-
бываетъ.

Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ какъ вы, холостые, не глядите:
Вамъ глядѣньицемъ дѣвушекъ не
взяти,

Ужъ какъ взять ли, не взять ли
по люб(о)ви,

Что по батюшкину повелѣнью,
Что по матушкину благословенью.

Сахар. I, 3, 27.

¹⁾ Послѣдній стихъ поется безъ повторенія, предпоследній повторяется пять разъ, всѣ остальные — по два.

2. Игровыя.

5.

А мы просо сѣяли, сѣяли.

Ой Дидь-ладо, сѣяли, сѣяли!

А мы просо вытопчемъ, вы-
топчемъ,Ой Дидь-ладо, вытопчемъ, вы-
топчемъ!А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоп-
тать?Ой Дидь-ладо, вытоптать, вытоп-
тать!А мы коней выпустимъ, вы-
пустимъ,Ой Дидь-ладо, выпустимъ, вы-
пустимъ!А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидь-ладо, переймемъ, перей-
мемъ!А чѣмъ же вамъ перенять,
перенять?Ой Дидь-ладо, перенять, пе-
ренять!Шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой Дидь-ладо, поводомъ, поводомъ.А мы коней выкупимъ, выку-
пимъ!Ой Дидь-ладо, выкупимъ, вы-
купимъ!

А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?

Ой Дидь-ладо, выкупить, выкупить!

А мы дадимъ сто рублей, сто
рублей,Ой Дидь-ладо, сто рублей.
сто рублей!

Не надо намъ тысячи, тысячи,

Ой Дидь-ладо, тысячи, тысячи!

А что же вамъ надобно, надобно?

Ой Дидь-ладо, надобно, на-
добно!Намъ-(то) надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидь-ладо, дѣвицу, дѣвицу!

А нашего полку убыло, убыло,

Ой Дидь-ладо, убыло, убыло!

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидь-ладо, прибыло, прибыло!

ib. 27.

6.

Ай на горѣ макъ, макъ,

Подъ горою такъ, такъ, такъ!

Маки, маковочки,

Золотыя головочки!

Станьте вы въ рядъ,

Спросимте про макъ.

ib.

7.

Ужъ какъ звали молодца.

Позывали удальца,

На игрище поглядѣть,

На Ярылу посмотриѣть.

Ты, Дунай мой, Дунай,

Сынъ Ивановичъ Дунай!

Одѣвался молодець,

Убирался удалецъ

Въ рудожелтъ кафтанъ,

Въ шапку мурмолку.

Ты, Дунай мой, Дунай,

Сынъ Ивановичъ Дунай!

Выходилъ нашъ молодець,

Вдоль улицы на конецъ,

Къ хороводу подходилъ,

Низко кланялся.

Ты, Дунай мой. Дунай,

Сынъ Ивановичъ Дунай!

Какъ садился молодець

Противъ вдовы на конецъ,

Просилъ вдову погулять,

Его рѣчей послухать.

Ты, Дунай мой, Дунай,

Сынъ Ивановичъ Дунай!

Не раба, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя,
Не хочу съ тобою жить,
Не хочу тебѣ служить.

Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Какъ садился молодецъ
Противъ дѣвки на скамью:
Ужъ ты, дѣвушка душа,
Ты послухай, другъ, меня!

Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Снималъ шапку съ головы,
Бросалъ дѣвкѣ подѣ ноги:
Ты раба, дѣвка, моя,
Такъ послухай, другъ, меня!

Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Я раба, сударь, твоя,
Я послушаю тебя,
Буду вмѣстѣ съ тобой жить,
Стану вѣкъ тебѣ служить.

Ты, Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Ш. 1. 186.

(Тульск. г.).

8.

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, не любить,
Душа, сердце мое, ненавидитъ!

Я поѣду въ Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ покупку покупати:
Саму, саму предиковинну юшку,
Саму, саму предиковинну кофту.

Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!

Ты постой-ка, жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю, приложу,
Я на женушку поглажу.

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, не любить,
Душа, сердце мое, ненавидитъ!
Я поѣду въ Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ покупку покупати:
Саму, саму предиковинну плетку.

Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!

Ты постой-ка, жена,
Я примѣрю на тебя,

Я примѣрю, приложу,
Я на женушку поглажу.

Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, любить,
Душа, сердце мое, подѣлуется.

Сахар. I, 3, 29.

9.

Черезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!

Черезъ нашъ хороводецъ.

Калина, малина моя!

Пора дѣвусекъ замужъ,
Калина, малина моя!

Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!

За крестьянскаго-ль сына?
Калина, малина моя!

У крестьянскаго сына

И толочь, и молотъ,

Рѣшетомъ подсѣвать.

Калина, малина моя!

Черезъ кругъ летитъ утка.

Калина, малина моя!

Черезъ нашъ хороводецъ.

Калина, малина моя!

Пора дѣвусекъ замужъ,

Калина, малина моя!

Пора красныхъ замужъ.

Калина, малина моя!

За боярскаго-ли сына?

Калина, малина моя!

У боярскаго сына
Окошки косня,
Лакеи босые,
Собаки борзья.

Калина, малина моя!
Черезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Черезъ нашъ хороводецъ,
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!
За старостина-ль сына?
Калина, малина моя!
У старостина сына
Прянички сладенькіе,
Медъ сыченой.

Калина, малина моя!
А мы съѣли, да съѣли.
Калина, малина моя!

ib. 31.

10.

Ай, вдоль да по улицѣ,
Ай, вдоль да по широкой,
Ой люли, ой люли, по широкой!
Шли тутъ дѣвушки,
Шли тутъ молодухи,
Ой люли, ой люли, молодухи!
Меня, младу, съ собой звали,
Меня, младу, съ двора кликали,
Ой люли, ой люли, кликали!
Вы постоите, подождите,
Бѣлы руки подождите,
Ой люли, ой люли, подождите!
Я пойду-ль, я спрошаю-ль
У матушки, у свекра-батюшки,
Ой люли, ой люли, батюшки!
Свекорь-батюшка, пусти погулять,
Свекровушка-матушка, пусти погу-

лять!

Ой люли, ой люли, погулять!
Хотя пустимъ погулять,
Да безъ мужа не ходи,
Ой люли, ой люли, не ходи!
Ужъ мой ли мужъ-старой старичища,
Не пускаетъ одну на игрища!
Ой люли, ой люли, на игрища!
Я пойду-ли, я спрошусь
Своего стараго мужа,
Ой люли, ой люли, стараго мужа!
Пусти на улицу погулять,
Съ ребятами поиграть.
Ой люли, ой люли, поиграть!
Хоть я отпушу гулять,
Прежде шкуру дай содрать,
Ой люли, ой люли, содрать!

ib. 32.

11.

Ахъ, и по морю! ахъ, и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь (2),
Лебедь бѣлая со лебедушками, ¹⁾
Со малыми со дитятами.
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши, лебедь вострепенулася.
Подъ ней вода всколыхнулася;
Плывши, лебедь вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся (2),
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Убилъ, ушибъ (2),
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю;
Онъ пухъ пустилъ (2),
Онъ пухъ пустилъ по-подъ небесью;
Сорилъ перья (2),
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась (2),
Красна дѣвица душа;
Брала перья (2),

¹⁾ Слѣдовало бы: «Плыла лебедь съ лебедятами.»

Брала перья лебединыя,
 Клала въ шапку (2),
 Клала въ шапку соболиную,
 Милу дружку (2),
 Милу дружку на подушечку,
 Родну батюшкѣ (2),
 Родну батюшкѣ на перивушку.
 Гдѣ ни взялся (2),
 Глѣ ни взялся добрый молодець.
 Богъ на помочь (2),
 Богъ на помочь, красна дѣвица
 душа!

Она жъ ему (2),
 Она жъ ему не поклонится.
 Грозилъ парень (2),
 Грозилъ парень красной дѣвицѣ:
 Добро дѣвка (2),
 Добро дѣвка, дѣвка красная!
 Зашлю свата (2),
 Зашлю свата, за себя возьму:
 Будеть время (2),
 Будеть время — и поклонисься мнѣ;
 Будешь дѣвка (2),
 Будешь дѣвка у кроватушки стоять,
 Будешь дѣвка (2),
 Будешь дѣвка бѣлы руки, руки цѣ-
 ловать;
 Будешь держать (2),
 Будешь держать шелкову плеть въ
 рукахъ.

Я думала (2),
 Я думала, что не ты идешь,
 Что не ты идешь, не мнѣ кла-
 няешься;
 Я думала (2),
 Я думала, что поповскій сынъ,
 Что поповскій сынъ, воръ Але-
 шенька!
 ib. 32.

12.

Черезъ рѣченьку лежала,
 Черезъ рѣченьку лежала

Тонка, гибка жердиночка,
 Что никто по той жердиночкѣ не
 пройдетъ.
 Только шли-прошли стары бабы,
 Стары бабы старобразы.
 Еще смѣть ли спросить старыхъ
 бабъ,
 Еще что въ городу вздорозало?
 Вздорозали, вздорозали молоды
 бабы:

На овсяный блинъ по три бабы,
 А четверта провожата,
 А пятал на придачу.
 Черезъ рѣченьку лежала,
 Черезъ рѣченьку лежала
 Тонка, гибка жердиночка.
 Что никто по той жердиночкѣ не
 пройдетъ.
 Только шли-прошли молоды бабы,
 Молоды бабы пригожія.
 Еще смѣть ли спросить молодыхъ
 бабъ,
 Еще что въ городѣ вздорозало?
 Вздорозали, вздорозали добры мо-
 лодцы:

Еще восемь молодцевъ на полденьги,
 А девятый провожатый,
 А десятый на придачу.
 Черезъ рѣченьку лежала,
 Черезъ рѣченьку лежала
 Тонка, гибка жердиночка.
 Что никто по той жердиночкѣ не
 пройдетъ.
 Только шли-прошли добры молодцы,
 Еще смѣть ли спросить добрыхъ
 молодцовъ.
 Еще что въ городѣ вздешевѣло?
 Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣ-
 вушкѣ:

По сту рублей красна дѣвица,
 А по тысячѣ дѣвицѣ на кощучу.

ib. 40.

13.

На горѣ калинушка стояла,
Разноцвѣтомъ разцвѣтала;
На калинушкѣ сидитъ соловейка,
Веселыя пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набльшему тамъ атаману, —
Чѣмъ меня государь-батюшка по-

даруетъ?
Подарилъ меня государь-батюшка
женою,

Глупою женою, неразумной:
Я за гудокъ, а она за прялку;
И въ гудокъ играть, а она мотати.
Не зачѣмъ въ люди на кручину, —
Дома кручинушки довольно.

На горѣ калинушка стояла,
Разноцвѣтомъ расцвѣтала;
На калинушкѣ сидитъ соловейка,
Веселыя пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
Тебѣ, старой бабѣ, постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набльшему тамъ атаману, —
Чѣмъ меня государь-батюшка по-

даруетъ?
Подарилъ меня государь-батюшка
женою,

Умною женою и разумной:
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играть, а она плясати.
Не зачѣмъ въ люди по веселье, —
Дома весельица довольно.

ib. 41.

14.

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ селезень.

Люли, люли, селезень!

Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Хохлатый селезень.

Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.

Люли, люли, селезень!
По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ суденышко.

Люли, люли, селезень!
На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазнобушка.

Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда, —
Измѣнила молода.

Люли, люли, селезень!

ib. 42.

15.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды,
Ой люли, ой люли,
Стоитъ озеро воды!
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротичкамъ приводилъ,
Ой люли, ой люли,
Къ воротичкамъ приводилъ!
Къ веревкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ:
Ой люли, ой люли,
Красной дѣвкѣ приказалъ!

Красна дѣвица душа!

Сбереги добра коня,

Ой люли, ой люли,

Сбереги добра коня!

Сбереги добра коня,

(Коня) семитысячнаго,

Ой люли, ой люли,

(Коня) семитысячнаго!

Не сорвалъ бы повода,
 Не сломилъ бы удила,
 Ой люли, ой люли,
 Не сломилъ бы удила!
 Красна дѣвица идетъ,
 Словно павушка плыветъ,
 Ой люли, ой люли,
 Словно павушка плыветъ!
 На ней платье голубое,
 Лента алая въ косѣ,
 Ой люли, ой люли,
 Лента алая въ косѣ!
 На головушкѣ перо
 Хоть пять сотъ рублей дано,
 Ой люли, ой люли,
 Хоть пять сотъ рублей дано!
 Хоть пять сотъ рублей дано,
 Стоять тысячи оно,
 Ой люли, ой люли,
 Стоитъ тысячи оно!

ib. 45.

16.

По-за городу
 Царевъ сынъ (2),
 (Одинъ ходитъ за хороводомъ).
 Что ни царскій-етъ сынъ,
 Воитель (2),
 Выбиралъ себѣ невѣсту (2),
 Распрекрасную королеву (2).
 (Выбираетъ одну изъ дѣвушекъ)
 Что не та ли моя невѣста (2),
 Среди города стояла (2),
 Золотымъ вѣнцомъ блистала (2),
 Бриліантами освѣщала.
 Вы сѣкитесь ворота (2),
 (Двое изъ стоящихъ въ хороводѣ раз-
 нимають руки).
 Покланяйтесь низенько (2),
 Вы пожалуйте, княжна, праву руч-
 ку (2)!

(Кланяются всѣ).

Ш. I. 120.

(Кашинск. у., тверск. г.).

17.

Свѣти, свѣтель мѣсяць,
 Не низко, высоко,
 Не близко, далеко,
 Семь верстъ за Москвою,
 За быстрой рѣкою:
 Тамъ живетъ моя сестрица,
 Тамъ живетъ моя родима.
 Захотѣлось братцу
 Къ сестрицѣ въ гости.
 — Здорово, сестрица,
 Здорово, родима! —
 Не больно я здорова, —
 Есть четыре горя,
 Пятая кручина:
 Напервое горе —
 Свекорь-то грозливый,
 Надругое горе —
 Свекровь воркотлива,
 Натретье-то горе —
 Деверекъ насмѣшникъ,
 Начетвертое горе —
 Золовка смутьянка,
 Напятое горе —
 Мужъ жену не любить.
 — Потерпи, сестрица,
 Потерпи, родима,
 Всѣ четыре горя,
 Пятую кручину.
 Свекорь-то грозливый
 Скоро въ землю пойдетъ;
 Свекровь воркотлива —
 У ней добра много;
 Деверекъ насмѣшникъ —
 Самъ онъ въ люди пойдетъ;
 Мужъ жену не любить, —
 Другую не возьметъ,
 Тебя поцѣлуетъ. —
 Спасибо, мой братецъ,
 На твоёмъ рассудьи!
 Разсудилъ, мой братецъ,

Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.

Ш. I, 128 — 129.

(Тверск. г.).

18.

Хмель, мой хмелюшко,
Хмелевое перушко.
Перевайся, мой хмелюшко,
На мою сторонушку:
На моей сторонушкѣ
Приволье великое,
Раздолье широкое;
По тому раздольицу
Ходилъ, гулялъ молодець.
Ходилъ пригорюнявшись.
Ходилъ печалившись.
Завидѣла матушка
Съ высокаго терема:
— Дитя мое милое,
Что ты угорюнилось,
Что ты печалилось?
Женись, женись, дитятко,
Женись, женись, милое,
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну, боярыню! —
Сударыня, матушка,
Та мнѣ не жена будетъ,
Тебѣ не невѣстуха,
Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не кукобница ¹⁾,
Гостямъ не привѣтница,
Ко мнѣ не повернется.
— Возьми жъ, возьми, дитятко,
Въ (у) сосѣдушки дѣвушку! —
Та мнѣ женой будетъ,
А тебѣ невѣстухой,
Во полѣ работница,

¹⁾ Кукобницей называютъ хорошую хозяйку, умѣющую въ особенности ухаживать за скотной. Ш.

Во дому кукобница,
А гостямъ привѣтница,
И ко мнѣ повернется.
ib. 130 — 131.

(Дмитр. у., орловск. г.).

19.

Родимая матушка!
Не женать хожу,
Ой люли, люли, люли,
Не женать хожу!
Не женать хожу,
Холость гуляю,
Ой люли и пр.
Поди, поди молодець,
Въ хороводъ къ дѣвкамъ!
Ой люли и пр.
Бери, бери, молодець,
Самъ себѣ лучшую!
Ой люли и пр.
Самъ себѣ лучшую,
Дочь дворянскую!
Ой люли и пр.
Дочь дворянская
Низко кланялась,
Ой люли и пр.
Низко кланялась,
Мнѣ не нравилась:
Ой люли и пр.
Я тебѣ молодець,
Въ полѣ не работница,
Ой люли и пр.
Твоимъ ручушкамъ
Не замѣнушка.
Ой люли и пр.
(И вторая строфа такъ-же, только парень выбираетъ себѣ дочь купеческую; потомъ, въ третій разъ, выбираетъ себѣ дочь крестьянскую, которая и говоритъ:
Я тебѣ молодець,
Въ полѣ работница,
Ой люли и пр.)

Твоимъ ручушкамъ

Я замѣнушка.

Ой люли и пр.

Ш. I. 219 — 220.

(Новоторжск. у., тверск. г.).

20.

Изъ лѣсика, лѣсу темнаго,
Изъ садику, саду зеленаго,
Тамъ шло-прошло два молодца,
Оба холосты, не женаты.
Они идучи думу думали,
Думу думали, рѣчь говорили,
Рѣчь говорили объ одной души(ѣ),
Объ одной души, красной дѣвуш-

ки(ѣ);

Пораздорились, разбранились(я).
Красна дѣвица выходила къ нимъ:
Вы не ссорьтесь, не бранитесь,
А по совѣсти разойдитесь, —
Я не обонимъ вамъ достануся:
Я достанусь либо бѣлому,
Либо бѣлому, бѣль кудрявому,
Либо черному, чернобровому.
Доставалась я парню бравому,
Парню бравому и бѣль кудрявому,
Брала его за рученьку,
Брала его за правую.
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ,
Самъ заплакалъ, про себя думу ду-

маль:

Безсчастна меня молодца
Матушка родила,
По что меня молодца,
Красны дѣвушки не любить!

ib. 205—206.

(Псковск. у.)

21.

Ой горе, ой горе,
Кручина великая (2),
Какъ-то мнѣ (2)

За стараго замужь ити!

Ой горе, и т. д.

Какъ-то мнѣ (2)

Съ старикомъ мужемъ

Жить будетъ.

(Дерутся).

Ой горе, и т. д.

Какъ-то мнѣ (2)

Съ старымъ мужемъ

Постельку стлать!

(Размахиваетъ руками съ большимъ не-

удовольствіемъ).

Ой горе, и т. д.

Вотъ такъ-то мнѣ (2)

Старому въ изголовье класть.

(Въ сердцахъ бросаетъ).

Ой горе, . . .

Какъ-то мнѣ (2)

Стараго мужа

На постелю класть!

Ой горе, . . .

Вотъ такъ-то мнѣ (2)

Класть будетъ!

Ой горе, . . .

Какъ-то мнѣ (2)

Пробуждать будетъ!

Ой горе, . . .

Вотъ такъ-то (2)

Его будить будетъ:

(Толкаетъ ногою).

Старый мужъ, проснись,

Старый песъ, пробудись!

Ой радость, ой радость,

Веселье великое!

Какъ-то мнѣ (2)

За молодаго замужь ийти!

Ой радость, . . .

Какъ-то мнѣ (2)

Съ молодымъ мужемъ

Жить будетъ!

(Цѣлуются).

Ой радость, . . .

Какъ-то мнѣ (2)

Съ молодымъ мужемъ
Постелюшку стлать!

(Хлопочеть, чтобы постель была мягка. — Тоже, что и въ предыдущемъ, только все дѣлается съ нѣжностію).

Ш. I. 217 — 218.

(Тула).

3. Разводныя.

22.

Рука за руку взялись,
Познакомились:
Не ты ли мнѣ кумъ,
Не я ль тебѣ кума?
Гдѣ ни сойдемся —
Поклонимся,
Гдѣ ни свидимся —
Попцѣлуемся.

Ш. I, 226.

(Тверск. г.).

23.

Изъ-за лѣсу, изъ-за лѣсика темнаго,
Ясенъ соколъ вылетаетъ,
Бѣлу лебедь выкликаетъ:
Будь же, дѣвушка, будь же, красная
за мною!

Ясенъ соколъ, не въ чемъ выйти,
Не въ чемъ выйти, шубки нѣту,
Шубки штофной,
Душегрѣйки парчевой.
Бѣла лебедь, я тебя люблю,
Тебя люблю, шубку куплю,
Шубку штофную, душегрѣйку пар-
чевую,

Въ косу ленту алую, —
Я милую подарю,
Подарю, попцѣлую.

Ш. I, 231.

(Тверск. г.).

24.

Ужъ ты вѣнчикъ, мой вѣночекъ,
Ай да вѣночекъ!

Вѣнокъ, синенькій цвѣточекъ,

Ай да цвѣточекъ!

Кому вѣнчикъ подарити,

Ай да подарити?

На ково жъ мнѣ положить,

Ай да положить?

Положу ль я на головку.

Ай да на головку!

Что на красную на дѣвицу,

Ай да на дѣвицу!

Что ни кумъ съ кумой покумился,

Ай да покумился!

Молодецъ съ дѣвицей подружилися,

Ай да подружилися!

Гдѣ ни сойдемся — приобоймемся,

Ай да приобоймемся!

Приобоймемся, попцѣлуемся,

Ай да попцѣлуемся!

Разойдемся, распротямся,

Ай да распротямся!

Ш. I, 240.

(Тверск. г.).

в) Плясовыя пѣсни.

1.

Ай, вдоль по улицѣ молодчикъ
идеть,

Ай, вдоль по широкой удаленькой.

Ой жги, ой жги! говори!

Вдоль по широкой удаленькой
идеть.

Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ,
Опоясочка-то шелковая;

Ой жги, ой жги! говори!

Опоясочка шелковая.

Рукавички-то барановыя,

Сапожки-то сафьяповыя;

Ой жги, ой жги! говори!
 Сапожки-то сафьяновые,
 На немъ шапочка-то бархатная,
 А околышекъ черна соболя.
 Ой жги, и пр. ¹⁾
 Подъ полою у молодца дуда,
 Подъ другой-то овъ гусли несеть.
 Какъ струна-то загула, загула,
 А дуда-то выгеваривала:
 Пора молодцу женитьбу давать,
 Холостому время свататься.
 Стару бабу за себя-бъ ему взять,
 Стару бабу на печи бы держать;
 Стару бабу киселемъ бы кормить,
 Сытой бабу припаивати.
 Кабы бабѣ калача, калача:
 Стала-бъ баба горяча, горяча.
 Кабы бабѣ киселя, киселя:
 Стала-бъ баба весела, весела.
 Кабы бабѣ молока, молока:
 Стала бъ баба молода, молода.
 Кабы бабѣ сапоги, сапоги:
 Пошла бъ баба въ три ноги, въ три
 ноги;
 Затянула бъ баба пѣсенку
 Тонкимъ, звонкимъ голосочкомъ.
 Ты любимая ль пѣсня моя,
 Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣвать;
 Я люблю тебя и замужемъ,
 У мила дружка въ очахъ живучи.
 Ой жги, ой жги! говори!
 У мила дружка въ очахъ живучи.
 . . . . .

См. I, 3. 84.

2.

Во полѣ береза стояла,
 Во полѣ кудрявая стояла,
 Люли, люли, стояла!
 Люли, люли, стояла!

Не кому березу заломати,
 Не кому кудряву заломати,
 Люли, люли, заломати! (2)
 Я пойду погуляю, (2)
 Люли, люли, погуляю! (2)
 Вѣлюю березу заломаю, (2).
 Срѣжу съ березы три пруточка, (2)
 Люли, люли, три пруточка! (2)
 Сдѣлаю три гудочка, (2)
 Люли, люли, три гудочка! (2)
 Четвертую балалаечку, (2)
 Люли, люли, балалаечку! (2)
 Вы гудки не гудите, (2)
 Люли, люли, не гудите! (2)
 Стара мужа не будите, (2)
 Люли, люли, не будите! (2)
 Старой спать со похмелья, (2)
 Люли, люли, со похмелья! (2)
 Пойду ль я на новы сѣни, (2)
 Люли, люли, на новы сѣни! (2)
 Стану ль я старова будити, (2)
 Люли, люли, будити! (2)
 Встань, мой старой, пробудися! (2)
 Люли, люли, пробудися! (2)
 Ой, борода сѣдая, пробудися! (2)
 Люли, люли, пробудися! (2)
 Вотъ тебѣ помой — умойся, (2)
 Люли, люли, умойся! (2)
 Вотъ тебѣ рожекка — утряся! (2)
 Люли, люли, утряся! (2)
 Вотъ тебѣ борона — расчешися! (2)
 Люли, люли, расчешися! (2)
 Вотъ тебѣ лапотки — обуйся! (2)
 Люли, люли, обуйся!
 Вотъ тебѣ шубенька ¹⁾ — одѣнься! (2)
 Люли, люли, одѣнься! (2)
 Вотъ тебѣ дорожка — прогуляйся! (2)
 Люли, люли, прогуляйся! (2)
 Во полѣ береза стояла,
 Во полѣ кудрявая стояла,

¹⁾ Послеъ каждыѣхъ двухъ стиховъ припѣвъ «ой жги» и пр. и повтореніе послѣдняго стиха.

¹⁾ Шубенка.

Люли, люли, стояла! (2)
 Не кому березу заломати,
 Не кому кудряву заломати,
 Люли, люли, заломати! (2)
 И пойду погуляю, (2)
 Люли, люли, погуляю! (2)
 Бѣлую березу заламаю, (2)
 Люли, люли, заламаю! (2)
 Срѣжу съ березы три пруточка, (2)
 Люли, люли, три пруточка! (2)
 Сдѣлаю три гудочка, (2)
 Люли, люли, три гудочка! (2)
 Четвертую балалаечку, (2)
 Люли, люли, балалаечку! (2)
 Пойду ль я на новы сѣни, (2)
 Люли, люли, на новы сѣни! (2)
 Вы гудки загудите, (2)
 Люли, люли, загудите! (2)
 Встань, мой милый, пробудися! (2)
 Люли, люли, пробудися! (2)
 Вотъ тебѣ водица — умойся, (2)
 Люли, люли, умойся! (2)
 Вотъ тебѣ полотенце — утрися, (2)
 Люли, люли, утрися! (2)
 Вотъ тебѣ гребень — расчешися, (2)
 Люли, люли, расчешися! (2)
 Вотъ тебѣ башмачки — обуйся, (2)
 Люли, люли, обуйся! (2)
 Вотъ тебѣ кафтанчикъ — одѣнься, (2)
 Люли, люли, одѣнься! (2)
 Войди въ теремъ — веселися! (2)
 Люли, люли, веселися! (2)

См. 1, 3, 85—86.

3.

Ахъ, въ сѣни, мои сѣни,
 Сѣни новыя мои!
 Сѣни новыя кленовыя
 Рѣшетчатныя!
 Ужъ какъ знать-то мнѣ по сѣнич-
 камъ
 Не хаживати,

Мнѣ мила дружка за рученьку
 Не важивати.

Выходила молода
 За новыя ворота,
 За новыя кленовыя
 За рѣшетчатныя,
 Выпускала сокола
 Изъ праваго рукава:
 Ты лети, лети, соколикъ,
 Высоко и далеко!
 И высоко и далеко,
 На родиму сторону;
 На родимой на сторонкѣ
 Грозень батюшка живетъ;
 Онъ грозень, сударь, грозень,
 Да не милостивый, —
 Не пускаетъ молоду
 Поздно вечеромъ одну!
 Я не слухала отца,
 Потѣшала молодца!
 Я за то его потѣшу,
 Что одинъ сынъ у отца,
 Онъ одинъ сынъ у отца,
 Уродился въ молодца,
 Зовутъ Ванюшкой
 Пивоварушкой!
 Пивоваръ пиво варилъ,
 Зелено вино курилъ,
 Зелено вино курилъ,
 Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
 Вы пожалуйте, дѣвицы,
 На поварню на мою!
 На моей ли пивоварнѣ
 Пиво пьяно на ходу
 Пиво пьяно на ходу,
 Сладка водка на меду!

Пол. р. пѣсньи., стр. 347—348.

4.

Я вечеръ млада
 Во пиру была,
 Во бесѣдушкѣ,

Не у батюшки,
 Не у матушки:
 Я была млада
 У мила дружка,
 У сердечнаго.
 Я не медъ пила
 И не полпивцо, —
 Я пила млада
 Сладку водочку,
 Сладку водочку,
 Все вишневочку;
 Я не рюмочкой,
 Не стаканчикомъ, —
 Я пила млада
 Изъ полуведра,
 Изъ полуведра
 Черезъ край пила.
 И я полемъ шла, —
 Не валялася,
 И я лѣсомъ шла, —
 Не шаталася,
 Ко двору пришла, —
 Пошатнулася,
 За верешку
 Ухватилася:
 Верся-ль моя,
 Верешка!
 Поддержи меня,
 Бабу пьяную
 И похмельную;
 Не увидѣль бы
 Свекоръ батюшка,
 Не сказалъ бы онъ
 Своему сыну,
 Моему мужу.
 У меня-ли мужъ
 Горькой пьяница;
 Онъ вина не пьетъ,
 Съ воды пьянъ живетъ;
 Надо мной, молодой,
 Онъ ломается.
 У меня-ль, молодой,

Въ домѣ убрано:
 Ложки вымыла, —
 Во щи вылила;
 Порогъ вымыла, —
 Въ горохъ вылила;
 Чашу вымыла, —
 Въ кашу вылила;
 Косячки скребла, —
 Пирогои цекла.

Сак. I. з. 88.

5.

Полоса-ль моя, полосынька,
 Полоса-ль моя не пахана,
 Не пахана, не скорожена!
 Заросла-ль моя полосынька
 Частымъ ельничкомъ,
 Ельничкомъ, березничкомъ,
 Молодымъ, горькимъ осинничкомъ.
 Я, гуляючи по ельничку,
 По ельничку, по березничку,
 Брала грибки рыжечки,
 По березничку бѣляночки,
 По березничку бѣляночки.
 Я брала, брала, аукалась:
 Ау, ау, пастушки-дружки!
 Ау, ау, пастушки-дружки!
 Никто въ лѣсѣ не откликнется,
 Никто въ темномъ не аукнется!
 Никто въ темномъ не аукнется!
 Откликнулись молодцы,
 Государевы охотнички,
 Моего батюшки работнички!

Сак. I. з. 89.

6.

За рѣченькой ярь хмель,
 Ярь, ярь хмель! ¹⁾
 Вкругъ кустика вьетса.
 Перевейся, нашъ ярь хмель,

¹⁾ Этотъ припевъ повторяется послѣ каждаго стиха.

На нашу сторонку!
 На нашей сторонкѣ
 Удача большая,
 Тычья золотыя,
 Вѣтъя шелковыя.
 Я выпущлю хмелю,
 Хмелю яраго,
 Позову я гостя,
 Гостя дорогаго,
 Батюшку роднаго.
 Мой батюшка пьетъ, ѣсть,
 Домой ѣхать хочеть;
 А я, молодешенька,
 Горе горевати:
 Вѣдь я не умѣю
 Горе горевати;
 Только я умѣю
 Скакати, плясати.

ib. 92—93.

7.

Молодка, молодка молодая,
 Солдатка, солдатка полковая!
 Ужь полно по улицѣ ходити,
 Ужь полно по миленькомъ тужити!
 Ахъ какъ мнѣ по миломъ не тужити?

Такого друга не нажити:
 Хорошъ-пригожъ милый уродился,
 Что ростомъ-дородствомъ, красотю,
 Своей молодецкой поступкой.
 Вечоръ я со милымъ побранилась.
 Побранка была небольшая;
 Не знаю, какъ со милымъ помириться?

Самой покориться — негодится,
 Людей послати — мнѣ некстати.
 Дождуся я, млада, поры-время,
 Что поры-ли-время, темной ночи,
 Что темныя ноченьки осенней,
 Сама я къ милому побываю,
 Въ глаза дорогому попеняю:

Ахъ, любчикъ, мой миленькой голубчикъ!

Не слушай ты разума чужаго,
 Чужихъ, моя радость, наговоровъ:
 Люди-то смущають, разлучають,
 Людямъ-то завидно, что совѣтно.

Сах. I. з. 94.

8.

Пряди, моя пряха,
 Пряди, не лѣнися.
 И я рада-бъ прядла,
 Меня въ гости звали.
 Звали — позывали
 Къ сосѣду въ бесѣду
 На пиръ пировать. ¹⁾
 У сосѣда будетъ
 Мой милъ(ый) хорошій,
 Мой милъ(ый) пригожій,
 Холость — не женатый,
 Бѣлый, кудреватый.
 Вотъ ѣдетъ мой милый
 На ворономъ конѣ,
 Въ бѣломъ балахонѣ,
 Шапочка съ углами,
 Головка съ кудрями.
 Къ двору подѣзжаетъ, —
 Дѣвица встрѣчаетъ,
 За ручки хватаетъ,
 За столикъ сажаетъ.

Сах. I. з. 95.

9.

Ты поди, моя коровушка, домой,
 Ты поди, моя недоевая!
 Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
 Въ саду ягода, малинка моя! ²⁾
 Ты поди, моя недсевая,

¹⁾ Въ Полн. р. пѣсни. этого стиха нѣтъ; въ двухъ слѣдующихъ стихахъ — милый вм. милъ.

²⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двухъ стиховъ.

У насъ горенка нетопленая!
 У насъ горенка нетопленая,
 Малы дѣти ненакормленныя!
 Малы дѣти ненакормленныя,
 И телята ненапоенные!
 Ужь какъ всѣ мужья до женъ добры,
 Покупили женамъ бобры!
 А мой мужичокъ-дурачокъ
 Онъ купилъ мнѣ коровушку,
 Онъ купилъ мнѣ коровушку,
 Загубилъ мою головушку!

Полв. р. п. 93—94.

10.

Сговорила меня мать
 За крестьянина отдать:
 Не йду, не йду, матушка,
 За-мужъ за крестьянина. —
 Крестьянинъ-то, матушка,
 Много земли пашеть,
 Деньги пропиваетъ.
 Сговорила меня мать
 За подьячаго отдать:
 Иду, иду, матушка,
 За-мужъ за подьячаго, —
 Какъ подьячий-то писать,
 А я денежки считать.

Ш. I. 256.

(Новоторжск. у. тверск. г.).

11.

Ходили дѣвушки по Волгѣ по
 рѣкѣ,
 Добрыне молодчики другою стороною.
 Сѣяли дѣвушки ярый хмель,
 Сѣяли онѣ, приговаривали:
 Рости, хмель, по тычинѣ вверхъ;
 Безъ тебя, безъ хмелинушки, не
 водится, —
 Добрыне молодцы не женятся,
 Красныя дѣвушки за-мужъ не йдутъ.

Вздумала Паранюшка, за-мужъ по-
 шла.

Теща про зятя пирогаъ пекла:
 Соли да муки на четыре рубли,
 Масла, крупъ на цѣлковый рубль,
 Сахару, изюму на восемь рублей, —
 Сталь ей пирогаъ въ тринадцать
 рублей.

Думала-гадала: семерымъ не съѣсть.
 Теща зятюшку въ гости звала.
 Теща роднаго зятя подчивала:
 Сядь-ка ты, зятюшка, покушай-ка!
 Зять былъ смѣль, — за присѣдъ
 пирогаъ съѣль.

Теща по горенкѣ похаживаетъ,
 Косо на зятюшку поглядываетъ,
 Потихоньку зятюшку побраниваетъ:
 Какъ тебя, зятюшка, не розорвало?
 — Лучше бы ты, теща, не подчивала!
 Я жъ тебѣ, теща, честь воздамъ,
 Позову я въ гости обѣ масляницѣ,
 Я жъ тебя, теща, уподчиваю —
 Въ четыре дубины березовыя,
 Пятый внуть по заказу свить. —
 Рвалась, рвалась, насилу вырвалась,
 Бѣжала, бѣжала, насилу ушла;
 Прибѣжала теща къ своему двору,
 У воротъ теща грохнулась:
 Экой воръ да вѣдь зять-то мой!
 Бѣжала, бѣжала, насилу ушла!

Ш. I. 303—304.

(Тверск. г. и у.).

12.

Я посѣю лебеду на берегу,
 Свою крупную рассадушку.
 Погорѣла лебеда безъ воды,
 Моя крупная рассадушка.
 Пошлю казака по воду, —
 Ни воды нѣтъ, ни казаченьки.
 Кабы мнѣ, молодой, ворона коня,
 Я бы вольная казачка была,

Скакала, плясала по лугамъ,
 Съ донскимъ съ молодцомъ каза-
 комъ,
 Съ удалымъ добрымъ молодцомъ.
 Ш. I. 318.

13.

Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять
 загадокъ?
 — Отгадаю, сынъ купеческій, хоть
 десятокъ! —
 Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
 Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
 Ужъ и что это, дѣвица, чаще рощи?
 Ужъ и что это, дѣвица, безъ ко-
 ренья?
 Ужъ и что это, дѣвица, безъ
 умолку?
 Ужъ и что это, дѣвица, безъ от-
 вѣту?
 — Краше лѣта, сынъ купеческій,
 красно солнце,
 Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣ-
 тель мѣсяцъ,
 Чаще рощи, сынъ купеческій, часты
 звѣзды,
 Безъ коренья, сынъ купеческій,
 крупень жемчугъ,
 Безъ умолку, сынъ купеческій, те-
 четъ рѣчка,
 Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судъ-
 ба Божья! —
 Отгадала ты, дѣвица, отгадала,
 Ужъ и быть за мною, быть моею
 женою.
 Ш. I. 333—334.
 (Московск. у.).

Причеты во время плясокъ, когда
 плясунъ или плясунья ириходить въ
 восторгъ:

1.

Разсынься, горохъ,
 На двѣнадцать дорогъ!

2.

Ходи, барыня, смѣлѣй,
 Музыканту веселѣй!

3.

Я пошла бѣ за торгаша, —
 Нѣту денегъ ни гроша!

4.

Ходи, изба, ходи, печь,
 Хозяину негдѣ лечь:
 На печи широко,
 Растянешься далеко!
 Ш. I. 320—321.

г) Всѣдныя пѣсни (на супрядвахъ,
 носидѣнкахъ).

1.

Собирались дѣвки на супретку,
 Задумали дѣвки пиво варить:
 Кая хмелю, кая солоду мѣшокъ, —
 Наварили дѣвки пива горшокъ;
 Пошли дѣвки гостей зазывать.
 Ш. I, 239.
 (Псковск. г.).

2.

Не яхонтикъ по горницы катался,
 Не скаченъ жемчугъ по блюду раз-
 сыпался,
 Добрый молодець жениться собирался
 На душечкѣ на красной на дѣвицы.
 Его матушка провожала,
 Государыня родима сваряжала,
 Хорошо ему кудерки расчесала,
 На поѣздкѣ таково слово сказала:
 „Ты поѣдешъ, мое дитятко, жениться
 „На душечкѣ на красной дѣвицы:
 „Тобѣ будутъ дѣвицы пѣсни пѣти,
 „Котобѣ, сударь, невѣсту приѣвати,
 „Тобя умницей называти,
 „Разумницей звеличати; —

„Не дари-тво ихъ рублемъ и не
полтиной,
„А унижайся своимъ низкіимъ по-
клономъ,
„Еще паче того поцѣлуешь.“
Р. III, 430.

3.

Ты почто, мати, хорошу родила,
Хорошую, счастливую,
Гладко голову расчесывала,
Бо обѣди отнаряживала?
Мнѣ нельзя, мати, къ обѣденнѣ
идти,
Мнѣ нельзя, мати, Богу кланяться, —
Весь народъ-люди зарятся:
„Это чья это хорошая — баска?“
Напогощаны пуще всѣхъ:
Попъ — тотъ запѣвается,
Дьяконъ въ книгу зачитается,
Пономарь звонить — мѣшается,
Добрый молодецъ про то же говоритъ,
— Это чья это хорошая — баска?
— Взялъ бы дѣвушку за-мужъ за
себя. —
ib. 431.

4.

Пряльюшки, попрядаляюшки!
А что же вамъ, пряльюшки,
Прясть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ — охлопочковъ,
Молодымъ молодушкамъ — чесанный
ленъ,
Краснымъ дѣвушкамъ — бумажки ¹⁾
куделя,
Молодцамъ-щегольцамъ — омяльица.
Пряльюшки, попрядаляюшки!
Что же вамъ, пряльюшки,
Бѣсть-то будетъ?

¹⁾ Бумажная?

Старымъ старушкамъ — хлѣбъ да
вода,
Молодымъ молодушкамъ — висель до
сыта,
Краснымъ дѣвушкамъ — калачики,
Молодцамъ-то щегольцамъ — дурн-
ды ¹⁾ вусокъ.

Пряльюшки, попрядаляюшки!
А гдѣ-же вамъ, пряльюшки,
Спать-то будетъ?
Старымъ старушкамъ — на печи въ
углу,
Молодымъ молодушкамъ — на вой-
лочкѣ,
Краснымъ дѣвушкамъ — на перинѣ
пуховой,
Молодцамъ-то щегольцамъ — со сви-
ньями въ хлѣву.
Пряльюшки попрядаляюшки!
Чѣмъ-то васъ, пряльюшки,
Будеть-то будить?
Молодцовъ-то щегольцовъ — полѣ-
номъ по пятамъ, ²⁾
Красныя дѣвушки — пусть онѣ спятъ:
Въ люди-то выйдутъ — намаются,
Всякой-то заботы напримаются.
Ш. I, 242—243.
(Тверь).

5.

Сижу я, млада,
На печкѣ одна,
Заплатки плачу,
Приплачиваю,
Я мужа браню,
Прибраниваю:
Продай, мужъ, корову

¹⁾ Выбоины отъ коноплянаго масла.

²⁾ Молодыхъ молодухъ — плеточкой,
Молодцовъ-то щегольцовъ — по бокамъ кость-
лемъ.
Ш. I, 243.

Съ лошадушкою,
 Купи, мужъ, саянъ —
 Широкий подолъ,
 Душегрѣйку
 Камчатненькую!
 Купи, мужъ, кокошникъ,
 Косой, золотой,
 Еще онжерелье
 Жемчужненькое!
 Молода спаряжуся,
 Къ обѣднѣ пойду.
 Ахъ, люди-то скажутъ:
 Чья это така?
 —Купецка жена! —
 Обѣдня отходить, —
 Мой милый идетъ,
 Сапочки везетъ (2)
 И хомутикъ несетъ:
 Младая жена,
 Впрягайся сама,
 Да въ лѣсъ по дрова;
 Заѣхаль въ пѣликъ,
 Наклалъ возъ великъ;
 На горку онъ ѣдетъ —
 Прихлыстываетъ,
 Подъ горку онъ ѣдетъ —
 Присвистываетъ.
 Не то мнѣ досадно,
 Что возъ великъ,
 А то мнѣ досадно,
 Что мужъ на возу —
 Объ одномъ глазу.

Ш. I, 246—247.

(Тверь).

6.

Какъ вздумалъ грибъ,
 Возгадалъ дубовикъ,
 Подъ дубомъ сидючи,
 На всѣ грибы гляючи,
 Грибовъ приглашаючи,
 На войну воевать.

Отказались опенки:
 У насъ ноги очень тонки, —
 Не повинны тому,
 Мы не идемъ на войну.
 Какъ вздумалъ грибъ и пр.
 Отказались волнушки:
 Мы, де, старыя старушки, —
 Не повинны мы тому,
 Мы не идемъ на войну.
 Какъ вздумалъ грибъ, и пр.
 Отказались волуи:
 Мы господски холуи, —
 Не повинны мы тому,
 Не идемъ на войну.
 Какъ вздумалъ грибъ, и пр.
 Отказались чернушки:
 Насъ заѣли мушки, —
 Не повинны мы тому,
 Не идемъ мы на войну.
 Какъ вздумалъ грибъ, и пр.
 Какъ сказали грузди:
 Мы ребята дружны, —
 Повинны тому,
 Мы идемъ на войну.

Ш. I, 256—258.

(Москва).

II. Пѣсни. обусловливаемыя различными особенностями вѣсемейнаго быта.

а) Солдатекия.

I.

Ужъ какъ вздумалъ мой родитель-
 батюшко

Отдать-то меня во солдатушки,
 Во солдатушки, во наборные полки,
 Во наборные, принаполненные,
 За небольшое за жалованьице:
 По три денежки на суточки даютъ,
 По полтинушкѣ на мѣсяцъ выдають.

Моя матушка!
 Не покиньте мою
 Молоду жепу,
 Молодую жену,
 Малыхъ дѣтушекъ! ¹⁾

Варепповъ, Сб. п. 189—192.

4.

Ужъ какъ шли-прошли солдаты,
 Они шли-прошли слободкой,
 Во слободкѣ становились,
 У вдовушекъ попросились:
 Ты вдова, вдова Наталья!
 Пусти, вдова, ночевати,
 Ночевати, постояти!
 Насъ немнож(еч)ко, маленько:
 Полтора ста насъ на коняхъ,
 Полтретья ста пѣшеходовъ.
 А вдова имъ отвѣчала,
 Ночевать ихъ не пушала:
 — У меня дворокъ маленекъ,
 А горенка не величка;

¹⁾ Сравнить:

Какъ у ласточки, у касаточки,
 На лету крылья примахались!
 Какъ у душечки красной дѣвочки
 На ходу ноги подломились!
 У дороднаго добра молодца
 Въ три ряда кудри завивались,
 Въ четвертой рядъ по плечамъ лежать,
 Ой во пятой рядъ съ плечъ валялись.
 Ой почувяли черны кудри
 Что невзгодушку великую,
 Что служить службу государеву.
 Повези тутъ добра молодца
 Въ канцелярiю государеву,
 Записали добра молодца
 Въ драгуны государевы.
 Ой не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
 Только жаль мнѣ своей стороны!
 На сторонущкѣ три завнобушки.
 Ой какъ первая завнобушка —
 Раствался я съ отцемъ, съ матерью,
 Съ отцемъ, съ матерью,
 Съ молодой женой,
 Съ сиротами, ребятами,
 Съ мнѣими малими дѣтками.

Сак. I. 3. 233—234.

У меня дѣтей семейка! —
 Они силой ворвались,
 Во горенку вобралися.
 Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
 А конница по скамейкамъ,
 А большой гость впереди сѣлъ,
 Впереди сѣлъ подъ окошкомъ.
 А вдова стоять у печки,
 Поджавъ свои бѣлы ручки,
 Стоитъ она, слезно плачетъ.
 А большой гость унимаетъ:
 „Не плачь, вдова молодая!
 Ты давно-ль, вдова, овдовѣла?“
 — И я въ горѣ позабыла. —
 „Ужъ и много-ль, вдова, дѣ-
 токъ?“
 — У меня дѣтокъ четверо. —
 „Ужъ и много-ль, вдова, хлѣба?“
 — У меня хлѣба осьмина. —
 „Ужъ и много-ль, вдова, денегъ?“
 — У меня денегъ полтина. —
 „Подойди, вдова, поближе,
 Поклонися мнѣ пониже!
 Ты сквишь, вдова, съ меня киверъ —
 Во киверѣ полотенце:
 Не твое ли рукодѣль(и)ца?
 На правой рукѣ колечко —
 Не твое ли обрученья?“
 А вдова-то испугалась,
 Во новы сѣни бросалась,
 Малыхъ дѣтушекъ будила:
 — Вы вставайте, мои дѣти!
 Вы вставайте, мои малы!
 Не свѣтелъ то мѣсяцъ свѣтитъ,
 Не красное солнце грѣетъ, —
 Пришелъ батюшка родимый! —
 А большой гость отвѣчаетъ:
 „Не буди ты малыхъ дѣтокъ!
 Я пришелъ къ вамъ не надолго:
 На одинъ я на денечекъ,
 Что на еднѣй на часочекъ!“

Сак. I, 3, 236.

6) Кавказія.

5.

Что пониже города было Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протек(а)ла, пролежала мать Камы-
 шенка рѣка,
 Какъ съ собой она вела круты,
 красны берега,
 Круты, красны берега и зеленые
 луга;
 Она устьицемъ впадала въ Волгу
 матушку рѣку.
 Что по той ли быстринѣ, по Камы-
 шенкѣ рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ, выплываютъ
 два снаряжные стружка;
 Хорошо были стружочки изукра-
 шены,
 Они копьями, знамены, будто лѣ-
 сомъ поросли.
 На стружкахъ сидятъ гребцы, уда-
 лые молодцы,
 Удалые молодцы, все донскіе казаки,
 Да еще же гребенскіе, запорож-
 скіе;
 На нихъ шапочки собольи, верхи
 бархатные,
 Еще смурые кафтаны кумачемъ под-
 ложены,
 Астрахански кутаки, полумшелковые,
 Пестрядиинныя рубашки съ золотымъ
 галуномъ,
 Что зеленъ сафьянъ сапожки, кри-
 вые каблуки,
 И съ зачесами чулки, да всѣ га-
 русные.
 Они веслами гребутъ, сами пѣсенки
 поютъ;
 Они хвалятъ, величаютъ православ-
 наго царя,
 А бравятъ они, кланутъ воеводу,

Что съ женою, и съ дѣтьми, и со
 внучатами

Заѣдаетъ воръ — собака наше жа-
 лованье,
 Кормовое, годовое, наше денежное;
 Да еще же не пускаетъ насъ по
 Волгѣ погулять,
 Внизъ по Волгѣ погулять, съ ду-
 нинаю ¹⁾ воспѣвать,
 Сх. I, 3, 236—237.

6.

Мимо славнаго города Воронежа
 Пролегала тамъ широкая дороженька
 Что ко славному ко городу ко Сан-
 пинтеру;
 Что по той было по широкой по до-
 роженькѣ
 Ужъ какъ шли-прошли казаки съ
 тиха Дона,
 Что со тиха, братцы, Дона со Ива-
 новича;
 Ужъ какъ всѣ, братцы, казаки
 сквозь Москву прошли.
 Что одинъ изъ нихъ казакъ остается,
 Онъ заходитъ на кружало госуда-
 рево,
 Онъ снимаетъ съ себя шапочку черна
 соболя,
 Онъ и молится спасителю образу,
 Онъ и кланяется на всѣ четыре
 стороны,
 Государевымъ цѣловальникамъ осо-
 бливъ поклонъ:
 „Ахъ, вы здравствуйте, государевы
 цѣловальники!
 Вы продайте мнѣ вина на пять сотъ
 рублей,
 А товарищамъ моимъ на тысячу.“

¹⁾ Съ «дуниний» испорч.: «Сынъ Ивановичъ Дунай».

Промежду собой цѣловальники взгля-
нулись:

— Ужь какъ этого питуха у насъ
не было,

Ужь какъ знать это, братцы, не
донской казакъ,

Ужь какъ знать это атаманъ ихъ.—
Вывозили имъ поила, сколько на-
добно.

Ужь вы пейте, (мои) ребята, сколько
(вамъ) хочется.

Сахар. I, 3, 238.

7.

Какъ со славной со восточной
со сторонушки

Протекла быстра рѣчущка, славный
тихий Донъ;

Онъ прорылъ, проковаль, младецъ,
горы крутыя,

А по правую-то сторонушку лѣса
темные.

На Дону-то все живутъ, братцы,
люди вольные,

Люди вольные живутъ — то донскіе
казаки.

Собирались казаки — други во еди-
ный кругъ,

Они стали межъ собою да все ду-
ванъ дѣлать:

Какъ на первой-атъ пай они клали
пять сотъ рублей,

На другой-то пай они клали всю
тысячу,

А на третій становили красну дѣ-
вицу.

Какъ растужится, какъ расплачется
добрый молодець:

Голова ль ты моя, головушка нес-
частная!

Ко бою-то ко батальицѣ ты найпервая,

На паю-то на дуванѣ ты послѣдняя.
Какъ возговорить красна дѣвица
добра молодцу:

„Ахъ, не плачь ты, не тужи, удалъ
добрый молодець!

Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ
пять сотъ рублей,

А другой коверъ сотку тебѣ во всю
тысячу,

А третій-то коверъ я сотку, что и
смѣты нѣтъ.

Сах. I, 3, 239.

8.

Какъ ты, батюшка славный тихій
Донъ,

Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивано-
вичъ!

Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.

Какъ бывало ты все быстеръ бѣ-
жишь,

Ты быстеръ бѣжишь, все чистехо-
некъ;

А теперь ты, кормилецъ, все му-
тень течешь,

Помутился ты, Донъ, съ верху до
низу.

Рѣчь возговорить славный тихій
Донъ:

— Ужь какъ-то мнѣ все мутно не
быть, —

Распустилъ я своихъ ясныхъ соко-
ловъ;

Ясныхъ соколовъ, донскихъ каза-
ковъ;

Размываются безъ нихъ мои круты
береженъ,

Высыпаются безъ нихъ косы жел-
тымъ пескомъ.

Сах. I, 3, 239.

Что на желтомъ, на сыпучемъ на
песочкѣ,

Тутъ не черные вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки, —
Они думали крѣпкую думушку за-
едино.

Ахъ, состроимъ мы, ребятушки,
гребной стружокъ,

И подблаемъ заключенки кленовыя,
Изнавѣсимъ мы веселочки ветловыя,
Что мы грянемъ, ребятушки, внизъ
по Волгѣ,

Остановимся, ребятушки, среди Волги,
Сопровивъ того стольникова дому, —

Что у стольничья приказчика дочь
хороша.

Что просилася дочь у батюшки по-
гуляти:

„Ай, пусти, пусти меня, батюшка,
погуляти,

„На низовыхъ-то бурлаковъ погля-
дѣти!“

Понизовые бурлаки злы, лукавы, —
Напоили красну дѣвицу до пьяна.

Ужъ какъ та ли красна дѣвица
уснула

У поволжска атамана на колѣняхъ.
Да что возговорить поволжской ата-
маня:

— И мы грянемте, ребятушки, внизъ
по Волгѣ,

— Чтобы не было отъ стольника
погони. —

Ото сна ли красна дѣвица пробу-
дилась,

И за очи съ отцомъ, съ матерью
протилась:

„Ты прости, прости, батюшка, ро-
димою,

„Ты скажи отъ меня матушкѣ че-
лобить!“

12.

Ты, безчастный, добрый моло-
дець,

Безталанная твоя головушка,
Что ни въ чемъ то мнѣ, братцы,

ни въ торгу, братцы, ни въ то-
варищахъ, —

Что ссылають меня съ корабля долой!
— Ты сойди, сойди съ корабля до-
лой!

— Отъ тебя ли, отъ безчастнова,
— Сине море взволновалось, ¹⁾

— (Всѣ) волны въ морѣ разыгра-
лись! —

Ужъ какъ возговорить безчастной
молодець:

„Мы пригрянемте всѣ въ веселочки,
„Мы причалимте ко бережку,

„Ко частому вусту ракитову,
„И мы срѣжемте по прутуку,

„И мы сдѣлаемте по жеребью,
„И мы вынемте во сине море“.

Ужъ какъ всѣ жеребьи по верхъ
воды,

А безчастнова — какъ ключъ ко дну.

13.

По утру-то было ранымъ-рано,
На зорѣ-то было на утренней,

На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди

Со лузей, озеръ подымались.
Подымались добрые молодцы,

Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,

На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву.

Провожаютъ ихъ, добрыхъ молод-
цовъ,

Отцы, матери, молоды жены,
И со малыми со дѣтками.

Сх. I. З. 234.

г) Разбойничьи.

14.

Ахъ, туманы вы, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистны(е)!
Изушили туманушки молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горей взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимсфеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ людей бѣдны(и)хъ:
Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички;
Мы весломъ махнемъ — корабль

возьмемъ,

Кистенемъ махнемъ — караванъ возъ-
мемъ,

Мы рукой махнемъ — дѣвицу возъ-
мемъ.

Сх. I. З. 227.

15.

Ахъ, и что же вы, ребята, при-
уныли,

Аль у васъ, молодые, денегъ нѣту?

Сѣдлайте, ребята, себѣ коней,

Своему атаману пару въ дрожки.

Поѣдемъ, ребята, къ дядѣ въ гости,

Попросимъ у дяди въ займы денегъ,

Какъ дядюшка скажетъ — „денегъ
нѣту“,

А тетюшка скажетъ — „не бывало“.
(= „ни копѣйки!“), —

Верите, ребята, съ грядъ по полѣну,

Щепляйте, ребята, вы лучину,

Щепляйте ребята помельче,

Разводите огонь пожарчѣ,

Кладите на огонь дядю съ теткой...

Какъ дядюшка скажетъ — „денегъ
много“,

А тетюшка скажетъ — „сѣбѣ нѣ-
ту“, —

Пойдемте, ребята, въ кладовую;

Верите по горсти — рублей по сту;

Поѣдемъ, ребята, загуляемъ,

Запоемъ *молодку* во всю глотку:

„Молодка, молодка, молада!“ и пр.

Арист., стр. 147.

16.

У кумушки сидятъ все разбой-
нички,

Сидятъ-то они, дуванъ дуванятъ, —

Да кому изъ нихъ что достанется:

Кому золото, кому серебро,

Кому кунья шуба, кому золотъ пер-
стень.

Одному доброму молодцу ничего не
досталось,

Доставалась ему одна красна дѣ-
вушка:

Какъ расгужится, разгорюется доб-
рый молодецъ:

„Во разбоѣ-то я у васъ первый
былъ,

„Во дуванѣ-то я у васъ послѣдній
стал!“

Какъ возговорить ему красна дѣ-
вушка:

— Ты не плачь, удалъ добрый мо-
лодецъ!

— У меня красной дѣвицы, есть
кунья шуба,

— Кунья шуба стоитъ восемь сотъ
рублей;
— Еще есть у меня, у дѣвушки,
золотой перстень,
— Золотъ перстень стоитъ девять
сотъ рублей. —
Какъ возрадуется, удалъ добрый
молодецъ,
Что бросился ей на бѣлую грудь,
Цѣловаль ей бѣлы рученьки. ¹⁾

Арист. 137.

17.

Что далече, далече, во чистомъ
полѣ,
Что при пути, при широкой доро-
женькѣ,
Стояла тутъ кудрявая береза,
Тонешенька, бѣлешенька, кудревата.
Подъ той подъ кудрявою березой
Стояли тутъ станицы воровскія, —
Во той ли во станицѣ красна дѣ-
вица. ²⁾
Не пѣсенки красна дѣвица воспѣ-
ваетъ,
Что кричить красна дѣвица, воетъ,
плачетъ:
„Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками
ходила,
„Я сорокъ душъ съ душою погу-
била,
„И батюшкѣ, и матушкѣ не спу-
стила,
„И родъ, красна дѣвица, потреби-
ла.“ ³⁾

¹⁾ Ср. № 7 казацкихъ пѣсней.

²⁾ Танька Растокинская, разбойничавшая во времена Елизаветы Петровны.

³⁾ Загулила я, красна дѣвица, загуляла на славное Петровское кружало (въ Москвѣ). Безъ счету я, дѣвица, деньги выдавала. Не глядя рублевички за стойку бросала: «Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»

Не голуби промежь себя воркуютъ,
Промежь себя разбойники рѣчь го-
ворили:

— Не стало у насъ, братцы, ата-
мана,
— Засаженъ нашъ атаманъ во тем-
ницу,
— Во темную темницу, заключенну;
— Не въ саду нашъ атаманъ гу-
ляетъ,
— Гуляетъ нашъ атаманъ по тем-
ницѣ,
— По темной темницѣ, заключен-
ной;
— Тяжко, больно нашъ атаманъ
воздыхаетъ,
— Къ сердечушку бѣлы руки при-
жимаетъ,
— Любимую свою рошу воспоминаетъ:
— „(Ой, свѣтъ же ты, моя воров-
ская роша!
— „Ужъ какъ мнѣ по тебѣ, роша,
не тужити,
— „Подъ широкой дорожкой не
стояти,
— „Купеческихъ людей не разби-
рати,
— „Столько злата и серебра не
отбирати“.

Сак. 1. 3. 230.

18.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!

Ужъ храбро я и бодро поступала,
Атамановы поступки показала!
Ужъ тутъ меня, дѣвицу, признавали,
По имени красну дѣвицу называли,
По отчеству меня величали,
Назадъ руки красной дѣвицѣ завязали,
Повели меня, красну дѣвицу, въ плону,
Подымали красну дѣвицу на дыбу.

Арист. 73—80.

Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!

Еще всѣ-то вы, кусточки, ужъ по-выжжены,

Еще всѣ наши станочки поразорены,

Еще всѣ наши товарищи переиманы.

Какъ и первой-то товарищъ въ градѣ Кіевѣ,

А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ,

Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ, —

Я остался, добрый молодець, въ темныхъ лѣсахъ...

Сахар. I. 3. 226.

19.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,

Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати, —

Какъ завтра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,

Передъ грознаго судью, самого царя.

Еще станеть меня царь - государь спрашивать:

„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,

„Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?

„Еще много ли съ тобой было товарищей?“

— Я скажу тебѣ, надежа православный царь,

— Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:

— Что товарищей у меня было четверо, —

— Ужъ какъ первой мой товарищъ — темная ночь,

— А второй мой товарищъ — булатный ножъ,

— А какъ третій товарищъ мой — добрый конь.

— А четвертой мой товарищъ — тугой лукъ,

— Что разсылщики мои — каленыя стрѣлы. —

Что возговорить надежа православный царь:

„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,

„Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!

„Я за то тебя дѣтинушку пожалую

„Среди поля хоромами высокими,

„Что двумя ли столбами съ перекладиною.“

Сак. I. 3. 227.

20.

Вставають со сна всѣ разбойники...

Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,

Тутъ поздоровались и всѣ расплакались.

Раздавали разграблено злато, серебро

И все имѣніе — богатство

По тѣмъ ли сиротамъ по бѣднымъ,

По тѣмъ ли церквамъ по божіимъ, —

Сами пошли скитаться по разнымъ странамъ.

Арист. 140.

21.

Ахъ, вы, братцы мои, товарищи, Возьмите меня, братцы, за бѣлыя ручки,

Поставьте меня, братцы, на рѣзвыя ножки,

Поведите меня во божью церковь,

Причастите меня, братцы, исповѣдайте;

Посадите вы меня во кареточку,
 Пoveзите меня, братцы, во чисто
 поле,
 Во чисто поле, въ широкое раз-
 дольице,
 Положьте меня, братцы, между трехъ
 дорогъ,
 Въ возголовьице поставьте сотво-
 рящій крестъ.

Архст. 141—142.
 (Москов. сб. 1852. I. 343).

д) Раскольничьи стихи.

22.

Послушайте, мои свѣты:
 Послѣднiя пришли лѣта.
 Народился злой антихристъ,
 Напустилъ онъ свою прелесть
 По городамъ и по селамъ,
 Наложилъ печать свою на людей,
 На главы ихъ и на руки,
 Что на руки и на персты.
 Кто его печать принимаетъ,
 Тому житiе пространно;
 А кто его печать не принимаетъ,
 Тому житiе гонимо.
 Убирайтесь, мои свѣты,
 Во лѣса, въ дальнiя пустыни,
 Засыпайте, мои свѣты,
 Рудожелтыми песками,
 Вы песками, пчелами!
 Умирайте, мои свѣты,
 За крестъ святой, за молитву,
 За свою браду честную,
 За мою вѣру Христову.
 Избавлю васъ, моихъ свѣтовъ,
 Отъ злой и превѣчной муки:
 Отворю вамъ, мои свѣты,
 Врата пресвѣтлаго рая,
 Преславнаго моего рая,
 Небеснаго моего царства!

Варенцовъ, 197 — 198.

23. 1)

Какъ шелъ старецъ по дорожкѣ,
 Черноризецъ по широкой;
 Идучи онъ слезно плачетъ,
 Во слезахъ пути не видитъ,
 Во рыданьяхъ слова не молвитъ.
 Какъ на встрѣчу ему идетъ
 Самъ Христосъ Царь Небесный.
 Какъ возговоритъ Христосъ старцу,
 Самъ Господь Богъ, Царь Небес-
 ный:

„Охъ гой еси, старецъ черноризецъ,
 Ты о чемъ, старецъ, слезно плачешь,
 Ты о чемъ, черноризецъ, возды-
 хаешь:“

Отвѣчалъ Господу старецъ,
 Отвѣчалъ Царю Небесному черно-
 ризецъ:

„Охъ ты гой еси, Христосъ Царь
 Небесный!

Какъ мнѣ, Господи, не плакать?
 Потерялъ я златую книгу,
 Потопилъ ключъ церковный въ морѣ.“
 Отвѣчаетъ Христосъ старцу,
 Отвѣчаетъ Царь Небесный черно-
 ризцу:

„Не плачь, старецъ, не плачь, чер-
 норизецъ!

Я сыщу тебѣ златую книгу.
 Ключъ церковный изъ моря выну.
 Ты поди, старецъ, въ пустыню,
 Ты спасай тамъ свою душу.“
 Какъ возговоритъ ему старецъ со
 слезами:

„Охъ ты гой еси, батюшка Хри-
 стосъ, Царь Небесный.

Ты поставь-ка мнѣ въ пустынѣ келью,
 Гдѣ бы люди не ходили,
 Одиѣ бы пташки пролетали,

1) Пѣсня глухой пѣтовщицы, оставшаяся послѣ времени саможигательства.

Меня бы старца потѣшали,
 Ото сна бы пробуждали;
 Ото сна бъ я пробудился,
 На правило становился.“

Какъ возговорить Христось Царь
 Небесный:

„Ой вы люди, рабы мои — Хри-
 стовы,

Православные христiane,
 Не забывъ Бога, живите,
 Не буйно поступайте,
 Не рѣчию говорите.
 Народился духъ нечистый,
 Духъ нечистый — злой антихристь,
 И пустиль онъ свою прелесть.
 По городамъ и по селамъ.
 Людей моихъ изгоняетъ,
 Въ свою вѣру принуждаетъ,
 Въ свою церковь ходить заставляетъ,

Своихъ поповъ поставляетъ,
 Своихъ судей посылаетъ,
 Свои письма разсылаетъ
 По селамъ и по деревнямъ,
 По прекраснымъ пустынямъ.
 Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
 Тому змию седмглаву,
 Вы бѣгите въ горы, вертепы,
 Вы поставьте тамъ костры большіе,
 Положите въ нихъ сѣры горючей,
 Свои тѣлеса вы сожгите.
 Пострадайте за меня, мои свѣты,
 За мою вѣру Христову:
 Я за то вамъ, мои свѣты,
 Отворю райскія свѣтлицы,
 И введу васъ во царство небесное,
 И самъ буду съ вами жить вѣко-
 вѣчно.

Варенцовъ, 183 — 185.

IV. ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ.

IV—1. Обряды и пѣсни, ихъ сопровождающія.

(Чествованіе природы).

1. Жертвоприношеніе

а) Опихиваніе.

„Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во время скотскаго падежа (коровьей смерти), прибѣгаютъ къ опихиванію. Женщины, собравшись въ деревнѣ, даютъ знать, чтобы въ то время никто изъ мужчинъ не смѣлъ показываться на улицѣ. Одна изъ молодыхъ дѣвицъ беретъ образъ св. Власія и начинаетъ ходъ около деревни; за дѣвицею идутъ въ чинномъ порядкѣ женщины. Въ первомъ ряду идутъ жевщны съ вѣвниками, пучками соломъ и сѣна; во второмъ ѣдетъ старая женщина на помелѣ, въ одной рубахѣ, съ распущенными волосами; ее окружаютъ бабы и пожилыя дѣвицы съ ухватами и кочергами; въ третьемъ ряду бьютъ въ сковороды съ изступленнымъ крикомъ, пляшутъ и вертятся. Старухи съ зажженными лучинами окружаютъ обнаженную и запряженную въ соху старуху, при коей находятъ дѣвицы съ серпами и косами; обку-

риваютъ ихъ разными знахарскими травами и *опихиваютъ* вокругъ деревни три раза сохою, въ которую запряжена старуха. Въ то время машутъ на перекресткахъ серпами и косами, думая этимъ дѣйствіемъ пре-сѣчь путь коровьей смерти. Ненстоящая толпа останавливается передъ каждымъ дворомъ и стучитъ въ ворота при страшномъ трескѣ и звонѣ, происходящемъ отъ удара въ заслонки, сковороды и горшки; бѣшено режутъ и кричать: „ай! ай! сѣки, руби смерть коровью! Ай, ай! сѣки, руби! Вотъ она! ай, ай!“ Если при ихъ крикѣ выбѣжитъ отъ испуга собака или кошка, то имъ смерть неизбѣжная.—По совершеши опихиванія крѣпко вѣрятъ, что смерть не воротится.

„Другой обрядъ, похожій на коровью смерть, совершается во время сильныхъ повальныхъ болѣзней.— Женщины и дѣвицы выносятъ въ полдень назѣмъ (валозъ) за село или за деревню и складываютъ его въ кучу съ двухъ противоположныхъ селенію концовъ, а потомъ за-

жигаютъ въ полночь. Къ одной зажженой кучѣ везуть соху дѣвицы, въ бѣлыхъ рубахахъ и съ распущенными волосами, а одна несетъ за нимъ образъ. Къ другой кучѣ несутъ женщины, въ черныхъ юбкахъ и грязныхъ рубахахъ, чернаго пѣтуха. Пришедши къ мѣсту, онѣ обносятъ пѣтуха вокругъ кучи три раза. Потомъ одна женщина, схвативъ пѣтуха, бѣжитъ съ нимъ на противоположный конецъ селенія, и въ то время забѣгаетъ къ каждому дому; остальные женщины бѣгутъ за нею и кричатъ: „а, ай! ату! згинь, пропади, черная немочь!“ Добѣжавши до конца селенія, она бросаетъ пѣтуха въ тлѣющей назѣмъ. Дѣвицы бросаютъ сухія листья и хворостъ; потомъ, схватясь за руки, скачутъ вокругъ огня, приговаривая: „сгинь, сгинь, пропади, черная немочь!“ По сожженіи пѣтуха впригораются женщины въ соху, а дѣвицы, неся предъ ними образъ, опахиваютъ селеніе три раза.

„Были примѣры самоотверженія: бросали жребій между мужчинами, и на кого онъ падалъ, того зарывали живьемъ въ яму, съ пѣтухомъ и черною кошкою, въ полномъ убѣжденіи, что прекратится моровое повѣтріе.“¹⁾

Во время шестивія поютъ слѣдующую пѣсню:

Отъ Океанъ моря глубокаго,
Отъ лукоморья ли зеленаго,
Выходили дванадесять дѣвъ.
Шли путемъ-дорогою немалою
Ко крутымъ горамъ, высокімъ,
Ко тремъ старцамъ старымъ.
Молились, печаловались,
Просили въ упросъ
Дванадесять дѣвъ:
„Ой вы, старцы старые!
Ставьте столы бѣлодубовые,
Стелите скатерти бранья.

Точите ножи булатные,
Зажигайте котлы кипучіе,
Колите, рубите на мертво
Всякъ животь поднебесной.“
И влали великъ обѣтъ
Дванадесять дѣвъ —
Про животь, про смерть,
Про весь родъ человѣчъ.
Во ту пору старцы старые
Ставятъ столы бѣлодубовые,
Стелять скатерти бранья,
Колять рубать намертво
Всякъ животь поднебесной.
На крутой горѣ, высокой,
Кипятъ котлы кипучіе,
Въ тѣхъ котлахъ кипучихъ
Горитъ огнемъ негасимымъ
Всякъ животь поднебесной.
Вокругъ котловъ кипучихъ
Стоять старцы старые;
Поютъ старцы старые
Про животь, про смерть,
Про весь родъ человѣчъ.
Кладутъ старцы старые
На животь обѣтъ великъ,
Сулятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе;
Какъ на ту ли злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятыице великое.
Сулятъ старцы старые
Вѣковѣчну жизнь
На весь родъ человѣчъ¹⁾.

Сахар. II. 7. 13.

б) Жертвоприношеніе Водяному.

Угощеніе Водянаго происходитъ²⁾ слѣдующимъ образомъ. Рыбаки „покупаютъ у цыганъ самую негодную ло-

¹⁾ См. Коляла, стр. 303 и сл.

²⁾ Такъ бывало у рыбаковъ, на Окѣ, съ 3-го на 4-е апрѣля. На 3-е апрѣля примѣта:

¹⁾ Терещ. Б. Р. Н. ч. VI, стр. 40—43. (Въ извлеченіи допущены незначительныя преимущественно грамматическія, измѣненія подлинника).

шадь, не торгуясь, ровно за три дня (до угощенія). Въ эти три дня они стараются откормить ее хлѣбомъ и конопляными *жмыками*. Въ послѣдній вечеръ вымазываютъ у лошади голову медомъ съ солью, въ гриву вилетаютъ множество красныхъ лентъ, ноги спутываютъ веревками, на шею навязываютъ два старыхъ жернова. Ровно въ полночь отправляются къ рѣкѣ. Если еще ледъ не прошелъ, то связанную лошадь опускаютъ въ прорубь; если же рѣва очистилась отъ льда, то, сами садясь на лодки, стараются утопить лошадь среди рѣки. Въ это время старшій изъ рыболововъ находится на берегу рѣки, прислушивается къ водѣ и даетъ знакъ другимъ, когда можно утопить лошадь. Большое несчастіе бываетъ для рыболововъ, если Водяной не жалуетъ угощенія, или онъ перешелъ на другую усадьбу. По ихъ замѣчанію Водяной всю зиму лежитъ въ водѣ и спитъ крѣпкимъ сномъ. Съ 1-го апрѣля онъ просыпается голоднымъ, сердитымъ. Съ

досады и голода онъ ломаетъ ледъ, замучиваетъ мелкую рыбу до смерти, а большія сами убѣгаютъ въ другія рѣки. Когда же рыболовы задобрятъ его добрыми гостинцемъ — лошадкою, то онъ смиряется, стережетъ рыбу, переманиваетъ къ себѣ большихъ рыбъ изъ другихъ рѣкъ, спасаетъ рыболововъ отъ буря и потопленія, не рветъ неводовъ и бредней. Во время своего гнѣва и голода Водяной три дня дожидается гостинца, и если рыболовы не поспѣютъ съ приносомъ, то онъ, по истребленіи рыбы, удаляется въ сосѣдную усадьбу. Желаніе Водянаго получить гостинецъ узнается по сильному колыханію воды и глухому подземному стону. Когда надѣлятъ Водянаго гостинцемъ, то старшій рыболовъ, вливая въ рѣку масло, говоритъ: „вогъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй всю пашу семью“. Возвратившись съ этой „тризны“, рыбаки проводятъ цѣлую ночь въ пирушкѣ.

Сахар. II. 7. 21.

2. Закликаніе и окликаніе.

А. Встрѣча и проводы солнца.

а) Играніе солнца.

„Въ первый день Святѣи недѣли поселяне тульской губерніи выходятъ смотрѣть на *играніе солнца*. Взрослые мужчины выходятъ смотрѣть на колокольни, какъ будетъ играть солнце; а женщины и дѣти наблюдаютъ похваленіе его на пригоркахъ и крышахъ домовъ. При появленіи солнца дѣти поютъ:

«если ледъ не пройдетъ въ этотъ день, то рыбный ловъ будетъ самый худой».

Сахар. II, 7, 21.

Солнышко ведрышко,

Выгляни въ окошечко и пр. ¹⁾

„По замѣчаніямъ поселянъ, появленіе солнца на чистомъ небѣ и его играніе предвѣщаетъ хорошее лѣто, благополучный урожай и счастливыя свадьбы. Старушки, при появленіи солнца, умываются съ золота, серебра и краснаго яйца, въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть. Старикъ тогда же расчесываютъ свои волосы съ причитаніемъ: сколько въ головѣ

¹⁾ См. *дѣтскія пѣсни*, стр. 229.

волосовъ, столько-бы было и вучать⁴.

См. II. 7. 75—76.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Свѣтлое Воскресеніе ходять волочебники и поздравляютъ хозяевъ.

Пѣсни волочебниковъ.¹⁾

1.

Стояла рня тонка, высока,
Христось воскресъ на весь свѣтъ!²⁾
Тонка, высока, широмъ широка;
У той рни два столика,
Два столика дубовые,
Дубовые, тесовые.
На тыхъ столикахъ
Все скатерти,
Все скатерти, все бранья,
Все бранья, нашиванья;
На тыхъ столахъ
Все святки, все празднички:
Перво свято — Великъ Христовъ
день,
Великъ Христовъ день съ краснымъ
яичкомъ;
Друго свято — Юрій-Егорій, —
Во чистомъ полѣ стадокъ спасаетъ,
Стадокъ спасаетъ, домой гоняетъ;
Третье свято — святой Микола, —
Святой Микола около двора,
Около двора кануни вариць (ва-
рить),
Кануни вариць, коника гладзиць
(гладить);
Четвертое свято — Свято Вознесенье,
Свято Вознесенье съ синимъ дѣв-
томъ;

¹⁾ Т. е. ходящихъ изъ деревни въ деревню крестьянъ-пѣсенниковъ, поздравляющихъ хозяевъ съ праздникомъ Святаго Христова Воскресенія

²⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Пятое свято — святой Пидеръ
(Петръ),

Святой Пидеръ съ бѣлымъ сыромъ;

Шестое свято — Илья пророкъ;

Илья пророкъ по межамъ ходзиць
(ходитъ),

По межамъ ходзиць, рожъ зажинаиць
(зажинаетъ),

Рожъ зажинаиць, ярь наливаиць
(наливаетъ).

Ясень, красень макъ въ огородѣ,
Яснѣй, краснѣй на полѣ снопы, —
Все аржаные, все яровые.

Широкъ, высокъ на небѣ мѣсяць, —

Шире и выше на полѣ копы,

Все аржанья, все яровья.

Часты и густы на небѣ звѣзды, —

Чашѣй, гуцѣй на полѣ бабьи,

Все Ивана, все Михеича.

За этимъ же, хозяйнушка,

Живи здорово, живи богато!

Дай тебѣ Богъ, сколько въ полѣ
дубковъ,

Столько тебѣ сынковъ;

Сколько въ полѣ ялушекъ,

Столько тебѣ дочушекъ.

Христось воскресъ на весь свѣтъ!

Ш. I. 390—391.

(Тор. у. псковск. г.).

б) Встрѣча солнца.

„Подъ Петровъ день (въ тульск. г.) поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на пригорки, раскидываютъ огонь и въ ожиданіи солища проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. Едва начинаетъ восходить солнце, всѣ выпускаютъ радостныя клики. Старики наблюдаютъ, какъ солнышко играетъ по небу: оно то покажется, то спрячется; то взойдетъ вверхъ, то опустится внизъ; то заблещетъ разными дѣтлами — голубымъ, розовымъ и

бълъмъ, то засіяеть ясно, что ничьѣ глаза не стерпятъ. Молодые поють пѣсню: „Ой, Ладо! на курганѣ“.

Сах. II. 7. 41—42.

в) Проводы (6-го авг.) ¹⁾.

„Поселяне наблюдаютъ въ этотъ день (6-го авг.) захожденіе солнца. Выходя вечеромъ на пригорки, они съ пѣснями и плясками проводятъ время. Едва начнетъ скрыватья солнце на западъ, они поють:

Солнышко, солнышко, подожди!
Пріѣхали господа бояре
Изъ велика де Новагорода

На великъ день пировать.
Ужь и вы ли, господа бояре,
Вы, бояре старые, Новгородскіе!
Стройте пирь большой
Для всего міра крещенаго,
Для всей братіи названой.
Строили господа бояре пирь,
Строили бояре Новгородскіе
Про весь крещенный мірь.
Вы сходитесь, люди добрые,
На великъ званный пирь;
Есть про васъ медь, вино,
Есть про васъ яства сахарныя.
А и вамъ, крещенный мірь,
Бьемъ челомъ и кланяемъ.“

Сахар. II. 7. 43.

Б. Встрѣча и проводы весны.

(Весенніе хороводы).

1. Радуніцкая недѣля (радуніцкіе хороводы).

а) Красная горка (въ воскресенье на *Томинной нед.*).

Закликаніе весны.

„На Красную горку (поселяне тульск. губ.) *закликають* весну съ хороводными пѣснями. При восхожденіи солнца выходятъ на холмъ или пригорокъ подь предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хороводница, проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и

¹⁾ «Во всей Великой Руси съ этого дня начинаютъ ѣсть плоды и фрукты. Люди, имѣвшіе сады, въ старину принашивали въ храмы плоды для освященія. Здѣсь они, изъ рукъ священника, раздавались всѣмъ прихожанамъ». Сахар. II. 7. 47.

съ краснымъ яйцомъ—въ другой и начиняетъ пѣсню:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сопочкѣ,
На бороночкѣ и пр. ¹⁾

Сахар. II, 7, 81.

Весна, весна красна!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію:
Со льномъ высокімъ,
Съ ворнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Сахар. I, 3, 260.

¹⁾ Продолженіе пѣсни—о красной дѣвицѣ и суженомъ.—См. *Хороводн. пѣсни* (А мы просо сѣяли; Залетися плетень и др.).

„Въ калуужской губ. поселяне *закрывают* весну также съ пѣснями. Соломенное чучело, укрѣпленное на длинномъ шесту, ставится на горкѣ; кругомъ него собираются женщины и мужчины. Послѣ пѣсенъ садятся вокругъ горки, угощаютъ другъ друга яичницею. Вечеромъ сожигаютъ чучело съ пѣснями и плясками“.

Сахар. II, 7, 81.

б) Вьюнецъ (*въ субботу на Святой нед. или въ Фомино воскресенье*).

„Остатки сего обряда состоятъ въ хожденія по улицѣ—съ *вьюнитствомъ*, ¹⁾ въ пѣніи обрядныхъ пѣсенъ въ честь новобрачныхъ.“

Ой лелю, молодая, о лелю!
Ты вьюная, о лелю!
Ты по горницѣ приди, о лелю!
Покажи свое лицо, о лелю!
Да въ окошечко, о лелю!
Покажи намъ молодца, о лелю!
Своего-то вьюнца, о лелю!
Да пожалуй-ко яичко, о лелю!
Еще красненькое, о лелю!
Что на красномъ блюдѣ, о лелю!
И при добрыхъ людяхъ, о лелю!
Сахар. I, 261; II, 81.

Молодые обязаны были надѣлать окликальщикова куличомъ, яйцами, угостить виномъ и брагой.

в) Радуница (*въ понедельник (иногда и въ др. дни) на Фоминой недѣлѣ*).

Окликаніе дождя.

„Прежде въ окликаніи дождя участвовали всѣ возрасты, ¹⁾ теперь занимаются этимъ одни дѣти. При появленіи дождя или тучъ причитаютъ“:

¹⁾ Молодыми людьми.

Дождикъ, дождикъ!
Снаряжайся на показъ.
Дождикъ, припусти и пр.

Сах. II, 7, 83.

(См. *дптск. пѣсни*).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ орловск. г.) на Радуницкой недѣлѣ совершается опаживаніе. (См. выше).

„Въ степныхъ селеніяхъ женщины убиваютъ всю недѣлю свои избы и на почѣ оставляютъ на столѣ кушанье для покойныхъ родителей. Онѣ твердо увѣрены, что ихъ покойные родители па Радуницкой недѣлѣ заглядываютъ въ избы къ своимъ роднымъ и наказываютъ тѣхъ, которые не готовятся къ этому“.

Иъ

2. Семицкая, или русальная, недѣля (*на седьмой недѣлѣ послѣ пасхи*).

Какъ у насъ въ году три праздника:
Первой праздникъ—семякъ честной,
Другой праздникъ—Тройцынъ день,
А третій праздникъ—купальница.

Терещ., ч. VI, 154.

а) Семиезъ (*въ четвергъ на 7-й недѣлѣ*).

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиною,
Ты радуйся, бѣлая берега!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яичницей,
Съ драконами.

Снегир. Р. пр. III, 118.

„Прежде въ Семикъ совершался обычай погребенія и поминовенія умершихъ въ убогихъ домахъ (божедомкахъ, скудельницахъ, куда сносили убитыхъ или скоростижно умершихъ)... Всякій приходилъ въ убогій, или скудельничій, домъ, чтобы отыскать безъ вѣсти пропавшаго, и если его находилъ, то бралъ и погребалъ торжественно на особыхъ мѣстахъ, и обсаживалъ могилу деревьями, отъ чего сіи мѣста превращались въ рощи...“

„Семикъ сдѣлался выпѣ веселымъ хороводнымъ гулянемъ; но деревенскіе обитатели удержали нѣкоторые обряды древняго повѣрья. Семикъ почитается въ Россіи честнымъ Семикомъ, однимъ изъ лучшихъ праздникоу; за нимъ считается Троицннъ день, и наконецъ кувальница.

Въ московской, владимірской и рязанск. губ. стѣбають молодыя плакучія березы, вѣютъ изъ нихъ вѣнки и кумятся (цѣлуются).

Покумимся, кума,

Покумимся, —

Чтобы намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружитья.

„Потомъ дарятъ другъ друга желтыми яйцами. Въ владимірск. губ. ходятъ еще дѣвушки поутру съ пирогомъ на яйцахъ собирать у сосѣдей деньги; вечеромъ составляютъ хороводы, пляшутъ, поютъ, вѣдятъ пирогъ и яичницу. У волжскихъ жителей дѣвнцы пекутъ *козули*, — лепешки на яйцахъ, въ видѣ вѣнка. Съ козулями отправляются въ рощу, обматываютъ березки ленточками, разноцвѣтными бумажками и пестрыми шнурками. — Изъ сучьевъ березокъ свиваютъ вѣнокъ и во время завиванія поютъ:

Береза моя, березынька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березынька,
Осереди долинушки;
На тебѣ, березынька,
[Листья бумажные,
Подъ тобой, березынька,] ¹⁾
Трава шелковая;
Близъ тебя, березынька,
Красны дѣвушки
Семикъ поютъ;
Подъ тобою, березынька,

Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая березынька
Къ землѣ клонится;
Не шелкова травонька
Подъ ней разстилается;
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются, —
Подъ этой березынькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

„По завиваніи кумятся (цѣлуются) чрезъ вѣнокъ, говоря: „здравствуй, кумъ и кума!“ ¹⁾ Потомъ садятся подъ березкой и вѣдятъ козулю и яичницу. — Мужчины и дѣвушки открываютъ потомъ семикъ хороводомъ и, ходя вокругъ избранной березки, увитой лентами, поютъ:

Не дождикъ березку обмываетъ: —
Здѣсь, въ рощѣ, дѣвокъ прибываетъ.

Скачьте, пляшите, красны дѣвки,
А вы, холостыя, поглядите.
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взять!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли,

По батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью,
По невѣстину рукодѣлю.

„По окончаніи пѣсни ставятъ въ средину хоровода дѣвушку и мужчину, и всѣ продолжаютъ пѣть:

Ай во полѣ липынька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла;
Подъ липою бѣлъ шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,

¹⁾ Эти два стиха изъ Снегир. Р. пр. пр. III, стр. 105.

¹⁾ «Здравствуй, кумъ и кума, березку завивши!» Снегир. id. 105

Шьеть ширинку золотомъ,
 Нижеть узду жемчугомъ.
 Ъхаль мимо молодець:
 „Богъ на помощь, дѣвица!
 „Богъ на помощь, красная!
 „Ширинку шить золотомъ,
 „Низать узду жемчугомъ?“

Молодцы поють:

„Не мнѣ ли ширинка?
 „Не моему ли коню уздечка,

Ииъ отвѣчаютъ дѣвушки:

— Не по молодцѣ ширинка,
 — Не по твоємъ конѣ уздечка! —

Терещ. VI, 150—160.

„Семицкіе вѣнки въ однихъ мѣстахъ сохраняются въ избахъ до Троицына дня, а въ другихъ бросаютъ ихъ въ воду съ гаданьемъ: потонетъ ли вѣнокъ, или нѣтъ; на одномъ ли мѣстѣ онъ остановится, или поплыветъ въ сторону; чей вѣнокъ плыветъ впереди и чей остается позади. Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ, а иногда и братъ съ сестрой“.

Сахар. II, 7. 85.

б) Ключальный (русальный) день.

„Съ имепемъ ключальной субботы въ повятіяхъ нашего народа соединяется старое вѣрованіе въ русалокъ“ (С.).

„Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ; на берега выходятъ только поиграть. Съ Троицына дня до Петрова поста шатаются по землѣ; живутъ тогда въ лѣсахъ на деревьяхъ. Любимое ихъ дерево кленъ и дубъ. Качаются на зеленыхъ сучьяхъ и разматываютъ пряжу, которую уносятъ отъ поселянокъ, заснувшихъ безъ молитвы“ (Т.).

„На русальной недѣлѣ, во вторникъ, крестьяне помиваютъ удувлениковъ. Родня умершаго приносятъ на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разбиваютъ на могилѣ за упокой души удувленика; потомъ пьютъ

вино и закусываютъ блинами, при чемъ призываютъ русалку:

Русалка — царица,
 Красная дѣвица,
 Не забуди душки,
 Не дай удавиться,
 А мы тебѣ кланяемся.

„Русалкѣ оставляютъ часть блиновъ и потомъ уже отправляются по домамъ (Т.).

Проводы русалокъ.

„Съ вечера поселяне (тульск. г.) начинаютъ собираться на полянахъ и поють пѣсни. Когда же наступитъ ночь, то они бѣгаютъ по полянамъ съ помелами, машутъ ими по воздуху и кричатъ: „догоняй! догоняй!“ Нѣкоторые изъ отчаянныхъ, которыхъ въ деревняхъ очень немного, рассказываютъ за правду, что они видѣли, какъ русалки отбѣгали отъ ихъ селенія за лѣсъ съ плачемъ и воплемъ. Послѣ сего на разсвѣтѣ купаются въ рѣкѣ. Народъ нашъ твердо увѣренъ, что на русальной недѣлѣ опасно купаться въ рѣкахъ: тогда будто купаются тамъ русалки и всякаго неосторожнаго защекачиваютъ до смерти. Съ изгнаніемъ русалокъ эта опасность прекращается. ¹⁾

„По берегамъ рѣки Оки, рассказываютъ поселяне, въ старину бывало особенное народное сборище для усмиренія Водянаго дѣдушки. Встрвоженный и огорченный появленіемъ русалокъ, онъ въ полночь начиналъ подымать воду изъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (воронежск. г.) для проводовъ русалокъ «устранили на дугу особенный шалашъ, убирали его цвѣтами и вѣнками. въ серединѣ ставили соломенное чучело. Это чучело сначала наряжали въ женское платье, а потомъ въ мужское. Въ шалашѣ передъ нимъ ставили привосямое кушанье, вино и др. лакомства. Вокругъ шалаша одни поселяне разыгрывали хоробы; иные въ кружкахъ пѣли пѣсни, другіе вели борьбу... Поселяне угощали другъ друга кушаньемъ, виномъ и лакомствами. Въ заключеніе всего раздѣляли чучело и бросали его со смѣхомъ въ озеро». Сах. II, 7. 85.

береговъ такъ высоко, какъ будто бы гора выростала изъ воды. Суевѣрные поселяне раскладывали по берегамъ огни и пѣли пѣсни. Водяной, услышавъ народныхъ пѣсни, смирился, и вода вошла опять въ свои берега. Тамъ же, гдѣ не предпринимали такихъ мѣръ, всегда случались несчастія. Это горе постигало болѣе всѣхъ рыбаковъ“ (С.).

Сх. II, 7. 85. Терещ. VI. 129—134.

3. Троицынъ день *(въ однихъ мѣстахъ въ воскресенье, въ другихъ въ помядильникѣ).*

Въ Троицынъ день завиваютъ вѣнки и водятъ хороводы. „Въ завиваніи вѣнковъ, кромѣ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, принимаютъ участіе пожилые обоихъ половъ; вѣнки завиваютъ съ музыкою и пѣніемъ, начиная отъ дома или селенія, изъ котораго выходятъ въ рощу или въ лѣсъ:

Мы пойдемъ, дѣвочки,

Во луга гулять,

Ай люли, люли, во луга гулять!

Во луга гулять

Вѣнки завивать,

Ай люли, люли, вѣнки завивать!

Мы завьемъ вѣночки

На всѣ красны денечки,

Ай люли, люли, на красны денечки!

Благослови, Тройца,

Богородица,

Намъ вѣнокъ сплести,

Ай люли, люли, намъ вѣнокъ сплести!

Свекру-батюшкѣ,

Свекрови матушкѣ,

Ай люли, люли, свекрови-матушкѣ!

Свекру-батюшкѣ — малиновый,

Свекрови-матушкѣ — калиновый,

Ай люли, люли, калиновый!

А мнѣ молодой

Съ гибкаго вѣтійка,

Ай люли, люли, съ гибкаго вѣтійка!

„Въ Троицынъ день пускаютъ вѣнки на воду и гадаютъ: дѣвушки и парни о суженыхъ, а замужнія и пожилыя — о смерти или о горѣ и радости въ жизни. Когда вѣнокъ не коснется берега рѣки и, не потонувъ, уплыветъ.—тогда сбудется желаніе, въ противномъ случаѣ—неудача или смерть. При пусканіи вѣнковъ поютъ:

Да пойду ль я тихомъ

Лужкомъ-бережкомъ,

Ай люли, люли, лужкомъ-бережкомъ!

Сломлю со сыра дуба вѣточку,

Брошу на быстру рѣченьку,

Ай люли, люли, на быстру рѣченьку!

При неудачѣ въ гаданіи поютъ:

Да грозна, грозна

Громоная туча!

Ай люли, люли, громоная туча!

Грозныйъ того нѣтъ,—

Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ,

Ай люли, люли, ко мнѣ свекоръ

ѣдетъ!

Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ

Со лютой свекровью,

Ай люли, люли, со лютой свекровью!

Вы мстите мосты,—

Гнилыя колоды,

Ай люли, люли, гнилыя колоды!

Забивайте гвозди,—

Еловые шишки,

Ай люли, люли, еловые шишки!

Чтобы мостъ обломился,

Лютый свекоръ залился,

Ай да люли, люли, лютой свекоръ

залился!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ пензенск. губ.) дѣвцы „на обратномъ пути, под-
ходя къ селу или деревнѣ, поютъ:

Да ю, ю, семикъ да и Тройца!

По этой по улицѣ

Разливъ разливается,

Да ю, ю, семикъ да и Тройца!

Въ этомъ разливчикѣ

Утопъ добрый молодець (имя),

Да ю, ю, семикъ да и Тройца!

Съ своимъ воронымъ конемъ,

Съ черкасскимъ сѣдельцемъ.

Да ю, ю, семикъ да и Тройца!

„Подошедъ къ рѣкѣ, дѣвцы броса-
ютъ свои вѣнки въ воду и смотрятъ, —
не тонетъ ли который изъ нихъ. Чей
потонетъ, той и быть замужемъ. Прежде
нежели разойдутся по домамъ, опять
поютъ:

Раскумимся, кумушка,

Раскумимся, голубушка,

Да ю, ю, семикъ да и Тройца!

Терещ. VI, 185—191.

4. Всесвятская недѣля.

а) Похороны Костромы (въ воскресенье или понедельник).

„Похороны *Костромы* (въ муромск. у.)
справляли молодцы и дѣвцы. Сбрав-
шись въ назначенное мѣсто, они дѣлали
изъ соломы чучело. Въ однихъ мѣстахъ
убирали его въ какое нибудь платье, въ
другихъ только перевязывали веревками.
Чучело называли *Костромой* и ставили-
лись всѣ предъ нимъ въ почтительномъ
видѣ. Старшія почетныхъ родителей дѣв-
цы и молодцы брали Кострому на руки
и съ пѣснями отнесли на берегъ озера
или рѣки. Здѣсь всѣ, сопровождавшіе Ко-
строму, раздѣлялись на двѣ стороны.
Одна, охранявшая чучело, ставилась
въ кружокъ; молодцы и дѣвцы кланя-

лись Костромѣ и производили предъ нею
разныя тѣлодвиженія. Другая сторона
напала внезапно на первую для по-
хищенія Костромы. Обѣ стороны всту-
пали въ борьбу. Какъ скоро захваты-
вали чучело, то тотчасъ срывали съ него
платье, перевязи, солому топали но-
гами и бросали въ воду со смѣхомъ.
Первая сторона въ отчаяніи произво-
дила вой, другіе закрывались руками,
какъ бы оплакивая гибель Костромы.
Послѣ сего обѣ стороны соединились
вмѣстѣ и съ веселыми пѣснями возвра-
щались въ селенія“. Сахар. II. 7. 90.

б) Ярило.

Такимъ же точно образомъ во мно-
гихъ мѣстахъ ¹⁾ совершаются похороны
Ярилы. Въ иныхъ мѣстахъ (въ Воро-
нежѣ) Ярилу изображалъ человекъ, вы-
бранный для этого міромъ. „Одѣвали
его въ разноцвѣтный кафтанъ, укра-
шали лентами, колокольчиками, на го-
лову надѣвали раскрашенный бумажный
колпакъ съ ленточными кисточками...
Онъ ходилъ по площади, плясалъ и пѣлъ
пѣсни. Вокругъ него толпился народъ
всѣхъ возрастовъ: одни пѣли, другіе
плясали, третьи билась на кулачки“.

Сахар. II, 7. 91.

Ужъ какъ звали молодца,

Позывали удалца,

На игрище поглядѣть,

На Ярилу посмотреть.

Ты, Дунай мой, Дунай,

Сынъ Ивановичъ, Дунай!

Одѣвался молодець,

Убирался удалецъ,

Въ рудожелтъ кафтанъ,

Въ шапку мурмолку.

Ты, Дунай...

Ш. I. 186.

¹⁾ Между проч. и въ г. Костромѣ, въ кото-
рой описанное выше игрище (похор. Костромы)
не извѣстно.

в) Проводы весны.

Почти так-же, как и похороны Костромы, а въ иныхъ мѣстахъ — Ярылы, совершаются проводы весны. „Дѣлали (въ саратовск. г.) изъ соломы чучело,

одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ съ ожерельями. Чучело носили по деревнѣ съ пѣснями. а послѣ раздѣвали и бросали въ воду.“

Сахар. II, 7. 93.

В. Купальница (23 июня) и Купало (24 июня).

Купальница.

„На Руси изстари велось париться въ сей (23 июня) день, утреннюю порою, въ баняхъ, а днемъ купаться въ рѣкахъ или прудахъ. Поселяне рязанской губ. этотъ день называютъ *лютые корни*. Смысленные старые люди, моясь въ банѣ, парились лютыми корнями въ надеждѣ помодѣть. Въ степныхъ селеніяхъ вмѣсто соломы набрасывали въ печь жгучей крапивы и на ней паривались. Все это дѣлалось для изцѣленія отъ болѣзней. По выходѣ изъ бани садились за столъ завтракать, гдѣ заранѣе становилась *обѣтная каша*. Больныхъ, старыхъ и *хворыхъ* людей выносили въ баню на жгучей крапивѣ и паривали цѣлебными травами. Купаніе въ рѣкахъ начиналось съ полдня и продолжалось до вечеренъ“. Купанье и приготовленіе лечебнаго для обѣтвой каши сопровождалось пѣснями и веселыми играми.

Купало.

Огонь (*живой, лѣсной, царь огонь, лкарственный*), является необходимою принадлежностью игрища наканунѣ Иванова дня. „Вечеромъ 23 июня крестьяне (въ Тулѣ) выходятъ въ поле въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ; составляютъ костры изъ хворосту, приносятъ съ собою дегтярныя баклаги. Старики садятся въ кружокъ и начинаютъ чрезъ треніе добывать огонь изъ двухъ старыхъ сухихъ деревь. Кругомъ ихъ всѣ стоятъ въ глубокомъ молчаніи. Едва

показался огонь, все ожило, зашѣло, завеселилось. Зажигаются костры и баклаги. Молодые поютъ и пляшутъ; старики сидятъ въ кружкахъ, бесѣдуютъ о старинѣ... Часто случалось видѣть, какъ подъ этимъ костромъ старушки-матери сжигали сорочки, взятая съ больныхъ дѣтей, съ полною увѣренностью, что отъ сего обряда прекратятся болѣзни. Наплъ народъ думаетъ, что перескакиваніе чрезъ огонь избавляетъ отъ чарованія. Въ купаніи утренней росой они полагаютъ очищеніе тѣла и избавленіе отъ болѣзней“. Игрище обыкновенно сопровождается пиррушкой, прыганьемъ чрезъ огонь, пляской и пѣснями; велико-руссы „не поютъ пѣсенъ съ именемъ *Купало*, какъ это находимъ у мало-руссовъ“.

Сахар. II, 7. 36—39.

„Ночь Купала исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣкъ бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою. Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папортникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія; можетъ видѣть какъ расходятся дубы и составляютъ свою бесѣду; можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои (ихъ) подвиги. Кто сорветъ въ эту ночь *перелетъ траву*, тотъ будетъ во всемъ счастливъ“.

Терещ. V. 79.

Г. Окликание Георгія (23 апр.).

„Въ день св. Георгія выгоняють скотъ на траву вербою, оставленною отъ вербойной недѣли. Рано утромъ служатъ молебны на студенцахъ, рѣкахъ или лугахъ отъ всего міра, и послѣ благословенія отъ священника провожаютъ всю деревню скотину въ поле“.

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорій ты нашъ храбрый!..

Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго.

Сахар. II. 2. 23—26.

Д. Обѣтный (жертвенный) пирогъ при посѣвѣ (8 мая).

„Въ степныхъ мѣстахъ съ этого дня начинаются ранніе посѣвы пшеницы... Зажиточные поселяне некли на этотъ день обѣтные пироги и угощали ими бѣдныхъ сосѣдей и прохожихъ людей. Старики для встрѣчи прохожаго человѣка выхаживали на большія дороги и пере-

крестки. Худая примѣта западала на сердце старика, когда онъ возвращался назадъ съ пирогомъ; съ отчаяніемъ встрѣчали его всѣ домочадцы. До обѣтнаго пирога никто не касался: его отдавали птицамъ на съѣденіе.

Е. Заклинание жнивъ (5 авг.).

(Жертвоприношеніе).

Домовитые хозяева „находятъ нужнымъ заклинать жнивы. Это, говорятъ они, будто нужно для того, чтобъ нечистая сила не поселилась на жнивахъ и не выжила съ пажитей скотъ. Для сего они раннею зарею выходятъ на жнивы съ масломъ коноплянымъ. Обращаясь на востокъ, говорятъ: „Мать-сыра земля! уйми ты всяку гадину нечистую отъ приворота, оборота и ли-

хаго дѣла“. Проговоривши, выливаютъ на землю масло. Потомъ, обращаясь на западъ, говорятъ: „мать-сыра земля! поглоти ты нечистую силу въ бездны кипучія, въ смолу горючую“. Послѣ сего выливаютъ масло на землю. Обращаясь на югъ, говорятъ: „мать-сыра-земля! утоли ты всѣ вѣтры полуденныя со ненастью, уйми пески сыпучіе со мятелью“. И здѣсь опять выливается масло. Обра-

шаясь на сѣверъ ¹⁾, говорятъ: „мать-сыра-земля! уйми ты вѣтры полуночные со тучами, содержи морозы со метелями“. Здѣсь бросаютъ сткленицу на землю. Такое заклинаніе необходимо будто-бы должно исполнять всякое лѣто. Многие изъ робости не рѣшаются на такой подвигъ, не смотря на свое непреодолимое желаніе“.

Сахар. II. 7. 47.

Живныя пѣсни.

1.

На лень роса пала, (2)
 На лень студеная,
 Ранымъ-рано!
 Кому роса теплая,
 А мяѣ холоденькая.
 На чужой сторожкѣ,
 Во чужово батьки, (2)
 Поздно спать ложатся,
 Рано побужаютъ, (2)
 Къ дѣлу принужаютъ, (2)

Ко тяжкой работѣ: (2)
 Ко бѣлому каманю, (2)
 Ко сырой пшеницы, (2)
 Къ болотной водицы. (2)

III. I. 399.

(Великолуцк. у. псковск. г.).

2.

Жали мы, жали,
 Жали, пожинали,—
 Жнеи молодя,
 Серпы золотые.
 Два поля пожали,
 Третье распахали, (2)
 Жнеи молодя,
 Серпы золотые.
 Нива долговая, (2)
 Постать широкая,
 По мѣсицу жали,
 Серпы поломали,
 Въ краю не бывали, (2)
 Людей не видали.

ib. 400.

(Великолуцк. у. псковск. г.).

Ж. Коляда и Овсень.

Коляда (виноградье).

„Въ навечеріе Рождества Христова, въ селахъ и деревняхъ, дѣвицы, ²⁾ собравшись по нѣскольку вмѣстѣ, ходятъ кучками по улицамъ отъ одного дома къ другому и подъ окнами поютъ слѣдующія пѣсни:

Приходила Коледа
 Налередь Рождества.

Виноградье красно зеленье мое! ¹⁾
 Начала пороша
 Спѣгу бѣленькаго;
 Какъ по этой по порошѣ
 Гуси-лебеди летѣли,
 Коледовщички,
 Недоросточки,
 Недоросточки.
 Красны дѣвушки
 Сочили (и) испали

¹⁾ У. С.: «на западъ».

²⁾ Во многихъ мѣстахъ мальчики и парни.

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двухъ стиховъ.

Иванова ¹⁾ двора.
 И Ивановъ дворъ
 Ни близко, ни далеко:
 На семи верстахъ,
 На восьми столбахъ;
 Вокругъ этого двора
 Тынь серебряный стоитъ;
 Вокругъ этого тына
 Все шелковая трава;
 На всякой тынинѣ
 По жемчужинѣ.
 Во этомъ во тыну
 Стоитъ три терема,
 Стоитъ три терема
 Златоверхіи:
 Во первомъ терему
 Свѣтель мѣсяць,
 Во второмъ терему
 Красно солнышко,
 Въ третьемъ терему
 Часты звѣздочки.
 Свѣтель мѣсяць —
 То хозяинъ въ дому,
 Красно солнышко —
 То хозяйшка,
 Часты звѣздочки —
 Малы дѣточки.
 Какъ самого господина
 Дома нѣтути,
 Дома нѣтути,
 Не случилось, —
 Въ Москву съѣхавши
 Суды судить,
 Суды судить,
 Да ряды рядить.
 Посудивши-порядивши,
 Домой ѣдетъ онъ:
 Онь женѣ-то везетъ
 Кунью шубу, кунью шапочку,
 А своимъ-то сынамъ

¹⁾ Здѣсь упоминаютъ имя хозяйина, подъ чьимъ окномъ поютъ.

По добру коню,
 Своимъ доченькамъ
 По злату вѣнку,
 Своимъ служенькамъ
 По сапоженькамъ.
 Наша-то Коледа
 Ни мала, ни величка, —
 Она въ двери не лѣзетъ
 И въ огню намъ шлетъ.
 Ни ломай, ни гибай,
 Весь пирогъ подавай!
 Виноградѣ красно зеленѣе мое! ¹⁾
 Ш. I. 365—367.
 (Псковская губ.).

„Въ окрестностяхъ Москвы возять въ саняхъ наканунѣ Рождества Христова, въ бѣлой рубашкѣ дѣвушку, которая называется колядою, и поютъ:

Уродилась Колида
 Наканунѣ Рождества
 За рѣкою за быстройю.
 Ой Коліодка, ой Коліодка!
 Въ тѣхъ мѣстахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скамьи стоятъ,
 Скамьи стоятъ дубовыя.
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
 Добры молодцы, красны дѣвицы,
 Поютъ пѣсни Коліодушки(ѣ).
 Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ, —

¹⁾ «Въ Шенкурской и Вельской округѣхъ съ 25 декабря цѣлую недѣлю ходять ребята со *звѣздою*, сдѣланною изъ бумаги, въ аршинъ величиною, съ разными прикрасами, и освѣщаемую свѣчами. Пришедши подъ окна дома, сперва поютъ они тропарь и кондакъ празднику, а потомъ *виноградѣ*; между тѣмъ звѣзда безпрестанно круговращается. Пропѣвъ *виноградѣ*, поздравляютъ хозяина и хозяйку съ праздникомъ, наконецъ восклицаютъ: *на славу Божию*, — этимъ они просятъ себѣ подачи. Тогда хозяинъ приказываетъ одному изъ славильщиковъ войти къ себѣ и даетъ ему денегъ. Такая звѣзда, хождение съ нею и пѣніе виноградя въ вообще тамъ извѣстно подъ именемъ *коледы*.»
 Снегир. Р. престоляр. праздн. II, стр. 54—55.

Онъ точить свой булатный ножъ.
 Котелъ кипить горючій,
 Возлѣ котла козель стоитъ.
 Хотятъ козла зарѣзати.
 — Ты, братецъ Иванушко,
 Ты выди, ты выпрыгни! —
 „Я радъ бы выпрыгнуть,—
 Горючъ камень
 Къ котлу тянетъ,
 Желты пески
 Сердце высосали.

Ой Коліодка, ой Коліодка!

Терещ. VII. 57—58.

Ой Коляда, Коляда,
 Посконная борода!
 Отпирай ворота,
 Выноси пирога!
 Кто дастъ лепешки,
 Золоты окошки;
 Кто дастъ каши,
 Золотыя чаши;
 Кто дастъ свѣжины,
 Золотыя чигуны (чугуны).

Варенцовъ, Сб. п. 150.
 (Самара).

Овсень.

Овсень (Авсень, Усень, Таусень, Баусень), въ среднихъ и нѣкоторыхъ поволжскихъ губ. ¹⁾, употребляется часто вмѣсто Коляды. „Въ этихъ мѣстахъ, по деревнямъ, начинаютъ кишки и желудки и варятъ свиныя ноги, кои раздають посыпальщикамъ... ²⁾. Молодыя женщины и дѣвицы (въ рязанск. губ.) ходятъ подъ окна пѣть Овсень ввечеру новаго года. Одна изъ нихъ носитъ за собою кошель,

¹⁾ Рязанск., владимірск., симбирск., нижегородск., саратовской.

²⁾ Посыпальщики, ходя по домамъ, обсыпають овсомъ изъ лукошка или рукавицы. Зерно это собирають для весенняго посѣва.

для поклажи подарковъ. Подъ окномъ или у дверей избы спрашиваютъ: прокликать ли Овсень? Получивъ согласіе, поютъ:

Овсень, овсень!
 Ты ходилъ, ты гулялъ,
 По крутымъ горамъ,
 По святымъ вечерамъ.
 Овсень, овсень!
 Ты леталъ, ты порхалъ,
 Къ Филимону на дворъ
 Ко Прокофьевичу.

Овсень, овсень!
 Ты сыскалъ, угадалъ,
 На широкомъ дворѣ
 Полны ведра виномъ.

Овсень, овсень!
 У хозяина дворъ
 Осушень, омоцень,
 Чисто выметень.

Овсень, овсень
 По срединѣ Москвы
 У хозяина дворъ
 Воротами красень.

Овсень, овсень!
 Воротами красень,
 Верея ихъ пестры,
 Всѣ обточенныя.

Овсень, овсень!
 У Прокофьича дворъ
 Весь тыномъ затыненъ,
 Серебромъ обнесень.

Хозяинъ открываетъ окно и радушно подаетъ подачку. Если она щедрая, то начинаютъ притопывать съ радостнымъ свистомъ, прищелкивать и плясать подъ пѣснь:

На дворѣ у Филимона
 Три теремчика стоятъ:
 Высокіе теремочки —
 О двѣнадцати вѣнцахъ.
 Филимонъ — сударь хорошъ,

Свѣтъ Прокофьевичъ пригожь.

Овсень, овсень!

Свѣтъ Прокофьевичъ пригожь.

Хозяинъ открываетъ въ другой разъ окно и говоритъ ласково: „Милости просимъ въ избу. Мы рады Овсеню, гостю жданому. — Не погнѣвайтесь только, чѣмъ Богъ пошлетъ“. Они входятъ въ избу съ похвальными припѣвами:

Первый теремъ — свѣтелъ мѣсяцъ,

Другой теремъ — красно солнце,

Третій теремъ — часты звѣзды.

Свѣтелъ мѣсяцъ — хозяинъ самъ,

Красно соляце — хозяйшка,

Часты звѣзды — ихъ дѣтушки.

Терещ. VII, 111—113.

Въ саратовской г. поютъ:

Летѣла пава,

Таусень! ¹⁾

Черезъ наши поля,

Ровяла перья.

Кому перья брати?

На что перья?

Шапочку шити,

Перьями пушити.

На что шапочку?

На базарь ѣхати,

Топорикъ купить,

Дрова рубить,

Пиво варить,

Мосты мостить.

Кому мостами ѣздити?

Царю государю.

Если вмѣсто словъ *царю-государю* говорятъ *молодцу-удальцу* тогда прибавляютъ:

На чемъ ему ѣздити?

Таусень!

На сивенькой свинкѣ.

Таусень!

Чѣмъ погоняти?

Таусень!

Живымъ поросенкомъ.

Таусень!

По окончаніи таусень приговариваютъ:

Кишки да лепешки,

Свинья ножки,

Въ печи сидѣли,

На насъ глядѣли,

Въ кошель захотѣли.

Терещ. VII. 116—118.

3. Масляница.

(Проводы зимы).

Масляницу встрѣчаютъ (обыкновенно дѣти) различными причитаваемыми: „Звалъ называлъ честной Семикъ широкую Масляницу къ себѣ въ гости на дворъ:.. — Приѣзжай ко мнѣ во тесовой домъ душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться. — Выѣжала честная Масляница, широкая боярыня, на семидесяти семи саняхъ козырныхъ, въ ши-

рокой лодочкѣ, во великѣ городѣ пировать, душой потѣшиться. Какъ на встрѣчу Масляницѣ выѣзжалъ честной Семикъ на салазочкахъ, въ однѣхъ портянкахъ, безъ лапотокъ“. „Послѣ этой встрѣчи сбѣгаютъ съ горы и кричатъ: „Приѣхала Масляница! приѣхала Масляница!“

„Проводы честной Масляницы (въ гг. сибирск., саратовск., пензенской) состояли въ поѣздѣ по городу и селамъ. Для поѣзда сколачивали нѣсколько дро-

¹⁾ «Таусень» повторяется послѣ каждого стиха.

вень и саеи. Въ среднія дровни ставили большой столбъ, на него клали колесо, сажали мужика, опытнаго въ разныхъ забавахъ и причитаніяхъ. Виѣсто лошадей запрягали разукрашенныхъ людей. Такой поѣздъ разѣзжалъ по всѣмъ улицамъ; впереди и вокругъ него пѣли, играли и плясали "... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Нерехтѣ) на проводахъ *сожигаютъ* Масляницу. Вечеромъ, послѣ всѣхъ гуляній и забавъ, выходитъ молодой народъ, мужчины, женщины, дѣвцы и дѣти, изъ своихъ дворовъ съ соломою. При пѣвнн пѣсенъ сожигается солома" ¹⁾.

Сахар. II. 7. 73—74.

Масляничныя пѣсни.

1.

— За рѣвою, матушка,
Гусельки гудятъ,
За быстрою, сударыня,
Звончатые.
— Пусти меня, матушка,
Гуслей послушать! —
„Пустить тебя, дитятко, —
Вѣкъ не видать!“
— Приду, приду, матушка,
На Великъ день,
Съ красненькимъ, матушка,
Со яичкомъ,
Съ молоденькимъ со зятечкомъ. —
„Милое дитятко!
Мнѣ тебя далече ждать!“
— А ты меня, матушка,
Кличь закликай! —
„Дитя мое милое,
Голосу нѣтъ!“

¹⁾ Въ Ярославлѣ съ четверга (на масляницѣ) начинаютъ колядовщики *пѣть коляду*.
Сах. II. 7. 73—74.

— А ты, моя матушка,
Близко подойди! —
„Дитя мое милое,
Ножки не идутъ.“
— А ты, моя матушка,
Письмо напиши! —
„Дитя мое милое,
Писаря нѣтъ!“

Ш. I. 406.

(Дмитровск. у. орловск. г.).

2.

Съ горы на гору *сыпги сыплютъ*, (2)
Люли, люли, свѣги сыплютъ,
Гоголекъ, гоголечекъ! ¹⁾
Меня, молодую, *домой кличутъ*: (2)
Будь, невѣстка, *домой*, (2)
Будь, лебедка, *домой!* (2)
У насъ дома *нездоровье*: (2)
Убился свекоръ *съ палатей!* (2)
Кабы знала *молода*, (2)
Подняла бы *полатя*, (2)
Что повыше *того*, (2)
Чтобъ убился *свекоръ* (2)
Да побольше *того*. (2)

Ш. ib. 409.

(Великолуцк. у. псковск. г.).

3.

Наша масляница *годовая*, (2)
Ена гостика *дорогая*, (2)
Ева пѣшею въ намъ *не ходитъ*, (2)
Все на комонихъ *разгнѣжитъ*, (2)
Чтобы коники были *вороные*, (2)
Чтобы слуги были *молодые*. (2)

¹⁾ Послѣ каждого стиха повторяется: «Люли, люли», съ прибавленіемъ отмѣченныхъ послѣдн. словъ стиха и приѣва: «гоголекъ, гоголечекъ!» Тоже и въ сл. пѣснѣ.

И. Заклинаніе мороза.

„Въ селеніяхъ тульской г. 'подъ Великъ день жители *заклинають морозъ*, губителя овса, льна и конопель. Поселянинъ беретъ ложку киселя и, просунувъ голову въ волоковое окно, говоритъ:

Морозъ, морозъ!
Приходи кисель ѣсть.
Морозъ, морозъ!
Не бей нашъ овесъ,

Лень да конопля
Въ землю вколоти!

ib. 410.

(Великолукц. у. псковск. г.).

„Окончивъ такія слова, онъ оборачивается въ избу, гдѣ окачиваетъ его подю старшая изъ женщинъ“.

Снегир. Р. пр. пр. I, 180—181.

IV — 2. Примѣты.

(По человѣку, его ощущеніямъ и дѣйствіямъ; по вещамъ, по явленіямъ природы; по животнымъ).

Встрѣчи да примѣты до добра не доведуть.
Въ чохъ, да въ жохъ, да въ четъ — не больно вѣрь.
Разбирать встрѣчи — не слѣзать съ печи.

Даль, Посл. 1039.

Кто, идучи домой, споткнется,
у того дома ссора готова.

Языкъ укусить — кто-то бранить.

Голова чешется — брань на себя слышать.

Правая бровь свербить — хватать, лѣвая — бранять.

Въ правомъ ухѣ звенить — добрый поминъ, въ лѣвомъ — худой.

Правая бровь чешется — кланяться мужчинѣ, лѣвая — женщинѣ.

Лѣвый глазъ къ слезамъ свербить, правый — на любого глядѣть.

Переносье чешется — къ покойнику, ноздря — къ крестинамъ. съ боку — къ вѣстямъ, кончикъ носа — къ вину.

Щеки чешутся или горятъ — къ слезамъ.

Губы зудятъ — къ поцѣлуямъ.

Усъ чешется — передъ гостинцемъ (гостинцы ѣсть).

Правая ладонь чешется — получать, лѣвая — отдавать деньги.

Локоть чешется — къ горю.

Ногти цвѣтутъ — къ обновѣ, гостинцу, къ переимѣнъ жизни.

Правая нога въ дорогѣ озябнетъ прежде лѣвой — къ добру.

Чихнешь въ понедѣльникъ на тощакъ — къ подарку, во вторникъ — къ пріѣзжимъ, въ среду — къ вѣстямъ, въ четвертокъ — къ похвалѣ, въ пятницу — къ свиданію, въ субботу — къ исполненію

желаній, въ воскресенье — къ го-
стямъ.

Если трудно-больной чихнетъ, —
будетъ живъ.

Поперхнулось за обѣдомъ — гость
спѣшить.

Въ чужомъ домѣ поперхнешься —
черезъ годъ опять тамъ будешь.

Подошвы чешутся — къ дорогѣ.

Споткнуться — кто-то бранью по-
мянулъ.

Ногу прицѣпить — кто-то торо-
пится.

Если, выходя изъ дому, зацѣ-
пишься — скоро опять тамъ быть.

Сынъ на мать походить, дочь
на отца — къ счастью, и на оборотъ.

Младенцамъ не давать цѣловать-
ся — долго нѣмы будутъ.

Обознаться въ человѣкѣ — въ
свадьбѣ или къ покойнику.

Домовой теплою и мохнатою ру-
кою гладить по лицу — къ добру;
голою и холодною — къ худу.

Не играй ножомъ — ссора будетъ.

Перчатку потерять — къ не-
счастью.

Зеркало разбить — къ худу.

Соль просыпать нечаянно — въ
сорѣ.

Хлѣбъ или ложка за обѣдомъ
выпадетъ — гость спѣшить.

Ложка, забытая на столѣ, — къ
гостю.

Нечаянно погасить свѣчу — къ
гостямъ.

Полѣно изъ беремени выпадетъ —
къ гостямъ.

Скатертью руки утирать — за-
усеницы будутъ.

Кто разорить гнѣздо ласточки, —
у того будутъ веснушки.

Обувать прежде правую ногу —
зубы болѣть будутъ.

Не пинай собаку: судороги по-
тянутъ.

На себѣ платье зашивать, пу-
говку пришивать — пришьешь на-
мять.

Не свистать и не печь яицъ
тамъ, гдѣ сидитъ насѣдка.

Поколѣ хлѣбъ въ печи, не са-
дись на печь, — испортится.

Заужиномъ хлѣба не начинать —
не споръ будетъ.

По закатѣ солнца хлѣбомъ и
деньгами не ссужаютъ.

Когда солнце закатилось, не
бросай соръ на улицу: пробро-
саешься.

Если ружье на праздникъ за-
ряжено, то испортится.

Если кровью вѣрона вымазать
дуло ружья, — не будетъ промаха.

Дѣвка съ полными ведрами, жидь,
волкъ, медвѣдь — добрая встрѣча;
пустыя ведра, попъ, монахъ, лиса,
заяцъ, бѣлка — къ худу.

Коли проѣдомъ увидишь въ
окно, что бабы прядутъ, — воро-
тись.

Если у попа распояшется поясъ,
то женщина въ селеніи скоро ро-
дить.

Кирпичъ выпалъ изъ печи —
къ худу.

Передній уголь или матица тре-
щить — къ худу (не сдобровать хо-
зяину).

Смола вытопилась изъ избы на
улицу — къ худу.

Каша изъ горшка выльзетъ изъ печи — къ худу, въ печь — къ добру.

Коли бѣлый хлѣбъ печется съ головою — къ безголовью (т. е. коли съ боку выльзетъ комъ).

Хлѣбъ въ печи раздвоился — къ отлучкѣ одного изъ семьянъ.

Икона упадетъ — къ покойнику.

Аршинъ на кровать не класть — покойникъ будетъ.

Уголекъ изъ кадила выналь, при кажденіи около покойника, скоро другой будетъ.

Сорь при покойникѣ вымести — всѣхъ изъ дому выносить.

Если гробъ не вмѣру великъ — быть еще покойнику въ домѣ.

Покойнику въ руки платокъ, чтобъ было чѣмъ потъ съ лица стереть во время страшнаго суда.

При кончинѣ человекъ ставятъ воду на окно, чтобъ душа обмылась.

При отвозѣ покойника лошады на кладбищѣ перепрегается сызнова.

Комъ могильной земли къ сердцу — скорбь отляжетъ.

Если у одного изъ сидящихъ за кутьей иѣтъ тѣни, то онъ скоро умретъ.

—

Пѣтухи во всю ночь поютъ — не къ добру.

Если ночью куры съ насѣсти слетаютъ, то быть бѣдѣ.

Куры кричатъ на насѣсти — къ домашней ссорѣ.

Куры дерутся — къ гостямъ.

Дятель мохъ долбитъ въ избѣ — къ покойнику.

Ласточка въ окно влетитъ — къ покойнику.

Воронъ каркаетъ — къ покойнику.

Кукушка летаетъ по деревнѣ — къ пожару.

Если бѣлаго голубя бросить на пожаръ, — погаснетъ.

Сорока скачетъ на дому больного — къ выздоровленію.

Ранняя кукушка (прежде листа на деревѣ) — ворами неудача.

Собака жметъ къ хозяину — къ несчастію.

Собака воетъ книзу (къ землѣ) — къ покойнику; кверху — къ пожару.

Котка моется — гостей замыкаетъ.

Волки вѣютъ подъ жильемъ — къ морозу или къ войнѣ.

Лошади ржутъ — къ добру.

Лошади фыркаютъ въ дорогѣ — къ радостной встрѣчѣ.

Конь воина обнюхиваетъ — убитымъ быть.

Заяцъ по селенію бѣгаетъ — къ пожару.

Мыши изгрызутъ одежду (платье) — къ смерти.

Если мышь попадетъ за пазуху, то быть большой бѣдѣ.

Ершь въ первомъ заловѣ — къ неудачному промыслу.

Много раковъ — къ хорошему улову рыбы.

Мураши въ домѣ — къ счастью.

Мизгиря (паука) убьешь — сокрокъ грѣховъ сбудешь.

Мухи зимою въ избѣ — къ покойнику.

Тараканы (или мыши) изъ дому ползутъ — къ пожару.

Муха въ питье или въ ѣду — къ подарку.

Даль. Пословицы, 1032—1057.

IV—3. Народный календарь.

Январь. Переломъ зимы.

1. Васильевъ день, Авсень (обсыпаютъ зерномъ). Покровитель свиней. — На Василья Великаго свиню голову на столъ (Вологодск.).

На Васильевъ вечеръ дня прибываетъ на куринный шагъ.

2. На Сильвестра окуриваютъ курятникъ. Заговариваютъ лихману (лихорадку).
4. Послѣднія святочные гаданія. Гоняютъ чорта изъ деревни.
5. Крещенскій вечеръ. Яркія крещенскія звѣзды породятъ бѣлыхъ ярокъ.
6. На Богоявленіе день теплый, хлѣбъ будетъ темный (т. е. густой). Когда прорубь (Гордапь) полна воды, разливь будетъ большой. Трещи не трещи, минули водокрещи.
10. На Григорія Никійскаго иней на стогахъ — къ мокрому году.
18. На Афанасія знахари выгоняютъ вѣдьмъ.
20. На Еѳимія мятель — вся масляна мятельная. На Еѳимія въ полдень солнце — ранняя весна.

24. Аксиньи полухлѣбницы, полужимницы. Озимое зерно проложало въ землѣ половину срока до восхода. Если на полухлѣбницу цѣна хлѣбу низкая, то до новаго хлѣба не подыметъ (и на оборотъ).

28. На Ефрема Сирина домового закармливаютъ, покидая ему каши на загнеткѣ.

Февраль — широкія дороги.

1. На Трифона заговариваютъ мышей.
2. Въ Срѣтенъе зима съ лѣтомъ встрѣтилась. На Срѣтенъе капель — урожай на пшеницу.
3. Привязываютъ къ лошади кнутъ, рукавицы, онучи (отъ домового).
5. На Агафію коровья смерть ходитъ (Нижегородск.).
11. Св. Власій (заступникъ скота) спиби рогъ съ зимы.
15. На Онисима овчары окликаютъ звѣзды, чтобы овцы ягнились (Тульск.).
24. На Обрѣтеніе птица гнѣздо обрѣтаетъ. Коли Дмитріевъ день по снѣгу, то и Святая по снѣгу, а Дмитріевъ по голу, и Святая по тому.

29. Касьянъ на народъ — народу тяжело; Касьянъ на траву — трава сохнетъ; Касьянъ на скоть — скоть дохнетъ.

Мартъ. И мартъ на нось садится. Ни въ мартѣ воды, ни въ апрѣлѣ травы (условно). Коли въ мартѣ снѣжокъ задулинами, то будетъ урожай на огорожанину и ярицу.

1. Евдокии — подмочи порогъ. Авдотьи — плющихи. День Евдокии красный (ясный) — на огурцы и грузди урожай. Новичокъ (новый мѣсяцъ) подъ Евдокию съ дождемъ — быть лѣту мокрому. Какова Евдокия, таково и лѣто. Пришли Евдокии — мужику затѣи.
4. Гарасимъ грачевникъ грачей пригналъ. На Гарасима кикимору выживаютъ (заговорами).
9. Сорокъ мучениковъ — сорокъ утренниковъ (еще будетъ). Гречу сѣять пропустя 40 морозовъ послѣ 40 мучениковъ.
12. На Теофана туманъ — урожай на ленъ и коноплю.
17. Алексѣя — съ горъ вода.
19. Дарьи — грязныя проруби.
22. На Василья теплаго солнце въ кругахъ — къ урожаю.
25. На Благовѣщенье весна зиму поборола. Третья встрѣча весны (первая — 1-го марта, вторая — 9-го). На Благовѣщенье и на Пасху грѣшниковъ въ аду не мучать. На саяхъ либо недѣлю не дождешь до Благовѣщенья, либо недѣлю переждешь (или

не дождишь, переждишь). На Благовѣщенье дождь — родится рожь. Мокрое Благовѣщенье — грибное лѣто. Ведро на Благовѣщенье — къ пожарамъ. На Благовѣщенье морозъ — урожай на грузди. На Благовѣщенье гроза — къ теплomu лѣту, къ урожаю орѣховъ. Благовѣщенье безъ ласточекъ — холодная весна. На Благовѣщенье птица гнѣзда не завиваетъ, дѣвка косы не заплетаетъ. Благовѣщенская просиhrка въ сусѣбѣ (повѣрье и обычай: хлѣба будетъ больше). На Благовѣщенье воры заворовываютъ, для счастья на весь годъ.

26. Въ день Архангела Гавриила выверни оглобли изъ саней.
27. (Матрены) Щука хвостомъ ледъ разбиваетъ.
30. На Иоанна Лѣтвичника домовой бѣсится.

Апрѣль. Въ апрѣлѣ (съ апр.) земля прѣветъ. Апрѣль съ водою, май съ травою (условно). Апрѣль водою, мартъ (или октябрь) пивомъ.

1. Если разливъ на Марію Египетскую, то травы будетъ много.
3. Коли на Никиту ледъ не прошелъ (на Окѣ), то ловъ рыбы будетъ плохой. Водяной просыпается отъ зимней спячки. Рыбаки угощаютъ Водянаго.
8. На Св. Руфа дорога (путь) рушится.
11. Антипъ воду распустилъ.
12. Василій Парійскій землю парить.

15. На Св. Пуда ¹⁾ доставай пчель изъ-подъ спуда. (Сѣв. и Вост).
16. Ирины разсадницы: сѣй капусту на разсадникахъ.
17. Зосиамы пчельника: разставляй улья на пчельникѣ.
18. Сѣй морковь и свеклу на Кузьму (Московск.).
20. На Ѳеодора—причитанье, или окликанье, родителей на погостѣ.
23. День Егорія храбраго, Егорья велиаго. Егорій съ водой, а Никола съ травой. Егорій съ кузовомъ, Никола съ возомъ. Св. Юрій запасаеъ (т. е. начинаетъ пасти) коровъ, Никола коней. (Окликаніе Георгія). На Юрья дождь—скоту легкій годъ. На Егорья морозъ—будеъ просо и овесъ;—гречи хороши. На Егорья выѣзжаеъ лѣнивая соха. До Юрья бьютъ дурня, а послѣ Юрья и разумнаго. Юрій починаеъ полевья работы, Юрій и кончаеъ. Что у волка въ зубахъ, то Егорій даль.

Май. Май обмачеъ, въ лѣсъ уидеъ. Май смаитъ. Май холодный—годъ хлѣбородный. Въ маѣ жениться—вѣкъ маятсея.

1. Еремѣя—подыми сѣтево (1 мая) и Еремѣя (Ермія)—опусти сѣтево (31 мая; т. е. начало и конецъ посѣва).
5. Ирины разсадницы. Разсаживаютъ разсаду.

8. На Ивана Богослова—пекутъ обѣтныя пироги для угощенія странниковъ и нищихъ.
9. Съ Николы вешнаго сади картофель. Никола осенній лошадей на дворъ загонитъ, Никола весенній откормитъ.
10. На Симона Зилота земля именовнища: грѣхъ пахать.
11. Мокія мокраго. Въ день Мокія мокро, все лѣто мокрое, и наоборотъ.
13. Лукеріи комарницы: появляются комары.
14. На Сидора еще сиверко. Прошли Сидоры, прошли и сиверы.
20. На Леонтія и Фалалея сади огурцы.
21. На Олену сѣй ленъ.

Іюнь. Закромы въ амбарахъ пусты.

1. Красное утро на Устина—красный яливъ ржи.
8. Съ Ѳеодорова дня пошла навозница (Влад.).
12. Петра капустника, Петра поворота, солноворота.
13. Акуляны гречушницы. Скотъ бѣсится отъ оводовъ. Мирская каша для нищей братіи.
16. На Св. Тихона солнце идеъ тише. На Тихона пѣвчія птицы затихаютъ.
23. Аграфены купальницы: начало купанья.
24. Ивана-Купала.—Проказы нежити (домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ, русалокъ). До Ивана просите, дѣтки, дожда у Бога,

¹⁾ У Д.: Іуда.

а послѣ Ивана я и самъ упрошу. Папоротникъ разцвѣтаетъ въ полночь на Ивана-Купала. Собирають лѣкарственные травы.

27. Самсонъ сѣно загнаиваетъ.

29. На Петровъ день солнышко играетъ (Тульск.). Доставай косы и серпы къ Петрову дню. Прошли Петровки—опало по листу; прошелъ Илья—опало и по два. Соловей поетъ до Петрова дня. Кукушка кукуетъ до Петрова дня. На Петра дѣвки крестятъ кукушку (кумятся за личницей въ лѣсу). Петровъ день—проводы весны.

Июль—макушка лѣта, страдникъ.

Въ Юлѣ на дворѣ пусто, да на полѣ густо. Плясала бѣ баба, да макушка лѣта настала.

1. (Космы и Даміана). Въ огородахъ гряды полють, вырываютъ корневыя овощи.
4. На Андрея озими въ наливахъ дошли, а батюшка овесъ до половины доросъ.
5. На Аеонасія Аеонскаго мѣсяцъ на всходѣ играетъ—къ урожаю.
8. Коли на Казанскую черница поспѣваетъ, то поспѣла и рожь.
10. Коли на Макрину мокро, то страда ненастная. Смотри осень по Макридамъ.
20. Ильинъ день зажинаетъ. Новая новина на Ильинъ день. Завязать Ильѣ бороду (кончивъ жниво, покидаютъ клокъ на будущіе урожаи. Ворон.). До Ильи хотъ однимъ зубомъ (бороны) подери. На Ильинъ день

и камень прошибнетъ (утренники). До Ильина дня въ сѣнѣ пудъ меду, послѣ Ильина—пудъ навозу. На Ильинъ день стоговъ не мечутъ,—спалить грозой. До Ильина дня и подѣ кустомъ сушить, а послѣ Ильина и на кустѣ не сохнетъ. На Ильинъ день дождь, будетъ мало пожаровъ; ведро—много. Илья грозы держитъ. Ранняя подрѣзка сотовъ. На Ильинъ день олень копыто обмочилъ: вода холодна. Съ Ильи пророка открываются волчи выходы (воры); первый выѣздъ на волковъ.

22. На Марію сильныя росы—льны будутъ сѣры и косы.
24. Борисъ и Глѣбъ—поспѣлъ хлѣбъ.
27. Пантелеймона цѣлителя. Кто на Палѣя (Пантелеймона) работаетъ, у того гроза спалитъ хлѣбъ. Николы кочанскаго—вилки въ кочни завиваются.
29. На Калиника туманъ—припайсай закрому про овесъ съ ячменемъ.
30. На Силу вѣдмы обмирають, напившись молока. Рожь, посянная на Силу и Силуана, родится сильно.

Августъ. Августъ крушить, да послѣ круглитъ. Въ августѣ мужику три заботы: и косить, и пахать, и сѣять. Въ августѣ серпы грѣютъ, вода холодить.

1. Первый Спасъ. Авдотьи малиновки. Малина поспѣваетъ. На Макаеви собирають макъ.

Защипывай горохъ. Заламывай (подрѣзывать) соты. На первый Спасъ лошадей (весь скотъ) купаютъ.

4. Семь отроковъ — сѣногной, сѣногноять. Евдокии огуречницы, поспѣваютъ огурцы.
5. Заклинаютъ живны на всѣ четыре стороны.
6. На второй Спасъ освящаютъ плоды и медъ. На второй Спасъ и нищій яблочко ѣсть. Со втораго Спаса засѣвай озими. Провожаютъ закатъ солнца въ полѣ съ пѣснями. Встрѣча осени.
- 15 и 16. Ласточки отлетаютъ въ три раза, въ три Спаса. Оспожинки, дожинки, обжинки. Окончаніе жатвы, складчины, братское пиво. Съ Успенья солнце засынается. До Петрова дни взорать, до Ильина забороить, до Спаса посѣять.
18. Съ Фролова дня засиживаютъ (т. е. начинаютъ работать при огнѣ) регивые, а съ Семена (1 сент.) — лѣшныя. На Флора и Лавра на лошадяхъ не работать, а то падежь будетъ. Лошадинъ праздникъ.
22. Агафона огуменника. На Агафона лѣшій изъ лѣсу въ поле выходить раскидывать снопы по гумнамъ. Стерегутъ гумна, въ тулупѣ на изнанку, съ кочергой.
23. На св. Луна овесъ морозомъ лунить. На Луна — льны лунить.
29. Ивана постнаго. Круглаго не ѣдятъ, щей не варятъ (кочанъ

напоминаеть голову). На Предтечу не рубятъ капусты, не срѣзываютъ мака, не копаютъ картофеля, не рвутъ яблоковъ, не берутъ въ руки косаря, топора, заступна.

Сентябрь. Въ сентябрѣ одна ягода, и то горькая рябина. Холодець сентябрь, да сытъ.

1. Симеона лѣтопроводца. Бабье лѣто. Семень день — сѣмена долой. Начало посидѣлокъ, супрядокъ, засидокъ, досѣтокъ. На Семена ясно — осень ведряная.
8. Луковъ день (7-го пр. Луки). Убираютъ пчель, собираютъ лукъ.
11. На Осѣбру лѣто кончается, осень начинается.
12. На Артамона змѣи уходятъ въ лѣса (вертепы) и прячутся.
14. Воздвиженіе — кафтанъ съ шубой сдвинулся. Вздвиженье — хлѣбъ съ поля сдвинулся. На Вздвиженье штица въ отлетъ двинулась.
15. Никиты гусепролета. Праздникъ гусятниковъ. Задабриваютъ Водянаго, бросая ему гуся безъ головы, которую относятъ домой для счета домоваго.
20. На Астафья примѣчай вѣтеръ: сѣверный — къ стужѣ; южный — къ теплу; западный — къ мокротѣ; восточный — къ ведрю.
25. На Сергія капусту рубятъ. Если первый снѣгъ на Сергія, то зима установится на Михайловъ день.

27. Савватія пчельника, пчеловода. На Савватія убирають улья въ ошменики.
30. На Грягорья—купаютъ дѣтей изъ рѣшета на порогѣ отъ призору.

Октябрь —ни колеса, ни полоза не любятъ.

1. Покровъ — первое зазимье. Свадьбы. Срокъ наймамъ и сдѣлкамъ. Покровъ землю покроетъ (гдѣ листомъ, гдѣ снѣжкомъ). Придетъ покровъ — дѣвкѣ голову покроетъ. Если снѣгъ выпадетъ на Покровъ — счастье молодымъ. Сборъ послѣднихъ плодовъ.
2. На Купріяна и Устиньи Казань именинница (праздн. взятія Казани).
4. На Ерофея лѣшіе пропадаютъ: они ломаютъ деревья, гоняютъ звѣрей и проваливаются. Крестьяне въ лѣсъ не ходятъ. Лѣшій бѣсится.
12. Наблюдаютъ звѣзды и гадаютъ по нимъ о погодѣ и урожаѣ.
14. Параскевія Пятница Христовымъ страстямъ причастница. Парасковіи порошихи; Парасковіи льняницы.
22. На Казанскую дождь лунки нальетъ—зиму приведетъ.
29. Авраамія овчара. Праздникъ овчаровъ.

Ноябрь. Курячій праздникъ. управляютъ съ домовымъ, либо живая, либо задѣбывая его.

1. Козьма-Демьянъ съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ. Козьма

закуетъ, а Михайло раскуетъ (оттепель 8 ноября).

8. Со дня Михайла Архангела зима морозы куетъ.
9. Иней на деревьяхъ—къ морозамъ, туманъ—къ оттепелямъ.
11. Ѳеодоръ студитъ землю студитъ.
15. Гурій на пѣгой кобылѣ (грязь и снѣгъ).
16. На Матвѣя земля прѣтеть.
21. Введеніе пришло — зиму привело.
26. Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день! (Стар. срокъ перехода крестьянъ, запрещеннаго Бор. Годуновымъ). Нарядалась баба на Юрьевъ день погулять съ боярскаго двора. Верстался мужикъ на Юрьевъ день радѣть о боярскомъ добрѣ. На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день. Судила Маланья на Юрьевъ день, на комъ справлять протори. Мужикъ не тумакъ, знаетъ, когда живетъ Юрьевъ день. Два Егорья: одинъ холодный, другой голодный (26 ноября, 23 апрѣля). Мужикъ болитъ и сохнетъ по Юрьевъ день.

Декабрь.

1. Пророкъ Наумъ наставляетъ на умъ (отдають въ ученіе дѣтей).
4. Варвара заварить, Савва (5 дек.) засалить, Никола (6 дек.) закуетъ.
6. Два Никола: одинъ съ травой, другой съ морозомъ. Коли на Михайловъ день (8 ноября) закуетъ, то на Николу рас-

- куеть. Красна Никольщина пивомъ да пирогами. Иней на Николу — къ урожаю. Цѣны на хлѣбъ строить Никольскій торгъ.
12. Спиридона солноворота, поворота. Солнце на лѣто, зима на морозъ. Закармливають куръ гречихой, изъ праваго рукава, чтобъ раньше неслись.
21. Петра Полукорма. Половина зимняго корма съѣдено.
24. Коляда. Не ѣдятъ до звѣзды. Не кормятъ куръ, чтобъ огородовъ не копали. Спутываютъ ноги столу, чтобъ скотъ не бѣгалъ. Въ святъ вечеръ тугіе клубки пряжи мотать, чтобъ кочни капусты были туги. Подъ Рождество и подъ Крещеніе жгутъ навозъ среди двора, чтобъ родители на томъ свѣтѣ согрѣвались (Курск.).
25. Святки. О святкахъ гнutoй работы не работаютъ (обручей, полозьевъ и пр.), а то приплода скота не будетъ. Лапти плести — родится кривой; шить

на Рождество — уродится слѣпой. Темныя святки — молочныя коровы; свѣтлыя святки — носкія куры. На Рождество не надѣвай чистой рубахи, развѣ обновить суровую, а то жди неурожая. Морозы: введенскіе, никольскіе, крещенскіе (водосвятскіе, водокрепци), афанасьевскіе, срътенскіе, власіевскіе, благовѣщенскіе. Пять разъ въ году солнце играетъ: на Рождество, Богоявленье, Благовѣщеніе, Свѣтлое Воскресенье, Иоанново Рожденье.

30. На Онисью желудочницу варятъ свиную требуху. Гадаютъ о зимѣ по печени и селезенкѣ.

31. Щедрый вечеръ. Васильевъ вечеръ. Авсень, таусень. Васильева ночь звѣздиста — къ урожаю ягодъ. Свинку да боровка — для Васильева вечера. Садоводы въ полночь встряхиваютъ яблони для урожая (Пенз.).

Даль, Пословицы Р. П., 970 — 1004.

IV—4. Заговоры и симпатическія средства.

1. Заговоры.

а) На любовь.

На морѣ на Окіанѣ есть бѣлыя горячъ камень Алатырь, ни кѣмъ не вѣдомой; подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу

на (такую-то) красну дѣвицу; сажая я силу могучу во все составы, полусоставы, во все кости и полукости, во все жилы и полужилы, во все очи ясны, во все щеки румяны, во все бѣлу грудь, во все ртиво сердце, во все утробу, во все руки и ноги. Будь ты, сила могуча, въ

(такой-то) красной дѣвицѣ неисходно; а жги ты, сила могуча, ея кровь горячую, ея сердце кипящее на любовь къ (такому-то) молодцу. А была-бы красная дѣвица (такая-то) во всемъ послушна молодцу (такому-то) по всю его жизнь. Ни чѣмъ бы красная дѣвица не могла отговориться—ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человекъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣлъ горючъ камень Алтырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ моря всю траву выщипитъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь. Сахар. I, 2. 31.

б) Отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы сѣни дубовыя, на широки дворъ заборчатой, гляжу я по всѣмъ по дорогамъ и перепутьямъ, вижу я отъ земли до неба звѣзды ясныя. Вы, дороженьки и перешутьяцы(а), задержите моего мужа (такого-то); вы, звѣзды ясныя, затемните свой свѣтлояркой свѣтъ, чтобы безъ вашего свѣтушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютаго тоску со кручиною, сонъ со дремотою, заботы со безпамятью, — а былъ бы онъ и глухъ и нѣмъ по мою лютую бѣду. Насылаю я на свекровь зазойливую печаль со бѣдою, сонъ со дремотою,—а была бы она слѣпа и нѣма по мою лютую бѣду. ib. 32.

в) На остуду между мужемъ и женою.

(В)стану я, не благословясь, пойду, не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымнымъ окномъ да под-

вальнымъ бревномъ, положу шапку подъ пята, подъ пята, не на сыру землю, не на сыру землю, да въ черной чоботъ; а въ томъ чоботу побѣгу я въ темный лѣсъ на большо озеричо; въ томъ озеричѣ плыветъ челнище; въ томъ челнищѣ плыветъ чортъ съ чертищей; швырну я съ подъ пята шапку въ чертища. Что ты, чертище, сидишь въ челнищѣ съ своей чертищей? Сидишь ты, чертище, прочь лицомъ отъ своей чертищи; поди ты, чертище, къ людямъ въ пепелищѣ (на пепелище?), посели, чертище, свою чертищу (такому-то) въ избищѣ; а въ той избищѣ, не какъ ты, чертище, со своей чертищей, живутъ людища мирно, любовно, другъ друга любить, чужихъ не не(на)видятъ. Ты, чертище, вели чертищѣ, чтобы она, чертища, распустила волосища; какъ жила она съ тобой въ челнищѣ, такъ жилъ бы (такой-то) со своей женой въ избищѣ. Чтобы онъ ее ненавидѣлъ. Не походя, не поступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу неугожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивѣла бы ему своей красотой, омерзѣла бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебя, какъ (такъ бы?) легко достать шапку изъ озерища; тебѣ, чертищу, хранить шапку въ озеричѣ отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна, чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбака достать, ни злой колдунъ отколдовать на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слону. ib. 33—34.

г) Отъ ратныхъ орудій.

Летѣль орель изъ-за Хвалыпскаго моря, разбросаль кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, ки нуль громову стрѣлу въ сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильной дождь, что имъ покорилаь и поклонилась селитра — порохъ сми рнымъ-смирнехонько. Какъ дождь воды не пробиль, такъ бы меня (такого-то) и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отприядываютъ и пузыри вскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій приядали мимо меня стрѣлы и порохъ — селитра. Слово мое крѣпко!

ib. 23.

д) Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ; во зеленомъ лугу есть зелія мочучія, а въ нихъ сила видима — невидимая. Срываю три былинки бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ-море, на островъ на Буянъ, подъ мечъ—кладенець; черную былинку покачу подъ чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка браная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за полсъ узорчатый, а въ полсъ узорчатомъ завить — зашить колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской,

татарской. Красная былинка приг ащитъ мнѣ мечъ-кладенець; черная былинка доставить уздечку браную: бѣлая былинка откроеть колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечомъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкою обратю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ со каленой стрѣлой разоблю врага — супостата.

Заговариваю я ратнаго человѣка (такого-то) на войну симъ загово ромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь.

ib. 25 - 26.

е) То же.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, сидитъ добрый молодець во неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу, добрый молодець, съ покор ищемъ. Выдаютъ меня родные братья во княжую рать одинокаго, неженатаго, а во княжей рати мнѣ по добру не жити. Заговори меня своимъ молодецкимъ словомъ. -- Радъ бы стоять во полѣ за тебя, горь каго сиротину, да крѣпка моя неволя, да горька моя истома. Заго вариваю я тебя, раба (такого-то), идти на войну во всемъ по тому, какъ заповѣдываль мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человѣкомъ, ино будь сбереженъ — отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ та тарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца-единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ чер ныхъ Божіихъ людей...

ib. 30.

ж) Приговоръ на судей.

Есть подъ восточной страной, стоитъ столъ—престолъ Господень, Его Господа Бога престолъ силъ небесныхъ, и не могутъ худо зрѣти и смотрѣти очесми своими цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, попы и дьяконы, судіи и подьячіе, стрѣлцы, солдаты, всѣ миряна, крестьяна православные. И такожде судіи на меня раба Божія имрека не могли бы худо зрѣти, очей и бровей своихъ повыздынуть и лихима словама говорити и молвити, и рукъ своихъ подняти и съ крутости сердца разгорѣтися и влагости (?) дѣла не произвести. Небомъ и землею, именемъ Господнимъ во вѣки, аминь!

Р. IV 253.

з) Кровь заговаривать.

Г. И. Х. Во имя О., С. и С. Д.!

Есть великій Окіанъ море; въ томъ великомъ Окіанъ морѣ есть калена изба; въ той каленой избѣ сидитъ три сестры, самому Хри(сту) дочери. Большая сестра сидитъ у порогу на золотомъ стулѣ, беретъ иглу булатну, вдѣваетъ нить шолкову, зашиваетъ рану кровавую у раба Божія имрека. Не было бы не раны, не крови, не ломоты, не болѣзни, не опухоли. Будь слово мое крѣпко.

Р. IV. 259.

и) Отъ зубной скорби.

Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, золотыя твои ножки. Сойди ты, мѣсяцъ,ними мою зубную скорбь, увнеся боль подъ облака.

Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести, а твоей силѣ перенести. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три,—возьми мою скорбь! Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь.

Сак. I, 2. 22.

1) Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осокѣ, сидитъ птица, всѣмъ птицамъ старшая и большая, а держитъ она грамоту неписанную, и велитъ она всѣмъ птицамъ слетатися на (такія-то) озера и болота, и велитъ всѣмъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечерней зари, отъ ночи до полуночи. Заговариваю я, рабъ (такой-то), утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую, сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово во вѣки ненарушимо.

ib. 31.

к) Отъ бѣшеной собаки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты, старица, возьми свое жало и приди къ рабу (такому-то), вынь изъ раба (такого-то) жало смертное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

ib. 31.

л) *Отъ тоски.*

Г. И. Х. Во имя О., С. и С. Д.!
Вода — водица, рѣка — царица,
зоря—зорица! Соймите тоску—кру-
чину за синее море въ морску пу-
чину, гдѣ люди не ходять и на
коняхъ не ѣздять. Какъ въ мор-
ской пучины сѣрь камель не (вс)та-
ваетъ, такъ бы у раба Божія им-
река тоска-кручина къ ретивому
сердцу не приступала и не прива-
ливалась, отшатилась бы и отва-
лилась...
P. IV. 254.

2. Народная медицина и симпатиче- скія средства.

а) „При сильномъ *теченіи* (*кро-
ви*) изъ носу, должно взять замкну-
тый висячій замокъ и дать крови
кашати съвозъ дужку: кровь должна
остановиться.“

Даль, 0 повѣрьяхъ. 69.

б) „Кто разувается, всегда на-
чиная съ лѣвой ноги, то у него
никогда не будутъ *болѣть* зубы.“
ib. 75.

„Чтобы пріобрѣсти силу исцѣ-
лять *зубную болѣ* однимъ прикосно-
веніемъ руки, должно задушить
крота двумя пальцами, или же вы-
мазать пальцы кровью чернаго
крота.“
ib. 76.

„Если у ребенка долго *зубы не
рѣжутся*, то проколоть черному
пѣтуху гребешокъ, костянымъ или
деревяннымъ гребнемъ, и кровью по-
мазать десны.“
ib. 113.

в) „Средства *отъ бородавокъ*:
разрѣзать яблоко ниткою, патереть

бородавку обѣими половинками, сло-
жить и связать ихъ тою же ниткою
и закопать въ навозъ. Когда сгниетъ
яблоко, тогда, говорятъ, пропадутъ
и бородавки.“
ib. 83.

г) „Отъ докучливаго *ячменя* есть
множество симпатическихъ средствъ:
уколоть ячмень зерномъ ячменя и
отдать его курицѣ; обвести ячмень
обручальнымъ кольцомъ и прочитать
молитву;... повѣсить иглу на ниткѣ
передъ глазомъ и смотрѣть на нее“
ib. 84.

д) „Отъ *лишай* есть также много
средствъ; напр., взять поту съ окпа
или слюней, обвести сучекъ въ
бревнѣ избы, а потомъ лишай, и
сказать: ни шире, ни далѣ, тутъ
тебѣ и быть, на семь мѣстѣ тебѣ
и пропасть.“
ib. 84.

е) „Отъ *желтухи* — берутъ въ
руки живую шуку и глядятъ на
на нее. покуда она уснетъ.“
ib. 84.

ж) Отъ *лихорадки* спасаетъ „во-
сковой шарикъ, слѣпленный изъ
12-ти крошекъ воску, снятыхъ въ
12 разъ во время чтенія страстей,
отъ свѣчки, которая въ продолже-
ніе службы зажигается, какъ из-
вѣстно, 12 разъ. Отъ лихорадки
же и вообще отъ злыхъ духовъ и
порчи выкапчиваютъ въ страстную
пятницу крестъ на притолокѣ и надъ
дверьми у входа, и притомъ свѣчой,
принесенной со страстей.“
ib. 81.

з) „Отъ дѣтскаго недуга *собачь,
старость перепекаютъ* ребенка,
т. е. сажаютъ его на лопату и

трижды всовывают на скоро въ | должно, по народному повѣрью, по-
затопленную печь. Въ трудныхъ | дать его нищей въ окно: если она
дѣтскихъ болѣзняхъ, гдѣ родители | приметъ его Христа ради, то онъ
отчаиваются въ жизни ребенка, | выздоровѣетъ.“ ib. 85.

V. ПОСЛОВИЦЫ. *)

1. Миѳическія.

Изъ пустаго дупла — либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана (Б.) ¹⁾.

Родила тетка, жила въ лѣсѣ, ма-
лился внучекъ (Б.).

Вначали вокругъ ели, а черти пѣ-
ли (Б.).

Горы да овраги — чертово житье (Б.)

Всякому чорту вольно въ своемъ бо-
лотѣ бродить (Б.) ¹⁾

Изъ омута въ адъ, какъ рукой по-
дать (Б.).

Моленой баронъ отлучился, инъ гу-
лящей прилучился (Б.).

Обреченная скотинка ужъ не живо-
тинка (Б.) ²⁾

¹⁾ Изъ пустой язбы и пр. Сп.

¹⁾ Вольно чорту въ своемъ болотѣ орать. Д.

²⁾ Общанная (также оброчная) скотина не
животина Сп.

*) Пословицы выражаютъ или безусловное нравственное требованіе, которому необхо-
димо слѣдуетъ подчинить свои дѣйствія для осуществленія идеала нравственной жизни, —
таковы пословицы о *правдѣ* въ отношеніяхъ челоѳка къ окружающему міру, — о правдѣ въ
семьѣ, обществѣ, государствѣ; или онѣ является выраженіемъ фактическаго, дѣйствитель-
наго, отношенія къ этой правдѣ, утверждаютъ, какъ *приходится*, а не какъ *слѣдовало бы*
поступать, — таковы всѣ пословицы о *кривдѣ*, отмѣчающія поступки и дѣйствія, идущіе въ
разрѣзъ съ общепризнанной правдой. Такъ «своя земля и въ горсти мила», говорить на-
родъ и не забываетъ отмѣтить, какъ фактъ, частное явленіе — равнодушіе къ родинѣ, уз-
кій и ограниченный эгоизмъ, выразившійся въ пословицѣ «хоть въ Ордѣ, только бы въ добрѣ».
Правда пословицъ относится къ кривдѣ, какъ общее къ частному какъ идея къ исторически
возникшему факту. *Кривда* пословицъ въ народной словесности имѣетъ такое же значеніе,
какое басня въ литературѣ. «У кого воровство, а у насъ то и ремесло», говоритъ пословица,
и тоже самое высказываетъ Крыловъ въ баснѣ «Лисица и Сурокъ»:

А вору дай хоть миллионъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

«Нѣкоторые педагоги осуждали послѣдніе два стиха, которые будто бы «придаютъ
какой-то роковой характеръ воровству и очень легко могутъ заронить ложную мысль о неиспра-
вности пороковъ вообще». Забавная черта нравственно-педагогическаго пурризма! Крыловъ,
въ своихъ басняхъ, выражалъ являющія, передъ его глазами происходившія явленія обще-
ственной жизни нашей, а не то, что ему или другимъ было бы желательнѣе видѣть.
(Галаховъ, Ист. Р. Сл., II, 327—328). На каждую изъ пословицъ о кривдѣ легко указать
нѣсколько общеизвѣстныхъ, съ дѣтства нами изучаемыхъ басенъ.

Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.

Попелъ чертъ по тучу, аяъ изъ нея-то и стрѣльнуло.

Который Богъ вымочить, тотъ и высушить.

Богъ не Макешъ (Мокошь, языческое божество), чѣмъ нибудь да потѣшить.

Умѣючи и вѣдъму бьютъ (наотмашь).

На межахъ да на распутяхъ нечистая сила.

2. Историческія.

Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ (только бы въ добрѣ).

Въ боярскій дворъ ворота широки, да вонъ узки (о кабалѣ).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ депъ (о переходѣ крестьянъ).

Были были (была былъ) и бояре волкомъ выли (отъ стрѣльцовъ, отъ опричниковъ).

Летитъ гусь на Святую Русь (Наполеонъ).

Наступилъ на Землю Русскую, да оступился (1812). Отогрѣлся въ Москвѣ, да замерзъ на Березинѣ (1812).

По милости боярской — самъ себѣ Пожарской.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ (Алекс. Невск.).

И Мамай правды не съѣлъ.

Ослонъ — не господь, а дубина не судьбина (о судебнымъ поединкахъ). (Сн.).

Правда у Петра и Павла (гдѣ въ Москвѣ было застѣнокъ).

Правда къ Петру и Павлу ушла, а кривда по землѣ пошла.

На Волгѣ жить — ворами слыть (о разбойн. волжскихъ. В.).

Семеро пойдутъ — Сибирь возьмутъ (объ уральскихъ. В.).

3. Бытовыя.

А. Семейныя отношенія.

а) Дѣти и родители. — Воспитаніе.

Дѣти — благодать божья.

Одинъ сынъ — не сынъ, два сына — полсына, три сына — сынъ.

Первый сынъ Богу, второй царю, третій — себѣ на пропитаніе.

Безъ дѣтей тоскливо, съ дѣтьми — водливо (вередливо).

Съ малыми дѣтьми горе, съ большими — вдвое.

Сынъ да дочь — красныя дѣтки.

Огонь — горячо, дитя — болячо.

Сына корми — себѣ пригодится; дочь корми — людямъ снадобится.

Матушкинъ сынокъ, да батюшкинъ горбокъ (и баловень и упрямъ).

Дитя хоть криво, да утцу-матери мило.

Свой бороноволокъ дороже чужаго работника.

Родилось чадушко — старѣ бабушки (умничаеть).

Даль Богъ сыночка, даль и дубочка.

Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьетъ.

Не учили, когда поперекъ лавки ложился; а во всю вытянулся, такъ не научишь.

Не тотъ отецъ-мать, кто родилъ, а тотъ, кто вспоилъ-вскормилъ да добру научилъ.

Отца-мать поиряталъ, въ свою 10-лову завякалъ.

Въ сиротствѣ жить — слезы лить.

Не строй церкви, пристрой сироту.

Тогда сиротѣ и праздниѣ, когда бѣдную рубаху подадутъ.

Каково дерево, таковъ и вѣлинь; каковъ батъка, таковъ и сынъ.

Каковъ корень, таковъ и отрыскъ.

Отецъ рыбакъ и дѣти въ воду смотреть.

Каковъ въ колибелку, таковъ и въ могилку.

Сколько ни мой гагару, все черна.

Знать ворону по полету.

Случается, что и вырождается.

Вываецъ добрая овца и отъ безпутнаго отца.

И отъ добраго отца родится бѣшеная овца.

Заневѣстилась дочь, такъ распися готовъ.

Смиренье — дѣвичье ожерелье.

Казаное — олово, неказаное — золото.

У доброй дѣвки ни ушей, ни глазъ.

Не нарядъ дѣвку красить, — домостройство.

Хорошая невѣста — худая жена.

б) Любовь — нелюбовь.

Любовь слѣпа.

Любовь не пожаръ, а загориться — не потушишь.

Не по хорошу милъ, а по милу хорошь.

Полюбится сова (сатана) лучше яснаго сокола.

Дѣвка парня извела, подъ свой поровъ подвела.

Милый не злодѣй, а изсушилъ до костей.

Насильно милъ не будешь.

Крестомъ любви не свяжешь.

Суженаго и на конѣ (на оглобляхъ, на кривыхъ) не объѣдешь.

Милаго побои не долго болятъ.

Приглядитесь милый — тошнѣй постылаго.

в) Женихъ — невѣста. — Женитьба. — Приданое.

Одна голова не бѣдна; а и бѣдна, да одна.

Холостой легъ — свернулся, всталъ — ветрянулся.

Одна головня и въ полѣ гаснетъ, а двѣ дымятся (куратся).

Одному и топитья итти скучно.

Жениться — не лапотъ надѣтъ.

Жена не лапотъ — съ ноги не сбросишь.

Жену выбирай не глазами, а ушами (по доброй славѣ).

Красную жену не въ стѣнку врѣзать.

Не кайся, рано вставши; а кайся, рано женившись.

Не кайся, рано вставши, да молодъ женившись.

Добрая женитьба — посхименье.

Всякая невѣста для своего жениха родится.

Невѣста родится, женихъ на коня (на ковь) садится (на коня сожали 3 — 7 лѣтъ).

Замужъ выходи — въ оба гляди.

Весела за столомъ, не повой (не повить бы) за столбомъ.

Не найдешь парепька, выйдешь и за пенька.

Мужъ не башмакъ, съ ноги не сбросишь.

Безириданница — безотвѣтница.

Женился богатый на сонливой: оба счастливы.

Не выбирай невѣсту, выбирай сваху!

У свахи-неряхи и невѣсты непряжи.

Вѣрь приданому послѣ свадьбы!

Въ потравѣ — не хлѣбъ, въ долгахъ (въ людяхъ) — не деньги, въ приданомъ — не животы.

Сундукъ съ бѣльемъ, да новѣста съ бѣлмомъ (съ горбомъ).

Два полотенца изъ дубоваго полѣнца (приданое).

г) Мужъ и жена — Семья; родня.

Одинъ женился — свѣтъ увидалъ; другой женился — съ головою пропалъ.

Женился, валя на льду обломился.

Стужа до нужа, а лучше худаго мужа.

Хоть лыками спить, да мужъ.

Съ пимъ горе, а безъ него вдвое.

Умная жена, какъ нищему сума (все сбережетъ).

Не надобенъ и владъ, коли у мужа съ женой ладъ.

Мужъ съ женой, что мука съ водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь).

Виѣсть тѣсно, а розно — тошно.

Жена безъ грозы — хуже козы.

Люби жену, какъ душу, — трася ее, какъ грушу.

Учи жену безъ дѣтей, а дѣтей безъ людей!

Чего жена не любитъ, того мужу вѣкъ не ѣдать.

Мужъ пахнетъ (плачетъ), а жена пляшетъ (скачетъ).

Лучше камень долбить, нежели злую жену учить.

Желѣзо уваришь, а злой жены не уговоришь.

Изъ дому жена, а изъ лѣсу змѣя (т. е. выживаетъ).

Любовь да совѣтъ, такъ и нуждочки (и горя) нѣтъ.

Вся семья виѣстъ, такъ и душа на мѣстѣ.

Два брата — на медвѣдя, а два свата (свояка) на кисель.

Свекоръ гроза, а свекровь виѣстъ глазъ.

Богоданны сестрицы — крапива жгучая.

Золовка хитра на уловки.

Всѣ въ семьѣ спятъ, а невѣстѣ молоть велятъ.

Я не въ большую сноху, не упряжь (говор. деверь).

Тесть любить честь, зять любить взять, а шурианъ глаза шурить.

Сыръ калача бѣлѣе, а мать мачихи милѣе.

Изъ дому гонить мачиха, а изъ лѣсу медвѣдь.

Дочеринны дѣти милѣе своихъ.

У кого есть дѣдъ, у того и обѣдъ.

д) Домъ. — Хозяйство.

Своя хатка — родная матка.

Держись друга стараго, а дома новаго.

Всякій домъ хозяиномъ держится.

Домъ красится хозяиномъ.

Безъ хозяина домъ — сирота.

Домъ вести — не бородой (не вожей) трясти.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не
живутъ (не уживутся).

Замасливый лучше богатаго.

Домомъ не управить, такъ и во-
лостью (городомъ) не управить.

Щей горшокъ, да самъ большой.

Хозяинъ въ дому—что медвѣдь въ
бору (что какъ хочетъ, такъ и
ворочать).

Всякъ въ своемъ добръ волень.

Въ своей семьѣ самъ большой (всякъ
волень).

Не поатакай своимъ, чтобы задать
страха чужимъ.

Б. Общественныя отношенія.

а) Сосѣдъ.

Не купи двора, купи сосѣда.

Безъ брата проживу, а безъ сосѣда
не проживу.

Сосѣда держись.

Съ сосѣдомъ дружись, а тынь (а
заборъ) городи.

Межи да грани—ссоры да брани.

б) Миръ. Народъ.

Гласъ народа — гласъ Божій.

Что міромъ положено, тому быть
такъ.

Миръ за себя постоитъ.

Мира не перетянешь.

На миръ и суда нѣтъ. Миръ судить
однѣмъ Богъ.

Миръ зинетъ — камень треснетъ.

Коли всѣ міромъ воздохнуть, и до
паря слухи дойдутъ.

Міру въ око не подать (т. е. не
просить, не принимаетъ по-
даянія).

Мирская шея толста (т. е. много
снесетъ, сможетъ).

Миръ съ разу не похоронишь.

Въ міру виноватаго нѣтъ.

Отъ міру прочь,—не мирянинъ.

Съ волками жить — по волчьи
выть.

Быль бы запѣвала, а подголоски
найдутся.

Сто головъ, сто умовъ.

Мужикъ умень, да миръ дуракъ.

в) Родина.—Русь.—Царь.

За моремъ теплѣе, а у насъ свѣт-
лѣе (веселѣе).

Всякому мила своя сторона.

Своя земля и въ горсти мила.

И кости по родинѣ плачутъ (по
преданію, что въ нѣкоторыхъ
могилахъ слышенъ вой костей).

Всякъ куликъ свое болото хвалить.

Родимая сторона—мать, чужая—
мачиха.

На чужой сторонѣ и сокола зовутъ
вороною.

Гдѣ сосна выросла, тамъ она и
красна.

На одномъ мѣстѣ и камень мохомъ
обростаетъ.

Дома сидѣтъ—ничего не высидѣтъ.

И куликъ чужу сторону знаетъ.

Ищи добра на сторонѣ, а домъ люби
по старинѣ.

Русскимъ Богомъ да русскимъ ца-
ремъ Святорусская Земля стоитъ.

Велика Святорусская земля, а вездѣ
солнышко.

Русскій народъ не боится креста,
а боится неста.

Русскій человекъ любитъ авось,
небось да какъ нибудь.

Русскій терѣблѣв до зачина. Русскій задѣра ждетъ.

До неба высоко, до царя далеко. Царю застантъ, народъ напастятъ. Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ. Не вѣдаетъ царь, что дѣлаеть псарь.

Не князь грѣшитъ, а думцы наводятъ.

Не бойся царскаго гоненія, бойся царскаго гонителя.

В. Сословія. Занятія. Промыслы.

а) Привчѣть; помѣщикъ, однодворецъ; крестьянинъ. ¹⁾

Безъ попа—не приходъ.

Безъ попа, какъ безъ соли. (Сн.)

Попа и въ рогожкѣ знать.

Попъ сытъ отъ алтаря, а дьячокъ отъ помояря. (Сн.)

Барская милость—божья роса.

Пропали наши головы за боярами голыми.

Дворянская кровь и въ петровки мерзнетъ (зябнетъ).

Хоть лыкомъ шить—да баринъ.

Хоть не стоитъ лыка, да ставъ за велика.

Не будетъ лапотника, не станеть и бархатника.

Сколько дворовъ, столько господъ (о мелкопомѣстныхъ).

У всякаго крестьянина по семи бариновъ.

Сколько рабовъ, столько враговъ.

Казенный крестьянинъ живетъ, какъ Богъ велеть, а барскій, какъ баринъ разсудить.

¹⁾ Почти всѣ пословицы этого отдѣла имѣютъ уже историческое значеніе.

Вольному (казенному) просторнѣе, барскому спокойнѣе (жить).

Барская хворь—мужицкое здоровье.

Мужикъ, что рогатина: какъ упрется, такъ и стойтъ.

Мужикъ, что мѣшокъ: что положишь, то и несетъ.

На мужикѣ кафтанъ хоть сѣръ, да умъ у него не чортъ (волкъ) съѣлъ.

Не бей мужика дублемъ, а бей рублемъ (полтиной).

И мужикъ знаетъ, кто на него жаеть.

б) Купецъ.—Торговля.

Родство дѣло святое, а торговля—дѣло иное.

Товаръ лицомъ продаютъ.

Намъ товару не хвалить, такъ и не свалить.

Торгуй правдою, больше барыша будетъ.

Обманомъ барыша не поторгуешь.

Безъ божбы не продать. Купецъ божится, а про себя отрекается.

Не солгать, такъ и не продать.

Барышъ съ накладомъ на однѣхъ саняхъ ѣздить.

в) Солдатъ.—Матросъ.

У царя колоколь по всей Россіи (рекрутскій наборъ).

Пошелъ на службу—терни и нужду. Сколько ни служить, а въ отставкѣ быть.

За Богомъ молитва, а за царемъ служба не прощадеть.

Солдатская голова, что подъ дождичкомъ трава. (Сп.)

Солдатъ, что багоръ: что зацѣпилъ, то и потащилъ. (Сн.)

г) Вурлакъ.

У бурлака — когда бѣлая рубаха,
тогда и праздникъ.

Вурлакъ, что сиротка: когда бѣлая
рубашка, тогда и праздникъ.

Дома бурлаки — бараны, а на плесу —
буяны.

д) Дикіе люди.

Это не покорь, что за поясомъ то-
порь: подумаютъ, что плотникъ,
а не воръ. (В.).

У кого воровство, а у насъ то и
мастерство. (В.).

Удужи, да въ глуши. (В.).

Кому лопата, а намъ ломъ; кому
острогъ, а намъ домъ. (В.).

На дворъ черезъ заборъ, а въ
тюрьму дверьми. (В.).

Тѣмъ гостямъ тюрьма по костямъ. (В.).

Вору висѣлица неизмѣнный другъ.
(В.).

4. Пословицы нравственныя,
юридическія, религіозныя.

а) Судьба. — Счастье.

Отъ судьбы не уйдешь. Отъ бѣды
не уйти.

Чему быть, того не миновать.

Кому сгорѣть, тотъ не утветъ.

Солдату умереть въ полѣ, матросу
въ морѣ.

Повадился кувшинъ по воду ходить,
тамъ ему и голову сломить.

Коли быть собакѣ битой, найдется
и палка.

Не суженый кусъ изо рту валится.

Бѣда не по лѣсу ходить, а по лю-
дямъ.

Гдѣ бѣда ни шаталась, а къ намъ
прикатилась.

У счастливаго умираетъ недругъ,
у несчастнаго другъ.

Поѣхали пировать, а пришлось горе
горевать.

Отъ волка бѣжалъ, да на медвѣдя
попалъ (напалъ).

Отъ сумы да отъ тюрьмы — никто
не отрекайся!

Хотѣлось постричься, а довелось
жениться (и наоборотъ).

Дуракъ спитъ, а счастье въ голо-
вахъ лежитъ.

Во снѣ счастье, на яву несчастье.

Кладъ да жена — на счастливаго.

Жеребій — Божій судъ.

Кому счастье служить, тотъ ни о
чемъ не тужитъ (Сн.).

Счастье не батракъ: за вихоръ не
прятанешь.

Счастье дороже богатства.

Счастье съ несчастьемъ дворъ объ
дворъ живутъ.

Счастью не вовсе вѣрь. На счастье
не надѣйся!

Счастье везетъ дураку, а умному
Богъ даль.

Счастье безъ ума — дырявая сума
(что найдешь, то и потеряешь).

Кабы звать, гдѣ упасть, такъ со-
ломки бѣ подослать.

б) Законъ, обычай. — Судъ.

Не долго той землѣ стоять, гдѣ
учнутъ уставы ломать.

Обычай старше (сильнѣе) закона.

Не нами установилось, не нами и
переставится.

Повальный обычай — что царскій
указъ.

Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходять.

Что старѣе, то правѣе, а что моложе, то дороже (Сп.).

Судъ не на осудъ, а на разсудъ.

Законъ преступить, въ тьму поступить (Сп.).

Нужда закона не знаетъ, а черезъ шагаетъ.

Дураку законъ не писанъ.

Не бойся закона, бойся судьи (или законника).

Законъ — дышло: куда захочешь, туда и воротишь.

Законъ, какъ паутина: шмель проскочетъ, а муха увязнетъ (Сп.).

Что мнѣ законы, коли (были бы) судьи знакомы.

Судья суди, да и за судьей гляди! Идучи на судъ — не хвались!

Судья, что плотникъ: что захочеть, то и вырубить.

Изъ суда — что изъ пруда: сухъ не выйдешь.

Въ судъ ногой — въ карманъ рукой.

Всякъ подъячій любить калачъ горячій.

Земля любить навозъ, лошадь — овесъ, а воевода (или судья) принось.

Передъ Богомъ ставь свѣчку, передъ судьею мѣшокъ!

в) Грамота. Ученье.

Грамотѣ учиться — всегда (впередъ) пригодится.

Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть.

Не перомъ пишутъ — умомъ.

Безъ мѣки нѣтъ и науки.

Ученье — свѣтъ, неученье — тьма.

За ученаго (битаго) двухъ неученыхъ (небитыхъ) дають, да и то не берутъ.

Зпайка дорожкой бѣжить, незнайка на печкѣ лежитъ.

Красна птица перьемъ, а человекъ ученьемъ.

г) Правда и кривда.

Правда чище яснаго солнца.

Дороги твои сѣрокъ соболей, а на правду цѣны нѣтъ.

Безъ правды не житье, а вытье.

Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь (или: а правду-матку рѣжь).

Хлѣбъ-соль кушай, а правду слушай! На правду суда нѣтъ.

Правда — кусъ купленный, неправда — краденый.

Правда не рѣчиста.

Правда рогатиной (или копьемъ) торчитъ.

Неправдою свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься.

Неправда (или: грѣхъ), что дуга ветловая: концы въ водѣ, такъ середка наружу; середка въ водѣ — концы наружу.

Рать стоитъ до мира, ложь до правды.

Правда прямо идетъ, а съ нею не разминешься.

Правда со дна моря выносить.

Прямой, что слѣпой: ломить зря.

Правда у Бога, кривда на землѣ.

Всякъ правду знаетъ, да не всякъ ее басть (говорить, высказываетъ).

Всякъ правду любитъ, а всякъ ее губить.

Правда по-миру ходить.

Правду говорить — себѣ досадить.

Не будь лжи, не стало бы и правды.
Умная (сладкая) ложь, лучше глу-
пой (горькой) правды.

Правда прежде насъ померла.

Красно поле рожью, а рѣчь ложью
(т. е. краснымъ словомъ).

Живутъ люди неправдой — не уха-
лятся.

Была правда, да въ лѣсъ ушла
(или: да закуржавѣла).

д) Горе.

Не годы старять — горе.

Ржа желѣзо ѣсть (или: крушить),
а печаль сердце.

Горе, что ногти (т. е. все ростеть);
счастье — кудри (т. е. скоро вя-
неть).

При порѣ — съ умомъ, безъ поры —
съ сумой.

Горе споро: сбудешь, да не скоро.

Бѣда не дуда: поигравъ, не кинешь.

Горо лыкомъ подноясано.

Не столько смертей, сколько скорбей.

Наши плачутъ, да и ваши не ска-
чуть.

И жидка слеза, да бѣда.

Бѣда и богатаго мужика бездомить.

Горе горевать — не ширь шировать.

Горе да бѣда — съ кѣмъ не была?

Во всякомъ худѣ не безъ добра.

Натерпѣшься горя — узнаешь какъ
жить (или: научишься жить).

Придетъ бѣда — купишь ума.

Чужая бѣда не даетъ ума.

Что мучить, то и учить.

Горе не море: выпьешь до дна.

Обживешься, такъ и въ аду ничего.

И крута гора, да забывчива; и
лиха бѣда, да сбывчива.

Подумаешь — горе; а раздумаешь —
власть Господня.

е) Жизнь. — Смерть. — Душа. —
Богъ. — Грѣхъ.

Жизнь пережить — не поле перейти.

Тяжелъ крестъ, да надо несть.

Жизнь даетъ одинъ только Богъ,
а отнимаетъ всякая гадина.

Кого Богъ накажетъ, тотъ самъ
помретъ; а другаго любя прибе-
ретъ.

Бойся Бога: смерть у порога.

Охъ, да охъ, поколѣ терпнть Богъ.

Дай Богъ умереть, да дай Богъ
покаяться!

Каково житье, таково и на томъ
свѣтѣ вытье.

Каково житье, таково и смерть.

Изъ-за гроба нѣтъ голоса.

Мертвыхъ на погостъ хоть и въ
великій постъ.

Смерть — душѣ просторъ.

Жить — Богу служить.

Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ.

Дастъ Богъ день, дастъ Богъ и
пищу.

Богъ души не вынетъ, сама душа
не выдетъ.

Человѣкъ (или: кто) съ лихостію,
а Богъ съ милостію.

Суда Божьяго околицей не объ-
ѣдешь.

Безъ Бога — ни до порога.

Сѣй разсѣвай, да на небо зриай.

Первый звонъ — чертямъ разгонъ;
другой звонъ — перекрестись; тре-
тій звонъ — оболокись (одѣнся,
иди въ церковь)!

Одно трости: Господи прости!

Не стоитъ городъ безъ святаго, се-
леніе безъ праведника.

Богу молись, а къ берегу гребись!

На Бога надѣйся, а самъ не пло-
шай!

Знають и чудотворцы, что мы не | Силенъ бѣсъ, и горами качаетъ.
 богомольцы. | Бѣсъ качаетъ горами, не только
 Люди темные: не знаемъ, въ чемъ | нами.
 грѣхъ, въ чемъ спасенье. | Богово дорого, бѣсово дешево.
 Грѣхъ сладокъ, человѣкъ падокъ. | Чортъ безсиленъ, да батракъ его
 Грѣхъ сладко, а человѣкъ падко (Сн.) | силенъ (т. е. человѣкъ). ¹⁾

VI. ЗАГАДКИ.

А. Природа и ея явленія.

1. Земля.

Меня бьютъ, колотятъ, ворочаютъ,
 рѣжутъ, — я все терплю и всѣмъ
 добромъ плачу. Сад. Заг. 225.

2. Небо.

Синелька шубенка покрыла весь
 міръ. Сад. 3. 225.

3. Солнце.

Сито вито, кругловато, — кто ни
 взглянетъ, тотъ заплачетъ. ив.

Не стукнетъ, не брякнетъ, ко вся-
 кому подойдетъ. ив.

Буря корова черезъ прысло глядятъ.
 ив.

По зарѣ зарядской катится шаръ
 вертлянской; никому его ни обойти,
 ни объѣхать. ив. 226.

4. Солнечный лучъ.

Изъ окна въ окно золото веретено.
 ив.

Мету, мету — не вымету; пора при-
 деть — самъ(о) уйдетъ. ив. 227.

5. Мышца.

Бѣлоголова корова въ подворотню
 смотреть. ив. 228.

За бабиной избушкой виситъ хлѣба
 краюшка; собаки лаютъ, а до-
 стать не могутъ. ив. 229.

Идетъ лѣсомъ — не треснетъ; идетъ
 плесомъ — не плеснетъ. ив. 229.

Камень — пламень.

¹⁾ Пословицы, отмѣченные букв. Б., заим-
 ствованы изъ Ист. Очерк., Вулаева, (т. I. стр.
 78 и сл.); отмѣченные Сп. — изъ Р. народн.
 пословицъ, Снегирева; остальные вняты изъ
 Пословицъ р. нар., Даля.

6. *Звѣзды.*

Выгляну въ окошко: стоитъ рѣши
лукошко. ib. 231.

Написана грамотка по синему бар-
хату, и не прочесть этой гра-
мотки ни поцамъ, ни дякамъ,
ни умшамъ мужикамъ. ib. 231.

7. *Небо, звѣзды, мѣсяцъ.*

Поле не мѣряно, овцы не считаны,
пастухъ рогатый. ib. 233.

Постелю рогожку, посыплю горошку,
посреди хлѣба краюшку. ib. 233.

8. *День и ночь, — и солнце.*

Вѣдый волъ всѣхъ поднялъ, черная
корова всѣхъ поборола. ib. 234.

Пол-дуба сыраго, пол-дуба сухаго,
а на маковкѣ цвѣтъ во весь
вольный свѣтъ. ib. 234.

9. *День.*

Къ вечеру умираетъ, къ утру жи-
ваетъ. ib. 235.

10. *Ночь.*

Махнула птица крыломъ, покрыла
(закрыла) весь свѣтъ однимъ пе-
ромъ. ib.

11. *Вѣтеръ.*

Сивый жеребецъ на все царство
ржетъ. ib. 237.

Летить тарханъ по всѣмъ торгамъ;
безъ поля кафтанъ, безъ пуго-
вицъ. ib.

Выше лѣса, тоньше колоса. ib.

12. *Громъ. Гроза (громъ и молнія).*

Конь бѣжитъ, — земля дрожить.
ib. 242.

Туръ ходитъ по горамъ, турица-то
по доламъ, туръ свиснетъ, турица-
то мигнетъ. ib. 241.

Летитъ огневая стрѣла, никто ее
не поймаетъ: ни царь, ни царица,
ни красная дѣвица. ib. 242.

13. *Дождь. Радуга.*

До неба достанетъ, а отъ земли не
видать. ib. 239.

Крашеное коромысло черезъ рѣку
свисло.

14. *Вьюга. Снѣгъ.*

Около села лошадка весела.
ib. 244.

Летитъ — молчитъ, лежитъ — мол-
читъ, когда умретъ, тогда заре-
ветъ.

На дворъ — горой, а въ избѣ — водой.
ib. 244.

15. *Морозъ.*

Безъ клина, безъ топора, мостъ мо-
ститъ. ib. 245.

Старикъ у воротъ тепло уволокъ,
самъ не бѣжитъ и стоять не ве-
лится. ib. 246.

Б. *Человѣкъ. — Нища. — Одежда.*16. *Младенецъ у груди, — въ зыбку.*

Пришелъ Кащей безъ вѣсти, ѣлъ
барана безъ кости; Кащей сытъ
и бараплъ цѣлъ. ib. 113.

Стоитъ градъ ни на водѣ, ни на
землѣ; въ томъ градѣ — воевода
нѣтъ. ib. 113.

17. *Младенецъ, середовой, старикъ.*
Три года — яйцо; тридцать лѣтъ — медвѣдь; шестьдесятъ лѣтъ — курица.
18. *Человѣкъ.*
Стоять вила; на вилахъ — кузовъ, на кузовѣ — махало, на махалѣ — зѣвало, на зѣвалѣ — сморгало, на сморгалѣ — глядѣла, на глядѣлахъ — роца. ib. 215.
19. *Голова.*
Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ. ib. 216.
20. *Глаза.*
Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, одинъ другаго не видятъ. ib. 220.
Долгія вожжи: черезъ сине море хватятъ, черезъ буйну голову не хватятъ. ib. 221.
21. *Носъ.*
Рядомъ два колодца, а между ними одна перегородка. ib. 220.
22. *Ухо.*
Плосконька досочка, по краямъ — обшивочка, а въ середкѣ — дырочка. ib. 223.
23. *Зубы.*
Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ. ib. 216.
Около прорубки сидятъ бѣлыя голубки. ib. 217.
24. *Языкъ.*
Лежить колода въ болотѣ, — не мокнуть, не гнѣсть и отъ берега не плыветъ. ib. 218.
- Въ темпомъ поднольѣ мокрый теленокъ лежитъ. ib. 219.
25. *Опара.*
Выше дерева ростеть. ib. 57.
26. *Хлѣбы въ печи. Хлѣбъ и лопата.*
Выпапу чисто поле, нагоню черныхъ овецъ. ib. 58.
Полонъ хлѣвецъ безхвостыхъ овецъ; одна была съ хвостомъ и та ушла. ib. 58.
27. *Караванъ.*
Летѣла сова изъ Краснаго села, сѣла сова на четыре кола. ib. 59.
28. *Соль.*
Въ водѣ родится, а води боится. ib. 60.
29. *Щи.*
Дорогой капиталъ всѣ души наниталь. ib. 61.
30. *Каша.*
Въ городѣ Торжкѣ продаютъ бабу въ горшкѣ. ib. 61.
31. *Латша.*
Сидитъ на ложкѣ, свѣсивъ ножи. ib. 62.
32. *Блины (пирогъ).*
Берега желѣзны, вода дорога, рыба безъ костей. ib. 63.
33. *Масло.*
Желтенька собачка въ конурѣ лежитъ. ib. 65.
34. *Яйцо.*
Полна бочка вина; ни клепокъ, ни дна. ib. 66.

35. *Стаканъ съ виномъ.*
Стоить море на пяти столбахъ;
царь-то говоритъ: „потѣха моя!“
а царица говоритъ: „погибель
моя!“ ib. 66.
36. *Чай.*
Возьметъ черно, нальетъ красно;
папъ кричитъ: „сладко!“ мужикъ
кричитъ: „гадко!“ ib. 67.
37. *Сахарная голова.*
Сивій мундиръ, бѣла подкладка, въ
середияѣ сладко. ib. 67.
38. *Рубашка.*
День-деньской скачетъ, пляшетъ и
на покой идетъ сонной. ib. 78.
39. *Шапка.*
Сижу верхомъ, не вѣдаю на комъ.
ib. 79.
40. *Лапти.*
Голова есть — мозгу нѣтъ; уши
есть — слуха нѣтъ; спина есть —
брюха нѣтъ. ib. 79.
41. *Сапоги.*
Двѣ дороги пришло, — въ обѣи по-
шелъ. ib. 80.
- В. Домъ и хозяйство. — Домашнія
животныя.
42. *Топоръ.*
Лицомъ къ стѣнѣ, а спиной къ избѣ.
ib. 1.
- На дворѣ кланяется, а придетъ до-
мой — растянется. ib. 1.
43. *Долото.*
Бѣжитъ боровакъ разбитый лобокъ.
ib. 2.
44. *Пига.*
Скоро ѣсть, мелко жуешь, сама не
глотаетъ, другой сытъ бываетъ.
ib. 2.
45. *Гривна и мохъ.*
Сто гостей, сто постель, у всѣхъ
по войлочку. ib. 3.
46. *Матица. Накатъ на матицѣ.*
Мать въ избѣ, рукава — на дворѣ.
ib. 5.
- Сорокъ братанъ на одномъ столѣвѣ
спятъ.
47. *Поль и потолокъ.*
Братъ съ сестрой видятся, а не
сходится. ib. 6.
48. *Окна.*
Много сосѣдей рядомъ вѣкъ живутъ,
а никогда не видятся. ib. 7.
49. *Оконное стекло.*
Въ избѣ мерзнетъ, а на дворѣ не
мерзнетъ. ib. 8.
50. *Дверь.*
Не шагаетъ, а ходитъ. ib. 8.
По сѣнямъ ходитъ, а въ избу нейдеть.
ib. 8.
51. *Замокъ.*
Не ѣсть, не лаетъ, въ домъ не
пускаетъ. ib. 11.
52. *Жилая изба.*
Дубъ дырывать, въ дубу ядра го-
ворятъ. ib. 13.

53. *Печь.*

Лѣтомъ спитъ, зимой вѣсть; тѣло тепло, а крови нѣтъ. ib. 14.

54. *Свѣтецъ.*

Стоять Чурило, замазано рыло. ib. 22.

Стоять старецъ, крошить тюрю въ ставецъ. ib. 22.

55. *Горячая мушкетъ.*

Красный кочетокъ по нашествіи бѣжитъ. ib. 23.

56. *Свѣча.*

Самъ голый, рубаха въ пазухѣ. ib. 24.

57. *Икона.*

Спинею къ стѣнѣ, а лицомъ къ избѣ. ib. 26.

58. *Столъ.*

Четыре брата, однимъ кушакомъ подпоясаны, подъ одной шляпой стоять. ib. 26.

59. *Стуль.*

Съ ногами, безъ рукъ; съ боками безъ реберъ; съ сидѣньемъ безъ живота; со спиной безъ головы. ib. 27.

60. *Постель.*

Четыре ноги, да не звѣрь; есть перья, да не птица. ib. 28.

61. *Рукомойка и полотенце.*

Встану рано, подойду къ барану, къ широкой бородѣ, къ пустой (толстой) головѣ. ib. 29.

62. *Кочерга.*

Черный конь прыгаетъ въ огонь. ib. 35.

63. *Ухватъ.*

Ругать, да не быкъ; хватаетъ, да не сытъ; людямъ отдастъ, а самъ на отдыхъ идетъ. ib. 37.

64. *Горшокъ.*

Молодъ былъ — отца-мать кормилъ, старъ сталъ — пеленаться сталъ. ib. 38.

65. *Ковиль.*

Рыба въ морѣ, хвостъ на заборѣ. ib. 48.

66. *Ведро.*

Два брата пошли въ воду купаться. ib. 51.

67. *Чашка и ложки. Ножъ.*

Цѣло корыто лебедей намыто. ib. 52.
Поѣвши, конь въ ясли палъ. ib.

69. *Сани, телма, лошадь.*

Одинъ говоритъ: какъ зиму зимовать? другой говоритъ: какъ лѣто лѣтовать? а третій говоритъ: мнѣ и зиму и лѣто перемены нѣту. ib. 115.

70. *Рыдванъ съ дышлою.*

Ѣдетъ орда, оглобля одна, а дуги не одной. ib. 118.

71. *Дуга.*

Станетъ — выше лошади; ляжетъ — ниже курицы. ib. 118.

72. *Лошадь.*

Не пахарь, не столяръ, не кузнецъ, не плотникъ, а первый въ селѣ работникъ. ib. 103.

73. *Корова.*

Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлестунъ. ib. 104.

74. *Свинья.*

Ничего не болить, а все стонеть. ib. 107.

75. *Овца.*

По горамъ, по горамъ, ходить шуба да кафтанъ. ib. 109.

76. *Собака.*

Въ избѣ—широгомъ, а на дворѣ—калачемъ. ib. 110.

77. *Кошка.*

Вѣжить Орина изъ овина; въ задъ—тычина. ib. 111.

78. *Курица.*

Семьдесятъ одежъ—и все безъ застежъ. ib. 112.

79. *Пѣтухъ.*

Два раза родится, ни одна не крестится—чортъ его боится. ib. 113.

Г. Семья.

80. *Семья и женихъ.*

Въ нашемъ житѣ—хорошій ростокъ. ib. 260.

81. *Невѣста.*

Голубка куплю, стану горе горевать: голубка некуда дѣвать. ib. 260.

82. *Зять.*

Одно дитя роженое, другое—суженое. ib. 260.

83. *Ссора мужа съ женой.*

Помутилася вода съ пескомъ. ib. 261.
Дымъ съ чадомъ сошелся. ib. 261.

Д. Село. — Обитатели.

84. *Церковь. — Колоколня.*

Тень-тень-потетень, выше города плетень. ib. 122.
Плеть плетена, вверхъ ведена во сто угловъ, въ тысячу рублей. ib. 122.

Стоить быкъ на горахъ о семи головахъ; ребра стучать, бока говорять. ib. 123.

85. *Колоколъ и звонъ.*

За уши повѣсятъ, за языкъ дернутъ; станетъ говорить—такъ за версту слышно. ib. 124.

Ржетъ жеребецъ на перегородѣ, слышно его голосъ въ Новгородѣ. ib. 125.

Сидитъ пѣтухъ на столбѣ, хвостъ по полу, а голосъ по небу. ib. 125.

86. *Церковь, прихожане, свѣчи, деньги.*

На горѣ горынской стоитъ дубъ сорочинской; прилетали птицы, брали по спицѣ, клали по яблоку. ib. 129.

87. *Кузня.*

Зайду я въ топотушку, загляну въ работушку: стоитъ пузырь съ побрякушкой. ib. 130.

88. *Мельница.*

Стучить, бренчить, сто копей бѣ-
жить; что есть въ окологдѣ,
весь хлѣбъ поѣсть. ib. 130.

89. *Жернова.*

Два борова дерутся, промежъ ихъ
пѣна валить. ib. 130.

90. *Баня.*

Въ осиновомъ колѣ въютъ волки—
и въ пять, и въ шесть, и въ
двадцать есть. ib. 130.

91. *Кабакъ.*

На полѣ полище стоитъ зеленище;
въ томъ зеленищѣ: сусло, масло,
легость, болѣсть, и смерть неда-
леко. ib. 129.

92. *Околмица и поле.*

Криво да мимо, куда побѣжало? —
Зелено — лукаво, тебя стеречи!
ib. 139.

93. *Знахарь.*

По рублю ступаетъ, рубль поды-
маетъ; на полтину глядитъ, сто
рублей говоритъ. ib. 139.

94. *Сахарь.*

Временемъ разсѣваю, временемъ со-
бираю; самъ сытъ бываю и дру-
гихъ кормлю. ib. 146.

95. *Мужики и бабы.*

Семь топоровъ въ подлавицѣ смирно
лежать; двѣ прялки рогами врозь.
ib. 299.

96. *Рыбакъ.*

По мосту идетъ — ничего не найдетъ,
а какъ въ воду ступилъ, всего
пакупилъ. ib. 199.

97. *Рыбаки, рыба, вода, неводъ.*

Домъ шумить; хозяева молчать;
пришли люди, хозяевъ забрали,
домъ въ окошки ушелъ.
ib. 199.

Е. Земледѣльческія орудія и работы.

98. *Соха.*

Лѣтомъ обумши, зимой разумши.
ib. 140.

Баба яга вилами нога, весь міръ
кормить — сама голодна.
ib. 140.

99. *Борона.*

Сято вито о четыре угла. ib. 141.
О ста ногахъ, о семи хребтахъ.
ib. 141.

100. *Серпъ.*

Маленькій, горбатенькій, все поле
обрыщетъ, домой прибѣжить —
цѣлый годъ пролежитъ ib. 141.

101. *Коса.*

Травы поѣмъ — зубы притуплю; песку
хвачу — опять наострю.
ib. 142.

102. *Цѣпъ.*

Голый одѣтыхъ убиваетъ, а самъ
всегда раздѣтъ бываетъ.
ib. 142.

103. *Пашутъ.*

Черная корова все поле перепорола.
ib. 145.

104. *Сѣютъ.*

Чашечка медку закопана въ ледку
до новаго годку! ib. 146.

105. *Косятъ. — Стогъ.*

Рыбина бѣлужина хвостомъ виль-
нула: лѣса спали, горы стали.
ib. 146.

- Щука ныряетъ, трава прилегаеъ.
ib. 147.
- Летѣль *тень* на Петровъ день;
сѣль *тень* на пень, сталь *куковать*,
къ сырой землѣ *припадать*.
ib. 148.
- Пли плотнички безтопорнички, сруб-
били горницу безоконяицу.
ib. 155.
106. *Жнутъ. Бабка сноповъ.
Одонге и снопы.*
- Сутуль, горбать, все поле пере-
шелъ, всё суслоны перечелъ.
ib. 148.
- Девять братьевъ — подъ одной шап-
кой.
ib. 149.
- Всѣ бояре подпоясаны, воеводы —
распоясаны.
107. *Молотятъ. Токъ.*
- Летѣли птицы съ длинными носа-
ми, пѣли пѣсни: „таты-латы!
таты-латы!“
ib. 152.
- Лысый дѣдъ на небо глядять.
ib. 154.
- Ж. Вѣра. Праздники. — Понятія о
жизни и смерти, душѣ и пр. —
Обряды. — Грамота. — Загадки библией-
скаго происхожденія.
108. *Богъ и мѣсто.*
- Что всего древнѣе на свѣтѣ и что
всего пространнѣе?
ib. 257.
109. *Душа.*
- Ты — во мнѣ, а я — въ тебѣ.
ib. 255.
110. *Нечистый.*
- Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка;
никто его не видитъ; ничего не
говорить, по каждого страшить.
ib. 257.
111. *Будни, воскресенье, пасха.*
- Триста орловъ, пятьдесятъ соколовъ,
дерево сухое, — верхъ — золотой.
ib. 257.
112. *Великій постъ и пасха.*
- Намощенъ мостъ на семь верстъ;
по конецъ моста — красная гора.
ib. 258.
113. *Три поста.*
- Летѣли три ворона, кричали въ
три голоса, — одинъ кричить:
„Я Петръ!“ другой кричить: „Я
Филиппъ!“ третій кричить: „Я
самъ великъ!“
114. *Купель.*
- Озеро кругленько, берега узеньки;
кто въ немъ искупается — въ
царскимъ слугамъ причисляется.
ib. 260.
115. *Крестины.*
- На морѣ моринскомъ, на озерѣ озе-
ринскомъ два орла орловались,
однимъ яйцомъ подѣлялись.
ib. 259.
116. *Жизнь и смерть.*
- Кто бѣжитъ и кто гонить, — два
борца борются?
ib. 251.
117. *Смерть.*
- На горѣ горынской стоитъ дубъ са-
рацицкой; никто его не обой-
детъ: ни царь, ни царица, ни
красна дѣвица.
ib. 251.
118. *Впкъ, уробъ, смерть, люди.*
- Стоить дерево среди свѣта, на немъ
птица немилостивая: она цвѣты
срываетъ, въ яму бросаетъ, яма
полна не бываетъ и цвѣтовъ не
убываетъ.
ib. 253.

119. *Гробъ.*

Сработанъ кафтанъ не на себя, купленъ не про себя, а къмъ извошешь, тѣмъ не виданъ.

ib. 262.

120. *Похороны.*

Идутъ лѣсомъ, поютъ куролесомъ, несутъ деревянный пирогъ съ мясомъ.

ib. 261.

121. *Могила.*

Заѣдешь въ ухабъ, не выѣдешь никакъ.

ib. 263.

122. *Бумага.*

Объ уголь не разобьешь, а объ воду разобьешь.

ib. 215.

123. *Перо.*

Срѣжу голову, выну сердечко, дамъ пить, станетъ говорить.

ib. 266.

124. *Письмо.*

а) Сѣмя сѣро, руками сѣютъ, ртомъ сымаютъ.

ib. 266.

б) За моремъ дубъ горить, оттуда — искорья.

ib. 267.

125. *Книга.*

Не кустъ, а листочками; не рубашка, а сшита; не человѣкъ, а разсказываетъ.

ib. 265.

126. *Адамъ и Ева.*

а) Не родился, а умеръ.

ib. 269.

б) Невѣстой не была, а замужъ вышла.

ib. 269.

127. *Ковчегъ, голубь, отътка, Ной.*

На вольномъ свѣтѣ стоялъ вольный городъ; къ этому городу нѣтъ ни пути, ни дороги, а отъ этого города идутъ пути и дороги. Въ этомъ городѣ цѣлый миръ толнится, а за ограду ступить боится; идетъ къ нему посоль нѣмъ, несетъ грамоту неписану, даетъ читать царю неученому, — царь въ руки взялъ и все прочиталъ.

ib. 271.

128. *Лотова жена.*

Кто умеръ, да не истлѣлъ?

ib. 270.

129. *Море, жезлъ, Моисей, Фараонъ.*

Замокъ водяной, ключъ деревяной, заяць убѣжалъ, ловець утонулъ.

ib. 270.

140. *Иона.*

Плыветъ гробъ по морю, а въ немъ мертвецъ „иже херувимы“ поетъ.

ib. 271.

131. *Илія пророкъ.*

Кто родился, да не умеръ?

ib. 271.

132. *Лазарь.*

Одинъ разъ родился, а дважды померъ.

ib. 272.

133. *Тѣло Христа.*

Подали двумъ старцамъ милостыню краше царства небеснаго.

ib. 272.

134. *Четыре Евангелиста.*

Четыре орла одно яйцо снесли, и весь миръ питается.

ib. 273.

ВСѢ
КНИГИ И НОТЫ
можно выписать
черезъ
КНИЖНУЮ
ТОРГОВЛЮ
специально
для иногородныхъ
А. Я.
ПАНАФИДИНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Б. Мульинская, № 8.
Каталоги высылаются
бесплатно.

- Обиходная книжка**, содержащая: Папочныя и перенетныя работы. Формовку и въ гипса. Гальванопластику. Токарныя и плотничьи работы. Вышливание изъ дерева и цинка. Токарное искусство. Ръзная работа по дереву. Приготовление физич. приборовъ и моделей. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 15 к.
- Гоффманъ. Современная магія.** Практической руководитель къ изученію фокуснаго искусства. Съ 318 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. 3 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб. 80 к., въ переплетъ 4 р., съ перес. 4 р. 30 к.
- «Ръзвый и Ловкій».** Сборникъ подвижныхъ игръ и занятій на открытомъ воздухѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- Космосъ для юношества.** По Керберу. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.
- Сила и ловкость.** Гимнастическія упражненія для физическаго саморазвитія. 151 рис. и 8 таблицъ. Составилъ П. Литвинскій. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
- Времена года.** Сборникъ стихотвореній и статей для дѣтскаго чтенія. Составилъ С. И. Миропольскій. Съ рис. П. С. Панова. Цѣна въ переплетъ 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.
- Погода,** руководство къ ея изученію и предсказанію. Сост. П. А. Литвинскій. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.
- Наставленіе къ ловлѣ рыбъ и раковъ въ нашихъ прѣсныхъ водахъ.** Сост. М. Виноградовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.
- Календарь и записная книжка для учащихся.** Ц. 25 к., съ пер. 45 к.

б) для родителей и воспитателей.

- Бене.** Письма о воспитаніи. Перев. Кожевниковой и Ржевской. Ц. 30 к.
- Бунаковъ, П.** Концентрической учебникъ русской грамматики для русскихъ дѣтей. Курсъ 1-й. Ц. 60 к., съ пер. 75 к. Курсъ 2-й. Ц. 65 к., съ пер. 80 к. Курсъ 3-й. Ц. 75 к., съ пер. 90 к. Курсъ 4-й. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
- Янгъ Амось Коменскій.** Великая диалектика, содержащая всеобщее искусство всѣхъ учить всему. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.
- Начатки богатинки.** І. Д. Гукера. Переводъ съ англійскаго, съ измѣненіями и дополненіями. А. Ѳ. Баталина. Съ 67 рис. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
- К. Краевичъ.** Физика ежедневныхъ явленій. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 10 к.
- К. Ельницкій.** Методика начальнаго обученія отечественному языку. Для учит. семинарій и институтовъ, педагогическихъ классовъ и для начальныхъ учителей и учительницъ. Изд. 2-е. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- Кронебергъ, А.** Элемент. начала геометрическаго анализа, или такъ назыв. Новой Геометріи. Съ атласомъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Ельницкій, А. В.** Курсъ дидактики. Изд. 2-е. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.
- Соколовъ, А. Ѳ.** Методика закона Божія. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.
- Воскресенскій, А. В.** Первоначальныя уроки русской грамматики. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
- Соколовъ, А. Ѳ.** Уроки христіанскаго ученія, для начальныхъ училищъ. Ц. 40 к., съ перес. 55 к.
- Бэвъ, А.,** профессоръ. Наука воспитанія. Полный переводъ съ англійскаго. Изд. ж. «Семья и Школа». Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.
- Билибинъ, П. И.** О тригонометрическихъ функціяхъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
- Вессель, П. Х.** Профессиональныя школы и обученіе ремесламъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.
- Ельницкій, К. В.** Курсъ общей педагогикѣ. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- Воскресенскій, В.** Русская народная поэзія. Сборникъ сказокъ, былинъ, историч. и бытовыхъ пѣсенъ, обрядовъ, пословиць, загадокъ. Пособіе при изученіи русской словесности. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Обращающіеся непосредственно въ контору журнала (В. О., 15 л., д. № 8, кв. 20) и приобретающіе означенныхъ изданій на 25 р. или болѣе, пользуются бесплатной пересылкой.

ЦѢНА 1 Р. 20 К.

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

162121

Biblioteka WSP Kielce

0126927